

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Национальный
исследовательский

**Томский
государственный
университет**

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ

Russian Journal of Criminal Law

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2023

№ 21

ПАМЯТИ А.Л. РЕМЕНСОНА

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС-77 54545 от 21 июня 2013 г.
выдано Федеральной надзорной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Андреева О.И. – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Воронин О.В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, ответственный секретарь (г. Томск); **Мариничева А.Ю.** – менеджер Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, технический секретарь (г. Томск); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, главный редактор (г. Томск); **Филимонов В.Д.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Азаров В.А. – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (г. Омск); **Андреева О.И.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Ахмедшин Р.Л.** – доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Барабаш А.С.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Сибирского федерального университета (г. Красноярск); **Ведерников Н.Т.** – доктор юридических наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (г. Москва); **Голык Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва); **Головкин Л.В.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Гришко А.Я.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя (г. Москва); **Дерябин Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры организации раскрытия и расследования преступлений Омской академии МВД России (г. Омск); **Зинкин В.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии и уголовного процесса Кемеровского государственного университета (г. Кемерово); **Николюк В.В.** – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва); **Прозументов Л.М.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Самович Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (г. Кемерово); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Селиверстов В.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Смолякова И.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса института государства и права Байкальского государственного университета (г. Иркутск); **Стойко Н.Г.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминологии Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Филимонов В.Д.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Халиулин А.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Москва); **Черненко Т.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Юридического института Кемеровского государственного университета (г. Кемерово); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

МИССИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Научно-практический журнал высшей школы России «Уголовная юстиция» призван служить объединению интеллектуального потенциала научных и практических работников в обсуждении и решении актуальных проблем уголовной политики, формирования и применения законодательства о борьбе с преступностью в современных социально-политических и экономических реалиях. Особое значение приобретают региональные особенности реализации уголовной политики. Специализированные журналы такого профиля существуют, но они издаются, как правило, ведомственными вузами и научными учреждениями. Своеобразие журнала – в его направленности на обсуждение актуальных проблем уголовной политики не только специалистами – ученых и практиков, но и компетентных представителей гражданского общества, правозащитников, представителей законодательных органов власти.

В международно-правовом аспекте термин «уголовная юстиция» охватывает все стадии противодействия преступности – от ее предупреждения до исполнения наказания, поэтому журнал охотно предоставляет возможность публикаций для представителей всех наук криминального цикла. Его издатели будут рады участию в нем специалистов иных отраслей юридического знания для комплексного обсуждения рассматриваемых проблем.

Журнал включен в Перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя:

634050, РФ, г. Томск, проспект Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Юридический институт, редакция журнала «Уголовная юстиция». E-mail: crim.just@mail.ru

Сведения о журнале можно найти на сайте в сети Интернет: <http://journals.tsu.ru/crimjust/>

Электронную версию журнала «Уголовная юстиция» смотрите: <http://www.elibrary.ru>

Издательство: Издательство Томского государственного университета

Редактор Ю.П. Готфрид; редактор-переводчик В.В. Кашпур; оригинал-макет А.И. Лелююр; дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано в печать 13.07.2023 г. Формат 60х80^{1/8}. Печ. л. 19,7. Усл.-печ. л. 18,3. Тираж 500 экз. Заказ № 5526. Цена свободная.

Дата выхода в свет 20.07.2023 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательства Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия.
Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТИ А.Л. РЕМЕНСОНА

Уткин В.А. О роли личности в истории науки (Александр Львович Ременсон)	6
Селиверстов В.И. Еще раз о целях наказания в свете учения А.Л. Ременсона	13
Шеслер А.В., Шеслер С.С. Значение идей А.Л. Ременсона об уголовном наказании для науки уголовного права и уголовного законодательства	19
Детков А.П. Социально-нравственные проблемы уголовного наказания в виде лишения свободы в научных трудах профессора А.Л. Ременсона	25
Прокументов Л.М. Проблемы использования частнонаучных терминов в действующем уголовном законодательстве	29
Тепляшин П.В. Воспитательная работа с осужденными, отбывающими лишение свободы, в контексте коммуникативной теории наказания	34
Антонов А.Г. К вопросу о видах иных мер уголовно-правового характера	39
Миняева Т.Ф., Добряков Д.А. Некоторые проблемы законодательной регламентации и применения штрафа в уголовном праве России	43
Гришко А.Я. Криминологическая преюдиция в уголовном и уголовно-исполнительном праве	49
Грушин Ф.В. Исправительные работы – новое наказание со старым названием (обоснование и содержание)	53
Крымов А.А., Скиба А.П. Вопросы, разрешаемые в стадии исполнения приговора, во внесудебном порядке: межотраслевые аспекты	58
Ольховик Н.В. Содержание непенитенциарного режима	64
Пропостин А.А. Современная прогрессивная система исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера: элементы и факторы	69
Савушкин С.М. Карательно-воспитательный процесс: ошибки восприятия	76
Антонов Т.Г. К вопросу о выделении правовой категории «уголовно-исполнительное принуждение»	81
Воронин О.В. Участие прокурора в судебном разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, как одно из направлений реализации пенитенциарного надзора	85
Усеев Р.З. Уголовно-исполнительная правоприменительная деятельность исправительных учреждений: проблема выражения прав, обязанностей и иных смежных категорий в систематизированном виде в законах и подзаконных нормативно-правовых актах	89
Новиков Е.Е. О некоторых проблемах уголовно-правового регулирования применения поощрительных институтов в отношении лиц, лишенных свободы	94
Храмов А.А. К вопросу методологии определения институтов уголовно-исполнительного права	103
Чубраков С.В. О системности средств принуждения в механизме обеспечения уголовно-исполнительных предписаний	109
Валеев М.Т. Проблемы конструирования санкций за преступления коррупционной направленности	118
Лядов Э.В. Назначение уголовного наказания в разрезе судебского усмотрения	121
Агабекян А.Л. Учет частных интересов при применении наказаний по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Армения	129
Трофимов Д.О. Наказание за преступления, совершенные при особых военных обстоятельствах, по законодательству стран СНГ	133
Ткач А.С. Некоторые аспекты взаимосвязи сроков в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве	138
Степура В.П. Проблемы юридической ответственности осужденных, отбывающих наказание в виде ограничения свободы, подозреваемых (обвиняемых) за уничтожение или повреждение устройств системы электронного мониторинга подконтрольных лиц	143
Кузьмин С.И., Чуканова Е.С. Роль Всероссийского съезда пенитенциарных работников 1923 г. в формировании исправительно-трудовой политики РСФСР	150

CONTENTS

IN MEMORY OF ALEKSANDR L. REMENSON

Utkin V.A. On the role of personality in the history of science (Aleksandr L. Remenson)	6
Seliverstov V.I. Aleksandr L. Remenson's ideas of the purposes of punishment revisited	13
Shesler A.V., Shesler S.S. The significance of Aleksandr L. Remenson's ideas on criminal punishment for criminal law science and criminal legislation	19
Detkov A.P. Socio-moral problems of imprisonment in Professor Aleksandr L. Remenson's works	25
Prozumentov L.M. Problems of the use of specific scientific terms in current criminal legislation	29
Teplyashin P.V. Educational work with convicts serving imprisonment in terms of the communicative theory of punishment	34
Antonov A.G. On types of other criminal justice response	39
Minyazeva T.F., Dobryakov D.A. Some problems of legislative regulation and application of fine in Russian criminal law	43
Grishko A.Ya. Criminological prejudgment in criminal and penal law	49
Grushin F.V. Correctional labor – a new punishment with the old name (rationale and content)	53
Krymov A.A., Skiba A.P. Issues resolved at the stage of sentence execution, in pairs: Inter-branch aspects (problem statement)	58
Olkhovik N.V. Content of the non-penitentiary regime	64
Propostin A.A. Modern progressive system of execution of punishments and other sanctions of criminal legal response: Elements and factors	69
Savushkin S.M. The punitive-educational process: Errors of perception	76
Antonov T.G. On isolating the legal category "penal coercion"	81
Voronin O.V. The prosecutor's participation in the judicial resolution of issues related to the execution of the sentence as one of the directions of penitentiary supervision	85
Useev R.Z. Penal law enforcement activities of correctional institutions: The problem of expressing rights, duties and other related categories in a systematized way in laws and by-laws	89
Novikov E.E. On some problems of criminal law regulation of the use of incentive institutions in relation to persons deprived of liberty	94
Khramov A.A. On a methodology for determining the institutions of penal law	103
Chubraikov S.V. On the systemic nature of the means of coercion in the mechanism for ensuring penal orders	109
Valeev M.T. Problems of designing sanctions for corruption crimes	118
Lyadov E.V. Imposition of criminal punishment in the context of judicial discretion	121
Agabekyan A.L. Account of private interests in the application of punishments under the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Armenia	129
Trofimov D.O. Punishment for crimes committed under special military circumstances according to the legislation of the CIS countries	133
Tkach A.S. Some aspects of the relationship of terms in criminal, criminal procedural and penal legislation	138
Stepura V.P. Problems of legal liability of convicts serving a sentence in the form of restriction of liberty and suspected (accused) persons for destroying or damaging devices of the electronic monitoring system of controlled persons	143
Kuzmin S.I., Chukanova E.S. The role of the 1923 All-Russian Congress of Penitentiary Workers in the formation of the correctional labor policy of the RSFSR	150

**Профессор Александр Львович Ременсон
(1923–1985)**

ПАМЯТИ А.Л. РЕМЕНСОНА

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/21/1

О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ НАУКИ (АЛЕКСАНДР ЛЬВОВИЧ РЕМЕНСОН)

Владимир Александрович Уткин¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск Россия, crim.just@mail.ru*

Аннотация. Освещаются основные этапы жизни и профессиональной деятельности выдающегося отечественного пенитенциариста, основателя «томской школы» уголовно-исполнительного права профессора А.Л. Ременсона. Раскрываются основные особенности его научного творчества и научно-педагогической деятельности, значение ряда содержащихся в его работах теоретических выводов и предложений для совершенствования отечественного законодательства об исполнении уголовных наказаний как в советский период, так и в нынешних условиях. Показана непреходящая ценность теоретических подходов А.Л. Ременсона для современной науки уголовно-исполнительного права. Освещаются основные достижения основанной им научной школы за последние десятилетия.

Ключевые слова: наука уголовно-исполнительного права, исполнение лишения свободы, предупреждение рецидива преступлений

Для цитирования: Уткин В.А. О роли личности в истории науки (Александр Львович Ременсон) // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 6–12. doi: 10.17223/23088451/21/1

Original article

doi: 10.17223/23088451/21/1

ON THE ROLE OF PERSONALITY IN THE HISTORY OF SCIENCE
(ALEKSANDR L. REMENSON)

Vladimir A. Utkin¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, crim.just@mail.ru*

Abstract. Professor Aleksandr L. Remenson's scientific works are practically devoid of "legal positivism" that can be reduced to a simple description of normative acts and departmental statistics. Neither do they contain outwardly "revolutionary" scientese legal constructions and "newspeak", which, unfortunately, are found in the works by some researchers who claim to create their own "schools." In fact, "punitive-educational process" is the only scientific term introduced by Remenson that resulted from a thorough theoretical insight to be subsequently used in the educational and scientific literature. Nowadays the term can be found in the legislation as the principle of "combining punishment with correction" (Art. 8 of the Penal Code of the Russian Federation). Figuratively speaking, unable to develop science broadwise in the socio-political situation of the 1960s – 1980s, Remenson successfully penetrated to the core of the subject by focusing on theoretical and legal, social and humanitarian, philosophical and ethical problems of criminal punishment, and, especially, its execution. Due to his outstanding mind, broad outlook, and great expertise, Remenson created works, most of which, though written about half a century ago in other socio-political conditions, have not lost their practical value to this day. His highest scientific merit is the introduction and theoretical underpinning of the category "punitive-educational process" as a complex implementation of punishment and associated non-punitive (not included in its content) measures of correctional labor and special warning. Moreover, these measures can be applied not only during the execution of imprisonment, but also in other legal cases, with other punishments, probation and after release from prison (in the process of social adaptation of the released). This standpoint can be found in the Soviet Corrective Labor Law (Article 4 of the Penal Code of the RSFSR) and in the Penal Legislation of the Russian Federation. Art. 8 of the the Penal Code of the Russian Federation, as mentioned above, provides for "combining punishment with correction" among the principles of penal legislation.

Keywords: science of penal law, execution of imprisonment, prevention of recidivism

For citation: Utkin, V.A. (2023) On the role of personality in the history of science (Aleksandr L. Remenson). *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 6–12. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/1

Отмечаемое в этом году 125-летие Юридического института (факультета) Томского государственного университета совпадает со 100-летием со дня рождения

одного из тех его «отцов-основателей», которые в первые послевоенные годы определили его облик как ведущего юридического учебного заведения на Востоке

страны. Это выдающийся ученый и ветеран Великой Отечественной войны, заслуженный юрист РСФСР, доктор юридических наук, профессор Александр Львович Ременсон.

Жизнь А.Л. Ременсона во многом типична для представителей его поколения. Трудовую деятельность он начал в 1941 г. Шофер, курсант Каспийского высшего военно-морского училища, Александр Львович в 1942 г. ушел на фронт добровольцем. Сражался в боях с немецко-фашистскими захватчиками на Северном Кавказе в составе отдельной бригады морской пехоты. В грозную пору лета и осени 1942 г. в числе других защитников Кавказа курсанты-моряки своими героическими действиями сорвали попытки отборных частей гитлеровской армии прорваться в Закавказье. В этих боях А.Л. Ременсон был тяжело ранен и контужен. Его личное мужество было отмечено медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа».

После демобилизации в связи с тяжелым ранением и контузией А.Л. Ременсон – студент Азербайджанского, а затем Ленинградского университетов – решил посвятить свою жизнь борьбе с преступностью. Уже на студенческой скамье молодой фронтовик проявил незаурядные научные способности и после окончания университета продолжил обучение в аспирантуре под научным руководством другого фронтовика – бывшего военного прокурора Ленинградского фронта, видного ученого в области уголовного права, профессора М.Д. Шаргородского.

Инвалидность в связи с тяжелым ранением не помешала А.Л. Ременсону написать и блестяще защитить кандидатскую (1951 г.), а впоследствии и докторскую (1965 г.) диссертации.

Научно-педагогическую деятельность А.Л. Ременсон начал в 1951 г. в Томском государственном университете, где, пройдя путь от ассистента до профессора, заведующего кафедрой, он сыграл огромную роль в воссоздании первого в Сибири юридического факультета. Наряду с преподаванием уголовного права А.Л. Ременсон одним из первых в стране разработал и преподавал курс исправительно-трудового (ныне – уголовно-исполнительного) права.

Более тридцати лет своей жизни А.Л. Ременсон посвятил юридическому факультету ТГУ, возглавляя вначале кафедру уголовного права и процесса, затем (с 1962 г.) заведя кафедрой уголовного и исправительно-трудового права, а с 1978 г. – кафедрой исправительно-трудового права и криминологии.

Благодаря его инициативе, научному и общественному авторитету, в Томском университете в 1972 г. была создана первая в стране вузовская проблемная научно-исследовательская лаборатория по вопросам борьбы с рецидивной преступностью в Сибири, бесменным научным руководителем которой он являлся.

Определяющую роль А.Л. Ременсон сыграл в открытии в 1981 г. и становлении Томской школы усовершенствования начальствующего состава лесных исправительно-трудовых учреждений ГУЛИТУ МВД СССР (ныне – Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России). Помимо отмеченных

выше боевых наград, профессор А.Л. Ременсон за его трудовые заслуги и общественную деятельность был удостоен почетного звания «Заслуженный юрист РСФСР», награжден орденом «Знак Почета», медалью «За освоение целинных земель», почетным знаком Минвуза СССР и другими наградами.

Основатель научного направления, известного далеко за пределами Сибири как «томская школа исправительно-трудового права», профессор А.Л. Ременсон опубликовал более ста научных работ, снискавших ему заслуженный авторитет среди ученых и практиков.

Несмотря на то, что перу А.Л. Ременсона принадлежит большое число научных статей, он так и не успел написать и опубликовать монографию. Этот пробел был частично восполнен его учениками, подготовившими к 80-летию со дня его рождения сборник избранных трудов [1]. Вместе с тем докторская диссертация А.Л. Ременсона «Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных», блестяще защищенная в 1965 г. в Уральском государственном университете, представляла собой фундаментальный труд, где не только были отражены и проанализированы основные существовавшие в тот период проблемы теории и практики советского исправительно-трудового права, но и предсказано многое из того, что ныне реализуется законодателем и уголовно-исполнительной системой.

Профессор А.Л. Ременсон как авторитетный ученый и блестящий педагог умел не только выдвигать и убедительно аргументировать научные положения, свою позицию, но и создавать вокруг себя творческую атмосферу, генерируя научные идеи и щедро делясь ими с учениками.

Под руководством А.Л. Ременсона были защищены 26 кандидатских диссертаций. Представителями «томской школы», получившими от него «путевку в жизнь», были глубоко изучены история исправительно-трудовых учреждений Сибири (А.С. Кузьмина), проблемы режима исполнения лишения свободы и средств его обеспечения (А.В. Дымерский, К.В. Мазняк, Е.М. Захцер, А.С. Бессонов, Г.А. Радов, В.Г. Швыдкий), индивидуализации карательно-воспитательного процесса (Ю.Ф. Кардополов), реализации принципов исправительно-трудового права (В.А. Уткин, Ю.К. Якимович), предупреждения преступлений как в местах лишения свободы, так и после освобождения (А.В. Усс, О.В. Филимонов, А.С. Бондаренко, Т.Г. Черненко, А.К. Музеник, Н.В. Щедрин), и индивидуализация исполнения лишения свободы (В.В. Тирский, Л.М. Прозументов, М.А. Дугов, Н.К. Дорофеев).

Примечательно, что из 26 подготовленных профессором А.Л. Ременсоном кандидатов юридических наук девять, т.е. более чем каждый третий, впоследствии стали докторами наук. Согласно наукометрическим показателям, в среднем лишь из каждых 10–12 кандидатов наук один защищает докторскую диссертацию. Поэтому приведенные выше данные убедительно говорят о выдающихся способностях А.Л. Ременсона по отбору и воспитанию учеников.

Высокий научный авторитет «томской школы» исправительно-трудового (уголовно-исполнительного пра-

ва) позволил ее представителям принять активное участие в разработке нового законодательства об исполнении уголовных наказаний. По поручению Верховного Совета РСФСР в начале 1990-х гг. авторский коллектив ученых сибирских вузов под руководством профессора В.А. Уткина разработал проект альтернативного Исправительно-трудового кодекса РФ. В дальнейшем представители научной школы (В.А. Уткин, Н.И. Ланкин) активно участвовали в подготовке новой кодификации уголовно-исполнительного законодательства. Их перу принадлежит ряд статей действующего УИК РФ.

Ученик А.Л. Ременсона профессор А.Л. Зубков и его ученик В.И. Селиверстов в свою очередь представили альтернативную версию проекта Основ уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации [2].

В 1995–1996 гг. профессор В.Д. Филимонов и профессор В.И. Селиверстов осуществляли фактическое руководство непосредственной подготовкой окончательного варианта проекта УИК РФ. В 1996 г. В.Д. Филимонов, будучи депутатом Государственной Думы РФ, совместно с депутатом В.И. Илюхиным внес проект УИК РФ на рассмотрение Государственной Думы РФ, в результате чего уже в декабре 1996 г. он стал законом.

С середины 1990-х гг. берет начало тесное сотрудничество «томской школы» с международной организацией Penal Reform International (PRI). При ее поддержке в 2001–2003 гг. «томская школа» уголовно-исполнительного права осуществляла научное руководство международным проектом «Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации», проводимым во взаимодействии с ГУИН МЮ РФ в трех регионах России. В результате научного развития данного направления, осуществляемого под общим руководством профессоров В.А. Уткина, Л.М. Прокументова и с активным участием профессора В.Д. Филимонова, аспирантами и соискателями кафедры были защищены следующие кандидатские диссертации: К.Н. Шутов – конфискация имущества (2000 г.), Д.В. Карелин – принудительные меры воспитательного воздействия (2001 г.), Н.В. Ольховик – условное осуждение (2003 г.), Е.С. Литвина – лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (2003 г.), С.В. Чубраков – обязательные работы (2004 г.), С.С. Уткина – штраф (2004 г.), А.Н. Смирнов – исправительные работы (2007 г.), А.А. Пропостин – (2010 г.), М.Т. Валеев (2005 г.) и др. Опубликовано целый ряд серьезных монографических изданий [3–11].

Благодаря высокому уровню исследований, научному авторитету, тесной связи с практикой, учебными заведениями и научными учреждениями, «томская школа», продолжая дело ее основателя, признается одной из ведущих в России в этой отрасли юридических знаний [3. С. 28–29; 4. С. 584, 587; 12; 13. С. 83–85].

Как и его наставник, профессор М.Д. Шаргородский, А.Л. Ременсон был приверженцем «классической» теории наказания, отстаивая и развивая идеи таких отечественных пенологов и пенитенциаристов, как

С.В. Познышев, С.П. Мокринский, А.А. Жижиленко, И.Я. Фойницкий, М.Н. Гернет. Составляющая круг его научных интересов проблематика исполнения наказаний именно как юридическая (в отличие от превалировавшей ранее проблематики «тюрьмоведения» или пенитенциарного дела) в конце 1950-х – начале 1960-х гг. была объективно востребована партийно-государственной политической линией на восстановление законодательных основ уголовно-исполнительной деятельности на «фоне» преодоления наиболее одиозных сторон ГУЛАГа. Она приобрела особую актуальность с принятием общесоюзного Закона о прокуратуре (1955 г.), общесоюзных Основ уголовного законодательства (1958 г.) и республиканских уголовных кодексов (УК РСФСР 1960 г.). Наряду с такими коллегами-фронтальниками, как Н.А. Беляев, Н.А. Стручков, Ю.М. Ткачевский и другими, А.Л. Ременсон заложил концептуальные основы отечественного исправительно-трудового законодательства на принципах гуманизма и законности. И в этом его роль в науке далеко не сводится лишь к созданию «томской школы» исправительно-трудового права.

При оценке научного творчества и вклада А.Л. Ременсона и его современников, разумеется, нельзя обойти особенности реальной социально-политической обстановки в стране в 1960–1980-е гг., включая упомянутое выше и непреодоленное до конца наследие ГУЛАГа, цензуру в научных изданиях и предписанные свыше политико-идеологические парадигмы.

Традиционная изолированность исправительно-трудовой системы от общества, помимо прочего, проявилась в закрытости статистических данных, невозможности проведения в исправительно-трудовых учреждениях объемных социологических исследований, в большом числе подзаконных нормативных правовых актов и специальной литературы с ограниченными грифами. Практически любые цифровые данные о состоянии дел в исправительно-трудовых учреждениях либо ссылки на конкретные приказы МВД СССР влекли автоматическое присвоение научному изданию как минимум грифа «Для служебного пользования», а следовательно, невозможность ознакомления с ними широкой научной общественности. Им обладали, в частности, и научные сборники трудов сотрудников упомянутой выше проблемной лаборатории, а также соответствующие научные издания ВНИИ МВД и большая часть работ Высшей школы МВД СССР. Даже кандидатская диссертация автора этих строк, вроде бы, на «безобидную» тему «Соединение уголовного наказания с мерами исправительно-трудового воздействия – принцип советского исправительно-трудового права» по аналогичной причине в 1981 г. защищалась в диссертационном совете с ограниченным грифом и в особом порядке. И уж, конечно, нельзя было и мечтать о широкомасштабных переписях осужденных с открытой публикацией их результатов.

Понятно, что зарубежный опыт исполнения наказания, если он не принадлежал «странам социалистического лагеря», мог в силу идеологических причин описываться исключительно негативно, а существующие в

тот период международные стандарты, мягко говоря, не пропагандировались. Достаточно сказать, что первое в СССР издание Минимальных стандартных правил обращения с заключенными 1955 г. было предпринято в начале 1960-х гг. Академией (тогда – Высшей школой) МВД СССР с грифом «Для служебного пользования».

Однако нет худа без добра. Возможно, и по этой причине научные труды профессора А.Л. Ременсона практически лишены «юридического позитивизма», сводимого к простому описанию нормативных актов и изложению ведомственной статистики. Нет в них и внешне «революционных» наукообразных правовых конструкций и юридического «новояза», которые, к сожалению, встречаются в научных изысканиях отдельных современных авторов, претендующих в том числе на создание собственных «научных школ». По сути, единственный введенный А.Л. Ременсоном научный термин «карательно-воспитательный процесс» стал результатом основательной теоретической разработки, широко использованной впоследствии в учебной и научной литературе и ныне отражен в законодательстве в виде принципа «соединения наказания с исправительным воздействием (ст. 8 УИК РФ)». Образно говоря, в конкретной социально-политической обстановке 1960–1980-х гг. ограниченные рамки научного движения «вширь» профессор А.Л. Ременсон удачно компенсировал движением «вглубь» изучаемого предмета, сосредоточиваясь на глубоких теоретико-правовых, социально-гуманитарных, философско-этических проблемах уголовного наказания и особенно его исполнения. Незаурядный ум, широкий кругозор, огромная эрудиция способствовали тому, что большинство его работ, написанных около полувека назад в иных социально-политических условиях, не утратили значения и поныне, причем отнюдь не как «памятники» науки.

Анализируя закрепленные в УК РСФСР 1960 г. цели наказания («исправление и перевоспитание виновного, предупреждение совершения новых преступлений как ими, так и другими лицами»), А.Л. Ременсон решительно отрицал постановку перед наказанием цели кары. По его мнению, кара – это сущность наказания, состоящая в возмездном причинении виновному страданий, психологических переживаний за совершенное преступление. При этом термин «возмездие» может быть с пользой употреблен для характеристики ряда специфических особенностей наказания, отличающих его от целого ряда других мер принуждения (принудительное лечение, предварительное заключение и т.д.) [1. С. 17]. Возмездный характер наказания позволяет четко отличить его от целого ряда мер принудительного воздействия, применяемых к преступникам в связи с совершением преступления (но не за совершение преступления) и не являющихся карой (привлечение осужденных к труду, возложение на них отдельных обязанностей и запретов предупредительного характера и др.).

В этой связи А.Л. Ременсон убедительно критиковал научные позиции сторонников так называемого сложного состава наказания, полагавших, что помимо сугубо карательных ограничений последнее включает в

себя труд, обучение, политико-воспитательную работу [1. С. 54–55]. Вместе с тем автор не исключал, а признавал и обосновывал собственное, самостоятельное, хотя и ограниченное, воспитательное (исправительное) значение самой уголовно-правовой кары, иными словами, наказания как такового. В своих работах он убедительно показывал, что связанное с отбыванием (претерпеванием) наказания «испытание страданий, само по себе не способное породить новых мыслей, новых взглядов, вместе с тем способно приводить к образованию нового сознания, действуя как “восстановитель” положительного сознания, находившегося под спудом, и как “катализатор”, резко ускоряющий развитие нравственного сознания» [1. С. 58].

В ходе дискуссии о содержании цели исправления профессор А.Л. Ременсон обоснованно выступал против крайностей в ее трактовке. С одной стороны, против понимания исправления преступника как превращение его в активного «строителя коммунизма», характеризующегося передовыми взглядами и общественной активностью. С другой – против исправления как простого устрашения, так называемого юридического исправления. И хотя в своей работе он по указанным выше причинам не мог использовать текст Минимальных стандартных правил ООН 1955 г., его главный вывод в этой части был вполне созвучен ст. 58 Правил: «Этой цели можно добиться только в том случае, если по отбытии срока заключения и по возвращению к нормальной жизни в обществе правонарушитель оказывается не только готовым, но и способным подчиняться законодательству и обеспечить свое существование». «Сведение исправления осужденного к его обезвреживанию, – писал А.Л. Ременсон, – может оказаться равносильным отказу от исправления. Исправление преступника – это не просто обезвреживание его, и превращение его полезного члена общества, способного к честной трудовой жизни» [1. С. 37]. «Задача ИТУ, – писал он, – может считаться достигнутой, когда осужденный подготовлен к сознательному и добровольному соблюдению элементарных требований социалистического общества, когда в нем воспитана прочная привычка к соблюдению этих элементарных требований» [1. С. 38]. Принципиально важно, что с этим А.Л. Ременсон считал основанной (хотя на практике не всегда достижимой) постановку цели исправления всех преступников, кроме осужденных к смертной казни.

Противоречивость социально-этической сущности и содержания наказания ученый усматривал в лишении осужденных благ, объективно представляющих собой ценность не только для осужденных, но и для наказывающего его общества. Поэтому, с одной стороны, наказание выступает как добро, обеспечивая исправление виновного и безопасность общества, а с другой – как вынужденное зло, ибо представляет собой ограничение определенных общественных ценностей и потребностей и соответствующих общественным интересам личных ценностей и потребностей. Данная особенность наказания предопределяет закрепление в уголовном и исправительно-трудовом (уголовно-исполни-

тельном) праве принципа экономии репрессии (карательных средств) [1. С. 7, 50]. Эти две стороны нравственной оценки наказания, по мнению А.Л. Ременсона, «выражают, с одной стороны, его целесообразность и необходимость, а с другой – всяческое стремление обойтись без него везде, где это только возможно, и вместе взятые – его характер вынужденного зла, используемого для торжества правды и поэтому являющегося добром» [1. С. 49].

Несомненной научной заслугой А.Л. Ременсона является выдвижение и теоретическое обоснование им категории «карательно-воспитательного процесса» как комплексной реализации наказания и соединенных с ним некарательных (не входящих в его содержание) мер исправительно-трудового воздействия и специального предупреждения [1. С. 38]. Причем данные меры в принципе возможны не только при исполнении наказания в виде лишения свободы, но и в случаях, предусмотренных законом, при иных наказаниях, условном осуждении, а также после освобождения из мест лишения свободы (в процессе социальной адаптации освобожденных).

Данная позиция нашла отражение в советском исправительно-трудовом законодательстве (ст. 4 ИТК РСФСР) и в уголовно-исполнительном законодательстве России. Статья 8 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, как указывалось выше, предусматривает в числе принципов уголовно-исполнительного законодательства «соединение наказания с исправительным воздействием».

«Деятельность ИТУ, – указывал А.Л. Ременсон, – должна оцениваться в прямой зависимости от того, сколько процентов лиц, освобожденных из ИТУ области/края/автономной республики), из каждого данного ИТУ вновь совершили преступления». При этом еще в 1965 г. он предлагал «завести общесоюзный учет, который позволил бы точно определять уровень работы по перевоспитанию заключенных...» [1. С. 38]. Эта идея была реализована в Советском Союзе после принятия общесоюзного и республиканского исправительно-трудового законодательства. К сожалению, система общегосударственного (межведомственного) учета рецидива преступлений, разрушенная в начале 1990-х гг., до сих пор не восстановлена, хотя данное направление ныне предусмотрено в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. В то же время представители «томской школы» успешно изучают рецидив преступлений путем проведения масштабных конкретно-социологических исследований [14–17].

Еще в 1960 г., т.е. задолго до принятия общесоюзных Основ (1969 г.) и республиканских кодексов (1970–1971 гг.), профессор А.Л. Ременсон отстаивал необходимость принятия единого общесоюзного, а значит, и республиканских, законодательных актов об исполнении всех видов наказания и исправлении всех осужденных, а не только приговоренных к наказаниям исправительно-трудового характера. При этом, по его мнению, в таком законодательном акте «должны получить закрепление все виды основные формы участия общественности в перевоспитании преступников, по-

ложительно зарекомендовавшие себя на практике» [1. С. 17]. Как известно, законодатель в тот период не прислушался к предложениям о принятии всеобъемлющего закона об исполнении уголовных наказаний, оставаясь на позициях выделения лишь «связанных с мерами исправительно-трудового воздействия на осужденных». Вместе с тем в ст. 9 ИТК РСФСР был закреплён такой принцип, как «участие общественности в исправлении и перевоспитании осужденных». Весьма созвучными идеям А.Л. Ременсона оказались положения вышедшего тремя десятилетиями позже авторитетного международного документа – Стандартных минимальных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийских правил). Так, ст. 17.1 Правил, именуемая «Участие общественности», определяет, что «следует поощрять участие общественности, поскольку в нем заложены большие возможности» [18. С. 186]. Идеи А.Л. Ременсона в контексте перспектив предупреждения рецидива преступлений при альтернативных наказаниях получили отражение и обоснование в докторской диссертации и монографиях автора этих строк [19, 20]. Однако в уголовно-исполнительном законодательстве России большую часть этих положений в тот период реализовать не удалось, и даже общественные наблюдательные комиссии были воссозданы (в ином, нежели ранее, виде) лишь в 2008 г. Участие общественности в реализации уголовно-исполнительной политики, к сожалению, не нашло отражения в числе принципов уголовно-исполнительного законодательства. Вместо него в ст. 8 УИК РФ оказался закреплённым весьма спорный, на наш взгляд, в данном контексте принцип «демократизма». Тем не менее развитие общественно-политической активности граждан, в том числе отраженное ныне в Конституции, стремление государства к развитию волонтерской деятельности позволяют судить о том, что данный процесс имеет свое будущее, адаптированное к современным реалиям.

А.Л. Ременсон выступал категорически против оценки труда осужденных в местах лишения свободы как карательного, полагая, что наряду с особыми условиями трудовой деятельности осужденных, регулируемые исправительно-трудовым правом, основные условия их труда реализуются трудовым правом, и в процессе труда осужденных «складываются специфические трудовые правоотношения» [1. С. 41]. Такой подход позволяет глубже дифференцировать методы правового регулирования труда осужденных, способствовать повышению их позитивно направленной трудовой и общественной активности. Данные исходные положения определили концептуальные основы проводимого под научным руководством А.Л. Ременсона, но завершённого уже после его кончины практического эксперимента по повышению трудовой и общественной активности осужденных в ИТУ на основе коллективных (бригадных) форм стимулирования их труда [1. С. 82, 85; 9–11; 21].

Выступая за проведение общесоюзной кодификации законодательства об исполнении уголовных наказаний, А.Л. Ременсон, тем не менее, считал исправительно-трудовое право не самостоятельной, а ком-

плексной отраслью права [1. С. 46]. Существенные основания для такого вывода имелись потому, что в тот период ИТК РСФСР не включал в свой предмет исполнения всех наказаний, и правовые основы были весьма неоднородны. Дополнительные аргументы автор усматривал в том, что подобный подход требует выхода за пределы сугубо императивного метода правового регулирования, так как тем самым создается возможность в правоприменительной деятельности руководствоваться принципами соответствующих отраслей права. И хотя точка зрения А.Л. Ременсона впоследствии не нашла подтверждения в законодательстве,

использование максимально широкого и дифференцированного круга средств правового регулирования сфер уголовно-исполнительных отношений остается актуальной задачей науки и законодателя.

Наконец, А.Л. Ременсон решительно выступал против волюнтаризма в исправительно-трудовой (уголовно-исполнительной) политике, отмечая, что «рост субъективного фактора в ней должен выражаться не в игнорировании объективных законодателей, а глубоким их познанием и действиями в соответствии с ними [1. С. 47]. Едва ли нужно доказывать, что и в современных условиях эти слова далеко не утратили актуальности.

Список источников

1. Ременсон А.Л. Избранные труды (к 80-летию со дня рождения). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 100 с.
2. Zubkov A.I., Seliverstov V.I. Основы уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. Рязань : РВМ МВД СССР, 1991. 105 с.
3. Уткин В.А. Альтернативные санкции в России: состояние, проблемы, перспективы. М. : PRI, 2013. 126 с.
4. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2018. 240 с.
5. Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 142 с.
6. Прокументов Л.М. Права несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных учреждениях. Томск, 2007. 146 с.
7. Валеев М.Т. Свойства уголовного наказания в свете теории пенализации. Томск : Изд-во НТЛ, 2016. 168 с.
8. Чубраков С.В. Уголовное наказание в виде обязательных работ. Томск : Изд-во НТЛ, 2005. 220 с.
9. Чубраков С.В. Проблемы принципов в уголовно-исполнительном праве: история и современность. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2015. 128 с.
10. Уткина С.С. Уголовное наказание в виде штрафа. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 166 с.
11. Проппин А.А. Конфискация имущества: прошлое, настоящее и будущее. М. : Юрлитинформ, 2011. 264 с.
12. Уголовно-исполнительное право. М. : Норма, 2023. 464 с.
13. Уголовно-исполнительное право. М. : Юрлит, 2010. 430 с.
14. Городнянская В.В. Постпенитенциарный рецидив. М. : Юрлитинформ, 2012. 170 с.
15. Дроздов И.С. Рецидив преступлений при осуждении без лишения свободы. М. : Юрлитинформ, 2021. 240 с.
16. Прокументов Л.М., Ольховик Н.В. Рецидивная преступность осужденных несовершеннолетних и ее предупреждение. Томск : Изд-во ТГУ, 2011. 182 с.
17. Проблемы теории и практики повышения трудовой и общественной активности осужденных. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. 160 с.
18. Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 1992. 376 с.
19. Уткин В.А. Правовые основы участия общественности и трудовых коллективов в предупреждении рецидива преступлений. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. 224 с.
20. Уткин В.А., Филимонов О.В., Музеник А.К. Условное осуждение и отсрочка исполнения приговора. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. 176 с.
21. Уголовно-исполнительное право России. Теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика : учеб. для вузов. М. : Норма, 2006. 720 с.

References

1. Remenson, A.L. (2003) *Izbrannye trudy (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Selected Works (On His 80th Birthday)]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Zubkov, A.I. & Seliverstov, V.I. (1991) *Osnovy ugovolno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Fundamentals of the Penitentiary Law of the Russian Federation]. Ryazan: USSR Ministry of Internal Affairs.
3. Utkin, V.A. (2013) *Al'ternativnye sanktsii v Rossii: sostoyanie, problemy, perspektivy* [Alternative Sanctions in Russia: State, Problems, Prospects]. Moscow: PRI.
4. Utkin, V.A. (2018) *Problemy teorii ugovolnykh nakazaniy* [Problems of the Theory of Criminal Sanctions]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Prozumentov, L.M. (2013) *Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya deyaniy* [Criminalization and Decriminalization of Acts]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Prozumentov, L.M. (2007) *Prava nesovershennoletnikh osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazanie v vospitatel'nykh uchrezhdeniyakh* [The Rights of Juvenile Convicts Serving Sentences in Educational Institutions]. Tomsk: [s.n.].
7. Valeev, M.T. (2016) *Svoystva ugovolnogo nakazaniya v svete teorii penalizatsii* [Properties of Criminal Sanctions in the Light of the Theory of Penalization]. Tomsk: NTL.
8. Chubakov, S.V. (2005) *Ugovolnoe nakazanie v vide obyazatel'nykh rabot* [Criminal sanctions in the form of compulsory community service]. Tomsk: NTL.
9. Chubakov, S.V. (2015) *Problemy printsipov v ugovolno-ispolnitel'nom prave: istoriya i sovremennost'* [Problems of Principles in Penitentiary Law: History and Modernity]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Utkina, S.S. (2004) *Ugovolnoe nakazanie v vide shtrafa* [Penalty in the Form of a Fine]. Tomsk: Tomsk State University.

11. Propostin, A.A. (2011) *Konfiskatsiya imushchestva: proshloe, nastoyashchee i budushchee* [Seizure of Property: Past, Present and Future]. Moscow: Yurlitinform.
12. Seliverstov, V.I., Geranin, V.V., Zubarev, S.M. & Kazakova, V.A. (2023) *Ugolovno-ispolnitel'noe parvo* [Penitentiary Law]. Moscow: Norma.
13. Zubarev, S.M. (2010) *Ugolovno-ispolnitel'noe parvo* [Penal Law]. Moscow: Yurlit.
14. Gorodnyanskaya, V.V. (2012) *Postpenitentsiarnyy retsidiv* [Post-penitentiary relapse]. Moscow: Yurlitinform.
15. Drozdov, I.S. (2021) *Retsidiv prestupleniy pri osuzhdenii bez lisheniya svobody* [Recidivism of crimes upon conviction without imprisonment]. Moscow: Yurlitinform.
16. Prozumentov, L.M. & Olkhovik, N.V. (2011) *Retsidivnaya prestupnost' osuzhdennykh nesovershennoletnikh i ee preduprezhdenie* [Recidivism of convicted juveniles and its prevention]. Tomsk: Tomsk State University
17. Anon. (1987) *Problemy teorii i praktiki povysheniya trudovoy i obshchestvennoy aktivnosti osuzhdennykh* [Problems of the theory and practice of increasing the labor and social activity of convicts]. Tomsk: Tomsk State University.
18. UNO. (1992) *Sbornik standartov i norm Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy v oblasti preduprezhdeniya i ugolovnoy pravosudiya* [Compendium of United Nations Standards and Norms in Prevention and Criminal Justice]. New York: UNO.
19. Utkin, V.A. (1990) *Pravovye osnovy uchastiya obshchestvennosti i trudovykh kolektivov v preduprezhdenii retsidiva prestupleniy* [Legal bases of participation of the public and labor collectives in the prevention of recurrence of crimes]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Utkin, V.A., Filimonov, O.V. & Muzenik, A.K. (1990) *Uslovnnoe osuzhdenie i otsrochka ispolneniya prigovora* [Conditional Conviction and Suspension]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Zubkov, A.I. (ed.) (2006) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii. Teoriya, zakonodatel'stvo, mezhdunarodnye standarty, otechestvennaya praktika* [Penitentiary Law of Russia. Theory, Legislation, International Standards, Domestic Practice]. Moscow: Norma.

Информация об авторе:

Уткин В.А. – профессор, доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Utkin, professor, Dr. Sci. (Law), head of the Department of Penal Law and Criminology, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.05.2023;
одобрена после рецензирования 06.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.*

*The article was submitted 31.05.2023;
approved after reviewing 06.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.*

Научная статья
УДК 343.2

doi: 10.17223/23088451/21/2

ЕЩЕ РАЗ О ЦЕЛЯХ НАКАЗАНИЯ В СВЕТЕ УЧЕНИЯ А.Л. РЕМЕНСОНА

Вячеслав Иванович Селиверстов^{1, 2, 3}

¹ МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

² Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

³ НИИ ФСИН России, Москва, Россия

^{1, 2, 3} vis_home@list.ru

Аннотация. Проблема определения целей уголовного наказания вновь активно обсуждается в юридической науке в последние годы. Несмотря на то, что исследователи уголовно-правовой и исправительно-трудовой тематики еще в пятидесятых годах прошлого века доказательно аргументировали позицию о том, что кара не может быть целью уголовного наказания, в последнее время эта точка зрения вновь аргументируется в науке уголовного права. Анализируются аргументы сторонников позиции о необходимости обновления целей уголовного наказания, закрепленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Критикуя «обновленческий порыв» современных правоведов, автор опирается на труды известного советского ученого, доктора юридических наук, профессора А.Л. Ременсона, столетие которого отмечается 23 августа 2023 г.

Ключевые слова: уголовное наказание, цели, кара, исправление, осужденный, уголовное законодательство, уголовно-исполнительное законодательство

Для цитирования: Селиверстов В.И. Еще раз о целях наказания в свете учения А.Л. Ременсона // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 13–18. doi: 10.17223/23088451/21/2

Original article
doi: 10.17223/23088451/21/2

ALEKSANDR L. REMENSON'S IDEAS OF THE PURPOSES OF PUNISHMENT REVISITED

Vyacheslav I. Seliverstov^{1, 2, 3}

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

³ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation

^{1, 2, 3} vis_home@list.ru

Abstract. The problem of determining the purposes of criminal punishment has been actively discussed in legal science in recent years. It can be figuratively said that since the middle of the 20th century, it has acquired not even a second, but a third wind. First, in the Soviet doctrine of criminal and correctional labor law of the 1950s, there was a discussion about the purposes of punishment: without questioning the need to fix the purposes of correction (re-education) and crime prevention before punishment, scientists actually split into two opposite camps regarding the possibility of fixing retribution as the purpose of criminal punishment. Professor Aleksandr L. Remenson was among opponents. This discussion resulted in a compromise version fixed in the Fundamental Principles of the Criminal Legislation of the USSR and the Constituent Republics in 1958 and the Criminal Code of the RSFSR of 1960. The specified acts claimed that punishment aimed not only at retribution for a crime committed, but also at correction and re-education of convicts to bring up an honest attitude to work, law obedience, respect for the rules of socialist community life, and preventing new crimes by convicts and other persons. The norm did not seem to specify retribution as the purpose of punishment. However, the idea that punishment is more than just a retribution for a crime committed boosted the discussion about retribution as the purpose of criminal punishment. Another clash between proponents and opponents occurred just before the legal reform of the 1990s. One of the results was that Article N 2281-I of the Fundamental Principles of the Criminal Legislation of the USSR and the Constituent Republics of July 2, 1991, established that punishment is applied in order to correct convicts, as well as to prevent new crimes by both convicts and other persons (Part 2 Article 28). No retribution as a purpose of punishment was in question. However, the Criminal Code of the Russian Federation of 1996 claimed the restoration of social justice as the purpose of punishment. The achievement of social justice was directly related to the differentiation of liability, including retributions for the crime committed, which was another compromise. The purposes of criminal punishment in the Criminal Code of the Russian Federation of 1996 were fixed after a thorough study of this issue by well-known scientists engaged in the development of this legislative act (Gennady N. Borzenkov, Stanislav V. Borodin, Isaak M. Galperin, Alfred E. Zhalinsky, Aleksey N. Ignatov, Sofia G. Kelina, Leonid L. Kruglikov, Vladimir N. Kudryavtsev, Ninel F. Kuznetsova, Genrikh M. Minkovsky, Anatoly V. Naumov, Eduard F. Pobegailo, Aleksey I. Rarog, Igor V. Shmarov, Vadim D. Filimonov and others). They, in turn, relied on the achievements of scholars of the

criminal and correctional labor law of the 1950-60s (Nikolay A. Belyaev, Boris S. Nikiforov, Aleksandr L. Remenson, Nikolay A. Struchkov, Mikhail D. Shargorodsky, Boris S. Utevsy and others) in their discussions, which, with all the different points of view, substantiated the optimal variant of the purposes of criminal punishment. More balanced conclusions and proposals based on social practice were needed to refute them. As quite rightly pointed out by Yuriy I. Bytko, "nowadays, there are no sufficient grounds for reforming the system of purposes of criminal punishment in Art. 43 of the Criminal Code of the Russian Federation. These purposes must be properly understood; the means and methods of their achievement must be coordinated with them." We do not deny the possibility of changing the purposes of punishment in the distant future, with the development of society. However, according to Yuriy V. Truntsevsky, this may happen only in the era of transhumanism, which will change both the purposes and the content of criminal punishment.

Keywords: criminal punishment, purposes, retribution, correction, convict, criminal law, correctional legislation

For citation: Seliverstov, V.I. (2023) Aleksandr L. Remenson's ideas of the purposes of punishment revisited. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 13–18. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/2

В последние годы проблема целей уголовного наказания активно обсуждается в российской юридической науке. Можно образно сказать, что начиная с середины XX в. она приобрела даже не второе, а третье дыхание.

Сначала в советской доктрине уголовного и исправительно-трудового права 1950-х гг. имела место дискуссия о целях наказания: не подвергая особому сомнению необходимость закрепления перед наказанием целей исправления (перевоспитания) и предупреждения преступлений, ученые фактически разделились на два противоположных лагеря относительно возможности закрепления кары в качестве цели уголовного наказания.

Противником закрепления кары в качестве цели наказания выступил профессор Александр Львович Ременсон [1]. Своеобразным итогом этой дискуссии стал компромиссный вариант закрепления целей наказания в Основах уголовного законодательства Союза СССР и союзных республик 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. В указанных актах было закреплено, что наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. В указанном нормативном определении кара как бы не указывается в качестве цели наказания, в то же время указание на то, что наказание не только является карой за совершенное преступление, но и еще чем-то другим, еще больше активизировало дискуссию о каре как цели уголовного наказания.

Очередное столкновение позиций сторонников и противников кары как цели уголовного наказания произошло накануне правовой реформы 1990-х гг. В результате этого, например, в Основах уголовного законодательства Союза СССР и союзных республик от 2 июля 1991 г. № 2281-1 было установлено, что наказание применяется в целях исправления осужденных, а также предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и другими лицами (ч. 2 ст. 28). Ни о какой каре в качестве цели наказания в приведенном нормативном определении речь не идет.

Но уже в УК РФ 1996 г. в качестве цели наказания появляется восстановление социальной справедливости, достижение которой напрямую связывается с диффе-

ренциацией ответственности, включая и кары, за совершенное преступление. Вновь мы имеем дело с компромиссом между сторонниками и противниками закрепления кары в качестве цели уголовного наказания.

Современные взгляды на цели наказания характеризуются большим разнообразием как в формулировке самих целей, так и в аргументах сторонников их изменения или, наоборот, сохранения. Остановимся лишь на некоторых из них.

Часть исследователей уголовно-правовой тематики предлагает отказаться от закрепленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ целей по причине их недостижимости в правоприменительной деятельности. Как пишет И.В. Дворянсков, «в нынешнем виде цели наказания имеют декларативный и концептуально несовершенный характер. Это означает, что при всей благородности посылы они не отвечают условию достижимости в силу ряда причин: понятийной неточности (восстановление социальной справедливости), избыточности, противоречивости и практической неverifiedируемости (исправление и специальная превенция), архаичности (общая превенция)» [2. С. 43].

Представляется, что приведенные доводы не могут свидетельствовать о необходимости изменения целей наказания, так как понятийная неточность может быть конкретизирована, избыточность, противоречивость и неverifiedируемость устранены, а архаичность формулировок не всегда влечет негативные последствия.

Кроме того, не учитывается то, что в общефилософском значении цель представляет собою идеал, к которому стремится индивид, социальная общность или человечество в целом. Поскольку на достижение целей наказания как идеала воздействуют различные факторы (социальные и технические, объективные и субъективные), то достижение идеала возможно лишь в отдаленном временном отрезке. При достижении этого идеала категория цели теряет свое значение, поскольку превращается в достигнутый результат. И для развития социальной системы необходимо выдвижение новых, более высоких целей.

Применительно к уголовному наказанию, как свидетельствует правоприменительная практика, цели действительно не достижимы в стопроцентном значении. Однако это не означает, что от них следует отказаться, так как попытка «снизить планку» целей наказания, нередко объясняемая несовершенством средств

их достижения, означает своеобразную капитуляцию: вместо того чтобы совершенствовать законодательство и практику правоприменительных органов, предлагается закрепить в законодательстве менее затратные и большей степени достижимые цели.

В обоснованности поддерживаемой многими исследователями позиции о сохранении закрепленных ч. 1 ст. 43 УК РФ целей уголовного наказания можно убедиться на основе анализа предлагаемых И.В. Дворянским новых целей уголовного наказания, а именно: а) возмездие (кару); б) правовую защиту общества от преступлений и лиц, их совершающих; в) государственное порицание преступления [3. С. 258].

Так, возмездие или кара не может быть целью наказания по причине логического противоречия. Еще в 1959 г. А.Л. Ременсон указывал на это логическое противоречие «приписывать наказанию цель кары – значит утверждать: “наказание имеет целью наказание”, т.е. не имеет цели, а является самоцелью» [1. С. 14]. Исходя из понимания содержания наказания как причиняемых преступнику лишений и страданий, Александр Львович далее писал, что «причинение страданий и лишений преступнику рассматривается лишь как средство достижения указанной цели, а не как сама цель репрессивной деятельности государства» [1. С. 14]. При этом профессор А.Л. Ременсон не сводил всю аргументацию только к действию законов формальной логики, отмечая, что спор о каре как цели уголовного наказания не терминологический, а принципиальный [1. С. 15].

Цель кары не может закрепляться перед уголовным наказанием по принципиальным, сущностным соображениям, а именно из-за возможности наступления тяжелых негативных последствий. Закрепление цели кары или возмездия будет провоцировать власть к максимальному наполнению содержания наказания карательными правоограничениями. Однако это в современных условиях существования общества невозможно, поскольку в наказании должен учитываться и аксиологический аспект, а именно ценность для общества ограничиваемых прав и законных интересов лица, подвергнутого уголовному наказанию. На этот этический аспект наказания обращал внимание А.Л. Ременсон, когда отмечал, что наказание, с одной стороны, является добром, поскольку оно направлено на защиту общества от преступлений и обеспечение безопасности государства, общества и личности [4. С. 49]. С другой стороны, наказание – вынужденное зло, поскольку «оно содержит лишение осужденного тех благ, которые в принципе представляют собою ценность не только для наказываемого субъекта, но и наказывающего его общества» [5]. Именно аксиологический или ценностный аспект ограничивает пределы кары в наказании, именно он не позволяет каре уничтожить личность осужденного. Таким образом, цель кары (если она и будет закреплена, как предлагает автор рассматриваемой точки зрения, в уголовном законе) не может быть реализована в полном объеме, т.е. она недостижима. Тогда почему мы должны отказываться от недостижимых целей наказания, закрепленных в ч. 1 ст. 43 УК РФ, и заменять их другими недостижимыми целями?

Правовая защита общества от преступлений и лиц, их совершающих, как цель уголовного наказания также недостижима: пока существуют социальные детерминанты преступности, существует государство и общество, будет преступность и преступники. Чем же эта цель по степени достижения отличается от исправления осужденных?

Цель государственного порицания преступления, надо признать, достижима на все сто процентов. Однако на более ранней стадии, чем применение наказания. Закрепление в УК РФ составов преступлений уже означает государственное порицание деяний, запрещенных уголовным законом. Но можно ли предлагать закрепление в качестве цели уголовного наказания того явления, что представляет собою результат, причем достигнутый еще до применения уголовного наказания.

Не можем поддержать и позицию С.А. Боровикова о закреплении в ч. 2 ст. 43 УК РФ единой цели уголовного наказания в виде «удержания лица от совершения преступления» [6. С. 52], поскольку эта цель не отражает всей полноты социально-правового назначения уголовного наказания. Подобное «удержание» от совершения новых преступлений может достигаться тремя путями.

Первый обеспечивается исправлением осужденного. Это наиболее трудно достижимый, но социально значимый и приемлемый для государства и общества путь. Именно он дает более долговременную «прививку» от опасности возвращения осужденного на преступный путь. Поэтому вполне обоснованно исправление выделено в ч. 2 ст. 43 УК РФ в отдельную цель уголовного наказания, а в ст. 1 УИК РФ оно поставлено законодателем на первое место.

Второй заключается в устрашении осужденного новым наказанием за рецидивное преступление. Страх – менее эффективное средство предупреждения повторной преступности, тем более в условиях существенной гуманизации исполнения уголовных наказаний в современных условиях.

Третий путь выражается в лишении осужденного физической возможности совершения новых преступлений после освобождения от отбывания наказания. На своем историческом пути человечество имеет богатый опыт решения проблемы преступности с помощью подобных методов – от отрубания рук ворам и отрезания языка клеветникам до физической кастрации сексуальных преступников. Возвращение к методам воздействия на преступника в настоящее время представляется невозможным, хотя новые методики в биотехнологии и генетике могут порождать такое искушение. В частности, его отражение можно усмотреть в так называемой химической кастрации педофилов, а именно в лечении медикаментозными средствами расстройств сексуального предпочтения (ст. 18 УИК РФ). Однако в любом случае данный путь существенно ограничен международными стандартами обращения с осужденными, принципами уголовного и уголовно-исполнительного права.

Отдельно остановимся на цели *исправления осужденных*. В педагогике исправление понимается как

проходящий в человеке внутренний процесс переоценки ценностей и изменения своего поведения. Исправление осужденного также представляет собою внутренний процесс переоценки ценностей и идеалов, замещение преступных наклонностей на потребности и приоритеты правопослушного индивида. Это довольно сложный и противоречивый процесс. Для одних осужденных (маргиналов и примыкающим к ним) он протекает в виде восстановления интереса к социально полезным связям с семьей, позитивным социальным окружением, возвращения их к социально полезной деятельности, привития уважения к законам и правилам человеческого общежития. Для других осужденных, социальные связи которых разнообразны и действенны (беловоротничковые и экономические преступники, преступники в сфере цифровых технологий), исправление в первую очередь выражается не в приобретении или восстановлении социально полезных связей (их у них и так достаточно), а в раскаянии и переоценке своего отношения к уголовному закону с последующим формированием навыка правопослушного поведения. Профессор А.Л. Ременсон писал о раскаянии осужденного как важном элементе, свидетельствующем о происходящем в преступнике процессе исправления [7. С. 47–48].

Уголовное наказание представляет собою своеобразную детерминанту, которая запускает (а может и не запустить) в осужденном внутренний процесс его исправления. Когда в теории уголовного права пишут о том, что наказание не может принудительно исправить осужденного, то это суждение следует поддержать. Наказанию не свойственна такая возможность, однако наказание может побудить, стимулировать процесс исправления в осужденном. В этом заключается социальная роль цели уголовного наказания в виде исправления осужденных. Именно поэтому в доктринальной модели общей части УИК РФ в качестве цели уголовно-исполнительного законодательства названо не исправление осужденного, а его обеспечение, т.е. создание правовых условий и стимулов для раскаяния и переоценки своего поведения осужденным [8. С. 41–42].

Цель уголовного наказания в виде исправления осужденного прочно адаптирована в законодательской, правоприменительной, включая судебную, деятельности.

Так, в соответствии с необходимостью достижения цели исправления осужденных построены институты назначения наказания и освобождения от него, амнистии и помилования, отсрочки отбывания наказания и применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним. В части 1 ст. 68 УК РФ при назначении наказания при рецидиве преступлений суду следует учитывать обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным. При условном осуждении (ст. 73–74 УК РФ) и условно-досрочном освобождении (ст. 79 УК РФ) выводы суда о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания являются обязательными для применения данных институтов. Аналогично при решении вопроса о сокращении срока отсрочки отбывания наказания и об освобождении осужденного от отбывания

наказания или оставшейся части наказания суд учитывает в числе других обстоятельств его исправление (ч. 4 ст. 82 УК РФ).

В УИК РФ, исходя из цели исправления, закреплена исправительная модель исполнения (отбывания) наказания, особенно лишения свободы. Она реализуется в установлении в ст. 9 УИК РФ основных средств исправления осужденных, предоставлении возможности поддержания социально полезных связей с семьей и иным позитивным окружением (посылки, передачи, свидания, переписка, выезды за пределы исправительных учреждений), обучении осужденных, получении ими профессии и т.д.

На важность достижения цели исправления осужденных неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, который даже применительно к пожизненному лишению свободы констатировал наличие «обязанности федерального законодателя учитывать при определении ограничений, составляющих сущность такого наказания, необходимость достижения всех целей наказания, которыми в соответствии с частью второй ст. 43 УК Российской Федерации являются не только восстановление социальной справедливости и предупреждение совершения новых преступлений, но и исправление осужденного» [9].

Цель исправления осужденных находит свое отражение в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, например в п. 61 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» или в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания».

Имеет она отражение в обзорах и ориентирующих судебную практику решениях Верховного Суда РФ, а также в самих решениях судов общей юрисдикции. На достижение указанной цели направлены научные исследования и подготовка профессиональных кадров для уголовно-исполнительной системы России. Поэтому имеющиеся в науке позиции о замене исправления осужденных на цели социализации (ресоциализации) личности осужденного, или интеграции (реинтеграции) в общество, или адаптации (реадаптации) к условиям жизни на свободе не имеют прочной научной основы. Сторонники таких позиций (И.В. Упоров, А.В. Бабушкин, А.И. Канунник) нередко не учитывают того, что в ч. 2 ст. 43 УК РФ закреплена общая для всех уголовных наказаний цель, а предлагаемые модные иностранные аналоги лишь отчасти могут быть применимы к наказаниям, связанным с изоляцией осужденного от общества. Не являются убедительными и ссылки (В.О. Белоносов) на законодательство отдельных зарубежных государств, где цель исправления отсутствует. В противовес можно привести немалое число государств, где данная цель декларируется в законодательстве.

Цели уголовного наказания в УК РФ 1996 г. были закреплены после тщательной проработки этого вопроса известными учеными, входившими в авторские коллек-

тивы и рабочие группы по подготовке этого законодательного акта (Г.Н. Борзенков, С.В. Бородин, И.М. Гальперин, А.Э. Жалинский, А.Н. Игнатов, С.Г. Келина, Л.Л. Кругликов, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский, А.В. Наумов, Э.Ф. Побегайло, А.И. Рарог, И.В. Шмаров, В.Д. Филимонов и другие). Они опирались на достижения ученых в области уголовного и исправительно-трудового права 1950–1960-х гг. (Н.А. Беляев, Б.С. Никифоров, А.Л. Ременсон, Н.А. Стручков, М.Д. Шаргородский, Б.С. Утевский и другие), в своих дискуссиях при всей разнонаправленности точек зрения обосновавших оптимальный вариант целей уголовного наказания. Для их

опровержения необходимы более взвешенные, основанные на социальной практике выводы и предложения. Как вполне справедливо указывал Ю.И. Бытко, «в настоящее время нет достаточных оснований для реформы существующей в ст. 43 УК РФ системы целей уголовного наказания. Эти цели надо правильно понимать и согласовывать с ними средства и методы их достижения» [10. С. 119]. Впрочем, мы не отрицаем возможности изменения целей наказания в отдаленном будущем, с развитием общества. Однако для этого необходимо, как считает Ю.В. Трунцевский, наступление эры трансгуманизма, которая изменит не только цели, но и содержание уголовного наказания [11. С. 143–145].

Список источников

1. Ременсон А.Л. Является ли кара целью наказания? // Труды ТГУ им. В.В. Куйбышева. Томск, 1959. Т. 151. С. 115–125.
2. Дворянсков И.В. Концептуальные аспекты реформирования российского уголовного законодательства // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 37–46.
3. Дворянсков И.В. Концептуальные проблемы целей наказания // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 2 (54). С. 247–259.
4. Ременсон А.Л. К вопросу об этической характеристике исполнения уголовного наказания при лишении свободы // Труды Томского университета. 1970. Т. 208. С. 120–126.
5. Ременсон А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1965. 63 с.
6. Боровиков С.А. О конструировании цели наказания в уголовном законе // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2019. Т. 13 (1), № 45. С. 50–52.
7. Ременсон А.Л. Искупление – это исправление // К новой жизни. 1965. № 10. С. 69–71.
8. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под науч. ред. В.И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2017. 320 с.
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта “б” части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н.В. Королева и В.В. Королевой» // Российская газета. 24 ноября 2016. Федеральный выпуск № 7134 (266).
10. Бытко Ю.И. Цели уголовного наказания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 4 (123). С. 108–124.
11. Трунцевский Ю.В. Уголовное наказание в фокусе трансгуманизма // Международное публичное и частное право. 2021. № 5 (122). С. 43–45.

References

1. Remenson, A.L. (1959) Yavlyaetsya li kara tsel'yu nakazaniya? [Is retribution the purpose of punishment?]. *Trudy TGU im. V.V. Kuybysheva*. 151. pp. 115–125.
2. Dvoryanskov, I.V. (2022) Conceptual aspects of reforming Russian criminal legislation. *Penitentsiarnaya nauka – Penitentiary Science*. 16(1). pp. 37–46. (In Russian). DOI: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.004
3. Dvoryanskov, I.V. (2021) Conceptual issues of the goals of punishment. *Penitentsiarnaya nauka – Penitentiary Science*. 15(2). pp. 247–259. (In Russian). DOI: 10.46741/2686-9764-2021-15-2-370-380
4. Remenson, A.L. (1970) K voprosu ob eticheskoy kharakteristike ispolneniya ugovnogo nakazaniya pri lishenii svobody [On the ethical characteristics of the execution of criminal punishment in imprisonment]. *Trudy Tomskogo universiteta*. 208. pp. 120–126.
5. Remenson, A.L. (1965) *Teoreticheskie voprosy ispolneniya lisheniya svobody i peregovospitaniya zaklyuchennykh* [Theoretical issues of execution of imprisonment and re-education of prisoners]. Abstract of Law Dr. Diss. Tomsk.
6. Borovikov, S.A. (2019) O konstruirovani tseli nakazaniya v ugovnom zakone [On the construction of the purpose of punishment in the criminal law]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 13(1). pp. 50–52.
7. Remenson, A.L. (1965) Iskuplenie – eto ispravlenie [Redemption is correction]. *K novoy zhizni*. 10. pp. 69–71.
8. Seliverstov, V.I. (ed.) (2017) *Obshchaya chast' novogo Uголовно-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [The general part of the new Penitentiary Code of the Russian Federation: The results and justification of theoretical modeling]. Moscow: Yurisprudentsiya.
9. Russian Federation. (2016) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 15 noyabrya 2016 g. № 24-P “Po delu o proverke konstitutsionnosti punkta “b” chasti tret'ey stat'i 125 i chasti tret'ey stat'i 127 Uголовно-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosom Vologodskogo oblastnogo suda i zhaloboy grazhdan N.V. Koroleva i V.V. Korolevoy” [Decree No. 24-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 15, 2016, On verifying the constitutionality of Paragraph “b” of Part Three of Article 125 and Part Three of Article 127 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation in connection with the request of the Vologda Regional Court and the complaint of citizens N.V. Korolev and V.V. Koroleva]. *Rossiyskaya gazeta*. 24th November. Federal Issue № 7134 (266).
10. Bytko, Yu.I. (2018) Tseli ugovnogo nakazaniya [Purposes of criminal punishment]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 4(123). pp. 108–124.
11. Truntsevskiy, Yu.V. (2021) Uголовное nakazanie v fokuse transgumanizma [Criminal punishment in the focus of transhumanism]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*. 5(122). pp. 43–45.

Информация об авторе:

Селиверстов В.И. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия); профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия); главный научный сотрудник НИИ ФСИН России (Москва, Россия). E-mail: vis_home@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.I. Seliverstov, professor, Dr. Sci. (Law), professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); professor of the Department of Criminal Law, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation); chief researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: vis_home@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.05.2023;
одобрена после рецензирования 05.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.*

*The article was submitted 30.05.2023;
approved after reviewing 05.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.*

Научная статья
УДК 343.2

doi: 10.17223/23088451/21/3

ЗНАЧЕНИЕ ИДЕЙ А.Л. РЕМЕНСОНА ОБ УГОЛОВНОМ НАКАЗАНИИ ДЛЯ НАУКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА И УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Александр Викторович Шеслер^{1,2}, Софья Сергеевна Шеслер³

¹ Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

³ Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия

^{1,2} sofish@inbox.ru

³ sofish@inbox.ru

Аннотация. Рассматриваются основополагающие идеи А.Л. Ременсона об уголовном наказании как мере, состоящей в том, что уголовное наказание является возмездием за совершенное преступление, что наказание как мера принуждения причиняет виновному страдания и лишения за причиненное обществу зло, что за разные по общественной опасности преступления должны быть установлены и назначены разные по тяжести наказания. Констатируется, что отход законодателя от карательной сущности наказания при его определении в ч. 1 ст. 43 УК РФ негативно повлиял на содержание конкретных норм о наказании: нивелировалось отличие между наказанием и иными мерами уголовно-правового характера; наметился отход от личностного характера наказания и его установления за общественно опасное деяние, а не за общественную опасность личности; перечень наказаний, содержащийся в ст. 44 УК РФ, не превратился в систему; возникла ситуация избыточности однотипных наказаний, наличия «отложенных» и недействующих видов наказаний. Обосновывается необходимость развития учения о карательном характере наказания, которое создает научные основы для возвращения уголовного законодательства к возмездной концепции уголовного наказания и позволит законодателю избежать выделенных ошибок.

Ключевые слова: уголовное наказание, кара, возмездие, мера принуждения, страдания и лишения

Для цитирования: Шеслер А.В., Шеслер С.С. Значение идей А.Л. Ременсона об уголовном наказании для науки уголовного права и уголовного законодательства // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 19–24. doi: 10.17223/23088451/21/3

Original article
doi: 10.17223/23088451/21/3

THE SIGNIFICANCE OF ALEKSANDR L. REMENSON'S IDEAS ON CRIMINAL PUNISHMENT FOR CRIMINAL LAW SCIENCE AND CRIMINAL LEGISLATION

Aleksandr V. Shesler^{1,2}, Sofia S. Shesler³

¹ Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

³ Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation

^{1,2} sofish@inbox.ru

³ sofish@inbox.ru

Abstract. Of great importance for the formation of the Tomsk School of Correctional Labor Law were Aleksandr L. Remenson's works on the punitive essence of punishment. Their main provisions come down to the fact that criminal punishment by essence is retribution for the crime committed and that retribution is not the purpose of punishment, otherwise the latter turns into an end in itself and no longer serves as a means of preventing crimes. According to Remenson, firstly, criminal punishment is retribution for the crime committed. Secondly, punishment aims at the offender's personality. Thirdly, criminal punishment as a measure of coercion makes the offender suffer and bear hardships for the harm done to society. Finally, crimes of different social danger must be followed by punishments of different severity. Remenson's fundamental ideas, together with the works by other Soviet researchers, contributed to the consistent perception and subsequent preservation of the retributive model of criminal punishment first in the Fundamental Principles of the Criminal Legislation of the USSR of December 25, 1958, and then in the Criminal Code of the RSFSR of October 27, 1960, since the legislator directly indicated that punishment was a retribution for the crime committed (Article 20 of the Fundamental Principles, Article 20 of the Criminal Code of the RSFSR). However, even during the Soviet period, some researchers supported the ideas that gradually created a theoretical basis for the refusal from retributive justice. Some authors noted that, besides retribution, punishment must include conviction to combine retributive and educational effects on the convict. This made it possible to justify such a type of punishment as public censure (Article 33 of the Criminal Code of the RSFSR of 1960), in which there was no

retribution at all and which, in essence, was not punishment. Remenson emphasized that this position unreasonably denied the educational role of punishment.

Keywords: criminal punishment, retribution, measure of coercion, suffering and deprivation

For citation: Shesler, A.V. & Shesler, S.S. (2023) The significance of Aleksandr L. Remenson's ideas on criminal punishment for criminal law science and criminal legislation. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 19–24. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/3

В предисловии к избранным трудам профессора А.Л. Ременсона, изданным к 80-летию со дня его рождения, профессора В.А. Уткин и В.Д. Филимонов тезисно изложили концептуальные основы «томской школы» пенитенциарной науки, сформированной под руководством этого выдающегося ученого-пенитенциариста. Суть их сводится к следующему: кара составляет содержание уголовного наказания, представление о каре как цели наказания означало бы, что наказание является самоцелью; карательно-воспитательный процесс в местах лишения свободы может быть эффективным при условии соединения наказания с мерами исправительно-трудового воздействия, которые не лишают осужденного каких-либо благ и не являются источником его страданий; исправительно-трудовое право является комплексной отраслью права, включающей в себя нормы уголовного, административного, трудового, гражданского и других отраслей права [1. С. 7].

Полагаем, что ключевое значение для формирования «томской школы» исправительно-трудового права имели работы А.Л. Ременсона, посвященные карательной сущности наказания. Основные положения этих работ сводятся к тому, что уголовное наказание по своему содержанию является карой за совершенное преступление [2. С. 93], что кара не является целью наказания, иначе последняя превращается в самоцель и перестает служить средством, направленным на предупреждение преступления [3. С. 115–125]. Данная позиция исследователем обосновывалась, во-первых, тем, что уголовное наказание является возмездием за совершенное преступление [4. С. 106–104; 5. С. 89–90]. Во-вторых, тем, что наказание обращено к личности виновного [2. С. 94; 5. С. 89–90]. В-третьих, тем, что уголовное наказание, как мера принуждения, причиняет виновному страдания и лишения за причиненное обществу зло [2. С. 93; 6]. И, наконец, тем, что за разные по общественной опасности преступления должны быть установлены и назначены разные по тяжести наказания [7. С. 89–105].

Полагаем, что эти концептуальные идеи А.Л. Ременсона вместе с работами других советских исследователей [8. С. 32, 41; 9. С. 14; 10. С. 85–104] способствовали последовательному восприятию и последующему сохранению в законодательстве сначала Основами уголовного законодательства Союза ССР от 25 декабря 1958 г., а затем Уголовным кодексом РСФСР от 27 октября 1960 г. возмездной модели уголовного наказания, так как законодатель прямо указал, что наказание является карой за совершенное преступление (ст. 20 Основ, ст. 20 УК РСФСР).

Однако во время действия этих нормативно-правовых актов даже в советский период стали высказываться точки зрения, которые постепенно создавали

теоретическую основу для отхода законодателя от возмездной модели наказания. Отдельные авторы отмечали, что в содержание наказания помимо кары необходимо включать убеждение, которое обеспечивает соединение карательного и воспитательного воздействия на осужденного [11. С. 55; 12. С. 72; 13. С. 50; 14. С. 7–9]. На наш взгляд, это позволяло обосновать наличие такого вида наказания, как общественное порицание (ст. 33 УК РСФСР 1960 г.), в котором совсем не было кары и которое по своей сути наказанием не являлось. А.Л. Ременсон неоднократно отмечал, что такая позиция необоснованно отрицает воспитательную роль кары [6. С. 1–59; 15. С. 3–8].

После распада СССР в целом ряде работ российских исследователей кара перестала рассматриваться не только как сущностный признак наказания, но даже как один из признаков последнего [16. С. 25–26]. На этой основе вносились предложения о включении в число наказаний увольнения от должности и обязанности загладить причиненный вред, которые были в УК РСФСР 1960 г. [17. С. 13]. Вместе с тем отсутствие кары в этих мерах позволяет отнести их, соответственно, к мерам дисциплинарной и гражданско-правовой ответственности.

Наиболее последовательные противники возмездной модели наказания отказ законодателя от определения наказания как кары за совершенное преступление в ст. 43 УК РФ обосновали как решение прогрессивное, соответствующее гуманизму, глубинным преобразованиям российского общества, признанием Конституцией Российской Федерации человека, его прав и свобод высшей ценностью [18. С. 121–125].

Научная критика карательного характера наказания с позиций гуманности и прогресса не является новой. В зависимости от исторической эпохи позиции противников возмездной модели наказания несколько уточняли, а именно: такая модель объявлялась ветхозаветной, не революционной, не либеральной [19. С. 89–93]. Вместе с тем возмездная модель наказания даже в виде талиона уже показала свою гуманность и историческую прогрессивность, так как он ограничил первобытную неограниченность наказания. Талион установил равенство между тяжестью преступления и тяжестью наказания, заменил ответственность рода ответственностью лица, совершившего деяние, наказание перестало быть вечным за одно преступление, наказание отделилось от восстановительных мер [20. С. 18–23; 21. С. 379–383, 400–401; 22. С. 8–9].

Не является также новой в истории отечественного законодательства практика отхода от возмездной модели уголовного наказания под влиянием критики ее как негуманной и непрогрессивной.

В частности, в ст. 8 УК РСФСР 1922 г. наказание было отнесено к разновидности мер социальной защи-

ты. В УК РСФСР 1926 г. вместо понятия наказания использовалось понятие мер социальной защиты судебного-исправительного характера, а из редакции санкций за конкретные преступления было исключено слово «наказывается» и вместо него употреблялось словосочетание «влечет меры социальной защиты». На практике это привело к широким и необоснованным репрессиям со стороны Советского государства по отношению к своим политическим противникам, так как меры социальной защиты часто применялись не за конкретно совершенные преступления, а в соответствии со ст. 7 УК РСФСР 1926 г. за социально опасное состояние личности из-за ее связи с преступной средой или из-за ее прошлой деятельности [23. С. 103–106].

Обратим внимание на то, как в действующем УК РФ отступление от модели наказания-кары негативно повлияло на содержание конкретных норм о наказании. Полагаем, что при этом следует указать на отступление от тех признаков наказания, которые были выделены А.Л. Ременсоном. Прежде всего законодатель не указал в определении наказания, что наказание применяется за совершенное преступление (в ст. 20 УК РСФСР такое указание содержалось). В части 1 ст. 43 УК РФ указано, что наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления. Однако к такому лицу применяется не только наказание, но и иные меры уголовно-правового характера, содержащиеся в нормах раздела VI УК РФ (за исключением мер медицинского характера, предусмотренных п. «а» и «б» ч. 1 ст. 97 УК РФ). Кроме того, законодатель не указал, что наказание как мера государственного принуждения означает лишение осужденного каких-либо благ и причинение ему страданий. В результате можно констатировать нивелирование сущностного отличия между наказанием и этими мерами, а также даже наказанием и мерами, применяемыми к преступнику, которые предусмотрены иными отраслями права. В частности, содержание ограничения свободы в основном тождественно содержанию условного осуждения, так как перечень предусмотренных в ч. 1 ст. 53 УК РФ ограничений во многом совпал с перечнем обязанностей, предусмотренных в ч. 5 ст. 73 УК РФ. Между тем условное осуждение применяется не за совершенное преступление, а в связи с его совершением, применяемое к осужденному принуждение в большей мере является не лишением его каких-либо благ и причинением ему страданий, а побуждением (хотя и принудительным) к позитивной социальной активности (лечиться, трудиться, учиться). Из этого следует, что объем и продолжительность принуждения при реализации условного осуждения в большей степени зависят не от тяжести преступления, как при наказании, а от общественной опасности личности виновного [24. С. 29–30]. Следует также указать на то, что предусмотренные в ч. 1 ст. 53 УК РФ ограничения оказались идентичными административным ограничениям, которые даже не являются формой административной ответственности и предусмотрены ст. 4 Федерального закона от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

Стирание грани между наказанием и иными мерами уголовно-правового характера повлияло на то, что исключенная из УК РФ Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ конфискация имущества как вид наказания была восстановлена Федеральным законом от 27.07.2006 г. № 153-ФЗ в гл. 15.1 УК РФ только как иная мера уголовно-правового характера, напоминающая специальную конфискацию, предусмотренную в п. 4.1 ч. 3 ст. 81 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Напротив, судебный штраф, введенный Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ в гл. 15.2 УК РФ) и обладающий сущностными признаками наказания [25. С. 17–18], отнесен законодателем к иным мерам уголовно-правового характера и применяется при освобождении от уголовной ответственности (ст. 76.2 УК РФ).

Отсутствие в ч. 1 ст. 43 УК РФ указания на то, что наказание применяется за совершенное преступление, повлекло установление уголовной ответственности за принадлежность к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ). Основанием ответственности стала общественная опасность личности, а не совершенное ею деяние. Данная норма противоречит как закрепленному в ст. 3 УК РФ принципу законности, в соответствии с которым устанавливается преступность и наказуемость деяния, а не социального статуса, так и закрепленному в ст. 8 УК РФ положению, согласно которому основанием уголовной ответственности является деяние, содержащее все признаки состава преступления, а не социальный статус [26. С. 118].

Отсутствие в ч. 1 ст. 43 УК РФ указания на наказание как кару повлияло на то, что перечень наказаний, определенный в ст. 44 УК РФ, не превратился в систему наказаний, основанную на схеме от наиболее мягкого вида наказания (штраф) до наиболее сурового (смертная казнь). В частности, штраф в своих верхних размерах по суровости значительно превосшел последующие виды наказаний и вполне может соперничать с лишением свободы, назначаемым за преступления небольшой и средней тяжести. Арест на срок до шести месяцев (ст. 54 УК РФ) превосшел по своей продолжительности краткосрочное лишение свободы на два месяца (ч. 2 ст. 56 УК РФ). Лишение свободы на определенный срок в своих максимальных размерах приблизилось к пожизненному лишению свободы (ч. 4, 5 ст. 56 УК РФ). Превышение пределов указанных видов наказаний, за которыми они становятся соизмеримыми по тяжести с более суровыми наказаниями, обусловлено содержательной неопределенностью наказания как такового. Если наказание по содержанию не является карой, то непонятно, чем измерять верхний предел конкретного вида наказания, за которым оно перетекает в иной, более суровый вид наказания.

Содержательная неопределенность наказания как такового и его конкретных видов при законодательном исключении карательного характера наказания привела, на наш взгляд, к избыточности однотипных видов наказания, появлению «отложенных» и недействующих наказаний [24. С. 90–93; 25. С. 10]. В настоящий период в УК РФ предусмотрено несколько видов ли-

шения свободы: арест (ст. 54 УК РФ), содержание в дисциплинарной воинской части (ст. 55 УК РФ), лишение свободы на срок от двух месяцев до двадцати лет (ч. 1 ст. 56 УК РФ), лишение свободы на сверхдлительные сроки (ч. 4, 5 ст. 56 УК РФ), пожизненное лишение (ст. 57 УК РФ). Кроме того, существуют три вида наказаний, связанных с принуждением осужденных к труду: обязательные работы (ст. 49 УК РФ), исправительные работы (ст. 50 УК РФ), принудительные работы (ст. 53.1 УК РФ).

Обязательные работы, ограничение свободы и арест с самого начала вступления УК РФ 1996 г. в силу приобрели характер «отложенных» видов наказаний. В настоящее время до сих пор не действует наказание в виде ареста (арест перестал применяться в отношении военнослужащих, которые могли отбывать его на гауптвахте – ч. 3 ст. 54 УК РФ). «Отложенными» до 1 января 2017 г. были принудительные работы, которые установлены Федеральным законом от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ (ст. 53.1 УК РФ). Одна из причин такой ситуации, как уже отмечалось, состоит в содержательной неопределенности наказания. Смертная казнь в силу сложившегося легитимного конституционно-правового режима, на котором основывается необратимый процесс, направленный на ее отмену, стала неприменимым видом наказания. Несмотря на гуман-

ность соответствующего политического решения Конституционного Суда РФ [27], неприменение смертной казни в России привело, на наш взгляд, к появлению лишения свободы на сверхдлительные сроки (ч. 4, 5 ст. 56 УК РФ), которое, как уже отмечалось, стало соизмеримо с пожизненным лишением свободы.

И, наконец, законодатель начал отходить от личностного характера наказания, несмотря на указание в ч. 1 ст. 43 УК РФ на то, что оно применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления. Об этом свидетельствует редакция ч. 2 ст. 88 УК РФ, в соответствии с которой штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия.

При таких условиях штраф стал компенсационной мерой, приобрел черты гражданско-правовой субсидиарной ответственности. Причем в ч. 5 ст. 46 УК РФ нет оговорки о том, что в случае уклонения этих лиц от уплаты штрафа им нельзя заменить его другим видом наказания.

Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что развитие учения о карательном характере наказания создает научные основы для возвращения уголовного законодательства к возмездной концепции уголовного наказания и позволит законодателю избежать выделенных ошибок.

Список источников

1. Ременсон А.Л. Избранные труды (к 80-летию со дня рождения). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 100 с.
2. Ременсон А.Л. Некоторые вопросы теории советского исправительно-трудового права // Советское государство и право. 1964. № 1. С. 93–99.
3. Ременсон А.Л. Является ли кара целью наказания? // Труды ТГУ им. В.В. Куйбышева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1959. Т. 151. С. 115–125.
4. Ременсон А.Л. К вопросу о понятии наказания по советскому уголовному праву // Труды ТГУ им. В.В. Куйбышева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1959. С. 106–104.
5. Ременсон А.Л. О возмездном характере уголовного наказания // Доклады по вопросам конкретной экономики и советского права. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1963. С. 86–93.
6. Ременсон А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1965. 59 с.
7. Ременсон А.Л. Индивидуализация наказания и уголовный закон // Ученые записки ТГУ им. В.В. Куйбышева. Юридические науки. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1957. С. 89–105.
8. Елеонский В.А. Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности. Рязань : Рязанская высшая школа, 1979. 84 с.
9. Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы особенной части. М. : Юрид. лит., 1985. 256 с.
10. Уткин В.А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 190 с.
11. Гальперин И.М. Наказание: социальные функции, практика применения. М. : Юрид. лит., 1983. 208 с.
12. Карпец И.И. Наказание: социальные, правовые и криминологические проблемы. М. : Юрид. лит., 1983. 228 с.
13. Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1973. 192 с.
14. Полубинская С.В. Цели уголовного наказания. М. : Наука, 1990. 142 с.
15. Ременсон А.Л. О воспитательной роли карательного воздействия в процессе деятельности исправительно-трудовых учреждений (статья третья) // Проблемы борьбы с рецидивной преступностью. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 3–8.
16. Мацкевич А.Ф. Уголовное наказание. СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. 329 с.
17. Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: законодательство, теория и практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань : Акад. права и упр. Минюста России, 2002. 48 с.
18. Верина Г.В. Фундаментальные понятия уголовного права России: актуальные проблемы. М. : Юрлитинформ, 2018. 200 с.
19. Шеслер А.В. Почему уголовное наказание должно быть карой // Вестник Кузбасского института. 2019. № 1. С. 88–98.
20. Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М. : Госюриздат, 1957. 304 с.
21. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М. : Астрель, 2006. 618 с.
22. Криминологические и уголовно-правовые проблемы наказания / под ред. У.С. Джекебаева, Р.Н. Судакова и др. Алма-Ата : Наука, 1983. 208 с.
23. Шеслер А.В. Идеологические основы уголовного законодательства советского периода о преступлении и наказании // Вестник Кузбасского института. 2021. № 1. С. 99–111.
24. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2019. 240 с.

25. Степашин В.М. Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении мер уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск : Омская академия МВД России, 2019. 39 с.
26. Шеслер А.В. «Вор в законе»: криминальный статус или основание уголовной ответственности // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1. С. 110–122.
27. Определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р // Собрание законодательства РФ. 2009. № 48.

References

1. Remenson, A.L. (2003) *Izbrannye trudy (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Selected Works (On His 80th Birthday)]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Remenson, A.L. (1964) Nekotorye voprosy teorii sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava [Some questions of the theory of Soviet correctional labor law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1. pp. 93–99.
3. Remenson, A.L. (1959) Yavlyaetsya li kara tsel'yu nakazaniya? [Is retribution the purpose of punishment?]. *Trudy TGU im. V.V. Kuybysheva*. 151. pp. 115–125.
4. Remenson, A.L. (1959) K voprosu o ponyatii nakazaniya po sovetskomu ugovnomu pravu [On the concept of punishment in the Soviet criminal law]. *Trudy TGU im. V.V. Kuybysheva*. 151. pp. 106–104.
5. Remenson, A.L. (1963) O vozmездnom kharaktere ugovnogo nakazaniya [On the reimbursable nature of criminal punishment]. In: *Doklady po voprosam konkretnoy ekonomiki i sovetskogo prava* [Reports on specific economics and Soviet law]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 86–93.
6. Remenson, A.L. (1965) *Teoreticheskie voprosy ispolneniya lisheniya svobody i perevospitaniya zaklyuchennykh* [Theoretical issues of execution of imprisonment and re-education of prisoners]. Abstract of Law Dr. Diss. Tomsk.
7. Remenson, A.L. (1957) Individualizatsiya nakazaniya i ugovnyy zakon [Individualization of punishment and criminal law]. *Uchenye zapiski TGU im. V.V. Kuybysheva. Yuridicheskie nauki*. 33. pp. 89–105.
8. Eleonskiy, V.A. (1979) *Ugovnoe nakazanie i vospitanie pozitivnoy otvetstvennosti lichnosti* [Criminal punishment and positive responsibility of the individual]. Ryazan: Ryazanskaya vysshaya shkola.
9. Struchkov, N.A. (1985) *Kurs ispravitel'no-trudovogo prava. Problemy osobennoy chasti* [Corrective Labor Law. Problems of the Special Part]. Moscow: Yurid. lit.
10. Utkin, V.A. (1984) *Nakazanie i ispravitel'no-trudovoe vozdeystvie* [Punishment and Corrective Labor Influence]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Galperin, I.M. (1983) *Nakazanie: sotsial'nye funktsii, praktika primeneniya* [Punishment: Social Functions, Application]. Moscow: Yurid. lit.
12. Karpets, I.I. (1983) *Nakazanie: sotsial'nye, pravovye i kriminologicheskie problem* [Punishment: Social, Legal and Criminological Problems]. Moscow: Yurid. lit.
13. Noy, I.S. (1973) *Sushchnost' i funktsii ugovnogo nakazaniya v sovetskom gosudarstve* [The Essence and Functions of Criminal Punishment in the Soviet State]. Saratov: Saratov State University.
14. Polubinskaya, S.V. (1990) *Tseli ugovnogo nakazaniya* [Purposes of Criminal Punishment]. Moscow: Nauka.
15. Remenson, A.L. (1978) O vospitatel'noy roli karatel'nogo vozdeystviya v protsesse deyatelnosti ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniy (sta'ya tret'ya) [On the educational role of punitive influence in correctional labor institutions (Article Three)]. In: *Problemy bor'by s retsidivnoy prestupnost'yu* [Problems of Combating Recidivism]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–8.
16. Matskevich, A.F. (2005) *Ugovnoe nakazanie* [Criminal Punishment]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
17. Zubkova, V.I. (2002) *Ugovnoe nakazanie i ego sotsial'naya rol': zakonodatel'stvo, teoriya i praktika* [Criminal Punishment and Its Social Role: Legislation, Theory and Practice]. Abstract of Law Dr. Diss. Ryazan: Ministry of Justice of Russia.
18. Verina, G.V. (2018) *Fundamental'nye ponyatiya ugovnogo prava Rossii: aktual'nye problemy* [Fundamental Concepts of Russian Criminal Law: Current Problems]. Moscow: YurLitinform.
19. Shesler, A.V. (2019) Pochemu ugovnoe nakazanie dolzhno byt' karoy [Why criminal punishment should be retribution]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 1. pp. 88–98.
20. Shargorodskiy, M.D. (1957) *Nakazanie po ugovnomu pravu ekspluatatorskogo obshchestva* [Punishment under the criminal law of an exploiting society]. Moscow: Gosyurizdat.
21. Sorokin, P.A. (2006) *Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: sotsiologicheskii etyud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali* [Crime and Punishment, Feat and Reward: A Sociological Etude on the Basic Forms of Social Behavior and Morality]. Moscow: Astrel'.
22. Dzhekebaev, U.S., Sudakov, R.N. et al. (eds) *Kriminologicheskie i ugovno-pravovye problemy nakazaniya* [Criminological and Criminal Law Problems of Punishment]. Alma-Ata: Nauka.
23. Shesler, A.V. (2021) Ideologicheskie osnovy ugovnogo zakonodatel'stva sovetskogo perioda o prestuplenii i nakazanii [Ideological foundations of the Soviet criminal legislation on crime and punishment]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 1. pp. 99–111.
24. Utkin, V.A. (2019) *Problemy teorii ugovnykh nakazaniy* [Problems of the theory of criminal punishments]. Tomsk: Tomsk State University.
25. Stepashin, V.M. (2019) *Ekonomiya repressii kak printsip ugovnogo prava i ego realizatsiya v naznachenii mer ugovnoy otvetstvennosti* [Economy of repression as a principle of criminal law and its implementation in the appointment of measures of criminal responsibility]. Abstract of Law Dr. Diss. Omsk.
26. Shesler, A.V. (2020) “Vor v zakone”: kriminal'nyy status ili osnovanie ugovnoy otvetstvennosti [“Code-bound crime lord”: The criminal status or grounds for criminal liability]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 1. pp. 110–122.
27. The Russian Federation. (2009) *Opreделение Konstitutsionnogo Suda RF ot 19 noyabrya 2009 g. № 1344-O-R* [Court Decision No. 1344-O-R of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 19, 2009]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 48.

Информация об авторах:

Шеслер А.В. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия); профессор кафедры уголовного права Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sofish@inbox.ru

Шеслер С.С. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: sofish@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Shesler, professor, Dr. Sci. (Law), professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation); professor, Department of Criminal Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru

S.S. Shesler, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of State and Legal Disciplines and Law Enforcement Activities of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.06.2023;
одобрена после рецензирования 13.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.*

*The article was submitted 03.06.2023;
approved after reviewing 13.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.*

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/21/4

СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В НАУЧНЫХ ТРУДАХ ПРОФЕССОРА А.Л. РЕМЕНСОНА

Алексей Петрович Детков¹

¹ *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, detkov-altai@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются социально-нравственные проблемы уголовного наказания в виде лишения свободы. Исходным материалом послужили научные труды профессора А.Л. Ременсона. Обращено внимание на сложную и противоречивую природу мест лишения свободы. Обосновывается вывод о том, что деструктивные процессы, протекающие в ходе исполнения и отбывания наказания, практически блокируют средства превентивно-воспитательного воздействия на осужденного, извращая смысл важнейших нравственных принципов. Рассматривается правовое положение осужденных в местах лишения свободы и особенности проведения воспитательной работы, в том числе с участием общественных наблюдательных комиссий.

Ключевые слова: уголовное наказание в виде лишения свободы, места лишения свободы, эффективность уголовного наказания, правовое положение осужденных, социально-нравственные проблемы уголовного наказания, превентивно-воспитательное воздействие, деструктивные процессы в местах лишения свободы, роль общественности в исправлении осужденных

Для цитирования: Детков А.П. Социально-нравственные проблемы уголовного наказания в виде лишения свободы в научных трудах профессора А.Л. Ременсона // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 25–28. doi: 10.17223/23088451/21/4

Original article
doi: 10.17223/23088451/21/4

SOCIO-MORAL PROBLEMS OF IMPRISONMENT IN PROFESSOR ALEKSANDR L. REMENSON'S WORKS

Aleksey P. Detkov¹

¹ *Altai State University, Barnaul, Russian Federation, detkov-altai@yandex.ru*

Abstract. The paper analyses the social and moral problems of criminal punishment of imprisonment as viewed in Aleksandr L. Remenson's works. The focus is laid on the complex and contradictory nature of prison facilities. The author claims that the destructive processes that occur during the execution and serving of sentences hamper the means of preventive and educational influence on the convict, distorting the meaning of the most important moral principles. In the paper, the author considers the legal status of convicts in prison facilities and the specificity of educational work, including that with the participation of public monitoring commissions. The aforementioned allows to conclude that the social and moral foundations (principles) of criminal punishment of imprisonment, laid down in Professor Remeson's works, still retain their relevance not only for the modern science of penal law, but also for law enforcement practice.

Keywords: criminal punishment of imprisonment, prison facilities, effectiveness of criminal punishment, legal status of convicts, social and moral problems of criminal punishment, preventive-educational impact, destructive processes in prison facilities, role of society in the correction of convicts

For citation: Detkov, A.P. (2023) Socio-moral problems of imprisonment in Professor Aleksandr L. Remenson's works. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 25–28. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/4

Уголовное наказание в виде лишения свободы на протяжении длительного времени продолжает оставаться в центре внимания представителей не только науки уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права, но и социологии, психологии, социальной антропологии и ряда социогуманитарных наук. При всей палитре различных мнений и суждений

исследователей по поводу природы уголовного наказания все авторы единодушны во мнении, что данный институт обусловлен социальными, экономическими, политическими аспектами, состоянием уголовной политики и обладает рядом свойств и признаков, присущих только ему. Во-первых, уголовное наказание назначается и реализуется от имени государства в от-

ношении лица, совершившего преступление. Во-вторых, наказание – это совокупность правоограничений (свободы перемещения, условия строгой изоляции). В-третьих, оно носит карательный, репрессивный характер. В-четвертых, обладает широким спектром принудительной нормативной и правовой регламентацией (в виде предписаний уголовно-исполнительного кодекса, подзаконных актов, правил внутреннего распорядка).

Раскрывая природу уголовного наказания, известный советский пенитенциарист А.Л. Ременсон писал: «Неотъемлемой и специфической стороной наказания является лишение осужденного тех благ, которые в принципе представляют собой ценность не только на наказываемого субъекта, но и наказывающего его общества. В этом смысле наказание есть не только конфликт преступника и общества, но и противоречие общественных отношений, выгодных и удобных обществу, которыми оно на время вынуждено поступаться в целях искоренения данного противоречия и других ему подобных. В этом глубинная основа принципа строжайшей экономии карательных средств». Он полагал, что «этим и обуславливается сложность и противоречивость этической характеристики наказания» [1. С. 65].

При такой интерпретации закономерно возникает вопрос – должно ли уголовное наказание в виде лишения свободы обладать социально-нравственными и этическими аспектами в процессе исполнения и отбывания наказания? С одной стороны, лишение свободы сопровождается карательным воздействием в отношении осужденного, отбывающего наказание, в виде определенных правоограничений, которые в свою очередь могут варьироваться в зависимости от разных обстоятельств (вида исправительного учреждения, длительности срока уголовного наказания, нарушений режима отбывания наказания, изменения условий содержания, личности осужденного).

С другой стороны, уголовно-исполнительное законодательство в соответствии со ст. 8 УИК РФ основывается на принципах законности, гуманизма, демократизма, равенства осужденных перед законом, дифференциации и индивидуализации исполнения наказания. Это позволяет на практике более рационально применять меры принуждения, средства исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения, соединения наказания с исправительным воздействием. Следуя логике законодателя, уголовное наказание в виде лишения свободы должно быть «сбалансировано» определенными компенсаторами в виде экономии (минимизации) средств карательного воздействия на осужденного, с акцентуацией на индивидуально-воспитательную и психологическую работу, с использованием мер поощрения и стимулирования правопослушного поведения осужденного.

Рассматривая противоречивость природы уголовного наказания, профессор А.Л. Ременсон пришел к выводу, что соблюдение «баланса» между карательной сущностью уголовного наказания и мер исправительного воздействия возможно при условии «постепенного перенесения центра тяжести уголовного наказания

на превентивно-воспитательное воздействие его порицающих свойств, обуславливающее преобразование механизмов его работы, все более приводит к отсечению худших сторон зла государственности» [1. С. 51]. В частности, он исходил из того, что «четкое представление о единстве и отличиях наказания и мер исправительно-трудового воздействия имеют важное теоретическое и практическое значение» [1. С. 37]. Далее он полагал, что «усиление превентивно-воспитательного воздействия морально осуждающих свойств этого наказания создает перспективу смягчения материальных ограничений без какого бы то ни было снижения превентивно-воспитательной роли лишения свободы, а наоборот, при повышении эффективности этой меры наказания. Умелая и своевременная (без забегания вперед) и в то же время последовательная реализация этой перспективы – один из путей развития советской исправительно-трудовой системы, один из путей преобразования специфики этических качеств лишения свободы как меры уголовного наказания» [4. С. 51].

Несмотря на то, что эти фундаментальные и прогностические по своему содержанию положения были высказаны около шестидесяти лет назад, сегодня они по-прежнему остаются достаточно актуальными. Безусловно, институт уголовного наказания не остается неизменным, а с течением времени в силу современных реалий в сфере социально-экономической и уголовной политики государства, состояния преступности подвержен многочисленным и амплитудным (порой не всегда оправданным) законодательным коррекциям, что иногда приводит к повышению эффективности функционирования как самого института уголовного наказания, так и его отдельных уголовно-исполнительных компонентов.

В результате проведенных многочисленных исследований учеными в области пенитенциарных правоотношений и наших собственных научных изысканий можно сделать вывод о том, что места лишения свободы как социальная среда диалектически противоречива по своей природе. Она обусловлена высоким уровнем социальной напряженности, насилием и агрессией. Отношения (взаимодействие) между осужденными, осужденными и персоналом характеризуются ярко выраженной конфронтацией (противостоянием) и дихотомией «свои – чужие», «свои – враги». Это создает социально-правовые предпосылки и основу формирования базового пенитенциарного конфликта. Дихотомия «свои – чужие» также ориентирована и продуцирует прежде всего деструктивные формы развития различных уголовно-исполнительных правоотношений.

Будучи необходимым и позитивным инструментом регулирования достаточно специфичных уголовно-исполнительных правоотношений при реализации функции общей и частной превенции, уголовное наказание в виде лишения свободы при его исполнении способно порождать у осужденных определенные негативные последствия социально-нравственного, психологического и психиатрического характера. Деструктивные процессы, протекающие в ходе исполнения и отбывания наказания, практически блокируют средства

превентивно-воспитательного воздействия на осужденного, извращая смысл важнейших нравственных принципов. Все это обуславливает поиск новых научно обоснованных методологических подходов и моделей в исследовании как самой природы уголовного наказания, так и личности осужденного.

Современное состояние российской уголовно-исполнительной политики последних десяти лет наглядно свидетельствует о значительном расширении диапазона гуманистических начал в сфере исполнения и отбывания лишения свободы через призму правового положения осужденных (ст. 10–14 УИК РФ), условий содержания (ст. 87 УИК РФ). Казалось бы, следует приветствовать такой законодательный подход, но наряду с этим уголовно-исполнительная практика наглядно свидетельствует о том, что нарушение «баланса» между объемом карательного потенциала и расширяющихся правовых преференций приводит к значительному снижению эффективности уголовного наказания. Характеризуя данный процесс, В.А. Уткин пишет: «Как свидетельствуют нормотворческая и правоприменительная практики, а также содержание официальных документов высокого уровня и выступления ряда руководителей ФСИН, на деле вопросы обеспечения прав осужденных сплошь и рядом подменяются вопросами расширения их прав, т.е. так называемой гуманизацией, а точнее – либерализацией условий отбывания лишения свободы путем установления в законе всевозможных преференций, причем чаще всего для отдельных немногочисленных категорий лишенных свободы» [2. С. 96].

Диалектическая и этическая характеристика наказания, полагал А.Л. Ременсон, имеет важное значение для правильной постановки воспитательной работы с осужденными. Данное направление – достаточно сложное и многогранное, поскольку имеет своей целью исправить осужденного, сформировать у него уважительное отношение к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, повышение их образовательного и культурного уровня (ст. 109 УИК РФ). «Исправление преступника, – подчеркивал он, – это не просто обезвреживание его, а превращение его в полезного члена общества, способного к честной трудовой жизни. Оно выражается в искоренении взглядов и привычек, реально способных обусловить совершение новых преступлений и замещение их новыми прочными взглядами и привычками, обуславливающими добропорядочное поведение личности». «Искоренение отрицательных свойств личности и воспитания свойств, – пишет А.Л. Ременсон, – это не разные стадии, этапы исправления, а две стороны одного и того же процесса. Достижение указанного результата и есть перевоспитание преступника» [1. С. 37]. Сложность реализации данной задачи в современных реалиях, на наш взгляд, заключается в том, что в условиях современного «ландшафта» исправительных учреждений общего, строгого и особого режимов она должна быть скорректирована с учетом сложившихся обстоятельств и особенностей социально-демографической, уголовно-правовой и индивидуально

психологической характеристик осужденных, отбывающих наказание в разных условиях и видах исправительных учреждений. Пребывание человека в местах лишения свободы требует от него значительного физического и психологического напряжения, усиливаются механизмы стрессоустойчивости и самосохранения в условиях строгой изоляции. Это не способствует ресоциализации личности и реализации такой цели наказания, как исправление. Протекающие латентные деструктивные процессы и социальная среда мест лишения свободы способствуют дальнейшей дезадаптации и десоциализации личности, что является мощным фактором, блокирующим воспитательное воздействие на осужденного, применение индивидуальных мер психолого-педагогического характера.

Наши исследования, проведенные в исправительных учреждениях общего, строгого и особого режимов на протяжении ряда лет, показывают, что у осужденных, отбывающих длительные и сверхдлительные сроки лишения свободы, в том числе пожизненное заключение, отмечаются устойчивые социопатические предпосылки деструктивного поведения, которые выражаются в агрессии и конфликтах различной типологии, нарушении режима, игнорировании требований правил внутреннего распорядка. Сравнительный социально-демографический и психологический анализ показывает, что осужденные мужчины и женщины по-разному воспринимают и отбывают уголовное наказание в местах лишения свободы. Например, осужденные женщины в сравнении с мужчинами более импульсивны, возбудимы, впечатлительны, внушаемы и тревожны. Они более остро, чем мужчины, воспринимают сам факт изоляции, разрыв с семьей, потерю социальных контактов, у них более отчетливо проявляется чувство вины и раскаяния. Исходя из принципа дифференциации исполнения наказания, индивидуально-коррекционная и психологическая работа в отношении осужденных мужчин и женщин, на наш взгляд, должна складываться с учетом половых, возрастных и ряда других характеристик.

Современное состояние уголовно-исполнительной системы характеризуется тем, что на фоне снижения общего числа осужденных в местах лишения свободы увеличивается количество осужденных, имеющих три и более судимостей, отмечается стабильно высокий показатель нарушений режима содержания и правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, в то же время низким уровнем обеспеченности трудом. Как следствие этого, наблюдается устойчивая тенденция к увеличению нарушений режима содержания, связанных с оборотом запрещенных предметов в виде денег, спиртных напитков, наркотических и сильнодействующих веществ. Сохраняется стабильно высокий уровень пенитенциарной преступности [3].

Указанные обстоятельства создают предпосылки для усиления социальной напряженности в местах лишения свободы и интенсивности деструктивных процессов, протекающих в исправительных учреждениях разных видов. Все это лишний раз убеждает нас в том, что нарушение «баланса» между карательной сущно-

стью уголовного наказания и превентивно-воспитательным воздействием приводит к снижению эффективности и результативности наказания, а исправительный процесс практически сводится к нулевой отметке.

Рассматривая данную системную проблему, А.Л. Ременсон сделал важный и глубокий по своему содержанию вывод о том, что «наказание и исправительно-трудовое воздействие могут вступить в противоречие друг с другом лишь при условии неправильной организации одного или другого компонента единства» [1. С. 36].

Большое значение А.Л. Ременсон придавал вопросам повышения роли общественности в исправлении и перевоспитании осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Он исходил из того, что «необходимо повысить качество участия наблюдательных комиссий в решении вопросов об изменении правового положения осужденных»; полагал, что «основной функцией шефской работы в ИТУ должно быть оказание помощи администрации ИТУ в исправлении и перевоспитании осужденных путем непосредственного участия в проведении мероприятий не карательного характера и создании для этого непосредственных условий» [1. С. 79].

В уголовно-исполнительной практике работа общественных наблюдательных комиссий регламентируется ст. 23 УИК РФ и Федеральным законом от 10.06.2008

№ 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания». Согласно законодательным положениям, общественные наблюдательные комиссии обладают достаточно широким спектром не только контролирующих функций, но и могут оказывать содействие администрации исправительного учреждения в совершенствовании материально-технической базы исправительного учреждения, в решении вопросов социальной защиты осужденных, организации трудового и бытового устройства освобождающихся лиц, а также оказании помощи в организации учебно-воспитательного процесса в воспитательных колониях. Анализ и обобщение современной практики работы общественных наблюдательных комиссий позволяют сделать вывод о том, что участие общественности способствует расширению социально-нравственных начал и перспектив при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы.

Сущность вышеизложенного позволяет сделать вывод о том, что социально-нравственные основы (начала) уголовного наказания в виде лишения свободы, заложенные в научных трудах профессора А.Л. Ременсона, до сих пор сохраняют свою актуальность не только для современной науки уголовно-исполнительного права, но и правоприменительной практики.

Список источников

1. Ременсон А.Л. Избранные труды (к 80-летию со дня рождения). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 100 с.
2. Уткин В.А. Права осужденных в исправительных учреждениях: ограничения и обеспечение // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 46. С. 96–106.
3. Статистические данные. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях // Официальный сайт ФСИН России. URL: <https://fsin.gov.ru/> (дата обращения: 10.04.2023).

References

1. Remenson, A.L. (2003) *Izbrannyye trudy (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Selected Works (On His 80th Birthday)]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Utkin, V.A. (2022) The rights of convicts in correctional institutions: restrictions and provision. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 46. pp. 96–106. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/46/7
3. The Federal Penitentiary Service of Russia. (n.d.) *Statisticheskie dannye. Kharakteristika lits, soderzhashchikhsya v ispravitel'nykh koloniyakh* [Statistics. Characteristics of persons held in correctional colonies]. [Online] Available from: <https://fsin.gov.ru/> (Accessed: 10th April 2023).

Информация об авторе:

Детков А.П. – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического института Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: detkov-altai@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.P. Detkov, Dr. Sci. (Law), professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Law Institute, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: detkov-altai@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.05.2023;
одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 20.06.2023.

The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Научная статья
УДК 343.2

doi: 10.17223/23088451/21/5

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЧАСТНОНАУЧНЫХ ТЕРМИНОВ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Лев Михайлович Прокументов¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, crim.just@mail.ru*

Аннотация. Существенные изменения, произошедшие в России в последние двадцать лет, обусловили не только восстановление частного права, но и его проникновение во все отрасли отечественного права. Анализ некоторых частноправовых норм, содержащихся в действующем уголовном законодательстве, позволил выявить наличие конкретных проблем, связанных с их неоднозначным пониманием в этих отраслевых науках. Разное понимание обуславливает проблемы как в законодательстве, так и в правоприменении.

Ключевые слова: право, частное право, норма, кража, деньги

Для цитирования: Прокументов Л.М. Проблемы использования частнонаучных терминов в действующем уголовном законодательстве // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 29–33. doi: 10.17223/23088451/21/5

Original article
doi: 10.17223/23088451/21/5

PROBLEMS OF THE USE OF SPECIFIC SCIENTIFIC TERMS IN CURRENT CRIMINAL LEGISLATION

Lev M. Prozumentov¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, crim.just@mail.ru*

Abstract. The narrow focus in branch law, on the one hand, allows for in-depth scientific research, while on the other hand, it makes it difficult to study relations that go beyond the subject of a particular law. The current sectoral isolation is a completely natural phenomenon in scientific legal research, since there may be no need to go beyond one branch. However, the recognition of private property in Russia destroyed the Soviet system of law and gave rise to complex theoretical problems for many branches of law. An example is Section VIII “Crimes in the Sphere of Economics” and Chapter 22 “Crimes in the Sphere of Economic Activity” in the Criminal Code of the Russian Federation. There is an obvious need for close interaction between specialists from various branches of law. There are certain provisions of private law in the form of specific rules on property, property, transactions, bankruptcy, etc. in the Criminal Code. In other cases, researchers and law enforcers have to directly refer to specific rules of private law for correct solution of legal problems.

Keywords: law, private law, norm, theft, money

For citation: Prozumentov, L.M. (2023) Problems of the use of specific scientific terms in current criminal legislation. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 29–33. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/5

Узкая специализация в отраслевых правовых науках, с одной стороны, позволяет осуществлять глубокие научные исследования, с другой – делает труднодоступными для изучения отношения, которые выходят за пределы предмета конкретной правовой науки. Отметим, что существующая в настоящее время отраслевая замкнутость является вполне естественным явлением в осуществлении научных правовых исследований, поскольку далеко не всегда появляется потребность выйти за рамки одной отрасли. Вместе с тем признание частной собственности в России обусловило разрушение советской системы права и породило

сложные теоретические проблемы для многих отраслей права. Примером сказанному является появление в Уголовном кодексе РФ VIII главы «Преступления в сфере экономики» и Главы 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». Очевидно, появилась необходимость тесного взаимодействия специалистов различных отраслей права. В этой связи отметим, что отдельные положения частного права в виде конкретных норм о собственности, имуществе, сделках, банкротстве в тексте Уголовного кодекса уже сегодня присутствуют, а в других случаях, исследователям и правоприменителям приходится непосредственно обращаться к конкретным

нормам частного права для правильного решения уголовно-правовых проблем.

Например, в соответствии со ст. 140 Гражданского кодекса Российской Федерации платежи на территории России осуществляются путем наличного и безналичного расчета. Безналичные расчеты широко применяются не только субъектами предпринимательской деятельности, но и гражданами. В этой связи можно констатировать, что безналичные деньги постепенно, но все в большем объеме вытесняют деньги наличные.

Существенный рост объема и реализации безналичных денег обусловил увеличение преступлений, связанных с незаконным завладением данными денежными средствами. Во многом этому способствовало и развитие банками различных систем удаленного управления банковскими счетами, и простота их использования. В настоящее время для хищения денежных средств, находящихся на чужом банковском счете, не требуется глубоких познаний в сфере компьютерных технологий, достаточно получить доступ к платежной карте или сотовому телефону владельца счета.

Следственная и судебная практика по делам данной категории свидетельствует о том, что органы уголовной юстиции оказались не готовы к сложившейся ситуации. Выявляя факты, связанные с незаконным завладением безналичными денежными средствами, особенно если они совершены в бытовой сфере, правоприменители испытывают большие затруднения при решении вопроса о квалификации таких действий.

В теории уголовного права существует немало работ, посвященных данной проблеме. Тем не менее можно утверждать, что среди исследователей отсутствует единое понимание вопросов, являющихся основополагающими для правильной квалификации незаконного завладения безналичными денежными средствами [1–3].

Прежде всего необходимо определить, что представляют собой безналичные денежные средства. Федеральным законом от 02.07.2013 № 142-ФЗ были внесены изменения в ст. 128 ГК РФ, в соответствии с которыми установлено, что безналичные денежные средства не являются имущественными правами, а являются иным имуществом. Относительно квалификации преступлений против собственности данное положение позволяет утверждать, что безналичные денежные средства могут являться предметом хищения, а не мошенничества в форме приобретения права на имущество или вымогательства в виде требования о передаче права на имущество.

Отличительной чертой безналичных денежных средств и бездокументарных ценных бумаг от иного имущества, способного быть предметом хищения, является отсутствие физического признака. Безналичные деньги не являются вещью, поскольку существуют в виде записи в бухгалтерских документах банка. Именно это свойство определяет специфику их изъятия и обращения, которые возможны только посредством совершения банковских операций. В частности, снятие путем списания денежных средств со счета потерпевшего, обращение путем зачисления денежных средств на счет виновного.

В уголовно-правовой науке преобладает позиция исследователей, считающих, что имущество, не обладающее физическим признаком, не может быть предметом кражи, грабежа, разбоя [4–7]. Представляется, что в настоящее время законных оснований для исключения безналичных денежных средств из предмета названных выше форм хищения, лишь из-за отсутствия у них физического признака, не имеется. В диспозициях ст. 158, 161, 162 УК РФ предмет хищения никак не описывается, следовательно, необходимо руководствоваться общим определением предмета хищения, содержащимся в примечании 1 к ст. 158 УК РФ. А поскольку в примечании предметом хищения является имущество, к которому в соответствии со ст. 128 ГК РФ относятся и безналичные денежные средства, оснований ограничивать предмет кражи, грабежа, разбоя, по сравнению с другими формами хищения (мошенничеством, присвоением и растратой), не существует.

Вместе с тем можно утверждать, что безналичные денежные средства не могут быть похищены способами, указанными в ст. 158 и 161 УК РФ. Они могут быть похищены только путем совершения двух банковских операций: списания средств со счета потерпевшего и зачисления их на счет виновного. Эти операции могут быть выполнены либо имеющим необходимые полномочия сотрудником банка, либо автоматически компьютерной программой.

В первом случае ни сам виновный, ни потерпевший по требованию виновного перевести безналичные деньги на счет виновного не смогут. Для такого перевода требуется либо ввести в заблуждение сотрудника банка (например, используя телефон, принадлежащий потерпевшему, убедить сотрудника банка в том, что распоряжение о переводе денег дано самим потерпевшим), либо заставить потерпевшего отдать такое распоряжение, т.е. заставить его не передать имущество, а совершить действие имущественного характера. Очевидно, что в первом случае будет иметь место мошенничество (ст. 159 УК РФ), во втором – вымогательство (ст. 163 УК РФ).

Часть 1 ст. 195 УК РФ предусматривает ответственность за неправомерные действия при банкротстве, в том числе сокрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях, передачу имущества во владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества, а равно сокрытие, уничтожение, фальсификацию бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя, если эти действия совершены при наличии признаков банкротства и причинили крупный ущерб.

Содержательно данный состав преступления схож со ст. 1166 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, определявшей злостное банкротство: «...когда, кто впадши в неоплатные долги, с умыслом, для избежания платежа оных, переукрепил свое имение или передал оное безденежно в другие руки, или же посредством подставных ложных заимодавцев, или

иным способом скрыл действительное свое имение или часть оно, во вред неудовлетворенных кредиторов». Содержательное совпадение в запрещаемых действиях позволяет говорить о ч. 1 ст. 195 УК РФ как о современном изложении состава «злостного банкротства» [8. С. 49]. Исходя из содержания диспозиции ч. 1 ст. 195 УК РФ структурно объективная сторона «злостного» банкротства включает в себя: 1) внешний акт поведения – деяние; 2) общественно опасные последствия; 3) причинную связь между деяниями и последствиями; 4) обстановку совершения преступления.

Анализ содержания объективной стороны преступлений, предусмотренных ч. 1–3 ст. 195 УК РФ, показывает, во-первых, что законодатель неудачно определил наименование преступления: «Неправомерные действия при банкротстве». Такое наименование ошибочно позволяет утверждать, что ст. 195 УК РФ предусматривает ответственность лишь за активные формы поведения (действия), и не допускает бездействия, что не соответствует содержанию объективных признаков преступлений, предусмотренных ч. 1, 3 ст. 195 УК РФ. Данная законодательная неточность лишь порождает ненужные споры о форме деяния, в связи с чем представляется более удачной иная формулировка: «Неправомерные деяния при банкротстве», предполагающая активную и пассивную формы поведения.

Во-вторых, представляется неудачным начало диспозиции ч. 1 ст. 195 УК РФ, предусматривающей ответственность за сокрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, месте нахождения либо иной информации об имуществе, имущественных правах и обязанностях, передаче имущества во владение иным лицам, отчуждении или уничтожении имущества... Хорошо известно, что понятие «имущество» в частном праве имеет несколько значений: вещь, имущественные права и обязанности, имущественные права. Эти понятия используются в разных институтах с обязательным учетом предмета правового регулирования. Например, применительно к наследственному имуществу речь пойдет о совокупности прав и обязанностей умершего, переход которых по закону допустим, т.е. имущество в широком смысле.

Положение, содержащееся в уже упоминавшейся нами ст. 128 ГК РФ применительно к ситуации банкротства (ст. 195 УК РФ), позволяет увидеть недостатки вышеприведенного текста закона. Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в состав имущества юридического лица, в период его банкротства, могут входить вещи (в том числе недвижимость – ст. 130, 1331 ГК РФ), включая наличные деньги и документальные ценные бумаги.

А в соответствии со ст. 132 ГК РФ недвижимостью признается и предприятие в целом как имущественный комплекс. При этом в состав предприятия в целом входят все виды имущества, предназначенные для его функционирования: земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукция, право требования, долги и иные права.

Систематическое толкование приведенных выше норм гражданского законодательства позволяет утвер-

ждать, что текст, содержащийся в диспозиции ч. 1 ст. 195 УК РФ, можно убрать, заменив его словом «имущество».

В-третьих, объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ, может выражаться и в «передаче имущества во владение иным лицам, отчуждении или уничтожении имущества». Отметим, что отчуждение как форма распоряжения имуществом включает в себя и передачу во владение. Причем, по смыслу закона передать можно и право пользования, и право распоряжения, можно отдать имущество в залог или обременять его другими способами, можно распорядиться им иным способом (ст. 209 ГК РФ).

Следствием игнорирования ключевых определений терминов, содержащихся в действующем гражданском законодательстве при конструировании норм Уголовного права, является крайне низкая эффективность реализации на практике последних. Очевидно, что ст. 195 УК РФ нуждается в серьезной переработке.

Как мы уже отметили, в Уголовное законодательство РФ вносятся изменения, напрямую связанные с частным правом. Так, Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ в примечании к ст. 116 УК РФ, предусматривающей ответственность за побои, содержится круг лиц, объединенных понятием «близкие родственники». Последнее словосочетание в разных вариантах можно обнаружить и в других статьях УК РФ: 105, 111, 112, 117, 309, 311, 317, 318, 320. Очевидно, что слова «его близких» означает «близких лиц». В то же время исходя из текста примечания к ст. 116 УК РФ «близкими лицами в настоящей статье...» не вытекает, что на другие составы это разъяснение тоже распространяется.

Тем не менее правоприменителям предписано при квалификации кого-либо в качестве близкого лица руководствоваться не собственными представлениями, а тем, что содержится в тексте примечания к ст. 116 УК РФ.

Анализ содержащегося в примечании разъяснения позволяет классифицировать названных в нем субъектов на несколько групп. В первую группу войдут близкие родственники. В данном случае не возникает никаких вопросов, поскольку это является абсолютно правильно и по существу, и по логике жизни. Но далее следует ошибочная, по нашему мнению, конкретизация близких родственников в части признания таковыми супруга (супруги). Супруги, т.е. лица, состоящие в зарегистрированном браке, по определению (в принципе) не могут быть близкими родственниками. Именно на таком понимании основано положение, содержащееся в ст. 14 Семейного кодекса РФ, где сказано: «Не допускается заключение брака между близкими родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии (родителями и детьми, дедушкой, бабушкой и внуками), полнородными и неполнородными (имеющих общих отца или мать) братьями и сестрами». Из сказанного следует, что супруги занимают особое место, возможно, первое в списке «близких лиц», названных в примечании к ст. 116 УК РФ.

Трудно согласиться с включением в круг близких родственников таких субъектов, как усыновители,

усыновленные (удочеренные) дети. По общему правилу усыновляют (удочеряют) чужих детей, оставшихся без попечения родителей, в их интересах. Условия усыновления (удочерения) четко закреплены в законодательстве, наличие родственных отношений не требуется. В соответствии с ч. 1 ст. 137 Семейного кодекса РФ «Усыновленные дети и их потомство по отношению к усыновителям и их родственникам, а усыновители и их родственники по отношению к усыновленным детям и их потомству приравниваются в личных и имущественных правах к родственникам по происхождению». В данном предложении ключевым является термин «приравниваются». Следовательно, усыновители и усыновленные не являются родственниками, между ними отсутствует кровная связь, т.е. наличие происхождения от единого (общего) предка. В данном случае семейные правоотношения возникают на основании особого юридического факта – акта усыновления, произведенного в установленном законном порядке. Не являясь родственниками, эти лица, тем не менее, относятся к числу близких лиц. Представляется, что и в уголовном законе эту категорию граждан следует обособить от остальных, при этом в качестве образца можно взять текст, содержащийся в ст. 14 Семейного кодекса РФ (п. 3, 4), где усыновители занимают особое место.

В анализируемом примечании к ст. 116 УК РФ привлекает внимание и упоминание в числе «близких лиц» свойственников, которые в тексте называются «состоящие в свойстве с лицом, совершившим деяние». Понятие «свойства» в действующем российском законодательстве отсутствует, но оно хорошо известно в науке. Под ним исследователи понимают наличие общественной связи между супругом и родственниками другого супруга. Иногда данное понятие используется в более широком смысле: как связь между родственниками обоих супругов. Отметим, что и какой-либо научной теории такого явления, как «свойство», в отечественном частном праве не существует. Хотя в советское время специалисты, занимавшиеся проблемами семейного права, затрагивали вопрос о свойственниках как субъектах алиментных отношений между другими членами семьи. Условие о свойстве заложено в самом наименовании этих лиц: «отчим», «мачеха», «пасынок», «падчерица». Именно эти термины и представляют формулы отношений свойства. Однако в действующем Семейном законодательстве в качестве алиментнообязанных значатся лишь дети – «пасынки» и «падчерицы».

Отмечая некорректность частноправовых формулировок в ст. 116 УК РФ, остановимся еще на одной категории субъектов, отнесенных законодателем к кругу «близких лиц». Они, по отношению к лицу, совершившему деяние, названы как «лица, ведущие с ним общее хозяйство». Если принять во внимание наличие союза «или» между «близкими родственниками, лицами, состоящими в свойстве с лицом, совершившим деяние... или лица, ведущие с ним общее хозяйство», то можно говорить об отдельной (самостоятельной) категории субъектов. Фраза «вести общее хозяйство» означает наличие общих доходов и расходов, совместное питание, приобретение имущества для совместного использования и т.п.

В постановлениях Президиума Верховного Суда СССР от 25 марта 1982 г. и от 3 апреля 1987 г. ведение общего хозяйства рассматривалось как одно из условий при установлении отцовства, а также в спорах, относившихся к жилищным вопросам. При этом в задачу суда входила обязанность исследовать наличие и еще одного условия, под которым понималось «совместное проживание сторон». Тем самым решался вопрос о существовании между лицами отношений, характерных для семейных. Что же касается ст. 116 УК РФ, то в ней указывается одно условие – «ведение общего хозяйства». По смыслу этой фразы речь не идет о семейных отношениях (есть или нет), о поисках отца для детей (одного ребенка), о притязаниях на жилую площадь. Другими словами, эта категория близких лиц не имеет никакого отношения к частному праву (она просто с ним не согласуется) и, по нашему мнению, к целям уголовного законодательства также.

Положения, содержащиеся в примечании к ст. 116 УК РФ, вряд ли останутся незаметными. И дело не столько собственно в побоях, в конечном счете не столь важно, побили родственницу или соседку по подъезду, а в тех близких лицах, которые обозначены как таковые в Уголовном законе. Содержащаяся в нем безразмерная формулировка представляет собой не только некорректное использование частноправовых формулировок, но и благодатную основу для всевозможных злоупотреблений, что является бесспорным доказательством коррупционности нормы.

Трудно не заметить очевидные «проколы» законодателя при конструировании ч. 1 ст. 1272 УК РФ «Использование рабского труда». Представляется неприемлемой формулировка «использование труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности...». У преступника нет никаких полномочий (если быть точным, то правомочий), присущих праву собственности, поэтому и осуществлять ему нечего. Тем более, что по смыслу этой нормы не труд, а человек может быть объектом (предметом) правоотношений.

И этот ряд неточных, некорректных использований частноправовых терминов в действующем уголовном праве можно продолжить. Проникновение частного права во многие отрасли права – явление объективное. Неготовность многих отраслей (в том числе и уголовного права) к подобному проникновению также стала очевидной, поскольку возникли реальные проблемы как в законотворчестве, так и в правоприменении. Безусловно, теоретическую основу для решения конкретных проблем должны формировать исследователи, представляющие определенные отрасли права. Вместе с тем узкая систематизация в науке делает труднодоступными для изучения отношения, находящиеся за пределами предмета данной науки. Наблюдаемая в настоящее время разобщенность, отсутствие системы знаний об исследуемых в различных отраслях правовой науки предметах проявляются в несовершенстве закона и обусловленных им негативных последствиях в правоприменении.

Список источников

1. Благоев Е.В. Преступления в сфере экономики. М. : Юрлитинформ, 2010. 213 с.
2. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. 755 с.
3. Мананкова Р.П. О межотраслевом применении частноправовых понятий // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4 (18) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.05.2023).
4. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М. : Центр ЮрИнфоР, 2001. 316 с.
5. Карпова Н.А. Хищение чужого имущества: вопросы квалификации и проблемы дифференциации уголовной ответственности. М. : Юриспруденция, 2011. 184 с.
6. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. М. : Норма-Инфа-М., 2012.
7. Яни П.С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. № 8. С. 138–140.
8. Прокументов Л., Махно Е. Объективно-субъективное содержание неправомерных деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 195 УК РФ // Уголовное право. 2009. № 5. С. 48–50.

References

1. Blagov, E.V. (2010) *Prestupleniya v sfere ekonomiki* [Crimes in the sphere of economy]. Moscow: YurLitinform.
2. Boytsov, A.I. (2002) *Prestupleniya protiv sobstvennosti* [Crimes against property]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
3. Manankova, R.P. (2015) On inter branch application of private legal concepts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 4(18). pp. 114–122. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/18/14
4. Gaukhman, L.D. (2001) *Kvalifikatsiya prestupleniy: zakon, teoriya, praktika* [Qualification of Crimes: Law, Theory, Practice]. Moscow: Tsentr YurInfoR.
5. Karpova, N.A. (2011) *Khishchenie chuzhogo imushchestva: voprosy kvalifikatsii i problemy differentsiatsii ugovolnoy otvetstvennosti* [Theft of another's property: Questions of qualification and problems of differentiation of criminal liability]. Moscow: Yurisprudentsiya.
6. Lopashenko, N.A. (2012) *Posyagatel'stva na sobstvennost'* [Property Infringement]. Moscow: Norma-Infa-M.
7. Yani, P.S. (2015) Spetsial'nye vidy moshennichestva [Special types of fraud]. *Zakonnost'*. 8. pp. 138–140.
8. Prozumentov, L. & Makhno, E. (2009) Ob"ektivno-sub"ektivnoe sodержanie nepravomernykh deyaniy, predusmotrennykh ch. 1 st. 195 UK RF [Objective-subjective content of illegal acts under Part 1 of Art. 195 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo*. 5. pp. 48–50.

Информация об авторе:

Прокументов Л.М. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.M. Prozumentov, professor, Dr. Sci. (Law), professor of the Department of Penal Law and Criminology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.05.2023;
одобрена после рецензирования 05.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.

The article was submitted 30.05.2023;
approved after reviewing 05.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Научная статья
УДК 343.825

doi: 10.17223/23088451/21/6

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА С ОСУЖДЕННЫМИ, ОТБЫВАЮЩИМИ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ, В КОНТЕКСТЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ТЕОРИИ НАКАЗАНИЯ

Павел Владимирович Тепляшин¹

¹ Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия, pavlushat@mail.ru

Аннотация. Обосновывается необходимость оптимизации воспитательной работы с осужденными, отбывающими лишение свободы на определенный срок, на уровне специального познания. Предлагается осуществлять анализ воспитательной работы с осужденными в преломлении коммуникативной теории наказания, которая опирается на ретрибутивизм. Отмечаются проблемные поля относительно пределов реализации коммуникативного ретрибутивизма при осуществлении воспитательного воздействия на осужденных. Постулируется недопустимость либеральных инициатив при реализации исправительно-воспитательного воздействия на осужденных.

Ключевые слова: воспитательное мероприятие, искупление вины, исправительное учреждение, концепция, раскаяние, средство исправления

Для цитирования: Тепляшин П.В. Воспитательная работа с осужденными, отбывающими лишение свободы, в контексте коммуникативной теории наказания // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 34–38. doi: 10.17223/23088451/21/6

Original article

doi: 10.17223/23088451/21/6

EDUCATIONAL WORK WITH CONVICTS SERVING IMPRISONMENT IN TERMS OF THE COMMUNICATIVE THEORY OF PUNISHMENT

Pavel V. Teplyashin¹

¹ Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation, pavlushat@mail.ru

Abstract. The article lists the factors that complicate educational work with convicts serving imprisonment for determined period. The author argues that the educational work can be improved only by means of an ordered system of judgments and provisions that allow adequate explanation of the content, forms, methods, and techniques of implementing the considered means of correction. The methodological foundations of the private theory of educational work with convicts are indicated as a level of special knowledge. The content of educational work with imprisoned convicts is disclosed through the prism of the communicative theory of punishment, based on the ideas of retributivism. According to this theory, criminal punishment should be assessed as a manifestation of a well-deserved censure and repentance of the convict, who acknowledges the offence. The author shows that Aleksandr L. Remenson's teaching contains a set of judgments and provisions that reflect the retributive nature of criminal punishment, including the postulates of communicative retributivism. The problems discussed refer to the limits of the communicative theory in the practice of carrying out educational work with convicts. The author warns that the process of education of and dialogue with a convict must not result in unjustified liberalization of penal legislation and indiscriminate humanization of criminal punishment.

Keywords: educational event, atonement, correctional institution, concept, repentance, means of correction

For citation: Teplyashin, P.V. (2023) Educational work with convicts serving imprisonment in terms of the communicative theory of punishment. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 34–38. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/6

Воспитательная работа с осужденными относится к средству их исправления. В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. (далее – Концепция) совершенствование воспитательной работы с осужденными выступает одним из обеспечительных механизмов их исправления. Кроме того, согласно Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)», существует настоятельная потребность в обеспечении эффективной воспитательной работы в уголовно-исполнительной системе. Следовательно, необходимы

комплексные и постоянные усилия по оптимизации осуществления воспитательной работы с осужденными, которая предполагает прочный стратегический тандем практико-ориентированных (правоприменительных) мероприятий и научно-исследовательских изысканий, способных в конечном итоге обеспечивать оказание должного исправительного воздействия на лиц, отбывающих уголовные наказания. Ведь в Концепции исправление обозначено как одна из ее целей.

Совершенствование воспитательной работы с осужденными предполагает повышение результативности соответствующих мероприятий, проводимых с

лицами, отбывающими уголовное наказание. Существенный научный интерес представляет анализ такой результативности применительно к осужденным, отбывающим лишение свободы на определенный срок. При этом можно обозначить ряд факторов, которые осложняют как процесс проведения воспитательной работы с данной категорией осужденных, так и негативно влияют на общую результативность такой работы. Во-первых, следует отметить ухудшение криминального портрета лиц, отбывающих лишение свободы. Так, если по состоянию на 1 января 2010 г. в исправительных колониях для взрослых содержался 21,56% лиц, осужденных в третий и более раз, то по состоянию на 1 января 2022 г. их было уже 39,89%. Это указывает на существенное возрастание удельного числа осужденных, характеризующихся значительной степенью криминальной пораженности. Со стороны именно «второходов» обнаруживается активное противодействие мероприятиям и действиям сотрудников исправительных учреждений воспитательного характера, что влияет на качество исправительно-профилактического воздействия, повышает рецидивоопасность освобождаемых осужденных и подрывает авторитет субъектов исполнения уголовного наказания.

Во-вторых, в настоящее время еще только на стадии разработки находится концептуальный документ, который содержал бы стратегические установки и руководящие идеи, соответствующие современным реалиям, по организации и реализации воспитательной работы с осужденными в условиях существующих угроз и вызовов уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. Ведь большинство положений Концепции воспитательной работы с осужденными в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы, которая была утверждена 20 апреля 2000 г., морально девальвировались и уже не корреспондируют нарождающимся направлениям прогрессивного формирования инновационных задач и инструментов воспитательной работы с осужденными.

В-третьих, продолжают оставаться достаточно «рыхлыми» критерии оценки результативности воспитательной работы. Это обстоятельство занижает ценность и нивелирует ориентиры соответствующей работы субъектов исполнения уголовных наказаний. Не случайно Е.В. Кунц отмечает, что «имеются различные критерии для определения эффективности воспитательной работы в исправительных учреждениях» [1. С. 44].

Как представляется, совершенствование воспитательной работы с осужденными возможно на основе использования только упорядоченной и обоснованной системы суждений и положений, позволяющих адекватно объяснять содержание, формы, методы и способы реализации рассматриваемого средства исправления осужденных. Фактически речь идет о частной теории воспитательной работы с осужденным как уровне специального познания, на котором обобщаются и систематизируются психолого-педагогические и юридические знания о сущности, структуре и закономерностях воспитательного воздействия на лиц, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, формули-

руются соответствующие понятия и категории (например, «правовое воспитание»), а также гипотезы (в частности, существование функциональной связи между участием осужденных в проводимых воспитательных мероприятиях и степенями их исправления), выстраиваются прогнозы развития, трансформации и оптимизации форм и методов воспитательной работы с осужденными, осуществляется верификация применяемых знаний и полученных исправительно-профилактических результатов.

Не претендуя на разработку вышеобозначенной фактически презюмируемой частной теории, думается возможным осуществлять анализ воспитательной работы с осужденными в преломлении различных теорий наказания, что позволит высвечивать в ее содержании новые научно значимые особенности, вскрывать резервы для ее методологического обоснования, демонстрировать ресурсы для оптимизации воспитательного воздействия. Более того, научное лорнетирование теорий наказания обеспечивает приближение исследователей к фактически латентной области еще не обнаруженных, но фактически существующих общественных потребностей и закономерностей противодействия криминальным проявлениям. При этом сложно не согласиться с мнением Н.В. Щедрина, который писал следующее: «...в плане познания уголовного наказания мы находимся на уровне элементарной механики, в то время как нужны теории, сопоставимые с теорией относительности или квантовой теорией» [2. С. 106].

Видится возможным обратиться к содержанию воспитательной работы с осужденными, отбывающими уголовное наказание в виде лишения свободы, через призму коммуникативной теории наказания, которая еще только начала получать должное научное анонсирование в современных отечественных исследованиях.

Автором коммуникативной теории наказания является яркий представитель шотландского университета в Стерлинге Робин Энтони Дафф (Robin Antony Duff). В соответствии с его представлениями «наказание, как светское покаяние, должно составлять способ морального исправления, с помощью которого он должен примириться с теми, кого обидел, – посредством которого должны быть восстановлены и укреплены узы политического сообщества» [3. Р. 305]. Согласно указанному тезису, уголовное наказание следует оценивать как проявление заслуженного порицания и светского покаяния осужденного лица, ориентированного на его раскаяние, моральное исправление и примирение как непосредственно с потерпевшим, так и с обществом в целом. Аллегорически можно утверждать, что отмеченная теория выражает «моральный диалог» общества с осужденным.

Однако согласно коммуникативной теории наказания, даже раскаяние лица, например высказанное при последнем слове подсудимого, не является основанием отказа государства от реализации уголовного наказания, что показывает возмездную природу рассматриваемого учения. Так, по мнению Роберта Нозика (Robert Nozick), коммуникативный, или телеологический, ретрибутивизм предполагает, что посредством наказания преступнику транслируется отрицательная оценка его

поступка, тем самым ориентируя осужденного на ответную реакцию в виде раскаяния. В этом состоит так называемое общественное сотрудничество и получение одного из результатов применяемого уголовного наказания. Ведь согласно представлениям Роберта Нозика, «благополучие каждого зависит от того, насколько эффективно организовано общественное сотрудничество» [4. С. 33]. Вместе с тем существует точка зрения, в соответствии с которой «криминология раскаяния бросает вызов практике системы уголовного правосудия <...> раскаяние может и должно быть существенным элементом при назначении или отмене наказания» [5. С. 162, 179]. В определенной степени можно согласиться с обозначенной позицией, так как уголовное правосудие предполагает не механистическую локальную оценку эмоционально-волевой сферы осужденного, а соблюдение и достижение идеи справедливости, поскольку «современный фундаментальный ретрибутивный принцип уголовного наказания проистекает из всеобщих требований справедливости» [6. С. 160].

В соответствии с исследуемой теорией уголовное наказание является средством доведения до преступника квинтэссенции его общественно опасного поведения. В идеале этот процесс должен привести осужденного к полному раскаянию в совершенном преступлении. Как представляется, проведение с осужденным лицом воспитательной работы способствует его приближению к раскаянию, сожалению о содеянном и пересмотру морально-нравственной стороны своего поведения. При этом нельзя не заметить, что отечественная теория исправительного воздействия уже обладает научно обоснованными представлениями о возмездной природе уголовного наказания и его соответствующих свойствах, а также значении искупления вины в исправлении осужденного. Так, учение А.Л. Ременсона содержит комплекс суждений и положений, которые фактически отражают возмездную природу уголовного наказания, в том числе постулаты коммуникативного ретрибутивизма. Так, в своей знаменитой статье «О возмездном характере уголовного наказания», вышедшей в свет в 1963 г., он пишет: «...термин “возмездие” может быть с пользой употреблен для характеристики ряда специфических особенностей наказания, отличающих его от целого ряда других мер принуждения» [7. С. 17]. В этой же статье ученый постулирует: «Искупление вины – это такое переживание виновным лицом своего преступления, которое при правильной организации наказания должно привести к раскаянию преступника в содеянном, к деятельности, направленной на то, чтобы заслужить прощение» [7. С. 18].

Также следует отметить, что в своей догматической основе коммуникативная теория опирается на ретрибутивизм, который концептуально рассматривается в рамках назначения наказания, строгость которого должна быть соразмерна совершенному преступлению. Вместе с тем коммуникативная теория наказания экстраполируется не столько на процесс назначения уголовного наказания, сколько на процедуру его исполнения. В силу этого допустимо говорить о существовании такого варианта ретрибутивизма, как теория коммуникативного ретрибу-

тивизма (коммуникативная теория наказания). Реализация данной теории демонстрирует ее совместимость с таким средством исправления осужденных, как воспитательная работа, что обусловлено следующими факторами: 1) приоритет в реализации ее функций имеет процесс «диалога», который осуществляется в рамках реализации нравственного воспитания осужденных, которое, согласно ч. 1 ст. 110 УИК РФ, является одной из форм воспитательной работы; 2) верификация данной теории возможна на фоне оценки степени достижения исправления осужденного, что, в соответствии с ч. 1 ст. 109 УИК РФ, выступает искомым результатом воспитательной работы; 3) ее реализация позволяет прогнозировать правоприменительные особенности и концептуальные направления оптимизации воспитательной работы с осужденными лицами.

Экстраполируя коммуникативную теорию на существующую практику осуществления воспитательной работы с осужденными, необходимо иметь в виду следующие проблемные поля относительно пределов ее применения. Во-первых, коммуникативный ретрибутивизм не предоставляет ответа на вопрос о том, какой должна быть организация исправительного процесса в целом и воспитательной работы в частности. Так, Лиза Керр (Lisa Kerr) справедливо постулирует, что применительно в своей теории Р.Э. Дафф не предоставляет какого-либо разъяснения того, как существующие особенности тюремных режимов в пенитенциарных системах различных стран интегрируются с коммуникативной теорией наказания [8. Р. 98–99].

Во-вторых, коммуникативная теория объективно будет иметь минимальное апробирование применительно к реализации воспитательной работы с осужденными, отбывающими сверхдлительные сроки уголовного наказания и пожизненное лишение свободы. В этой связи Гейл Супер (Gail Super) отмечает, что когда «правосудие смешивается с местью (мягкой или жесткой), в рамках которой целью является удаление определенных преступников из общества посредством долгосрочного тюремного заключения... происходит смешение “справедливости” для жертв преступлений с наказанием и избирательная близость между наказанием и местью, которые являются основными постулатами популистского карательного велфаризма» [9. С. 442]. Фактически существенное снижение «работоспособности» коммуникативной теории наказания детерминировано значительным сглаживанием практической значимости раскаяния и последующего исправления [10. Р. 547–548]. Крайне сложно восстанавливаемые бреши семейных связей, отсутствие или утрата трудовой квалификации, объективное появление психологических барьеров перед освобождением, а также иные обстоятельства значительно обесценивают функциональную роль коммуникативных инструментов диалога между осужденным и субъектами исполнения наказания, препятствуют конструктивной воспитательной работе с такими лицами и формированию у осужденного неподложного чувства раскаяния.

В-третьих, интерпретируемая теория сталкивается со сложными вопросами концепции «целой жизни».

Так, данная концепция дает возможность продемонстрировать степень нравственной запущенности и аморальной пораженности человека, нарушившего уголовно-правовой запрет, с момента начала формирования его личности, а также показать роль любых жизненных поступков в исправлении осужденного лица. На фоне коммуникативного ретрибутивизма при осуществлении воспитательной работы с осужденными придется давать оценку каждому поступку (как положительному, так и отрицательному) осужденного и его вклад в формирование его нравственного облика. Более того, учет концепции «моральной пустыни», т.е. задействование механизмов переоценки совершенного преступления в целях коррективки «заслуженного» наказания, предполагает использование индивидуальных воспитательных программ, что требует соответствующих организационных усилий и правового сопровождения.

Здесь необходимо отметить, что одним из вероятных направлений практического преломления коммуникативной теории наказания является реализация индивидуальной программы обращения с осужденным. Коммуникативный ретрибутивизм выступает дополнительным теоретическим средством актуализации и работоспособности индивидуальной программы исправления осужденного, в функциональной сердцевине которой лежит воспитательная работа. Указанная форма обращения с осужденными до настоящего времени носит лишь перспективный характер и не нашла своей полновесной реализации. Можно обнаружить только спорадические теоретические исследования отмеченного межотраслевого комплексного института [11], в том числе соответствующий опыт некоторых зарубежных стран [12]. В отечественном уголовно-исполнительном законодательстве отсутствует регламентация подобных программ.

Справедливости ради следует отметить, что, в частности, Концепция предусматривает индивидуальную профилактику правонарушений осужденными и индивидуальную программу реабилитации инвалидов-осужденных. Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» предусмотрена индивидуальная программа реабилитации. Можно резюмировать, что использование соответствующих положений коммуникативного ретрибутивизма способно расширять конструктивные исследования практических возможностей оптимизации воспитательного воздействия при реализации индивидуальной программы обращения с осужденным.

Под видом «диалога» недопустимы неоправданная либерализация уголовно-исполнительного законодательства и либеральные инициативы при реализации исправительно-воспитательного воздействия на осужденных. Ведь такой риск несет негативные послед-

ствия, так как он обесценивает изначально заложенный в пенальный ретрибутивизм возмездный характер и императивную форму обращения с осужденным. Также необходимо разграничивать процесс применения установлений коммуникативного ретрибутивизма и практическое воплощение идей гуманизации условий отбывания лишения свободы: в первом случае реализуется содержание исправительно-воспитательной работы с осужденным, тогда как во втором – форма и сопровождение такой работы. Следовательно, расширение большинства прав осужденных имеет очень слабую связь с реальным повышением результативности соответствующих исправительно-воспитательных мероприятий и в основном является во многом огульным расширением гуманитарной составляющей исправительно-профилактического воздействия и стремлением привести условия отбывания наказания в соответствие с общецивилизационными пенитенциарными стандартами. Исследователи этого вопроса часто подвергают критике необоснованную подмену мер, составляющих исправительно-воспитательную работу с осужденными, мерами, направленными на гуманизацию условий отбывания наказания.

Так, В.А. Уткин обоснованно указывает, что «дальнейшая “гуманизация” (а точнее – либерализация) уголовно-судебной политики никак невозможна» [13. С. 109–110]. В свою очередь А.К. Теохаров и Г. Батболд пишут: «...политико-правовые решения, направленные на либерализацию исполнения наказания в виде лишения свободы, представляются нецелесообразными и необоснованными» [14. С. 105]. В этой связи полагаем возможным руководствоваться четкими и крайне актуальными для современного времени разъяснениями А.Л. Ременсона, который аргументированно отмечал: «...а) необходимо осуществлять лишение свободы в полной мере, предусмотренной законом, не допуская никаких поблажек заключенным; б) необходимо преодолевать извращенные представления заключенных о колониях, как о “доме родном”, выполняя эту задачу не только путем полномерного осуществления кары, но и посредством воспитательной работы, направленной на повышение интеллектуального и нравственного уровня осужденных граждан» [7. С. 43].

Следует согласиться с обозначенными позициями и при интерпретации теоретических воззрений, заложенных в основу коммуникативного ретрибутивизма, не уходить в сторону слепой реализации декларативных и часто лишь ангажированных идей гуманизации условий обращения с осужденными.

Таким образом, изложенный материал позволяет в преломлении коммуникативного ретрибутивизма по-новому взглянуть на магистральные направления и формы реализации воспитательной работы с осужденными, отбывающими уголовное наказание в виде лишения свободы. Как представляется, коммуникативная теория наказания способна занять достойное место в структуре всей научной парадигмы воспитательной работы с осужденными.

Список источников

1. Кунц Е.В. Режим и воспитательная работа как средства исправления осужденных // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2021. № 1. С. 41–45.

2. Щедрин Н.В. О «теории относительности» уголовного наказания и ее экспериментальной проверке // Общество и человек. 2011. № 1. С. 103–106.
3. Duff R.A. Penance, punishment and the limits of community // Punishment and Society. 2003. Vol. 5, Is. 3. P. 295–312.
4. Олешкова А.М. Проблемы прикладной этики в социокультурном измерении XXI века : учеб. пособие. Нижний Тагил : Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета, 2017. 192 с.
5. Chitov A. The Communicative Theory of Punishment and Repentance // Law. Journal of the Higher School of Economics (Право. Журнал Высшей школы экономики). 2018. № 4. С. 162–180.
6. Корсаков К.В. Принцип эквивалентного воздаяния в современном российском уголовном законодательстве // Российский юридический журнал. 2015. № 3. С. 157–163.
7. Ременсон А.Л. Избранные труды (к 80-летию со дня рождения). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 100 с.
8. Kerr L. How the prison is a black box in punishment theory // University of Toronto Law Journal. 2019. Vol. 69, Is. 1. P. 85–116.
9. Super G. Punitive Welfare on the Margins of the State: Narratives of Punishment and (In)Justice in Masiphumelele // Social & Legal Studies. 2021. V. 30, Is. 3. P. 426–447.
10. Dichter T.A. Worst of the Worst: Rehabilitationist Roots of Life without Parole // Law, Culture and the Humanities. 2021. Vol. 17, Is. 3. P. 529–549.
11. Павленко Д.А. Индивидуальная исправительная программа: задачи, содержание и общая логика составления // Вестник Могилевского института МВД. 2021. № 2. С. 32–38.
12. Сиряков А.Н. Правовое регулирование и содержание пенитенциарных программ в местах лишения свободы Испании // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16, № 1. С. 81–90.
13. Уткин В.А. «Социология» применения наказаний и пенитенциарная практика // Вестник Кузбасского института. 2019. № 4. С. 107–116.
14. Теохаров А.К., Батболд Г. Либерализация исполнения наказания в виде лишения свободы: критический взгляд // Алтайский юридический вестник. 2017. № 4. С. 101–106.

References

1. Kunts, E.V. (2021) Rezhim i vospitatel'naya rabota kak sredstva ispravleniya osuzhdennykh [Regime and educational work as a means of correcting convicts]. *Vestnik Permskogo instituta Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy*. 1. pp. 41–45.
2. Shchedrin, N.V. (2011) O "teorii otnositel'nosti" ugovnogo nakazaniya i ee eksperimental'noy proverke [On the "relativity theory" of criminal punishment and its experimental verification]. *Obshchestvo i chelovek – Human and Society*. 1. S. 103–106.
3. Duff, R.A. (2003) Penance, punishment and the limits of community. *Punishment and Society*. 5(3). pp. 295–312.
4. Oleshkova, A.M. (2017) *Problemy prikladnoy etiki v sotsiokul'turnom izmerenii XXI veka* [Problems of Applied Ethics in the Socio-Cultural Dimension of the 21st Century]. Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Russian State Vocational Pedagogical University.
5. Chitov, A. (2018) The Communicative Theory of Punishment and Repentance. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. 4. pp. 162–180.
6. Korsakov, K.V. (2015) Printsip ekvivalentnogo vozdayaniya v sovremennom rossiyskom ugovnom zakonodatel'stve [The principle of equivalent retribution in modern Russian criminal law]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 3. pp. 157–163.
7. Remenson, A.L. (2003) *Izbrannye trudy (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Selected Works (On His 80th Birthday)]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Kerr, L. (2019) How the prison is a black box in punishment theory. *University of Toronto Law Journal*. 69(1). pp. 85–116.
9. Super, G. (2021) Punitive Welfare on the Margins of the State: Narratives of Punishment and (In)Justice in Masiphumelele. *Social & Legal Studies*. 30(3). pp. 426–447.
10. Dichter, T.A. (2021) Worst of the Worst: Rehabilitationist Roots of Life without Parole. *Law, Culture and the Humanities*. 17(3). pp. 529–549.
11. Pavlenko, D.A. (2021) Individual'naya ispravitel'naya programma: zadachi, sodержanie i obshchaya logika sostavleniya [Individual correctional program: Tasks, content and general logic of compilation]. *Vestnik Mogilevskogo instituta MVD*. 2. pp. 32–38.
12. Siryakov, A.N. (2021) Pravovoe regulirovanie i sodержanie penitentsiarnykh programm v mestakh lisheniya svobody Ispanii [Legal regulation and content of penitentiary programs in Spanish prisons]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 16(1). pp. 81–90.
13. Utkin, V.A. (2019) "Sotsiologiya" primeneniya nakazaniy i penitentsiarnaya praktika ["Sociology" of the application of punishments and penitentiary practice]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 4. pp. 107–116.
14. Teokharov, A.K. & Batbold, G. (2017) Liberalizatsiya ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody: kriticheskiy vzglyad [Liberalization of punishment in the form of imprisonment: a critical view]. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik*. 4. pp. 101–106.

Информация об авторе:

Тепляшин П.В. – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (Красноярск, Россия). E-mail: pavlushat@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

P.V. Teplyashin, Dr. Sci. (Law), docent, professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: pavlushat@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.

The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Научная статья
УДК 34.343.2

doi: 10.17223/23088451/21/7

К ВОПРОСУ О ВИДАХ ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Антон Геннадьевич Антонов¹

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, antonovanton1@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы определения круга иных мер уголовно-правового характера и обосновывается вывод о наличии двух их разновидностей; отмечается необходимость упорядочения уголовного законодательства в исследуемой сфере.

Ключевые слова: иные меры, конфискация, судебный штраф

Для цитирования: Антонов А.Г. К вопросу о видах иных мер уголовно-правового характера // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 39–42. doi: 10.17223/23088451/21/7

Original article
doi: 10.17223/23088451/21/7

ON TYPES OF OTHER CRIMINAL JUSTICE RESPONSE

Anton G. Antonov¹

¹ St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, antonovanton1@mail.ru

Abstract. The Russian criminal legislation contains three other sanctions of criminal law: medical coercion, confiscation of property and a court fine. Today, there is a trend in the legislative practice to expand the institution of other criminal law sanctions by means of their certain types related to exemption from criminal liability, though they have a certain repressiveness. In the doctrine of criminal law, there is also a strong tendency to expand the range of other criminal law sanctions by including the norms that are not specified in Section IV of the Criminal Code of the Russian Federation. The analysis of current Russian criminal legislation has revealed two varieties of other criminal law sanctions, which necessitated their streamlining in criminal legislation.

Keywords: other sanctions, confiscation, court fine

For citation: Antonov, A.G. (2023) On types of other criminal justice response. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 39–42. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/7

Не всегда только уголовное наказание следует за совершенным преступлением. В уголовном законодательстве нашей страны предусмотрены и другие правоограничения при совершении общественно опасных деяний, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, не являющиеся уголовным наказанием. На сегодня в отечественном уголовном законодательстве предусмотрены три иные меры уголовно-правового характера: принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества и судебный штраф.

Актуальность анализа иных мер уголовно-правового характера возрастает в связи с очевидной тенденцией к их расширению. Ведь изначально в УК РФ не было таких иных мер уголовно-правового характера, как конфискация имущества и судебный штраф. Отметим, что Верховный Суд Российской Федерации настойчиво предлагал ввести еще ряд иных мер уголовно-правового характера в уголовное законодательство.

Так, высший судебный орган сначала выходил с инициативой не только введения в УК РФ освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Такое освобождение предлагалось и с назначением исправительных работ, обязательных работ, а также с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью [1]¹.

¹ См. : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 июля 2015 года № 37 О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности”».

Позже в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2017 г. № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”» закреплялись как иные меры уголовно-правового характера судебный штраф, обязательные работы и исправительные работы. Однако по прошествии времени Верховный Суд Российской Федерации в очередном проекте федерального закона о введении категории уголовного проступка упоминает уже помимо судебного штрафа общественные работы и ограниченно оплачиваемые работы как иные меры уголовно-правового характера. Тем самым очевидно направление законодательной практики расширения института иных мер уголовно-правового характера за счет определенных их видов, связанных с освобождением от уголовной ответственности, но обладающих определенной репрессивностью.

В доктрине уголовного права тоже наблюдается стойкая тенденция к расширению круга иных мер уголовно-правового характера за счет отнесения к ним, норм, не указанных в разделе IV УК РФ. В литературе отмечают данные меры в нормах уголовного законодательства, например, предусматривающих виды освобождения от уголовной ответственности и от наказания [1. С. 85]. Нашла свое отражение в науке и позиция об отнесении некоторых видов освобождения от наказания к рассматриваемым мерам: условного осуждения, отсрочки отбывания наказания и условно-досрочного освобождения [2. С. 502]. Существенное место в исследованиях занимает и вопрос отнесения принудительных мер воспитательного воздействия к иным мерам уголовно-правового характера [3. С. 55].

Однако в настоящее время в уголовном законодательстве закреплено всего три вида иных мер уголовно-правового характера. И невозможно разрешение вопроса определения их круга и тенденции развития соответствующего института без анализа их существенных признаков.

Одной из важных черт таких мер является их **безальтернативность уголовному наказанию**. Они применяются вынуждено. Конфискуя орудие преступления, нож у убийцы, правоприменитель не имеет иных вариантов поведения (в данном случае – по предупреждению преступления). В случае совершения общественно опасного деяния невменяемым лицом, у правоприменителя тоже нет никакой альтернативы законной реакции на его совершение, кроме как применение принудительных мер медицинского характера. Отметим, что судебный штраф не соответствует этому признаку. Он, как и большинство видов освобождения от уголовной ответственности и наказания, применяется альтернативно уголовной ответственности и предполагает другие варианты развития событий. Например, виновный не уплатил штраф и суд обязан возвратиться к вопросу применения наказания. Таким образом, иные меры уголовно-правового характера применяются, ко-

гда наказание нельзя назначить либо необходимо ввести дополнительные ограничения к нему для предупреждения преступлений.

Цели иных мер уголовно-правового характера, с одной стороны, имеют более узкую направленность (чем наказание. – А.А.) и связаны прежде всего со специальным предупреждением, а с другой – более широкую направленность (например, цели принудительных мер медицинского характера) [4. С. 95]. Конфискация имущества и принудительные меры медицинского характера **не преследуют цели общего предупреждения преступлений**. Судебный штраф же направлен и на общее предупреждение преступлений, так как содержит в себе определенные обременения, представляющие собой по сути штрафную санкцию за совершение преступления.

Применение иных мер уголовно-правового характера носит **императивный характер**: например, обязательно изъятие орудия преступления или помещения невменяемого лица в психиатрический стационар определенного типа. Этот признак не характерен для судебного штрафа, так как он назначается по усмотрению суда, как и большинство других видов освобождения от уголовной ответственности и от наказания.

Иные меры уголовно-правового характера **не содержат в себе карательного элемента**. Так, принудительные меры медицинского характера применяются к, например, невменяемому лицу в целях его излечения или улучшения психического состояния. Такое принудительное лечение, конечно, является существенным ограничением прав и свобод лица, но цели его применения отличаются от целей наказания и не свидетельствуют о наличии кары. Исключение составляет судебный штраф по упомянутым выше причинам.

Исходя из изложенного, можно выделить четыре признака иных мер уголовно-правового характера. Они не являются альтернативой уголовному наказанию, имеют императивный характер, у них отсутствует цель общего предупреждения преступлений, а также они не содержат кары. Эти признаки относятся к конфискации имущества и принудительным мерам медицинского характера.

Тем самым иные меры уголовно-правового характера можно понимать как определенные уголовным законодательством виды государственного принуждения, которое не является наказанием (и не содержит карательного элемента) или его альтернативой, но реализуется в связи с совершением лицом преступления (общественно опасного деяния) на императивной основе.

Судебный штраф имеет иную природу и не относится к иным мерам уголовно-правового характера в изложенном нами понимании. Основанием назначения судебного штрафа является утрата виновным общественной опасности или ее существенное снижение. Цели в данном случае совпадают с целями наказания, отраженными в ч. 2 ст. 43 УК РФ, так как судебный штраф несет в себе определенную карательную составляющую. Таким образом, судебный штраф назначается в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления виновного и предупрежде-

ния совершения новых преступлений [5. С. 17], что существенно отличает его от конфискации имущества и принудительных мер медицинского характера.

Настало время ответить на вопрос: «Можно ли судебный штраф и другие виды освобождения от уголовной ответственности, а также освобождение от наказания отнести к иным мерам уголовно-правового характера?»

Отметим, что есть виды освобождения от уголовной ответственности без каких-либо обременений для виновного. Например, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием или примирением с потерпевшим. В данном случае о каких-либо мерах судить не приходится – виновный освобождается от уголовной ответственности без последующих ограничений его прав и свобод.

Однако есть виды освобождения от уголовной ответственности, включающие в себя условия финансового обременения: освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба и с назначением судебного штрафа. Они предусматривают одним из условий освобождения виновного от уголовной ответственности перечисление в казну государства определенных денежных средств. Эти денежные средства отражают, по сути, карательное воздействие на виновного и фактически являются иными мерами уголовно-правового характера. Судебный штраф уже отнесен законодателем к ним, а двукратное возмещение, например, ущерба от преступления (ч. 2 ст. 76¹ УК РФ), пока не отражено в уголовном законодательстве как иная мера уголовно-правового характера.

Возможно ли отнести освобождение от наказания к рассматриваемым мерам? Ответить на этот вопрос можно только с учетом особенностей видов освобождения от наказания. При освобождении от наказания (большинства видов) имеют место существенные ограничения прав и свобод осужденного. Так, например, ограничения при условном осуждении, условно-досрочном освобождении, отсрочке отбывания наказания по своей репрессивности очень сходны с уголовным наказанием в виде ограничения свободы. Например, в соответствии с ч. 5 ст. 73 УК РФ суд возлагает на осужденного определенные обязанности: не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, трудиться (трудиться) либо продолжить обучение в общеобразовательной организации. Суд может возложить на условно

осужденного исполнение и других обязанностей, способствующих его исправлению. Эти ограничения, не являющиеся наказанием, могут быть условно названы иными мерами уголовно-правового характера. Такие же виды освобождения от наказания, как, например, помилование или освобождение от наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда, не предполагают каких-либо обременений и не могут иметь отношения к рассматриваемым мерам.

Возможно ли отнести принудительные меры воспитательного воздействия к иным мерам уголовно-правового характера? Ответ «нет». Причина – отсутствие в их содержании существенных ограничений прав и свобод несовершеннолетних: передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего, предупреждение, возложение обязанности загладить причиненный вред уголовно-правового характера не имеют. Отмеченные отношения, регулируются другими отраслями права. Исключение составляет такая принудительная мера воспитательного воздействия, как помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Данное лишение прав и свобод несовершеннолетнего достаточно репрессивно и может быть отнесено к иным мерам уголовно-правового характера.

В отличие от конфискации имущества и принудительных мер медицинского характера, рассмотренные нормы, содержащие в себе карательный элемент, применяются не вынуждено, а по усмотрению суда или другого компетентного органа: они – альтернатива уголовному наказанию, что свидетельствует о наличии присущей им цели общего предупреждения преступлений.

В связи с изложенным, можно констатировать наличие двух разновидностей иных мер уголовно-правового характера: это меры, альтернативные уголовной ответственности или наказанию, включающие в себя карательный элемент; и меры, не носящие альтернативного и репрессивного характера. Они требуют упорядочения в уголовном законодательстве. Тем самым очевидна необходимость конструирования сбалансированного института иных мер уголовно-правового характера на основе нейтрализации общественной опасности деяния без применения уголовной ответственности, наказания или наряду с ним, что предполагает учет и точки зрения сторонников формирования более широкого круга видов иных мер уголовно-правового характера, чем предусмотрено в уголовном законодательстве.

Список источников

1. Мартыненко Н.Э., Мартыненко Э.В. Проблемы законодательного закрепления иных мер уголовно-правового характера // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования : сб. тр. межвуз. науч.-практ. конф. (25 апреля 2019 г.) / гл. ред. О.П. Грибунов ; отв. ред. Е.З. Сидорова. Иркутск : ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2019. 320 с.
2. Сундуров Ф.Р. Природа и проблемы систематизации мер в уголовном праве // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, кн. 2. С. 497–505.
3. Бархатова Е.Н. Иные меры уголовно-правового характера: отражение в современной уголовной политике // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 53–60.

4. Серебренникова А.В., Кузнецов А.Ю., Мустафазаде Р.Ш. Система и функции иных мер уголовно-правового характера в российском уголовном праве // Союз криминалистов и криминологов. 2021. № 3. С. 91–96.
5. Андреев С.П. Обеспечение принципа справедливости при освобождении от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2021. 25 с.

References

1. Martynenko, N.E. & Martynenko, E.V. (2019) Problemy zakonodatel'nogo zakrepleniya inykh mer ugodovno-pravovogo kharaktera [Problems of legislative consolidation of other criminal law sanctions]. In: Gribunov, O.P. & Sidorova, E.Z. (eds) *Ugodovnyy zakon Rossiyskoy Federatsii: problemy pravoprimereniya i perspektivy sovershenstvovaniya* [Criminal Law of the Russian Federation: Problems of Law Enforcement and Prospects for Improvement]. Irkutsk: MIA of Russia.
2. Sundurov, F.R. (2018) Priroda i problemy sistematzatsii mer v ugodovnom prave [Nature and problems of systematization of sanctions in criminal law]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 160(2). pp. 497–505.
3. Barkhatova, E.N. (2023) Inye mery ugodovno-pravovogo kharaktera: otrazhenie v sovremennoy ugodovnoy politike [Other criminal law sanctions: Reflection in current criminal policy]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 1(97). pp. 53–60.
4. Serebrennikova, A.V., Kuznetsov, A.Yu. & Mustafazade, R.Sh. (2021) Sistema i funktsii inykh mer ugodovno-pravovogo kharaktera v rossiyskom ugodovnom prave [System and functions of other criminal law sanctions in Russian criminal law]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov*. 3. pp. 91–96.
5. Andreev, S.P. (2021) *Obespechenie printsipa spravedlivosti pri osvobozhdenii ot ugodovnoy otvetstvennosti v svyazi s naznacheniem sudebnogo shtrafa* [Ensuring the principle of justice in exemption from criminal liability in connection with the appointment of a judicial fine]. Abstract of Law Cand. Diss. St. Petersburg.

Информация об авторе:

Антонов А.Г. – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: antonovanton1@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.G. Antonov, Dr. Sci. (Law), docent, professor of the Department of Criminal Law of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: antonovanton1@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.*

*The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.*

Научная статья
УДК 343.271

doi: 10.17223/23088451/21/8

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЯ ШТРАФА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Татьяна Федоровна Минязева^{1,2}, Денис Андреевич Добряков³

¹ *Московский городской педагогический университет, Москва, Россия*

² *Следственный комитет РФ, Москва, Россия*

³ *Российский университет дружбы народов, Москва, Россия*

^{1,2} *minyazeva2020@mail.ru*

³ *den-dobryakov@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются вопросы законодательной регламентации и применения штрафа как основного вида уголовного наказания, связанные с его соотношением с аналогичными мерами в других отраслях права и с иными наказаниями в рамках уголовного права. Отмечается нарушение структуры системы наказаний в связи с фактической утратой штрафом статуса наименее строгого вида наказания, а также указывается на потенциальное противоречие порядка назначения штрафа уголовно-правовым принципам равенства граждан перед законом и справедливости.

Ключевые слова: штраф, уголовное наказание, принципы уголовного права, уголовное законодательство

Для цитирования: Минязева Т.Ф., Добряков Д.А. Некоторые проблемы законодательной регламентации и применения штрафа в уголовном праве России // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 43–48. doi: 10.17223/23088451/21/8

Original article

doi: 10.17223/23088451/21/8

SOME PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION AND APPLICATION OF FINE IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Tatyana F. Minyazeva^{1,2}, Denis A. Dobryakov³

¹ *Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation*

² *Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

³ *Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation*

^{1,2} *minyazeva2020@mail.ru*

³ *den-dobryakov@yandex.ru*

Abstract. The article analyses the regulation and specificity of imposing fines as the main type of criminal punishment in the Russian Federation. The authors consider the problems related to the correlation of the fine with similar sanctions in other branches of law and with other criminal law sanctions. They point out an inconsistency in the delimitation of administrative and criminal liability when establishing the amount of fines and the confusion of terminology in relation to various types of fines. Special attention is paid to the lack of proportion between the amount of the fine and other types of punishments in the current criminal law, which results in the arbitrariness of establishing sanctions and the impossibility to replace the fine with other types of penalties. Having analysed the problem of the fine as the only alternative to imprisonment in a number of sanctions, some of which provide for liability for committing grave and especially grave crimes, the authors emphasise the inconsistency of such practice with the criminal law principles of equality of citizens before the law and justice.

Keywords: fine, criminal punishment, principles of criminal law, criminal legislation

For citation: Minyazeva, T.F. & Dobryakov, D.A. (2023) Some problems of legislative regulation and application of fine in Russian criminal law. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 43–48. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/8

Действующее уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает в общей сложности 13 видов наказаний (ст. 44 и 46 УК РФ), из которых одним из наиболее распространенных в судебной прак-

тике является штраф – он занимает третье место среди других наказаний по числу назначений за 2022 г., причем это относится только к штрафам, назначенным судами в качестве основного наказания. В любом слу-

чае, это лишь 12,7% от общего числа назначенных наказаний, тогда как у безусловного лидера – лишения свободы на определенный срок – 28,9% или даже 55,4%, если брать его вместе с условным осуждением к лишению свободы [1].

Наказание в виде штрафа появилось в уголовно-правовой практике одним из первых и в том или ином качестве (не только как публично-правовое наказание, но и как откуп – возмещение потерпевшей стороне) было практически везде и всегда. Применительно к России можно вспомнить, например, договор Руси с Византией 944 г., где было установлено, помимо прочего, что если «ударит мечом или копьем, или каким-либо орудием русин грека или грек русина, то пусть за такое беззаконие заплатит по обычаю русскому пять литров серебра» [2. С. 40]. Можно небезосновательно предположить, что штраф никуда не денется и в будущем, однако до настоящего времени штраф как вид уголовного наказания вызывает немало споров, а его регламентация и практика применения непозволительно далеки от совершенства.

Штраф, определяемый в ч. 1 ст. 46 УК РФ как денежное взыскание, не является сугубо уголовно-правовым институтом – эта мера встречается также в законодательстве об административных правонарушениях (ст. 3.2 и 3.5 КоАП РФ), в процессуальном праве (в гражданском, арбитражном и административном процессе эта мера именуется судебным штрафом, а в уголовном судопроизводстве – денежным взысканием; ст. 105–106 ГПК РФ, ст. 119–120 АПК РФ, ст. 122–123 КАС РФ и ст. 117–118 УПК РФ) и в гражданском законодательстве (где штраф выделяется наравне с неустойкой и пеней как определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения (п. 1 ст. 330 ГК РФ)). Причем в последнем случае эта мера хотя и является денежным взысканием, но допускает договорной (т.е. частноправовой) режим установления – в отличие от остальных ипостасей штрафа, находящимися исключительно в публично-правовой сфере общественных отношений.

Даже в рамках одного уголовного права штраф предельно многообразен – это одновременно и наказание (притом смешанное, т.е. назначаемое в качестве как основного, так и дополнительного наказания; ч. 2 ст. 45 УК РФ), и иная мера уголовно-правового характера (судебный штраф; ст. 104.4–104.5 УК РФ). Кроме того, отдельно может быть выделена еще одна мера уголовно-правового характера, имеющая штрафное содержание, а именно денежное возмещение, предусмотренное законодателем как одно из необходимых условий для освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ч. 2 ст. 76.1 УК РФ). И это не возмещение ущерба, причиненного преступлением, а дополнительное взыскание, подлежащее перечислению в федеральный бюджет помимо и сверх возмещения ущерба, причиненного гражданину, организации или государству в результате соверше-

ния преступления. Такое денежное возмещение определяется как двукратная сумма причиненного преступлением ущерба или убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления. В сущности, это тот же судебный штраф, просто распространенный законодателем на совершение отдельных экономических преступлений и предполагающий иной порядок определения размера взыскания (судебный штраф не может быть больше 250 тыс. рублей, тогда как, например, при квалификации деяния по п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ и сумме дохода в 10 млн рублей (незаконное предпринимательство, сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере) для применения ч. 2 ст. 76.1 УК РФ виновному придется уплатить в бюджет 30 млн рублей).

Здесь представляется уместным отойти немного в сторону и подчеркнуть, что между уголовно-правовым судебным штрафом и судебным штрафом в гражданском, арбитражном и административном процессуальном праве (ну и «денежным взысканием» в уголовно-процессуальном праве) есть ряд принципиальных различий. Все они являются денежными взысканиями, подлежащими уплате в доход государственного бюджета, но если в уголовном праве судебный штраф представляет собой альтернативную наказанию меру, применяемую в случае возмещения лицом причиненного преступлением ущерба или заглаживания вреда и в целях его освобождения от уголовной ответственности (ст. 76.2 УК РФ), то в процессуальном праве это особая мера ответственности за нарушения, допущенные участниками судопроизводства при его осуществлении. Например, в арбитражном процессе судебный штраф может быть наложен судом на лицо, виновное в утрате переданного ему на исполнение исполнительного листа (ст. 331 АПК РФ).

Таким образом, в случае всех рассмотренных отраслевых разновидностей штрафа он представляет собой некую меру ответственности, имеет карательную (а не восстановительную) функцию и состоит в претерпевании определенных негативных последствий своих действий. При этом уголовный штраф как вид наказания по логике построения законодательства и исходя из места уголовно-правовых мер в системе охраны общественных отношений должен быть строже остальных видов штрафа.

В соответствии с ч. 2 ст. 46 УК РФ размер штрафа определяется тремя способами. Первый способ заключается в указании конкретной денежной суммы (т.е. штраф в абсолютном выражении), которую должен уплатить осужденный (от 5 тыс. до 5 млн рублей). Вторым способом связывает размер штрафа с доходами лица за определенный период времени (от 2 недель до 5 лет). Третий способ предусматривает расчет размера штрафа на основе величины, кратной сумме взятки, коммерческого подкупа и т.д. (до стократной суммы, но не менее 25 тыс. и не более 500 млн рублей).

Процессуальные меры уголовному наказанию здесь конкуренцию не составляют (максимальный размер процессуального судебного штрафа составляет 100 тыс. рублей, но и то только для организаций; ч. 1

ст. 105 ГПК РФ и ч. 1 ст. 119 АПК РФ), чего нельзя сказать об административном штрафе, назначаемом в соответствии с КоАП РФ. Так, для граждан административный штраф в отдельных случаях может назначаться в размере до 5 млн рублей, а для должностных лиц – до 60 млн рублей или и вовсе может выражаться в величине, кратной стоимости предмета административного правонарушения, сумме неуплаченных и подлежащих уплате на момент окончания или пресечения административного правонарушения налогов, сборов или таможенных пошлин, кадастровой стоимости земельного участка и т.п.

В некоторых ситуациях такая сумма потенциально может превосходить наибольший возможный размер уголовного штрафа. Например, при совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.28 КоАП РФ, т.е. незаконного вознаграждения от имени юридического лица, размер административного штрафа не может превышать стократный размер суммы денежных средств, стоимости ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, незаконно переданных или оказанных либо обещанных или предложенных от имени юридического лица (ч. 3 ст. 3.5 КоАП РФ). Квалификация правонарушения по ч. 3 ст. 19.28 КоАП РФ предполагает совершение соответствующих деяний в особо крупном размере, которым в соответствии с примечанием 4 к названной статье признается сумма, превышающая 20 млн рублей, а значит и штраф – хотя бы даже гипотетически – может достигать 2 млрд рублей и даже больших значений. Конечно, это исключение из общего правила, однако оно нарушает соотношение уголовного и административного законодательства в части строгости предусмотренных ими мер ответственности, ведь предполагается, что любое административное правонарушение должно быть менее тяжким, чем уголовно наказуемое деяние и, следовательно, влечь за собой менее строгое наказание.

Представляется, что смешение понятий и отраслевых разновидностей штрафа является одной из существенных проблем этого наказания, выделяемой не только в рамках уголовного права, но и затрагивающей систему отечественного законодательства в целом. Вероятно, законодателю следовало бы соотносить виды штрафов более последовательно и четче разграничивать их репрессивность (т.е. размер) в зависимости от значимости объекта правовой охраны, в связи с посягательством на который назначается данная мера. Вряд ли получится одновременно установить нижний предел административного штрафа в качестве верхнего предела судебных штрафов, а его верхний предел – в качестве нижнего предела штрафа уголовного, но определить более адекватные «коридоры» все же возможно. То же в полной мере касается и унификации терминологии, поскольку в настоящее время мы имеем штраф, административный штраф, две разновидности судебного штрафа, денежное взыскание и денежное возмещение, которые все являются публично-правовыми и карательными по своей сути денежными взысканиями, но

имеют принципиально различные основания и последствия применения.

Другой и, пожалуй, даже более значимой проблемой, связанной с рассматриваемым видом наказания, является разрушение концепции системы наказаний вследствие непоследовательности развития уголовного закона. Хотя штраф занимает первое место в перечне видов наказаний (ст. 44 УК РФ) и в этой связи рассматривается как наименее строгий вид наказания, к настоящему времени он уже давно утратил данный статус. Как отмечает С.С. Уткина, «стремление законодателя к повышению репрессивности штрафов... привело к тому, что штраф, потеряв свойства самого мягкого наказания в системе наказаний, фактически превзошел по строгости обязательные работы, исправительные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и занял место, которое до этого занимала конфискация имущества» [3. С. 8]. С текущими размерами штрафа даже без установления его зависимости от суммы взятки, подкупа и т.п. можно предположить, что он стал строже и ряда других наказаний, уступая (хотя это и не совсем точно) только принудительным работам и лишению свободы. Арест и смертную казнь сравнивать с другими видами наказаний по известным причинам нет никакой практической пользы.

При этом наказания должны соотноситься друг с другом – не только для определения их иерархического положения в системе наказаний, но и для возможности правильной замены одного наказания другим, например при злостном уклонении осужденного от исполнения или отбывания назначенной судом уголовно-правовой меры. Так, в случае злостного уклонения осужденного от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, эта мера может быть заменена любым другим наказанием, за исключением лишения свободы, если только штраф не исчисляется в размере, кратном стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки (ч. 5 ст. 46 УК РФ). Но законодатель не предусмотрел никакого порядка для осуществления такой замены, указав лишь, что при замене «кратного» штрафа следует ограничиваться сроком лишения свободы, предусмотренным соответствующей санкцией статьи Особенной части УК РФ.

В качестве примера можно обратиться к ст. 204 УК РФ и попытаться проследить логику законодателя при построении санкций хотя бы даже первых четырех частей названной статьи, где в качестве наказаний как раз предусмотрены как штраф, так и лишение свободы (причем далее мы обратимся только к штрафу, определяемому в абсолютном размере или исчисляемому в зависимости от суммы подкупа, и к предельным срокам лишения свободы; также отметим, что санкции ч. 3 и 4 ст. 204 УК РФ других основных наказаний, кроме штрафа и лишения свободы, не содержат, но к этому вопросу вернемся несколько позже – как и к частям с пятой по восьмую данной статьи). Санкция ч. 1 ст. 204 УК РФ содержит альтернативно штраф в размере до 400 тыс. рублей или в размере до двадцатикратной суммы подкупа и лишение свободы на срок до двух лет,

ч. 2 ст. 204 УК РФ – до 800 тыс. рублей или до тридцатикратной суммы подкупа и лишение свободы на срок до двух лет, ч. 3 ст. 204 УК РФ – до 1,5 млн рублей или до пятидесятикратной суммы подкупа и лишение свободы на срок до семи лет, а ч. 4 ст. 204 УК РФ – до 2,5 млн рублей или до семидесятикратной суммы подкупа и лишение свободы на срок до восьми лет.

Путем несложных математических вычислений можно заметить, что в один год лишения свободы в ч. 1 рассматриваемой статьи условно равен 200 тыс. рублей штрафа, в ч. 2 – примерно 267 тыс. рублей, в ч. 3 – примерно 214 тыс. рублей, а в ч. 4 – 312,5 тыс. рублей. Закономерности здесь, в общем-то, не видно ни в кратности, ни в абсолютном выражении сумм, что представляется серьезным недостатком действующего уголовного законодательства – произвольное установление мер наказаний не способствует росту доверия к закону, а значит, создает дополнительные риски в обеспечении его соблюдения.

Если же сравнить цифры в санкциях других статей Особенной части, то ситуация окажется еще хуже, и чтобы наглядно это продемонстрировать, приведем пару примеров. Применительно к ч. 1 ст. 235 УК РФ год лишения свободы «стоит» всего 40 тыс. рублей (хотя, казалось бы, объект правовой защиты в случае незаконного осуществления медицинской деятельности или фармацевтической деятельности ничуть не менее значим, нежели при совершении коммерческого подкупа). В случае же ч. 2 ст. 230.1 УК РФ (склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте) год штрафа соответствует 500 тыс. рублей, причем это деяние отнесено законодателем к числу преступлений небольшой тяжести и один год лишения свободы – максимальный срок, предусмотренный данной санкцией. Следует отметить, что при желании в законе можно найти и более одиозные примеры – степень вариативности «стоимости» сроков лишения свободы может различаться в десятки раз [4].

Отсутствие механизма замены штрафа другими видами наказаний, в первую очередь лишением свободы, оценивается многими авторами как пробел в уголовном законодательстве, который может быть устранен, например, путем установления четкой привязки сумм штрафа к срокам других измеримых наказаний, как это имело место в ст. 30 УК РСФСР 1960 г., где содержалась формула перевода штрафа в исправительные работы [5. С. 206–207].

Наконец, штраф в настоящее время предусмотрен за то, что штрафом наказывать, пожалуй, не следовало бы. Как отмечал С.А. Елисеев, «применение штрафа в качестве уголовного наказания имеет... большое предупредительное значение, поскольку лицо, которому назначается штраф, подвергается определенному материальному лишению, конкретному ущемлению именно в сфере тех своих личных потребностей и интересов, ради удовлетворения которых он совершил преступление» [6. С. 26].

Однако сейчас штраф устанавливается далеко не только за корыстные преступления – он предусмотрен

за посягательства против жизни и здоровья человека (ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116.1, ч. 1 ст. 118, 121, ч. 1 ст. 123, ч. 1 ст. 124, ч. 1 ст. 124.1, ст. 125 УК РФ), свободы, чести и достоинства личности (ст. 128.1 УК РФ), половой неприкосновенности и половой свободы личности (ч. 1 ст. 133 УК РФ), а также за множество других преступлений, среди которых есть даже преступления против мира и безопасности человечества (ст. 354 и 354.1 УК РФ). При этом штраф может не просто соседствовать в одной санкции с лишением свободы, но и оказаться его единственной альтернативой, как это имеет место, помимо прочего, в ч. 3–8 ст. 204 УК РФ.

Коммерческий подкуп – далеко не единственное деяние, устанавливая ответственность за совершение которого законодатель несколько увлекся и сломал концепцию дифференциации тяжести разных видов наказаний (в изначальной редакции УК РФ 1996 г. данная статья содержала меньше частей и больше альтернативных видов наказаний в каждой из них). Однако ст. 204 УК РФ представляется целесообразным выделить особо, поскольку это пример нормы, в которой изменения зашли настолько далеко, что в трех ее частях штраф предусмотрен в качестве единственной альтернативы лишения свободы за тяжкое преступление (ч. 3, 4 и 7), а в одной и вовсе – за особо тяжкое (ч. 8). И это, к сожалению, далеко не исключительный случай.

Применительно к коммерческому подкупу и другим экономическим или должностным преступлениям такое решение законодателя можно хоть как-то объяснить корыстной природой наказуемого штрафом деяния, но как относиться, например, к ответственности за публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ), где санкции обеих частей статьи также предусматривают только штраф (до 300 и 500 тыс. рублей) либо лишение свободы (до трех и пяти лет; не считая дополнительных наказаний и штрафа, зависящего от дохода осужденного)?

Назначая штраф, суд должен учитывать тяжесть совершенного лицом преступления, имущественное положение осужденного и его семьи, а также возможности получения осужденным дохода (ч. 3 ст. 46 УК РФ). Это в контексте изложенного потенциально приводит к возможности нарушения принципов равенства граждан перед законом и справедливости при назначении уголовного наказания, поскольку, если виновный, по мнению суда, окажется не способен уплатить штраф, ему останется лишь назначить лицу лишение свободы, т.е. вместо формально наименее строгого наказания (хотя, как подчеркивает В.А. Уткин, фактически таковым штраф считать уже не вполне уместно [7. С. 188]) одним из наиболее строгих.

Безусловным должно быть подчинение всего массива уголовного законодательства и практики его применения принципам, этим же законодательством определенным. Профессор А.Л. Ременсон подчеркивал, что «наказание, успешно обеспечивающее достижение задач исправления и перевоспитания, общего и специального предупреждения преступлений (то есть

от начала и до конца целесообразное), не может быть несправедливым ни в какой, даже самой небольшой мере. Такой взгляд не имеет ничего общего со сведением требований, предъявляемых к наказанию, к чистому прагматизму, к утилитарной полезности, к ведомственной целесообразности», а «обоснование принципа соразмерности наказания преступлению следует искать не в абстрактных представлениях об уравнивающей и распределяющей справедливости, а в реальных жизненных фактах, обуславливающих целесообразность указанной соразмерности, необходимость и полезность ее использования для обеспечения борьбы с преступностью в интересах социального прогресса» [8. С. 45].

Если и была какая-то целесообразность в наращивании строгости штрафа в отдельных статьях уголов-

ного закона, то она едва ли может оправдать столь явное нарушение фундаментальных уголовно-правовых принципов. Вред от такого нарушения оказывается несопоставимо больше возможной пользы. В свою очередь, установление пропорциональных строгости других видов наказаний размеров штрафа, назначаемого в качестве основного вида наказания, в санкциях за совершение преступлений исключительно небольшой или средней тяжести и притом имеющих корыстную направленность никак не помешает достижению целей уголовного законодательства, тем более, что остается возможность назначения штрафа в качестве дополнительного вида наказания (к тому же лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а не только к лишению свободы).

Список источников

1. *Отчет* о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания № 10.1 за 2022 г. URL: http://cdep.ru/userimages/Statistika_2022_godovaya/k4-svod_vse_sudy-2022.xls (дата обращения: 20.04.2023).
2. *Памятники права* Киевского государства X–XII вв. / сост. А.А. Зимин. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1952. 288 с.
3. *Уткина С.С.* Уголовное наказание в виде штрафа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. 28 с.
4. *Зрелов А.П.* «Стоимость» одного дня свободы по российскому уголовному законодательству. М. : ЭкООнис, 2021. 52 с. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77106879> (дата обращения 20.04.2023).
5. *Федюшин А.К.* Проблемы назначения и исполнения наказания в виде штрафа // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 7 (т. 10). С. 204–209.
6. *Елисеев С.А.* Применение штрафа за корыстные преступления // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. С. 26–31.
7. *Уткин В.А.* Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2018. 240 с.
8. *Ременсон А.Л.* Принцип соответствия наказания тяжести совершенного преступления и его роль в уголовно-правовой борьбе с преступностью // Проблемы повышения эффективности борьбы с преступностью : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 41–46.

References

1. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. (2022) *Otchet o chisle privilechennykh k ugolovnoy otvetstvennosti i vidakh ugolovnogo nakazaniya № 10.1 za 2022 g.* [Report on the number of persons prosecuted and types of criminal punishment No. 10.1 for 2022]. [Online] Available from: http://cdep.ru/userimages/Statistika_2022_godovaya/k4-svod_vse_sudy-2022.xls (Accessed: 20th April 2023).
2. Zimin, A.A. (ed.) (1952) *Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva X–XII vv.* [Monuments of law of the Kyiv state of the 10th – 12th centuries]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury.
3. Utkina, S.S. (2004) *Ugolovnoe nakazanie v vide shtrafa* [Criminal punishment in the form of fine]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
4. Zrelov, A.P. (2021) “*Stoimost' odnogo dnya svobody po rossiyskomu ugolovnomu zakonodatel'stvu*” [The “cost” of one day of freedom under Russian criminal law]. Moscow: EkOOnis. [Online] Available from: <https://internet.garant.ru/#/document/77106879> (Accessed: 20th April 2023).
5. Fedyushin, A.K. (2015) Problems of appointment and execution of the punishment in the form of the penalty. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i pro-tsessy – Social-Economic Phenomena and Processes*. 7(10). pp. 204–209. (In Russian).
6. Eliseev, S.A. (1980) *Primenenie shtrafa za korystnye prestupleniya* [Application of a fine for mercenary crimes]. In: *Voprosy povysheniya effektivnosti bor'by s prestupnost'yu* [Questions of increasing the effectiveness of the fight against crime]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 26–31.
7. Utkin, V.A. (2018) *Problemy teorii ugolovnykh nakazaniy* [Problems of the Theory of Criminal Penalties]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Remenson, A.L. (1981) *Printsip sootvetstviya nakazaniya tyazhesti sovershennogo prestupleniya i ego rol' v ugolovno-pravovoy bor'be s prestupnost'yu* [The principle of compliance of punishment with the severity of the crime committed and its role in the criminal law fight against crime]. In: *Problemy povysheniya effektivnosti bor'by s prestupnost'yu* [Problems of increasing the effectiveness of the fight against crime]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 41–46.

Информация об авторах:

Миняева Т.Ф. – профессор, доктор юридических наук, профессор департамента права Московского городского педагогического университета (Москва, Россия); профессор кафедры уголовного права и криминологии Следственного комитета РФ (Москва, Россия). E-mail: minyazeva2020@mail.ru

Добряков Д.А. – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: den-dobryakov@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.F. Minyazeva, professor, Dr. Sci. (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, professor of the Law Department of Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russian Federation); professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Investigative Committee of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: minyazeva2020@mail.ru

D.A. Dobryakov, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Judicial Power, Civil Society and Law Enforcement Activities of the Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: den-dobryakov@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.05.2023;
одобрена после рецензирования 17.05.2023; принята к публикации 20.06.2023.*

*The article was submitted 10.05.2023;
approved after reviewing 17.05.2023; accepted for publication 20.06.2023.*

Научная статья
УДК 343.9:343.8

doi: 10.17223/23088451/21/9

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНОМ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ

Александр Яковлевич Гришко¹

¹ Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, grishkoaleksandr@yandex.ru

Аннотация. Анализ норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства свидетельствует о придании им все большей степени преюдиционного характера. Данное явление характеризует одно из направлений развития уголовного и уголовно-исполнительного законодательства: снижение их репрессивных начал. Приводятся нормы уголовного и уголовно-исполнительного кодексов, свидетельствующие об этом. Вместе с тем перечень таких норм далеко не исчерпан. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», устанавливающий формы профилактического воздействия, позволяет расширить перечень норм указанных отраслей права, которые бы в качестве преюдиции предусматривали их применение. Приводятся конкретные нормы УК РФ и УИК РФ, которые могли бы быть дополнены преюдиционной составляющей профилактического характера: объявление официального предостережения(-ий) о недопустимости антиобщественного поведения, профилактический учет, профилактический надзор. Реализация данных предложений могла бы не только придать им более гуманистический характер, но и повысила бы роль профилактических мер в борьбе с преступностью, усилила бы внимание правоприменителей и судов к вопросам профилактики преступлений и иных правонарушений.

Ключевые слова: криминологическая преюдиция, уголовный закон, уголовно-исполнительный закон, профилактика, преступления

Для цитирования: Гришко А.Я. Криминологическая преюдиция в уголовном и уголовно-исполнительном праве // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 49–52. doi: 10.17223/23088451/21/9

Original article
doi: 10.17223/23088451/21/9

CRIMINOLOGICAL PREJUDGMENT IN CRIMINAL AND PENAL LAW

Aleksandr Ya. Grishko¹

¹ Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, grishkoaleksandr@yandex.ru

Abstract. Crime prevention, which is seen as priority in the fight against crime, includes the institution of prejudgment, understood as a preliminary application of preventive measures before bringing a person to criminal liability and punishment in criminal law, or bringing a person to disciplinary liability and changing the conditions of serving a sentence in penal law. The application of this institution can be greatly improved through the Federal Law No. 182-FZ of June 3, 2016, "On the Basics of the Crime Prevention System in the Russian Federation." The analysis has shown the legislator wants to introduce preconditions to reduce the repressiveness of the criminal law and penal norms, which consequently could be applied only in case of their violation or non-fulfillment. Thus, such norms in the criminal law are those with administrative prejudgment: battery by a person subjected to administrative punishment (Part 1, Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation); petty theft (Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), etc. In addition to the norms with administrative prejudice, there are norms with prejudgment in criminal law, which can be called actually or directly of a criminological nature. Among them are the release from criminal responsibility in connection with reconciliation with the victim (Article 76 of the Criminal Code of the Russian Federation); the release from criminal liability in connection with compensation for damage (Article 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation); the release from criminal liability with the appointment of a judicial fine (Article 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation), etc. In these norms, the personality of the perpetrator and his/her behavior after the commission of the crime are decisive when releasing a person from criminal liability. Such behavior is expressed in compensation for the damage caused.

Keywords: criminological prejudgment, criminal law, penal law, prevention, crimes

For citation: Grishko, A.Ya. (2023) Criminological prejudgment in criminal and penal law. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 49–52. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/9

В деле борьбы с преступностью приоритетным направлением является ее профилактика. Свое место в ней занимает институт преюдиции, заключающейся в предварительном применении профилактических мер, предшествующих привлечению лица к уголовной ответственности, его наказания – в уголовном праве, привлечение к дисциплинарной ответственности, изменению условий отбывания наказания – в уголовно-исполнительном праве. Большая возможность совершенствования применения данного института заключена в Федеральном законе от 3.06.2016 №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [1].

Анализ уголовно-правовых и уголовно-исполнительных норм свидетельствует о стремлении законодателя уменьшить их репрессивное начало путем установления предварительных условий, только при нарушении или невыполнении которых возможно их применение. Так, в уголовном законодательстве ими являются нормы с административной преюдицией: нанесение побоев лицом, подвергнутому административному наказанию (ч. 1 ст. 116.1 УК РФ); мелкое хищение (ст. 158.1 УК РФ) и др.

Кроме норм с административной преюдицией в уголовном законодательстве имеют место нормы с преюдицией, которую можно назвать собственно или непосредственно криминологического характера. В их числе: освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ); освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ); освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) и др. В указанных нормах определяющим при освобождении лица от уголовной ответственности является личность виновного, характер его поведения после совершения преступления. Такое поведение выражается в возмещении причиненного ущерба.

Особенность личности виновного учитывается и по другим признакам. Так, например, лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за неисполнение приговора суда, решение суда или иного судебного акта в случае злостного их неисполнения (ст. 315 УК РФ). Следовательно, привлечение лица к уголовной ответственности должно предшествовать установлению факта злостного уклонения от исполнения решения суда. В данном случае в основе решения вопроса о возможности привлечения к уголовной ответственности лежит такой личностный признак, как злостность неисполнения.

В уголовно-исполнительном праве имеет место целый ряд преюдициальных норм, лежащих в основе привлечения осужденных к дисциплинарной ответственности, при изменении условий отбывания наказания. Так, например, перевод осужденных мужчин в единое помещение камерного типа (п. «д» ч. 1 ст. 115 УИК РФ) и перевод осужденных женщин в помещение камерного типа (п. «е» ч. 1 ст. 115 УИК РФ) возможны только в случае признания их злостными нарушителями режима отбывания наказания.

Уголовно-исполнительное законодательство содержит и нормы с административной преюдицией. В качестве примера можно привести норму, содержащуюся в ч. 1 ст. 190 УИК РФ. Согласно данной норме, отмена уголовного осуждения возможна при нарушении осужденным общественного порядка, за которое он привлекался к уголовной ответственности. Здесь трудно согласиться с мнением, что данная преюдиция носит уголовно-исполнительный характер [2. С. 42]. При рассмотрении преюдициальных норм в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве обращает на себя внимание, что у многих из них в основе лежит признание лица злостным нарушителем порядка и условий отбывания наказания. При этом в числе признаков, характеризующих злостность такого нарушения, является предварительное применение к осужденным определенных форм профилактического воздействия. Так, одним из них является повторное нарушение порядка и условий отбывания наказания после объявления ему предупреждения за любое из следующих нарушений: неявка в уголовно-исполнительную инспекцию без уважительных причин, прогул или появление на работе в состоянии опьянения (ч. 3 ст. 46 УИК РФ).

Злостно уклоняющимся от отбывания наказания, в том числе ограничения свободы, признается в том числе осужденный, к которому за нарушение порядка и условий отбывания наказания применена мера в виде официального предупреждения о недопустимости нарушения установленного судом ограничений (п. «а» ч. 4 ст. 58 УИК РФ). За нарушение осужденным порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы, не являющегося злостным, предусматривается применение в виде взыскания, предупреждения или официального предупреждения (ч. 2 ст. 58 УИК РФ).

Однако приведенные примеры являются действительно единичными. В уголовном и уголовно-исполнительном законодательствах не получили закрепления формы профилактического воздействия установленных законом «Об основах профилактики в Российской Федерации» правонарушений: профилактическая беседа; объявление предупреждения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений; профилактический учет; внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушений; профилактический надзор (ст. 17).

Приведенные преюдициальные нормы можно классифицировать на нормы с административной и нормы с дисциплинарной преюдицией. В совокупности их можно отнести к нормам с криминологической преюдицией. Такое видение уголовно-правовых и уголовно-исполнительных норм с данной преюдицией позволяет классифицировать нормы, предусматривающие уголовную и дисциплинарную ответственность, на нормы, предусматривающие применение приведенных выше форм профилактического воздействия и нормы с административной преюдицией.

Анализ же уголовного и уголовно-исполнительного законодательства свидетельствует, что при привлече-

нии лица к уголовной или дисциплинарной ответственности, признанным злостным нарушителем режима отбывания наказания, изменения условий отбывания наказания в большинстве случаев не устанавливаются в качестве обязательного условия проведения с ним профилактических мер воздействия.

Примером тому служат нормы уголовного законодательства, предусматривающие ответственность за клевету (ст. 128.1 УК РФ); нарушение тайны переписки, телефонных разговоров, телеграфных или иных нарушений (ст. 138 УК РФ); воспрепятствование избирательных прав или работе избирательных комиссий (ст. 141 УК РФ); необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста (ст. 144.1 УК РФ); неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ч. 1 ст. 166 УК РФ) и др. В уголовно-исполнительном законодательстве к ним можно отнести: злостное уклонение от уплаты штрафа (ч. 1 ст. 32 УИК РФ); ответственность за неисполнение приговора суда (ст. 38 УИК РФ); злостное нарушение порядка и условий отбывания принудительных работ (ч. 2 ст. 60.15 УИК РФ) и др.

Придание приведенным и иным нормам преюдициального профилактического характера в уголовном праве позволило бы максимально избежать возможности привлечения к уголовной ответственности лиц, которые в силу объективных обстоятельств не могли знать о наличии уголовной ответственности за деяние, избежать привлечения по принципу «незнание закона не освобождает от ответственности», учесть степень его вины, обусловленную возможностью знания закона [3. С. 644], а то, что знание или незнание последнего влияет на квалификацию преступления, возможность привлечения к уголовной ответственности и назначения наказания, свидетельствует законодательство зарубежных стран (§ 17 УК ФРГ, раздел 9.3 УК Австрии, ст. 122-3 УК Франции) и международная судебная практика.

Так, согласно § 17 УК ФРГЭ, в случае отсутствия у лица, совершившего деяние, понимания его противоправности, оно считается невиновным, если оно не могло из-

бежать этой ошибки. При наличии возможности избежать этой ошибки, наказание может быть смягчено. При рассмотрении Европейским судом по правам человека дела «Ашларба против Грузии», в своем постановлении от 15 июня 2014 г. суд констатировал, что заявитель в силу обстоятельств не мог не знать о наличии уголовной ответственности за принадлежность к «воровскому миру» и тем самым мог предвидеть, что данное обстоятельство повлечет уголовную ответственность [4].

Автору статьи импонирует законодательство указанных и других стран, судебная практика ЕСПЧ в части, касающейся учета степени вины при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности. В случае имплементации их практики в российское законодательство степень вины можно было бы уточнить с учетом принятия к лицам, совершившим преступление, предварительных профилактических мер. Так, например, учитывая, что в большинстве случаев преступления в виде неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством совершаются несовершеннолетними из-за озорства, под воздействием поведенческой романтики, из-за незнания в ряде случаев об уголовной ответственности, привлечение к их уголовной ответственности по ч. 1 ст. 166 УК РФ возможно было бы при условии предварительного применения таких форм профилактического воздействия за данное деяние, как объявление официального предостережения о недопустимости такого деяния, нахождение на профилактическом учете в инспекции по делам несовершеннолетних.

В целях придания ей профилактического преюдициального характера можно было бы изложить следующим образом: «1. Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством после применения мер профилактического воздействия, предусмотренных законодательством». В УИК РФ можно предложить иную редакцию ч. 1 ст. 116 УИК РФ: «1. Злостным нарушением осужденным к лишению свободы установленного порядка отбывания наказания является: ...после принятия к ним профилактических мер, предусмотренных законодательством».

Список источников

1. Федеральный закон от 3 июня 2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.05.2023).
2. Даланов Д.С. Уголовно-исполнительная преюдиция : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2011. 170 с.
3. Гришко А.Я. Степень вины и уголовная ответственность // Уголовное право : стратегии развития в XXI веке : материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. М. : Блок – Право, 2022. С. 644–648.
4. Постановление Европейского суда по правам человека от 15.07.2014 «Ашларба против Грузии» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2014. № 11. С. 31–34.

References

1. The Russian Federation. (2016) *Federal'nyy zakon ot 3 iyunya 2016 № 182-FZ "Ob osnovakh sistemy profilaktiki pravonarusheniy v Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law No. 182-FZ of June 3, 2016, "On the Basics of the Crime Prevention System in the Russian Federation"]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus (Accessed: 29th May 2023).
2. Dalanov, D.S. (2011) *Ugolovno-ispolnitel'naya preyuditsiya* [Penitentiary Prejudgment]. Law Cand. Diss. Ryazan.
3. Grishko, A.Ya. (2022) *Stepen' viny i ugolovnaya otvetstvennost'* [The degree of guilt and criminal liability]. *Ugolovnoe pravo: strategii razvitiya v XXI veke* [Criminal Law: Development Strategies in the 21st Century]. Proc. of the 19th Conference. Moscow: Blok – Pravo. pp. 644–648.

4. European Court of Human Rights. (2014) Postanovlenie Evropeyskogo suda po pravam cheloveka ot 15.07.2014 "Ashlarba protiv Gruzii" [Judgment of the European Court of Human Rights of July 15, 2014, Ashlarba v. Georgia]. *Byulleten' Evropeyskogo suda po pravam cheloveka*. 11. pp. 31–34.

Информация об авторе:

Гришко А.Я. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России (Нижний Новгород, Россия). E-mail: grishkoaleksandr@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.Ya. Grishko, professor, Dr. Sci. (Law), professor of the Department of Criminal and Penitentiary Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: grishkoaleksandr@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.06.2023;
одобрена после рецензирования 08.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.*

*The article was submitted 01.06.2023;
approved after reviewing 08.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.*

Научная статья
УДК 343.2

doi: 10.17223/23088451/21/10

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ – НОВОЕ НАКАЗАНИЕ СО СТАРЫМ НАЗВАНИЕМ (ОБОСНОВАНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ)

Федор Владимирович Грушин¹

¹ ФКУ НИИ ФСИН России, Москва, Россия, fedor062@yandex.ru

Аннотация. С учетом анализа современной системы уголовных наказаний России, действующего законодательства, зарубежного опыта, судебной статистики и правоприменительной практики рассматривается вариант введения нового наказания со старым названием – «Исправительные работы». Данное наказание с некоторыми особенностями может объединить в себе четыре ныне существующих наказания: ограничение свободы, обязательные работы, исправительные работы и принудительные работы.

Ключевые слова: система уголовных наказаний, исправительные работы, зарубежный опыт

Для цитирования: Грушин Ф.В. Исправительные работы – новое наказание со старым названием (обоснование и содержание) // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 53–57. doi: 10.17223/23088451/21/10

Original article
doi: 10.17223/23088451/21/10

CORRECTIONAL LABOR – A NEW PUNISHMENT WITH THE OLD NAME (RATIONALE AND CONTENT)

Fyodor V. Grushin¹

¹ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation, fedor062@yandex.ru

Abstract. Drawing on the analysis of the current system of criminal penalties of the Russian Federation, current legislation, foreign experience, judicial statistics, and law enforcement practices, the author discusses an option of introducing a new punishment with the old name – “correctional labor” – into the system of punishments. He also analyses some problems in the activities of penitentiary inspections, as well as the new Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023, “On probation in the Russian Federation”. The proposed new punishment “correctional labor” can include combine the four existing punishments: restriction of liberty, compulsory labor, correctional labor, and community service. The author substantiates the name of the new punishment and indicates the specificity of its appointment, execution, and change. The implementation of the new punishment will make it possible to increase the effectiveness of the existing system of punishments and improve the use of individual punishments that are not related to the isolation from society.

Keywords: system of criminal punishments, correctional labor, foreign experience

For citation: Grushin, F.V. (2023) Correctional labor – a new punishment with the old name (rationale and content). *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 53–57. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/10

Существующая система уголовных наказаний Российской Федерации не лишена различных недостатков, на что неоднократно обращалось внимание ученым сообществом [1–6]. В настоящее время система уголовных наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ, включает в себя 13 видов наказаний. При этом два из них в России не применяются: арест «висит» в УК РФ и УИК РФ «мертвым грузом» с момента их принятия; смертная казнь в России не применяется с начала 1997 г.

Одним из критериев эффективности применения того или иного наказания являются проблемы, возникающие при его исполнении. Как показывает практическая деятельность уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), наиболее проблемным, с точки зрения ис-

полнения, является уголовное наказание в виде исправительных работ. При этом крайне важное значение имеет решение судьи по конкретному осужденному. В практике деятельности УИИ встречаются случаи, когда сотрудники инспекции вынуждены заниматься попытками безуспешного трудоустройства осужденных к исправительным работам в местах, где практически отсутствует такая возможность (например, полное отсутствие работодателей в месте проживания осужденного). Полагаем, что выносить заведомо неисполнимые решения судами, без учета возможностей исполнения приговора, крайне негативная практика.

Решить данную проблему в некоторой степени могли бы помочь закон о probationи. Так, согласно законопро-

екту «О системе пробации в Российской Федерации» (2021 г.), в рамках досудебной пробации предусматривалось представление сотрудником УИИ досудебного доклада дознавателю, следователю и суду (судье). Для подготовки данного доклада на УИИ предполагалось возложить следующие полномочия: сбор данных об условиях жизни подозреваемого или обвиняемого, в том числе жилищных и социально-бытовых, семье и других социальных связях, образовании, месте жительства, работе, учебе, роде деятельности, состоянии здоровья, а также об условиях воспитания несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, об уровне его психофизиологического развития и иных особенностях его личности. При этом главное ноу хау законопроекта заключалось в том, что досудебный доклад должен был содержать рекомендации о возможности назначения наказания, не связанного с изоляцией от общества и иными мерами уголовно-правового характера. То есть сотрудник УИИ, с учетом анализа личности подсудимого, его социальных связей, перспектив исполнения наказания, мог бы «рекомендовать» судье то или иное наказание (меру), не связанное с изоляцией от общества. К сожалению, в принятой редакции Федерального закона от 6.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» досудебная пробация была исключена.

Еще одной проблемой системы наказаний является крайне неравномерное назначение наказаний судами. Так, в частности, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, удельный вес осужденных к наказанию в виде обязательных работ по отношению ко всем осужденным постоянно увеличивался с момента введения его в действие и достигает в настоящее время 15%; удельный вес штрафа, среди всех уголовных наказаний, назначаемых судами, составляет около 13%; удельный вес исправительных работ – около 8%; удельный вес осужденных к наказанию в виде ограничения свободы стабилизировался в районе 3,5%.

Другие наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества, назначаются в разы реже. Так, принудительные работы по обвинительному приговору назначаются только в отношении 0,3% осужденных. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве основного вида наказания также назначается крайне редко. Удельный вес этого наказания в данном случае составляет менее 0,1%. В большинстве случаев лишение права применяется в качестве дополнительного вида наказания к другим наказаниям (в основном к лишению свободы) или условному осуждению, хотя и в этом случае удельный вес наказания составляет около 1,5%.

Полагаем, что одно из решений, которое способно улучшить существующую систему наказаний и эффективность их применения, это уменьшение количества видов наказаний путем их объединения. Например, весьма интересную идею выдвинули авторы теоретической модели Общей части УИК РФ, которыми предлагается объединить ограничение свободы и принудительные работы в одно наказание – ограничение свободы, но с двумя его разновидностями: с направлением

осужденного в специализированное учреждение (например, на базе существующих колоний-поселений) и без такого [7. С. 173]. В первом случае наказание должно исполняться исправительным центром, а во втором – уголовно-исполнительной инспекцией. По этому принципу в Белоруссии применяется наказание в виде ограничения свободы, которое, по сути, включает в себя два вида (варианта) наказания – с направлением в исправительное учреждение открытого типа и без направления в исправительное учреждение открытого типа. Первый вариант является основным и исполняется специализированным исправительным учреждением (аналогом исправительного центра в России), а второй вариант может быть применен с учетом личности виновного, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, наличия у него постоянного места жительства [8. С. 138].

В развитие идеи объединения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, возможно предложить еще один вариант. Такие наказания, как обязательные работы, исправительные работы и принудительные работы, весьма схожи по своим карательным функциям, и их объединяет отсутствие изоляции от общества (в случае с принудительными работами изоляция в некоторой степени имеется) и обязательность труда для осужденного. Идея объединения альтернативных наказаний, связанных с обязательностью труда, не является новой. Еще в 2013 г. В.А. Уткин, учитывая «очевидное сходство исправительных работ и обязательных работ по объекту правопоражения (трудовые права), единство их целей как целей наказания», предложил объединить эти наказания в одно с тремя его разновидностями, «применяемыми судом в зависимости от особенностей личности осужденного и образа его жизни» [9. С. 36].

Вместе с тем, помимо вышеупомянутых наказаний, возможно рассмотреть для объединения и ограничение свободы, которое применяется достаточно редко и конкурирует с условным осуждением по объему правоограничений, возлагаемых на осужденного. Однако в действующей редакции УК РФ ограничение свободы не предусматривает обязательный труд для осужденного, что делает данное наказание отличным от трех, предложенных для объединения. В данном случае возможно рассмотреть опыт применения ограничения свободы в Республики Беларусь. Так, ч. 6 ст. 55 Уголовного кодекса Республики Беларусь предусматривает, что осужденные к ограничению свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа привлекаются к труду в обязательном порядке органами и учреждениями, ведающими исполнением наказания. В свою очередь, на основании п. 10 ч. 2 ст. 48.1 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь указанные осужденные обязаны иметь постоянное место работы, включая надомный труд, или заниматься предпринимательской деятельностью. Тем самым, если учесть опыт Республики Беларусь, то ограничение свободы может быть связано с обязательностью труда для осужденного.

С учетом изложенного, в рамках настоящей статьи предлагается рассмотреть вопрос о возможном объедине-

нии в одном наказании всех четырех вышеупомянутых наказаний (ограничения свободы, обязательных работ, исправительных работ, принудительных работ). При этом предлагается, что будут существовать четыре подвида нового наказания с признаками объединяемых наказаний.

В качестве названия нового наказания возможно использовать старое название – «Исправительные работы» по следующим причинам:

- в данном названии используется слово «работы», которое объединяет все четыре подвида нового наказания, так как все подвиды будут сопряжены с трудом для осужденных;

- предпочтительнее использовать термин «исправительные», так как это соответствует цели наказания, указанной в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Кроме того, термины «принудительные» и «обязательные» в некоторой степени противоречат принципам труда граждан, указанных в Конституции РФ, международных документах (ратифицированных РФ) и трудовом законодательстве России.

Остановимся более подробно на особенностях назначения, исполнения и изменения нового предлагаемого наказания.

Особенности назначения новых исправительных работ

Исправительные работы делятся на четыре подвида (от менее тяжелого к более тяжелому). Подвид определяется судом при назначении наказания исходя из особенностей подвидов, возможности их исполнения и личности осужденного.

Ключевая составляющая новых исправительных работ заключается в обязательном трудоустройстве осужденного (независимо от подвида) в районе его места жительства.

Назначаются на срок от 1 месяца до 2 лет.

Не назначаются:

- несовершеннолетним;
- лицам, признанным инвалидами первой группы;
- беременным женщинам;
- женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет;
- женщинам, достигшим пятидесятипятiletнего возраста;
- мужчинам, достигшим шестидесятилетнего возраста;
- военнослужащим;
- лицам, ранее отбывавшим лишение свободы за умышленные преступления.

В дальнейшем, при обсуждении предлагаемой инициативы, можно проанализировать возможность назначения новых исправительных работ, например несовершеннолетним и лицам пенсионного возраста с учетом их согласия и возможности трудоустройства. Тем более, что зарубежная практика предусматривает в некоторых странах (например, в Англии) назначение альтернативных наказаний с согласия подсудимого.

Особенности первого подвида:

- назначается лицам, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, ранее не судимым за умышленные преступления;

- сопряжен с возможным наложением определенных правоограничений на осужденного (не уходить из места постоянного проживания в определенное время суток, не посещать определенные места, не выезжать за пределы территории муниципального образования, пройти курс лечения и пр.);

- удержания из заработной платы и частичная изоляция осужденного от общества не предусмотрены.

Особенности второго подвида:

- назначается лицам, совершившим преступления небольшой тяжести;

- назначается лицам, совершившим преступления средней тяжести, ранее не судимым за умышленные преступления;

- назначается лицам, имеющим работу на момент осуждения;

- сопряжен с возможным наложением определенных правоограничений на осужденного;

- частичная изоляция осужденного от общества не предусмотрена.

Особенности третьего подвида:

- назначается лицам, совершившим преступления небольшой тяжести;

- назначается лицам, совершившим преступления средней тяжести, ранее не судимым за умышленные преступления;

- назначается лицам, не имеющим работу на момент осуждения;

- сопряжен с удержаниями из заработной платы осужденного в размере от 5 до 20%;

- сопряжен с возможным наложением определенных правоограничений на осужденного;

- частичная изоляция осужденного от общества не предусмотрена.

Особенности четвертого подвида:

- назначается лицам, совершившим преступления средней тяжести, ранее судимым за умышленные преступления;

- назначается лицам, совершившим тяжкие преступления, ранее не судимым за умышленные преступления;

- сопряжен с удержаниями из заработной платы осужденного в размере от 5 до 20%;

- сопряжен с возможным наложением определенных правоограничений на осужденного;

- сопряжен с частичной изоляцией осужденного от общества.

Особенности исполнения новых исправительных работ

Осужденные к исправительным работам обязаны: работать там, куда они направлены администрацией учреждений, исполняющих исправительные работы; соблюдать правила внутреннего распорядка организаций, в которых они трудоустроены; добросовестно относиться к труду; отработать установленный судом срок исправительных работ; являться по вызову администрации учреждений, исполняющих исправительные работы.

Первый, второй и третий подвиды исправительных работ исполняются уголовно-исполнительными инспекциями по месту жительства осужденного.

Осужденные к исправительным работам (первый подвид) привлекаются к отбыванию наказания со дня поступления в уголовно-исполнительную инспекцию соответствующего распоряжения суда с копией приговора (определения, постановления).

Осужденные к исправительным работам (второй и третий подвиды) привлекаются к отбыванию наказания не позднее 15 дней со дня поступления в уголовно-исполнительную инспекцию соответствующего распоряжения суда с копией приговора (определения, постановления).

Четвертый подвид исправительных работ исполняется исправительным центром по месту жительства осужденного.

Особенности первого подвида:

– заключается в обязательном трудоустройстве осужденного;

– в случае отсутствия работы на момент вступления приговора в законную силу осужденный обязан трудоустроиться в течение 15 дней;

– увольнение осужденного с работы по собственному желанию возможно только при одновременном трудоустройстве на другую работу;

– в случае увольнения с работы по инициативе работодателя осужденный обязан трудоустроиться в течение 15 дней.

Особенности второго подвида:

– заключается в выполнении осужденным в свободное от основной работы время бесплатных общественно полезных работ;

– отбываются осужденным в будние дни по 2 часа в день на неоплачиваемых работах;

– в случае увольнения с работы по инициативе работодателя осужденный обязан трудоустроиться в течение 15 дней;

– при увольнении осужденного с основной работы (без одновременного трудоустройства на другой) второй подвид исправительных работ меняется уголовно-исполнительной инспекцией на третий подвид.

Особенности третьего подвида:

– заключается в обязательном трудоустройстве осужденного с удержаниями из заработной платы;

– увольнение осужденного с работы по собственному желанию не допускается.

Особенности четвертого подвида:

– заключается в обязательном трудоустройстве осужденного с удержаниями из заработной платы и содержанием в специализированном учреждении в условиях частичной изоляции от общества.

Особенности изменения новых исправительных работ

По истечении не менее одной трети срока исправительных работ, в случае отсутствия взысканий, при добросовестном отношении к труду, на основании ходатайства учреждения, исполняющего наказание, наложенные правоограничения (при наличии таковых) могут быть сняты по решению суда.

По истечении не менее половины срока исправительных работ, в случае отсутствия взысканий, при добросовестном отношении к труду по решению учреждения, исполняющего наказание, подвид исправительных работ может быть изменен следующим образом:

- второй подвид на первый подвид;
- третий подвид на второй подвид;
- четвертый подвид на третий подвид.

По истечении не менее двух третей срока наказания, в случае отсутствия взысканий, при добросовестном отношении к труду, осужденный может быть освобожден условно-досрочно по решению суда.

В случае злостного уклонения осужденного от отбывания исправительных работ (первый подвид) уголовно-исполнительная инспекция может заменить неотбытое наказание исправительными работами (второй подвид) из расчета один день исправительных работ (второй подвид) за один день исправительных работ (первый подвид).

В случае злостного уклонения осужденного от отбывания исправительных работ (второй подвид) уголовно-исполнительная инспекция может заменить неотбытое наказание исправительными работами (третий подвид) из расчета один день исправительных работ (третий подвид) за один день исправительных работ (второй подвид).

В случае злостного уклонения осужденного от отбывания исправительных работ (третий подвид) суд может заменить неотбытое наказание исправительными работами (четвертый подвид) из расчета один день исправительных работ (четвертый подвид) за два дня исправительных работ (третий подвид).

В случае злостного уклонения осужденного от отбывания исправительных работ (четвертый подвид) суд может заменить неотбытое наказание лишением свободы из расчета один день лишения свободы за два дня исправительных работ (четвертый подвид).

Изменения подвида исправительных работ в сторону улучшения осуществляется учреждением, исполняющим исправительные работы по согласованию с территориальным органом УИС, с учетом особенностей личности осужденного, его социально полезных связей.

Изменения подвида исправительных работ в сторону ухудшения (за исключением замены на 4 подвид) осуществляется уголовно-исполнительной инспекцией по согласованию с территориальным органом УИС с учетом особенностей личности осужденного, его социально полезных связей.

При совершении преступления по неосторожности в период отбывания наказания исправительные работы заменяются судом исправительными работами (с увеличением срока наказания) или лишением свободы.

При совершении умышленного преступления в период отбывания наказания исправительные работы заменяются лишением свободы.

Наложение на учреждение, исполняющие наказание, функций по изменению подвида исправительных работ, с одной стороны, разгрузит судебную систему, а с другой – позволит учреждениям использовать весьма действенные способы воздействия на осужденных с целью стимулирования их правопо-

слушного поведения. Возможные коррупционные риски в этом случае в некоторой степени могут быть нивелированы необходимостью согласования изменения подвига исправительных работ с соответствующим территориальным органом уголовно-исполнительной системы.

Реализация предлагаемой идеи о введении нового наказания позволит, на наш взгляд, повысить эффек-

тивность существующей системы наказаний и улучшить применение отдельных наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Рассмотренное предложение о введении нового уголовного наказания со старым названием – «Исправительные работы», объединяющего в себе четыре ныне существующих, не является бесспорным, требует дальнейшего обсуждения и открыто к возможной дискуссии.

Список источников

1. Селиверстов В.И. Новый Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: содержание и перспективы принятия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 15 (701). С. 69–86.
2. Уткин В.А. Некоторые проблемы системы уголовных наказаний и их применения // Вестник Кузбасского института. 2014. № 2 (19). С. 9–11.
3. Тасаков С.В. Система уголовных наказаний нуждается в совершенствовании // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 605–616.
4. Орлов В.Н. О системе уголовных наказаний // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 2. С. 14–18.
5. Грушин Ф.В. Некоторые теоретические и практические проблемы системы уголовных наказаний // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16, № 3. С. 291–295.
6. Валеев М.Т. Цели системы уголовных наказаний и средства их достижения // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 124–130.
7. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В.И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2017. 328 с.
8. Грушин Ф.В., Лядов Э.В. Ограничение свободы как уголовное наказание в России, Белоруссии и Казахстане // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 35, № 3. С. 137–143.
9. Уткин В.А. Альтернативные санкции в России: состояние, проблемы и перспективы. М. : Penal Reform International, 2013. 66 с.

References

1. Seliverstov, V.I. (2014) Novyy Uголовno-ispolnitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: soderzhanie i perspektivy prinyatiya [New Penal Code of the Russian Federation: Content and prospects for adoption]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 15(701). pp. 69–86.
2. Utkin, V.A. (2014) Nekotorye problemy sistemy uголовnykh nakazaniy i ikh primeneniya [Some problems of the system of criminal penalties and their application]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 2(19). S. 9–11.
3. Tasakov, S.V. (2016) Sistema uголовnykh nakazaniy nuzhdaetsya v sovershenstvovanii [The system of criminal penalties needs to be improved]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*. 2. pp. 605–616.
4. Orlov, V.N. (2010) O sisteme uголовnykh nakazaniy [On the system of criminal penalties]. *Uголовno-ispolnitel'noe pravo*. 2. pp. 14–18.
5. Grushin, F.V. (2021) Nekotorye teoreticheskie i prakticheskie problemy sistemy uголовnykh nakazaniy [Some theoretical and practical problems of the system of criminal punishments]. *Uголовno-ispolnitel'noe pravo*. 16(3). pp. 291–295.
6. Valeev, M.T. (2018) Objectives of the criminal penalty system and means of their achievement. *Uголовnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 11. pp. 124–130. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/11/24
7. Seliverstov, V.I. (ed.) (2017) *Obshchaya chast' novogo Uголовno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [The general part of the new Penitentiary Code of the Russian Federation: Results and justification of theoretical modeling]. Moscow: Yurisprudentsiya.
8. Grushin, F.V. & Lyadov E.V. (2020) Ogranichenie svobody kak uголовnoe nakazanie v Rossii, Belorussii i Kazakhstane [Restriction of freedom as a criminal punishment in Russia, Belarus and Kazakhstan]. *Yuridi-cheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 35(3). pp. 137–143.
9. Utkin, V.A. (2013) *Al'ternativnye sanktsii v Rossii: sostoyanie, problemy i perspektivy* [Alternative Sanctions in Russia: Status, Problems, and Prospects]. Moscow: Penal Reform International.

Информация об авторе:

Грушин Ф.В. – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России (Москва, Россия). E-mail: fedor062@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

F.V. Grushin, Dr. Sci. (Law), docent, chief research fellow, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: fedor062@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.

The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Научная статья
УДК 343.1

doi: 10.17223/23088451/21/11

ВОПРОСЫ, РАЗРЕШАЕМЫЕ В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА, ВО ВНЕСУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ: МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Александр Александрович Крымов¹, Андрей Петрович Скиба²

¹ Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, krsan@yandex.ru

² Академия права и управления ФСИН, Рязань, Россия, apskiba@mail.ru

Аннотация. Делается вывод о том, что вопросы в стадии исполнения приговора (досрочное освобождение от отбывания наказания, изменение вида исправительного учреждения и пр.), особенно решаемые во внесудебном порядке, недостаточно ориентированы на достижение целей уголовно-исполнительного законодательства, в том числе исправления осужденных. Предлагается разработать новую комплексную концепцию, помимо прочего, четко закрепляющую основания и процедуру разрешения вопросов при исполнении приговора.

Ключевые слова: стадия исполнения приговора, внесудебный порядок, исправление осужденных

Для цитирования: Крымов А.А., Скиба А.П. Вопросы, разрешаемые в стадии исполнения приговора, во внесудебном порядке: межотраслевые аспекты // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 58–63. doi: 10.17223/23088451/21/11

Original article
doi: 10.17223/23088451/21/11

ISSUES RESOLVED AT THE STAGE OF SENTENCE EXECUTION, IN PAIS: INTER-BRANCH ASPECTS (PROBLEM STATEMENT)

Aleksandr A. Krymov¹, Andrey P. Skiba²

¹ Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation, krsan@yandex.ru

² Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russian Federation, apskiba@mail.ru

Abstract. Article 397 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation refers to the relevant provisions of the criminal and penal legislation. Apparently, the law implies that all the provisions of the criminal and penal legislation related to the execution of sentence are implemented through consideration and adoption by the court of the appropriate decision specified in Article 397. However, the real situation is different. The grounds for the adoption of the relevant decision by the court are mainly the following: the behavior of the convict in the context of his/her correction; the need to prevent a crime or offense; the convict's state of health, including serious illnesses; the financial situation of the convict. Thus, the grounds for the adoption by the court of an appropriate decision on the above issues focuses on achieving the goals of the penal legislation, correcting the convict, and preventing new crimes. Other issues at the stage of sentence execution, decided by the court and specified in Article 398 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, related to sentence suspension, are less focused on achieving the goals of the penal legislation, but rather aimed at taking into account the state of health of the convict and possible elimination of objective emergency circumstances (serious consequences, serious illnesses of other persons and other exceptional circumstances). In this case, the criminal procedural regulation of sentence suspension differs significantly from that in Article 397 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and is no longer so focused on the correction of convicts and crime prevention. Meanwhile, there are also some issues in the execution of the sentence that are not specified in Article 397 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, yet decided by the court. They include: application of coercive medical measures to a convict serving forced labor, arrest, and imprisonment (Article 18 of the Penal Code of the Russian Federation); exemption from serving a sentence in the form of compulsory work of a convict who has a serious illness that prevents serving a sentence, or who has been recognized as a disabled person of Group 1 (Article 26 of the Penal Code of the Russian Federation); deferment from serving a sentence in the form of correctional labor for a convicted pregnant woman (Article 42 of the Penal Code of the Russian Federation); reduction in the number of deductions from the wages of a convict sentenced to forced labor, in case of deterioration of his/her financial situation (Article 60.10 of the Penal Code of the Russian Federation).

Keywords: stage of execution of the sentence, out-of-court procedure (in pais), correction of convicts

For citation: Krymov, A.A. & Skiba, A.P. (2023) Issues resolved at the stage of sentence execution, in pais: Inter-branch aspects (problem statement). *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 58–63. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/11

Исследование вопросов, разрешаемых в стадии исполнения приговора во внесудебном порядке, с первого взгляда может вызывать недоумение, поскольку имеется ст. 397 УПК РФ «Вопросы, подлежащие рассмотрению судом при исполнении приговора». В указанной норме уголовно-процессуального закона указано более 20 позиций, в том числе о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания, об изменении вида исправительного учреждения, об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, об освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного и др.

При этом в ст. 397 УПК РФ делаются ссылки на соответствующие положения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. По всей видимости, законодателем подразумевается, что все положения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, связанные с исполнением приговора, реализуются путем рассмотрения и принятия судом соответствующего решения, указанного в ст. 397 УПК РФ. Однако на самом деле это не совсем так.

Основная часть. Основания для принятия судом соответствующего решения, в соответствии со ст. 49, 50, 79, 80, 81 и других УК РФ, ст. 44, 78, 175 и других УИК РФ, преимущественно являются следующими:

- поведение осужденного в контексте его исправления (для условно-досрочного освобождения, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, замены наказания в случае злостного уклонения от его отбывания и пр.);
- необходимость предупреждения совершения преступления или иного правонарушения (при отмене условно-досрочного освобождения, назначении судебно-психиатрической экспертизы, отмене условного осуждения или продлении испытательного срока, назначении, продлении, изменении или прекращении применения принудительных мер медицинского характера, заключении под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы, либо осужденного к принудительным работам, заключении под стражу осужденного к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении, уклонившегося от получения предписания, и пр.);
- состояние здоровья осужденного, в том числе наличие тяжелого заболевания (например, в случае освобождения от наказания в связи с болезнью);
- финансовое положение осужденного (в частности, при снижении размера удержания из заработной платы осужденного к исправительным работам);
- прочее.

Таким образом, в основном основания принятия судом соответствующего решения по вышеуказанным вопросам ориентированы на достижение целей уголовно-исполнительного законодательства – исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений согласно ст. 1 УИК РФ (как и двух целей применения наказаний в соответствии со ст. 43 УК РФ. – *Прим. авт.*). Этот подход в целом представляется обоснованным.

К слову, иные вопросы в стадии исполнения приговора, решаемые судом и указанные в ст. 398 УПК РФ, связанные с отсрочкой исполнения приговора (но уже без привязки к соответствующим статьям УК РФ и УИК РФ. – *Прим. авт.*), в меньшей степени ориентированы на достижение целей уголовно-исполнительного законодательства, а, скорее, направлены на учет состояния здоровья осужденного (при выявлении болезни осужденного, препятствующей отбыванию наказания; или при беременности осужденной, наличии у нее малолетнего ребенка; наличии у осужденного, являющегося единственным родителем, малолетнего ребенка; либо при добровольном желании осужденного, признанного больным наркоманией, пройти курс лечения от наркомании, а также медико-социальную реабилитацию) и возможное устранение объективных обстоятельств чрезвычайного характера (тяжких последствий или угрозы их возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванных пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного трудоспособного члена семьи, другими исключительными обстоятельствами). В этом случае уголовно-процессуальное регулирование вопросов отсрочки исполнения приговора существенно отличается от подхода, примененного в ст. 397 УПК РФ, и уже не столь акцентировано на исправлении осужденных и предупреждении совершения новых преступлений.

Между тем, как обращается внимание в юридической литературе [1], имеется ряд вопросов при исполнении приговора, которые не указаны в ст. 397 УПК РФ, но также разрешаются судом. К ним можно отнести:

- применение принудительных мер медицинского характера к осужденному, отбывающему принудительные работы, арест или лишение свободы, страдающему психическим расстройством, не исключающим вменяемости, которое связано с опасностью для себя или других лиц (ч. 1 и 2 ст. 18 УИК РФ);
- освобождение от отбывания наказания в виде обязательных работ осужденного, имеющего тяжелое заболевание, препятствующее отбыванию наказания, либо признанного инвалидом первой группы (ч. 3 ст. 26 УИК РФ);
- отсрочка от отбывания наказания в виде обязательных работ осужденной беременной женщины (ч. 3.1 ст. 26 УИК РФ);
- освобождение от отбывания наказания в виде исправительных работ осужденного, имеющего тяжелое заболевание, препятствующее отбыванию наказания, либо признанного инвалидом первой группы (ч. 4 ст. 42 УИК РФ);
- отсрочка от отбывания наказания в виде исправительных работ осужденной беременной женщины (ч. 5 ст. 42 УИК РФ);
- снижение размера удержания из заработной платы осужденного к принудительным работам в случае ухудшения его материального положения (ч. 4 ст. 60.10 УИК РФ);
- прочее.

Вместе с тем очевидно, что основания для принятия судом соответствующих решений по вышеуказанным

вопросам частично аналогичны тем, которые указаны в ст. 397 УПК РФ (необходимость предупреждения совершения нового преступления или иного правонарушения, состояние здоровья осужденного и т.п.), но уже в меньшей степени ориентированы на учет поведения осужденного в контексте его исправления.

В этом случае налицо не только недостаточное стимулирование правопослушного поведения осужденного, но и наоборот – в ряде случаев он условно ориентируется на ухудшение состояния своего здоровья, а также на понижение уровня своего финансового положения, чтобы уменьшить объем применяемых правоограничений или даже освободиться от отбывания наказания.

В условиях подобного рассогласования законодательства (на недостатки, в частности, уголовно-процессуального регулирования рассматриваемых вопросов активно обращается внимание в юридической литературе [2. С. 98–103; 3. С. 62–66; 4; 5; 6. С. 121–127; 7. С. 422–430; 8. С. 119–126]) фактически уже не вызывает удивления возможное наличие различных межотраслевых вопросов, принимаемых в стадии исполнения приговора во внесудебном порядке.

К ним, в соответствии с уголовным законодательством, можно отнести, в частности, следующие:

– амнистирование осужденных (с их возможным освобождением от наказания, его сокращением или заменой более мягким видом наказания), объявляемое Государственной Думой РФ в отношении индивидуально не определенного круга лиц (ст. 84 УК РФ), а фактически применяемое в отношении конкретного осужденного обычно путем вынесения постановления начальника учреждения или органа, исполняющего наказание, утвержденного прокурором;

– помилование осужденного (с его возможным освобождением от наказания или заменой более мягким видом наказания), осуществляемое Президентом России путем издания соответствующего указа (ст. 85 УК РФ).

В данном случае очевидно, что указанные вопросы, связанные с исполнением приговора, разрешаются не судом, а иными государственными инстанциями (исследователями обращается внимание на недостаточность процессуального регулирования данных институтов [9. С. 203–206; 10. С. 70–74]). При этом ни в ст. 84 УК РФ, ни в ст. 85 УК РФ не упомянуты исправление осужденных или необходимость предупреждения совершения новых преступлений в качестве возможных оснований для применения институтов амнистии и помилования (на это обстоятельство указывают исследователи [11. С. 114–118; 12. С. 39–44]), что практически не стимулирует осужденных к правопослушному поведению (в данном случае нами не затрагивается тот факт, что в некоторых постановлениях Государственной Думы РФ об объявлении амнистии все же учитывалось в той или иной мере поведение осужденного).

Кроме того, ни в ст. 397 УПК РФ, ни в ч. 4 ст. 81 УК РФ суд не указан в качестве субъекта, принимающего соответствующее решение, по привлечению к наказанию выздоровевшего лица, ранее освобожденного от отбывания наказания в случае наступления психического расстройства, лишаящего его возможности осознавать фак-

тический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, а также в случае выявления иной тяжелой болезни; в этом случае непонятна процедура принятия решения по данному вопросу и критерии принятия подобного решения, за исключением самого факта выздоровления лица (что также не стимулирует его к соблюдению врачебных предписаний и улучшению состояния своего здоровья. – *Прим. авт.*).

Отдельно затронем вопрос о принятии решения об изменении вида исправительного учреждения как об одном из вопросов при исполнении приговора.

В соответствии с ч. 1 ст. 56 УК РФ, лишение свободы заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в колонию-поселение, воспитательную колонию, лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо в тюрьму (здесь несколько неудачно приведен условный перечень мест отбывания лишения свободы [13. С. 9–13]). В статье 74 УИК РФ этот перечень исправительных учреждений расширен за счет следственных изоляторов и лечебно-профилактических учреждений. Теоретически, особенно с учетом положений ч. 4 ст. 58 УК РФ и ч. 5 ст. 78 УИК РФ, получается, что судом принимается решение об изменении вида исправительного учреждения, т.е. перевод осужденного между всеми указанными видами учреждений.

Между тем в п. 3 ст. 397 УПК РФ, упоминающем об изменении вида исправительного учреждения как об одном из вопросов, решаемых судом при исполнении приговора, делается отсылка только на ст. 78 и 140 УИК РФ (о наличии недостатков в подобном законодательном подходе ранее нами уже говорилось). В этих нормах уголовно-исполнительного закона говорится о некоторых способах изменения вида исправительного учреждения, которые осуществляются судом:

- из тюрьмы в исправительную колонию;
- из исправительной колонии особого режима в исправительную колонию строгого режима;
- из исправительных колоний общего режима в колонию-поселение;
- из исправительных колоний строгого режима в колонию-поселение;
- из колонии-поселения в исправительную колонию, вид которой был ранее определен судом;
- из колонии-поселения, в которую они были направлены по приговору суда, в исправительную колонию общего режима;
- из исправительных колоний общего, строгого и особого режимов в тюрьму;
- из воспитательной колонии осужденного, достигшего возраста 18 лет, в изолированный участок воспитательной колонии, функционирующий как исправительная колония общего режима, или в исправительную колонию.

В этом случае получается, что иные способы изменения вида исправительного учреждения, предусмотренные в уголовно-исполнительном законодательстве, осуществляются уже не судом.

Это подтверждается и другим положением ст. 140 УИК РФ (на которую делается ссылка в п. 3 ст. 397

УПК РФ), где указывается, что перевод осужденных, достигших возраста 19 лет, из воспитательной колонии либо из изолированного участка воспитательной колонии, функционирующего как исправительная колония общего режима, в исправительную колонию общего режима осуществляется уже по постановлению начальника воспитательной колонии, а не по решению суда (что, строго говоря, уже не соответствует указанной норме уголовно-процессуального закона).

Между тем в ч. 1 ст. 140 УИК РФ делается упор на отрицательную характеристику именно 18-летнего осужденного для принятия решения об его переводе из воспитательной колонии в исправительную колонию общего режима, что фактически в той или иной степени ориентирует суд на достижение цели исправления осужденных. В этом случае решение о переводе осужденных, достигших возраста 19 лет, из воспитательной колонии в исправительную колонию общего режима осуществляется уже во внесудебном порядке без привязки к указанной цели уголовно-исполнительного законодательства и без оценки поведения осужденного (на это обращается внимание исследователями [14. С. 30–32; 15. С. 63–66]).

Кроме вышеуказанного, в уголовно-исполнительном законе предусмотрены и иные способы фактического изменения вида исправительного учреждения, осуществляемого во внесудебном порядке:

- из исправительной колонии, воспитательной колонии или тюрьмы в следственный изолятор на основании мотивированного постановления следователя с согласия вышестоящих руководителей, а также постановления дознавателя с согласия соответствующего прокурора (ч. 1 ст. 77.1 УИК РФ);

- из штрафных изоляторов, помещений камерного типа, единых помещений камерного типа или одиночных камер соответствующих исправительных колоний в лечебно-профилактические учреждения (ч. 5 ст. 118 УИК РФ).

Более того, в уголовно-исполнительной системе функционируют, согласно ч. 2 ст. 101 УИК РФ, лечебно-профилактические учреждения (больницы, специальные психиатрические и туберкулезные больницы) и лечебные исправительные учреждения, переводы в которые осуществляются уже не по решению суда, а в связи с выявленными заболеваниями осужденных для их медицинского обслуживания по решению учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (даже с учетом того, что лечебные исправительные учреждения, в отличие от лечебно-профилактических, указаны, как уже говорилось, в ст. 56 УК РФ). При этом в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством перевод осужденных из лечебно-профилактических учреждений в лечебные исправительные учреждения, а также обратно между ними также осуществляется по решению учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

Между тем указанные в ст. 77.1, 118 и 101 УИК РФ виды переводов осужденных из учреждений одного вида в другой осуществляются уже не в контексте до-

стижения целей уголовно-исполнительного законодательства, а для решения уголовно-процессуальных вопросов, а также с учетом состояния здоровья осужденных. Более того, последнее основание вообще применяется, условно говоря, «в ущерб» исправительному воздействию, поскольку, согласно ч. 5 ст. 118 УИК РФ, осужденный, подвергнутый взысканию, переводится в лечебно-профилактическое учреждение уголовно-исполнительной системы с зачетом срока нахождения в них в срок отбывания взыскания; т.е. фактически осужденный освобождается от дальнейшего отбывания взыскания исключительно по состоянию здоровья без учета его дальнейшего правопослушного или отрицательного поведения.

Кроме того, в уголовно-исполнительном законе предусмотрена возможность оставления осужденного в следственном изоляторе решением начальника этого учреждения, несмотря на приговор суда, предусматривающий его содержание в исправительном учреждении конкретного вида:

- для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию следственного изолятора (ч. 1 ст. 74 и ст. 77 УИК РФ);

- с согласия осужденного на срок не свыше шести месяцев (ч. 1 ст. 74 УИК РФ).

Таким образом, очевидно, что ряд способов фактического изменения вида исправительного учреждения, в том числе непосредственно предусмотренных в законе, осуществляется во внесудебном порядке, не по решению суда. При этом очевидно, что оставление осужденных в следственном изоляторе также не ориентировано на достижение целей уголовно-исполнительного законодательства.

Фактически, с определенными условностями, в отношении вопросов, принимаемых в стадии исполнения приговора во внесудебном порядке, можно говорить о нарушении ч. 1 ст. 392 УПК РФ, о том, что вступившие в законную силу приговор, определение, постановление суда обязательны для всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории России (не что подобное содержится и в отношении судебных решений по ч. 1 ст. 6 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»).

В итоге можно констатировать, что наличие вышеуказанных и иных проблем, включая недостаточное стимулирование правопослушного поведения осужденных и рассогласованность межотраслевого регулирования вопросов, разрешаемых в стадии исполнения приговора, в том числе во внесудебном порядке, не всегда ориентированных на достижение исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений, требует разработки новой комплексной концепции, помимо прочего, четко закрепляющей основания и процедуру разрешения рассматриваемых вопросов.

Список источников

1. *Коллизии законодательства России и ряда стран (краткий научный комментарий)* / под общ. ред. А.А. Крымова ; под науч. ред. А.П. Скибы. 3-е изд., испр. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 477 с.

2. Крымов А.А. Некоторые проблемы регламентации уголовно-процессуальных прав осужденных // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2 (40). С. 98–103.
3. Крымов А.А., Тябина Ю.А. Проблемы правового регулирования участия прокурора в стадии исполнения приговора // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 2 (52). С. 62–66.
4. Левченко О.В., Гужва О.В., Караева А.А. Рассмотрение судом вопросов, связанных с исполнением приговора: теоретические и практические проблемы. М. : Юрлитинформ, 2018. 168 с.
5. Николук В.В. Привод, задержание и заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания : науч.-практ. пособие. М. : Российский государственный университет правосудия, 2018. 168 с.
6. Пупышева Л.А. Обеспечение судебной деятельности в сфере исполнения уголовных наказаний // Вестник Кузбасского института. 2016. № 2 (27). С. 121–127.
7. Скиба А.П., Акчуринов А.В. Международная научно-практическая конференция «Вопросы, решаемые при исполнении приговора: уголовно-исполнительные и уголовно-процессуальные аспекты» (Рязань, 17 ноября 2021 года) // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16 (1–4), № 4. С. 422–430.
8. Шабанов В.Б., Буданова Л.Ю. Особенности деятельности уголовно-исполнительных инспекций на стадии исполнения приговора: проблемы и перспективы // Вестник Кузбасского института. 2019. № 1 (38). С. 119–126.
9. Крымов А.А. О межотраслевом регулировании обстоятельств, подлежащих доказыванию, в стадии исполнения приговора // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014. № 2. С. 203–206.
10. Малышева О.А. Процессуальный порядок освобождения от наказания в виде лишения свободы при применении акта об амнистии // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3 (90). С. 70–74.
11. Климов А.С., Никонович С.Л., Авдалян А.Я., Боcharов А.В. О некоторых аспектах правового регулирования досрочного снятия судимости в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2017. № 9 (153). С. 114–118.
12. Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Помилование в России: проблемы применения (в свете протокола совместного совещания управления Президента РФ и представителей органов исполнительной власти южного федерального округа) // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 4. С. 39–44.
13. Скиба А.П. Некоторые проблемы разграничения уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного регулирования // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 2. С. 9–13.
14. Овчинников О.М. Особенности осуществления оперативно-розыскной деятельности в отношении несовершеннолетних осужденных в условиях воспитательных колоний // Международный пенитенциарный журнал. 2016. № 1. С. 30–32.
15. Рябых С.Б. Актуальные проблемы правового регулирования исполнения и отбывания уголовного наказания в отношении осужденных, содержащихся в воспитательных колониях // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 2 (20). С. 63–66.

References

1. Krymov, A.A. & Skiba, A.P. (eds) (2018) *Kollizii zakonodatel'stva Rossii i ryada stran (kratkiy nauchnyy kommentariy)* [Collisions of the legislation of Russia and a number of countries (a brief scientific commentary)]. 3rd ed. Moscow: YuNITI-DANA.
2. Krymov, A.A. (2017) Nekotorye problemy reglamentatsii ugolovno-protsessual'nykh prav osuzhdennykh [Some problems of regulation of criminal procedural rights of convicts]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*. 2(40). pp. 98–103.
3. Krymov, A.A. & Tyabina, Yu.A. (2016) Problemy pravovogo regulirovaniya uchastiya prokurora v stadii ispolneniya prigovora [Problems of legal regulation of the prosecutor's participation in the stage of execution of the sentence]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 2(52). pp. 62–66.
4. Levchenko, O.V., Guzha, O.V. & Karaeva, A.A. (2018) *Rassmotrenie sudom voprosov, svyazannykh s ispolneniem prigovora: teoreticheskie i prakticheskie problem* [Judicial consideration of issues related to the execution of the sentence: theoretical and practical problems]. Moscow: YurLitinform.
5. Nikolyuk, V.V. (2018) *Privod, zaderzhanie i zaklyuchenie pod strazhu osuzhdenного, skryvshegosya v tselyakh uklo-neniya ot ot-byva-niya nakazaniya* [Attachment, detention and confinement of a convict who escaped in order to evade serving a sentence]. Moscow: Russian State University of Justice.
6. Pupyshva, L.A. (2016) Obespechenie sudebnoy deyatel'nosti v sfere ispolneniya ugolovnykh nakazaniy [Ensuring judicial activity in the sphere of execution of criminal penalties]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 2(27). pp. 121–127.
7. Skiba, A.P. & Akchurin, A.V. (2021) *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Voprosy, reshaemye pri ispolnenii prigovora: ugolovno-ispolnitel'nye i ugolovno-protsessual'nye aspekty"* (Ryazan', 17 noyabrya 2021 goda) [International Conference "Issues to be resolved during the execution of sentence: Penitentiary and criminal procedural aspects" (Ryazan, November 17, 2021)]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 16(1–4). pp. 422–430.
8. Shabanov, V.B. & Budanova, L.Yu. (2019) Osobennosti deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'nykh inspektsiy na stadii ispolneniya prigovora: problemy i perspektivy [Specificity of penitentiary inspections at the stage of sentence execution: Problems and prospects]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 1(38). pp. 119–126.
9. Krymov, A.A. (2014) O mezhotraslevom regulirovanii obstoyatel'stv, podlezhashchikh dokazyvaniyu, v stadii ispolneniya prigovora [On intersectoral regulation of circumstances subject to proof at the stage of sentence execution]. *Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskiy zhurnal*. 2. pp. 203–206.
10. Malysheva, O.A. (2015) Protessual'nyy poryadok osvobozhdeniya ot nakazaniya v vide lisheniya svobody pri primenenii akta ob amnistii [The procedural order of release from imprisonment when applying an amnesty act]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 3(90). pp. 70–74.
11. Klimov, A.S., Nikonovich, S.L., Avdalyan, A.Ya. & Bocharov, A.V. (2017) O nekotorykh aspektakh pravovogo regulirovaniya dosrochnogo snyatiya sudimosti v Rossiyskoy Federatsii [On some aspects of legal regulation of early removal of a criminal record in the Russian Federation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 9(153). pp. 114–118.
12. Prokhorov, L.A. & Prokhorova, M.L. (2020) Pomilovanie v Rossii: problemy primeneniya (v svete protokola sovmestnogo soveshchaniya upravleniya Prezidenta RF i predstaviteley organov ispolnitel'noy vlasti yuzhnogo federal'nogo okruga) [Pardon in Russia: Problems of application (in the light of the protocol of the joint meeting of the administration of the President of the Russian

- Federation and representatives of the executive authorities of the southern federal district)]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov*. 4. pp. 39–44.
13. Skiba, A.P. (2015) Nekotorye problemy razgranicheniya ugovno-protsessual'nogo i ugovno-ispolnitel'nogo regulirovaniya [Some problems of delimitation of criminal procedure and penal regulation]. *Ugovno-ispolnitel'noe pravo*. 2. S. 9–13.
14. Ovchinnikov, O.M. (2016) Osobennosti osushchestvleniya operativno-rozysknoy deyatel'nosti v otnoshenii nesovershennoletnikh osuzhdennykh v usloviyakh vospitatel'nykh koloniy [The implementation of operational-search activities in relation to juvenile convicts in educational colonies]. *Mezhdunarodnyy penitentsiarnyy zhurnal*. 1. pp. 30–32.
15. Ryabikh, S.B. (2015) Aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya ispolneniya i otbyvaniya ugovnogo nakazaniya v otnoshenii osuzhdennykh, soderzhashchikhsya v vospitatel'nykh koloniyakh [Topical problems of legal regulation of the execution and serving of a criminal sentence in relation to convicts in educational colonies]. *Ugovno-ispolnitel'noe pravo*. 2(20). pp. 63–66.

Информация об авторах:

Крымов А.А. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия). E-mail: krsan@yandex.ru

Скиба А.П. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии права и управления ФСИН (Рязань, Россия). E-mail: apskiba@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.A. Krymov, professor, Dr. Sci. (Law), professor of the Department of Criminal Procedure, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: krsan@yandex.ru

A.P. Skiba, professor, Dr. Sci. (Law), professor of the Department of Penal Law, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service (Ryazan, Russian Federation). E-mail: apskiba@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.06.2023;
одобрена после рецензирования 08.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.*

*The article was submitted 01.06.2023;
approved after reviewing 08.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.*

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/20/12

СОДЕРЖАНИЕ НЕПЕНИТЕНЦИАРНОГО РЕЖИМА

Николай Владимирович Ольховик¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, lawtsu@rambler.ru*

Аннотация. Содержание непенитенциарного режима состоит из карательных и некарательных требований. Карательные требования соответствуют качественному и количественному содержанию соответствующего наказания без изоляции осужденного от общества, являются обязательными, предъявляются ко всем осужденным, устанавливаются только уголовным законом и конкретизируются в приговоре суда. Некарательные требования непенитенциарного режима подразделяются на обязательные и факультативные.

Ключевые слова: порядок и условия отбывания наказания, режим, режим наказания, непенитенциарный режим

Для цитирования: Ольховик Н.В. Содержание непенитенциарного режима // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 64–68. doi: 10.17223/23088451/21/12

Original article
doi: 10.17223/23088451/21/12

CONTENT OF THE NON-PENITENTIARY REGIME

Nikolay V. Olkhovik¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, lawtsu@rambler.ru*

Abstract. Though there are various definitions of “regime”, it is always defined as “legal order” of imprisonment execution, “a set of rules and restrictions”, “the way of life of convicts”, which express the specificity of this punishment and reflect the content of the punishment itself, as well as what lies outside the punishment – the regime or the effect of correctional labor. The term “regime” is used in law and legal literature not only in relation to the imprisonment, but also to other types of punishments and criminal law sanctions not related to the isolation from society. In law, the non-penitentiary regime exists in the form of rules that form the procedure for the behavior of convicts and for the activities of the bodies executing criminal penalties that are not related to the isolation of the convict from society. In terms of their content, these rules are different, provided for by criminal and penal legislation, established either for all convicts or only for some of them. They can be adjusted only by the court and (or) the body executing criminal punishment. The content of the non-penitentiary regime consists of punitive demands and prescriptions that do not have the properties of punishment. The punitive requirements of the non-penitentiary regime correspond to the qualitative and quantitative content of a certain punishment without isolating the convict from society. They are mandatory, imposed on all convicts to a certain punishment without isolation from society, established (or should be established) only by criminal law and specified in the court verdict by determining their type, measure, and validity period. Another element of the content of the non-penitentiary regime is demands that do not have the properties of punishment. According to the degree of compulsion, these requirements are divided into mandatory and optional. The mandatory ones include non-punitive requirements that ensure the punitive content of the non-penitentiary regime with instructions that force the convict to comply with it. Optional are the non-punitive requirements of the non-penitentiary regime that are not established for each convict not isolated from society. They are applied differentially, in order to nullify the factors that can create conditions for the convict to commit a new crime on the one hand, and, on the other, to provide favorable conditions for his/her correction.

Keywords: order and conditions of sentence serving, regime, punishment regime, penitentiary regime

For citation: Olkhovik, N.V. (2023) Content of the non-penitentiary regime. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 64–68. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/12

В науке уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) права дискуссионным вопросом являлось определение сущности понятия режима исполнения лишения свободы. Г.А. Туманов сводил режим исполнения лишения свободы только к карательным требованиям, которые образуют содержание наказания в

виде лишения свободы [1. С. 8]. А.Л. Ременсон, А.Е. Наташев, Н.А. Стручков, разделявшие концепцию определения содержания наказания только как уголовной кары, которая, соединяясь с мерами исправительно-трудового воздействия, образует карательно-воспитательный процесс [2. С. 31–32; 3. С. 86–96],

справедливо утверждали, что определение режима как правопорядка исполнения только самого наказания является односторонним и неполно раскрывает сущность этого понятия. Режиму «присущи свойства метода исправления и перевоспитания» [4. С. 31–32], наряду с карательными требованиями режим «включает в себя целый ряд установлений, которые не носят карательного характера, а оказывают на осужденных дисциплинирующее воздействие, создают необходимые условия для осуществления мер исправительно-трудового воздействия, поддержания необходимого порядка в колониях и др., не причиняя при этом объективно никаких лишений, страданий» [5. С. 10].

В настоящее время понятие «режим» применительно к лишению свободы закреплено в нормах уголовного и уголовно-исполнительного права. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (ст. 82) определяет режим в исправительных учреждениях как «установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания».

Вместе с тем термин «режим» закреплён в Общей части УИК РФ применительно ко всем наказаниям (ч. 2 ст. 9 УИК РФ). Некоторые ученые видели смысл в определении «режима» не только лишения свободы, но и иных видов наказаний. «Необходимо одно понятие режима, – пишет Н.А. Стручков, – обозначающее вполне определенное событие – исполнение наказания, но конкретизирующееся в зависимости от вида отбываемого наказания» [6. С. 226]. Исходя из этого, отмечает в другой работе Н.А. Стручков, «уклад (образ) жизни осужденных зависит от того, что установлено законом в качестве содержания наказания, т.е. соответствующего ему комплекса правоограничений, предусмотренных законом и выражаемых в требованиях и правилах режима. В этом смысле режим как бы привносит в жизнь осужденных нечто новое, обусловленное отбыванием наказания» [7. С. 49]. Режимом «следует считать образ жизни осужденных к конкретному наказанию, и этот образ жизни устанавливается посредством специальных и специфических предписаний правовых норм» [7. С. 51]. В этом отношении Н.А. Стручков считал возможным говорить о режиме исправительных работ, ссылки и, условно, о режиме штрафа [7. С. 49, 53]. В конечном счете это нашло отражение в ч. 2 ст. 9 УИК РФ, закрепляющей термин «режим» применительно ко всем наказаниям.

Таким образом, рассмотрев ключевые определения понятия «режима» в науке уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) права, можно сделать ряд выводов. Во-первых, несмотря на существование различных формулировок понятия «режим», все они сводятся к его определению как «правопорядка» исполне-

ния уголовного наказания в виде лишения свободы, «совокупности правил и ограничений», «уклада (образа) жизни осужденных», в которых «выражается то, что согласно закону свойственно данному наказанию и отражает содержание самого наказания» [7. С. 49], а также то, что лежит вне наказания – режим или меры исправительно-трудового воздействия [2. С. 14–16; 5. С. 4]. Во-вторых, термин «режим» употребляется в законе и юридической литературе не только применительно к лишению свободы, но и к другим видам наказаний и уголовно-правовым мерам, не связанным с изоляцией от общества.

Определить характер деятельности суда, органов, исполняющих наказания, формы осуществления контроля, и, в конечном счете, создать действующий механизм обеспечения исправления осужденных невозможно без систематизации требований порядка и условий исполнения (отбывания) наказаний без изоляции от общества (непенитенциарного режима).

Правовое закрепление непенитенциарного режима выражается в виде правил, образующих порядок поведения осужденных и порядок деятельности органов, исполняющих уголовные наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества. По своему содержанию эти правила различны, предусмотрены уголовным и уголовно-исполнительным законодательством, устанавливаются для всех осужденных или только некоторым из них, могут корректироваться только судом и (или) органом, исполняющим уголовное наказание.

Содержание непенитенциарного режима состоит из карательных требований и предписаний, не обладающих свойствами кары.

Карательные требования непенитенциарного режима соответствуют качественному и количественному содержанию того или иного наказания без изоляции осужденного от общества, являются обязательными, предъявляются ко всем осужденным к тому или иному наказанию без изоляции от общества, устанавливаются (или должны устанавливаться) только уголовным законом и конкретизируются в приговоре суда в виде определения их вида, меры, срока действия. Карательными требованиями непенитенциарного режима являются обязанность осужденных к обязательным работам выполнять в свободное от основной работы или учебы время бесплатные общественно полезные работы в размере от 60 до 480 часов для взрослых и от 40 до 160 часов – для несовершеннолетних; обязанность осужденных к исправительным работам – трудиться либо по месту работы, либо в иных местах, определяемых органом местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, в период от 2 месяцев до 2 лет, при условии, что из его заработной платы будут производиться удержания в доход государства в размере от 5 до 20%; обязанность осужденных к принудительным работам трудиться в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы в период от двух месяцев до пяти лет (за исключением случаев замены наказания в виде лишения свободы принудительными рабо-

тами в соответствии со статьей 80 УК РФ, когда срок принудительных работ может быть иной), при условии, что из его заработной платы будут производиться удержания в доход государства, перечисляемые на счет соответствующего территориального органа уголовно-исполнительной системы, в размере от 5 до 20%; работать там, куда они направлены администрацией исправительного центра; постоянно находиться в пределах территории исправительного центра (за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом), проживать, как правило, в специально предназначенных для осужденных общежитиях, не покидать их в ночное и нерабочее время, выходные и праздничные дни без разрешения администрации исправительного центра; участвовать без оплаты труда в работах по благоустройству зданий и территории исправительного центра в порядке очередности в нерабочее время продолжительностью не более двух часов в неделю. Карательное содержание непенитенциарного режима при лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью составляет обязанность осужденного исполнять требования приговора суда – не занимать запрещенные для него должности или не заниматься запрещенной для него деятельностью, представлять по требованию уголовно-исполнительной инспекции документы, связанные с отбыванием указанного наказания. Исходя из смысла закона, карательное содержание непенитенциарного режима при ограничении свободы образуют обязанности и ограничения осужденного.

Другим элементом содержания непенитенциарного режима являются требования, не обладающие свойствами кары. По степени обязательности эти требования подразделяются на обязательные и факультативные. К обязательным относятся некарательные требования, обеспечивающие карательное содержание непенитенциарного режима предписаниями, понуждающими осужденного его выполнять. Эти требования непенитенциарного режима выражаются в обязанностях осужденного, предусмотренных не только в ст. 11 УИК РФ, но и в обязанностях осужденного и правах (обязанностях) уголовно-исполнительной инспекции и других субъектов, участвующих в исполнении наказания без изоляции от общества, которые предусмотрены и должны предусматриваться Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации для каждого осужденного к тому или иному наказанию без изоляции от общества. Применительно к обязательным работам следует указать на обязанности осужденного приступить к отбыванию наказания не позднее 15 дней со дня поступления в уголовно-исполнительную инспекцию соответствующего распоряжения суда с копией приговора (определения, постановления), работать на определяемых для них объектах, соблюдать правила внутреннего распорядка организаций, в которых они отбывают обязательные работы, не нарушать трудовую дисциплину, добросовестно относиться к труду, являться по вызову в уголовно-исполнительную инспекцию, ставить в известность уголовно-исполнительную инспекцию об изменении места жительства, не скрываться от нее.

При исправительных работах обеспечительный характер выполняют обязанности осужденного приступить к работе в течение пяти дней со дня получения предписания уголовно-исполнительной инспекции; являться по вызову в уголовно-исполнительную инспекцию; не допускать прогулов или появлений на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения; сообщать в уголовно-исполнительную инспекцию об изменении места работы и (или) места жительства и т.д.

При принудительных работах обеспечительный характер выполняют обязанности осужденного приступить к работам в срок, установленный администрацией исправительного центра; постоянно иметь при себе документ установленного образца, удостоверяющий личность осужденного; соблюдать общественный порядок, трудовую дисциплину; являться на регистрацию в исправительный центр в случае, если ему разрешено проживание за его пределами; выполнять правила внутреннего распорядка исправительных центров, в том числе не употреблять спиртные напитки, наркотические средства или психотропные вещества; изготавливать, хранить или передавать запрещенные предметы и вещества; организовывать забастовки или иные групповые неповиновения, а равно участвовать в них; отказываться от работы.

При лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью обеспечительный характер выполняет обязанность осужденного сообщать в уголовно-исполнительную инспекцию о месте работы, его изменении или об увольнении с работы, а также обязанности уголовно-исполнительной инспекции, администрации организации, в которой работает осужденный, и органов, правомочных аннулировать разрешение на занятие соответствующей деятельностью. При ограничении свободы обеспечительный характер выполняют обязанности осужденного в течение трех суток после получения уведомления явиться в уголовно-исполнительную инспекцию по месту жительства для постановки на учет, обязанности уголовно-исполнительной инспекции и обязанности исправительного учреждения, если ограничение свободы назначено в качестве дополнительного к лишению свободы.

Факультативными являются некарательные требования непенитенциарного режима, которые устанавливаются не каждому осужденному к тому или иному наказанию без изоляции от общества, а дифференцированно, с одной стороны, с целью нейтрализовать воздействие факторов, способных создать условия для совершения осужденным нового преступления, и, с другой – обеспечить благоприятные условия его исправления. Установление осужденным этих требований предполагает не только привлечение осужденных к выполнению карательных требований, но и непосредственно направлено на предупреждение совершения осужденными новых преступлений и обеспечивает благоприятные условия его исправления. Так, например, определение уголовно-исполнительной инспекцией осужденному к обязательным работам вида работ и объекта, на котором они будут отбываться, должно обеспечить не только карательное содержание этого

наказания, но и благоприятные условия его исправления и предупреждение совершения осужденным нового преступления. Невыполнение этого требования может привести к тому, что наказание не будет отбываться либо его отбывание будет проходить формально (только с точки зрения учета «отработанного» осужденным времени). Аналогичный принцип должен действовать и при определении мест отбывания исправительных работ неработающим осужденным, осужденным, отбывающим принудительные работы, а также при установлении дополнительных обязанностей осужденным к ограничению свободы (ст. 54 УИК РФ), при определении осужденному к обязательным и исправительным работам, лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью периодичности явки в уголовно-исполнительную инспекцию, а осужденным к принудительным работам, проживающим за пределами исправительного центра, периодичности явки в исправительный центр. Однако действующее законодательство не предусматривает возможности индивидуализации некарательных требований непенитенциарного режима всем категориям осужденных без изоляции от общества. В связи с этим считаем необходимым и своевременным предоставить суду возможность возложения на осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательным, исправительным и принудительным работам обязанностей, как при вынесении приговора или иного судебного акта, так и в период отбывания

наказания по представлению уголовно-исполнительной инспекции (исправительного центра, при отбывании принудительных работ), а также уголовно-исполнительной инспекции (исправительному центру, при отбывании принудительных работ), если эти обязанности направлены на обеспечение осуществления контроля за исполнением осужденным требований непенитенциарного режима (например, являться для регистрации в уголовно-исполнительную инспекцию или исправительный центр с указанием периодичности, отчитываться перед уголовно-исполнительной инспекцией или администрацией исправительного центра о своем поведении).

При этом перечень обязанностей, которые могут быть возложены судом, должен быть открытый, так как это позволит суду индивидуализировать требования непенитенциарного режима каждому осужденному. Кроме этого, в уголовно-исполнительном законодательстве следует предусмотреть возможность уголовно-исполнительной инспекции возлагать на осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательным и исправительным работам, а администрации исправительного центра – на осужденных к принудительным работам обязанностей, направленных на обеспечение осуществления контроля за исполнением осужденным требований непенитенциарного режима, не только после нарушения осужденным требований этого режима, но и при постановке на учет.

Список источников

1. Туманов Г.А. Режим лишения свободы по советскому исправительно-трудовому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1964. 31 с.
2. Ременсон А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1965. 63 с.
3. Натасhev А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967. 162 с.
4. Беляев А.А. Основные вопросы режима и правовое положение заключенных // Правовые вопросы лишения свободы и перевоспитания заключенных : материалы научн. конф. 1–3 марта 1962 г. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1964. С. 31–33.
5. Захтсер Е.М. Средства обеспечения режима в исправительно-трудовых колониях : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1973. 137 с.
6. Стручков Н.А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970. 271 с.
7. Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права: Проблемы Особенной части. М., 1985. 240 с.

References

1. Tumanov, G.A. (1964) *Rezhim lisheniya svobody po sovetskomu ispravitel'no-trudovomu pravu* [The imprisonment regime under the Soviet correctional labor law]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
2. Remenson, A.L. (1965) *Teoreticheskie voprosy ispolneniya lisheniya svobody i perevospitaniya zaklyuchennykh* [Theoretical issues of execution of imprisonment and re-education of prisoners]. Abstract of Law Dr. Diss. Tomsk.
3. Natashev, A.E. & Struchkov, N.A. (1967) *Osnovy teorii ispravitel'no-trudovogo prava* [Fundamentals of the Theory of Correctional Labor Law]. Moscow: [s.n.].
4. Belyaev, A.A. (1964) *Osnovnye voprosy rezhima i pravovoe polozhenie zaklyuchennykh* [The main issues of the regime and the legal status of prisoners]. *Pravovye voprosy lisheniya svobody i perevospitaniya zaklyuchennykh* [Legal Issues of Deprivation of Liberty and Re-education of Prisoners]. Proc. of the Conference. March 1–3, 1962. Tomsk: Tomsk State University. pp. 31–33.
5. Zakhtser, E.M. (1973) *Sredstva obespecheniya rezhima v ispravitel'no-trudovykh koloniyakh* [Means of ensuring the regime in correctional labor colonies]. Law Cand. Diss. Tomsk.
6. Struchkov, N.A. (1970) *Sovetskaya ispravitel'no-trudovaya politika i ee rol' v bor'be s prestupnost'yu* [Soviet correctional labor policy and its role in the fight against crime]. Saratov: Saratov State University.
7. Struchkov, N.A. (1985) *Kurs ispravitel'no-trudovogo prava: Problemy Osobennoy chasti* [Corrective Labor Law: Problems of the Special Part]. Moscow: Yurid. lit.

Информация об авторе:

Ольховик Н.В. – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lawtsu@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.V. Olkhovik, Cand. Sci. (Law), docent, head of the Department of Criminal Law, Institute of Law, National Research Tomsk State University, (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lawtsu@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.06.2023;
одобрена после рецензирования 09.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.*

*The article was submitted 01.06.2023;
approved after reviewing 09.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.*

Научная статья
УДК 343.811

doi: 10.17223/23088451/21/13

СОВРЕМЕННАЯ ПРОГРЕССИВНАЯ СИСТЕМА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ И ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА: ЭЛЕМЕНТЫ И ФАКТОРЫ

Андрей Александрович Пропостин¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, propostin@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается прогрессивная система исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Дается ее определение, анализируется возможность ее применения в отношении всех видов наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Определяются элементы и факторы прогрессивной системы, свойственные всем видам наказаний, и иных мер уголовно-правового характера, наборы стимулов правопослушного поведения, присущие каждому виду наказания и иной мере уголовно-правового характера.

Ключевые слова: прогрессивная система, исполнение наказаний, иные меры уголовно-правового характера

Для цитирования: Пропостин А.А. Современная прогрессивная система исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера: элементы и факторы // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 69–75. doi: 10.17223/23088451/21/13

Original article
doi: 10.17223/23088451/21/13

MODERN PROGRESSIVE SYSTEM OF EXECUTION OF PUNISHMENTS AND OTHER SANCTIONS OF CRIMINAL LEGAL RESPONSE

Andrey A. Propostin¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, propostin@mail.ru*

Abstract. The progressive system of execution of criminal punishments is a change in the degree of punitive impact (mitigation or intensification) of punishment or the scope of restrictions of other criminal law sanctions (reduction or increase) in the process of punishment serving, depending on the convict's behavior. As a complex institution, currently based on the norms of criminal and penal law, this system has not yet developed in its final form. The idea of a progressive system in legislation had both supporters and opponents. The author agrees with Aleksandr L. Remenson, who wrote that "the legal status of a changing personality cannot be left unchanged – this will be a violation of the elementary rules of pedagogy, the principles of law, and the requirements of justice. On the contrary, a progressive system must be clearly developed and enshrined in law." Remenson proposed his approach back in 1964; however, such a progressive system of execution of criminal penalties still consists of disparate, often inconsistent elements, and cannot be called a "system" in its true sense. A progressive system capable of effectively performing its functions needs a model constructed according to the systems theory. This approach has been quite reasonably suggested in the legal literature. The system analysis determines various features of this concept. Considering the progressive system of execution of criminal penalties from these positions, the author argues that it does not fully possess such features of a "system" as integrity, openness, internal heterogeneity, structuredness, functionality, stimulability, expediency, and many others. This could not but have a negative impact on the application of the progressive system in the execution of criminal penalties and other criminal law sanctions. This circumstance makes it necessary to bring all its constituent elements into a certain order.

Keywords: progressive system, execution of punishments, other criminal law sanctions

For citation: Propostin, A.A. (2023) Modern progressive system of execution of punishments and other sanctions of criminal legal response. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 69–75. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/13

Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний представляет собой изменение степени карательного воздействия (смягчение или усиление) наказания или объема ограничений иных мер уголовно-правового характера (уменьшение или увеличение) в процессе их отбывания осужденным в зависимости от его поведения.

Являясь комплексным институтом, основу которого в настоящее время составляют нормы уголовного и уголовно-исполнительного права, она до сих пор не сложилась в окончательном виде. Сама идея существования прогрессивной системы в законодательстве имела как своих сторонников, так и противников. Не вдаваясь в суть дискуссии по этому вопросу, полагаем, что

прав был А.Л. Ременсон, который писал, что «нельзя оставлять неизменным правовое положение изменяющейся личности – это будет нарушением элементарных правил педагогики, принципов права и требований справедливости. Наоборот, прогрессивную систему надо четко разработать и закрепить в законе» [1. С. 26]. Это предложение было высказано А.Л. Ременсоном еще в 1964 г., однако современная прогрессивная система исполнения уголовных наказаний до сих пор состоит из разрозненных, часто не согласованных между собой элементов, что не позволяет ныне именовать ее «системой» в собственном смысле этого слова.

Для построения прогрессивной системы, способной результативно выполнять свои функции, необходимо четко построить ее модель и рассмотреть ее с точки зрения теории систем. Такой подход совершенно обоснованно предлагался в юридической литературе. В системном анализе выделяют различные признаки этого понятия [2. С. 30–53]. Рассматривая прогрессивную систему исполнения уголовных наказаний с этих позиций, можно утверждать, что она не в полной мере обладает такими признаками «системы», как целостность, открытость, внутренняя неоднородность, структурированность, функциональность, стимулируемость, целесообразность, и многими другими. Это не могло не оказать отрицательного влияния на применение прогрессивной системы при исполнении уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Данное обстоятельство обуславливает необходимость приведения всех составляющих ее элементов в определенный порядок.

Прежде всего необходимо определить, к каким мерам, закрепленным в УК РФ, возможно применение прогрессивной системы. Обычно ее связывают исключительно с исполнением наказания в виде лишения свободы. Такое узкое ее понимание вряд ли можно считать обоснованным, в связи с чем в юридической литературе последних лет активно отмечается необходимость переосмысления прогрессивной системы, ее дополнения и закрепление исполнения наказаний по прогрессивной системе в качестве принципа уголовно-исполнительного права [3]. Полагаем, что ныне можно рассмотреть возможность применения прогрессивной системы к исполнению не только всех уголовных наказаний, но и иных мер уголовно-правового характера.

Для того чтобы точно определить элементы прогрессивной системы, необходимо учитывать ее цели и свойства, а также в отдельности рассмотреть все возможные стимулы, применимые к каждому конкретному наказанию и иной мере уголовно-правового характера. Целью прогрессивной системы применительно к срочным наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера является стимулирование правопослушного поведения осужденного в процессе их отбывания. Применительно к разовым наказаниям (например, к штрафу) прогрессивная система может применяться и в целях повышения исполнимости такой меры. Следовательно, к ее элементам можно отнести как меры, поощряющие такое поведение, так и меры, удерживающие от противоправного поведения. Неко-

торые исследователи в этой связи сводят всю прогрессивную систему исключительно к стимулирующим мерам [4], что представляется нам нецелесообразным, поскольку к ним можно отнести и такие, которые лишь косвенно будут относиться к исполнению наказания (например, административный надзор, установление которого зависит, в том числе, и от признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания). Поэтому для определения элементов прогрессивной системы следует учитывать и такое ее сущностное свойство, как способность изменять (усиливать или ослаблять) степень карательного воздействия наказания на осужденного или изменять объем ограничений мер уголовно-правового характера в процессе их исполнения (отбывания).

Уголовным и уголовно-исполнительным законодательством предусмотрена возможность исполнения по прогрессивной системе в основном наказаний, связанных с лишением свободы. Среди них наибольшее количество стимулов свойственно *лишению свободы на определенный срок*. На основе предложенных выше критериев можно выделить следующие ее элементы. Во-первых, условно-досрочное освобождение (ст. 79 УК РФ). Этот элемент обладает наивысшей степенью стимулирующего воздействия на осужденного, поскольку существенным образом влияет на уменьшение карательного воздействия наказания, в сущности, представляя собой освобождение от его дальнейшего отбывания. Во-вторых, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ). Стимулирующее воздействие этого элемента состоит в том, что изменяется степень карательного воздействия наказания в зависимости от вида заменяющего наказания. Стимулирующее воздействие названных элементов направлено только на улучшение положения осужденного в процессе отбывания наказания. В-третьих, изменение вида исправительного учреждения (ст. 78 УИК РФ). Этот элемент прогрессивной системы направлен на изменение карательного содержания (усиления или смягчения) самого лишения свободы. Так, в зависимости от вида исправительного учреждения осужденный вправе расходовать различное количество денежных средств, находящихся на его личном счету, иметь разное количество краткосрочных и длительных свиданий и прочее. В-четвертых, изменение условий отбывания наказания (ст. 87 УИК РФ). Этот элемент прогрессивной системы обладает наименьшим стимулирующим воздействием по сравнению с иными и предполагает улучшение (ухудшение) положения осужденного в рамках одного исправительного учреждения. Стимулирующее воздействие в данном случае достигается в основном за счет тех же средств, что и при переводе осужденного в исправительное учреждение с другим видом режима (изменяется количество свиданий, передач, посылок, бандеролей и прочее).

Два последних элемента могут как улучшить, так и ухудшить положение осужденного в процессе отбывания наказания. Однако применительно к разным видам исправительных учреждений они могут применяться только в сторону ухудшения или улучшения положе-

ния осужденных либо вовсе не могут применяться. К примеру, изменение условий отбывания наказания не применяется в колониях-поселениях, а перевод в другое исправительное учреждение недоступен лицам, отбывающим наказание в воспитательных колониях. Из колоний-поселений невозможно перевести осужденного в учреждение с более мягким видом режима, а лиц, отбывающих наказание в тюрьме – наоборот, в учреждение с более строгим режимом. В данном случае отсутствие некоторых стимулов является процессом объективным и вызывает необходимость поиска новых стимулов для такого рода случаев, например для несовершеннолетних [5].

В юридической литературе предлагается к элементам прогрессивной системы исполнения лишения свободы относить также меры поощрения и взыскания [6. С. 7]. Такое предложение представляется нам ошибочным, поскольку эти меры не обладают названным выше свойством прогрессивной системы – изменение карательного содержания наказания. Меры поощрения и взыскания могут лишь разово улучшить или ухудшить положение осужденного, не изменяя карательного воздействия наказания. Однако следует признать, что эти меры оказывают существенное воздействие на применение того или иного элемента прогрессивной системы. Например, от применения к осужденному мер поощрения или взыскания зависит возможность его перевода в те или иные условия отбывания наказания, изменение вида режима, применение условно-досрочного освобождения и замены наказания. Аналогичное стимулирующее воздействие на правопослушное поведение осужденного может оказать (и в реальности оказывает) административный надзор. Согласно ч. 1 и п. 1 ч. 3 ст. 3 Федерального закона от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [7], его установление в отношении освобожденного за совершение тяжкого и особо тяжкого преступления возможно только в случае, если в период отбывания наказания в местах лишения свободы он признавался злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. Исходя из этого, осужденные, не желая установления в отношении них этой меры, опасаются нарушать правила внутреннего распорядка исправительного учреждения (о чем свидетельствуют данные опроса сотрудников исправительных учреждений).

Таким образом, меры, оказывающие существенное влияние на прогрессивную систему исполнения наказаний, следует именовать ее *факторами*, которые при должной законодательной регламентации способны сделать ее более гибкой и действенной. К примеру, основания применения административного надзора можно поставить в зависимость от прогрессивной системы и не устанавливать его в случае условно-досрочного освобождения или отбывания наказания в облегченных условиях. В настоящее время следует признать, что потенциал факторов прогрессивной системы исполнения лишения свободы используется не в полной мере.

Отсутствие системного подхода к закреплению ее элементов и факторов прогрессивной системы в тексте

закона порождает существенные недостатки, снижающие ее стимулирующее воздействие на осужденных [8. С. 45–54]. К примеру, это проявляется в следующем. Согласно п. «в» ч. 2 ст. 78 УИК РФ положительно характеризующиеся осужденные могут быть переведены для дальнейшего отбывания наказания из исправительных колоний общего режима в колонию-поселение – по отбытии осужденными, находящимися в облегченных условиях содержания, не менее одной четверти срока наказания. Согласно п. «г» этой же части и этой же статьи УИК РФ, такие осужденные, только отбывающие наказание в исправительных колониях строгого режима, могут быть переведены в колонию-поселение – по отбытии осужденными не менее одной трети срока наказания; осужденными, ранее условно-досрочно освобожденными от отбывания лишения свободы и совершившими новые преступления в период оставшейся неотбытой части наказания, – по отбытии не менее половины срока наказания, а осужденными за совершение особо тяжких преступлений – по отбытии не менее двух третей срока наказания. Таким образом, осужденным, отбывающим наказание в исправительной колонии общего режима, перевод в колонию-поселение возможен только из облегченных условий, а в колонии строгого режима – из любых. Следовательно, для осужденных, отбывающих наказание за совершение более тяжких преступлений либо при совершении преступлений при рецидиве или опасном рецидиве, перевод в исправительное учреждение с самым мягким видом режима является более простым, нежели для менее опасной категории осужденных.

Законодательная регламентация некоторых элементов прогрессивной системы исполнения лишения свободы без учета их взаимосвязи с иными нормами также порождает серьезные проблемы. К примеру, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ) позволяет осужденному в ряде случаев сократить срок первоначально назначенного наказания. Уголовный закон не предусматривает возможности отмены состоявшейся замены наказания более мягким его видом в случае злостного уклонения осужденного от отбывания последнего. В этом случае необходимо руководствоваться правилами замены наказания, предусмотренными для каждого конкретного его вида. На примере лишения свободы это означает следующее. Если осужденному неотбытая часть наказания в виде лишения свободы была заменена обязательными работами, то срок лишения свободы не будет превышать двух месяцев, исправительными работами – восьми месяцев, ограничением свободы – двух лет. Таким образом, если неотбытая часть лишения свободы будет выше указанных сроков, у осужденного появится возможность сокращения этого наказания.

Исполнение наказания в виде *пожизненного лишения свободы* также строится по прогрессивной системе. Однако ее содержание существенно уже по сравнению с лишением свободы на определенный срок, что обусловлено особой строгостью рассматриваемого вида наказания. В частности, невозможен перевод осужденных к пожизненному лишению свободы в другое ис-

правительное учреждение с более строгим или более мягким видом режима. Первое невозможно в силу прямого указания закона (п. «в» ч. 4 ст. 78 УИК РФ), поскольку колонии особого режима, в которых отбывают наказание осужденные к пожизненному лишению свободы, являются исправительными учреждениями с самым строгим видом режима. Второе следует из смысла положений уголовно-исполнительного законодательства. Несмотря на то, что п. «б» ч. 2 ст. 78 УИК РФ предусматривает возможность перевода осужденного из исправительной колонии особого режима в исправительную колонию строгого режима, это не относится к осужденным к пожизненному лишению свободы, поскольку условием такого перевода является отбытие не менее половины срока, т.е. наказания в виде лишения свободы на определенный срок. По аналогичным причинам осужденному к пожизненному лишению свободы не может применяться замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания. На этих позициях стоит и Конституционный Суд РФ, признавая такое положение соответствующим Конституции РФ [9].

Таким образом, для осужденных к пожизненному лишению свободы существуют только два стимула к правопослушному поведению: изменение условий отбывания наказания (ст. 127 УИК РФ) и условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ч. 5 ст. 79 УК РФ). Полагаем, что для лиц, осужденных пожизненно, такой скудный набор элементов обусловлен не невозможностью установления иных элементов прогрессивной системы, а исключительно нежеланием законодателя. Ведь для применения условно-досрочного освобождения также требует фактическое отбытие осужденным определенного срока наказания. И законодатель в ч. 5 ст. 79 УК РФ устанавливает такой срок – не менее 25 лет. В этой связи не существует препятствий для установления определенного срока для отбывания пожизненного лишения свободы, который давал бы право осужденному ходатайствовать о замене наказания, перевода его в колонию-поселение и т.д. Однако весьма сомнительно, что новые элементы прогрессивной системы будут восприняты правоприменителем. Так, на сегодняшний день ни одного случая условно-досрочного освобождения осужденных к пожизненному лишению свободы нет, несмотря на обращения осужденных.

Среди наказаний, связанных с лишением свободы, только наказание в виде ареста не исполняется по прогрессивной системе. В связи с тем, что данное наказание не применяется, подробно останавливаться на его характеристике не будем. Отметим при этом, что и при исполнении такого наказания законодательно можно предусмотреть некоторые элементы прогрессивной системы (например, условно-досрочное освобождение).

Действующим уголовным и уголовно-исполнительным законодательством предусмотрена возможность исполнения по прогрессивной системе и наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Помимо того, что к элементам этой системы относятся меры, способные изменять объем кары конкретно-го наказания (изменение количества его карательных

элементов), к ним следует относить также замену наказания более строгим в случае злостного уклонения от его исполнения или нарушение условий его отбывания. Такая замена влечет изменение объема кары, применяемой к осужденному, и связана с его поведением.

При *исполнении принудительных работ* в случае положительного поведения осужденного, ему разрешается проживание с семьей на арендованной или собственной жилой площади по отбытии не менее одной трети срока наказания (ч. 6 ст. 60.4 УИК РФ), выезд за пределы исправительного центра на период ежегодного оплачиваемого отпуска (ч. 7 ст. 60.4 УК РФ), неотбытая часть наказания может быть заменена более мягким видом наказания или он может быть освобожден от наказания условно-досрочно. В случае, если осужденный уклоняется от отбывания этого наказания или признается злостным нарушителем порядка и условий отбывания наказания, неотбытая часть наказания заменяется лишением свободы (ч. 6 ст. 51.3 УК РФ). Полагаем, что при исполнении этого наказания возможно расширение системы стимулов к правопослушному поведению осужденного за счет установления возможности изменения размера удержаний из заработной платы осужденного, предоставление ежегодного оплачиваемого отпуска в соответствии с нормами Трудового кодекса РФ.

Исполнение наказания в виде *ограничения свободы* также предусматривает отдельные элементы прогрессивной системы. Согласно ч. 3 ст. 53 УК РФ, в период отбывания ограничения свободы суд по представлению уголовно-исполнительной инспекции может отменить частично либо дополнить ранее установленные осужденному ограничения. В случае злостного уклонения от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве основного наказания, суд может заменить его принудительными работами или лишением свободы (ч. 5 ст. 53 УК РФ). В юридической литературе предлагалось дополнить систему стимулов правопослушного поведения для этого наказания. В частности, З.Р. Рахматулин предлагал законодательно закрепить модель прогрессивной системы уголовного наказания в виде ограничения свободы и предусмотреть три вида условий: первоначальные, обычные и облегченные [10].

При исполнении наказаний в виде *исправительных работ* возможна только замена этого наказания на принудительные работы или лишение свободы в случае, если осужденный злостно уклоняется от его отбывания. Действовавшая до 08.12.2003 редакция ст. 41 УИК РФ предусматривала возможность установления осужденному к исправительным работам дополнительных обязанностей и запретов на определенный срок. В этой связи в юридической литературе высказывались предложения вернуться к предыдущей редакции этой нормы [11. С. 76]. Однако такое предложение в полной мере поддержать нельзя, поскольку обязанности и запреты, которые были закреплены в ст. 41 УИК РФ (к ним относились запреты покидать место жительства в выходные дни, а также в период отпуска, пребывание в определенных местах района (города) и обязанность осужденного до двух раз в месяц являться в уголовно-

исполнительную инспекцию для регистрации), по своему содержанию совпадают с аналогичными обязанностями и запретами, которые может установить суд, применяя условное осуждение. Эти ограничения никак не связаны с содержанием наказания в виде исправительных работ, не являются карательными. Следовательно, они не изменяют карательного содержания исправительных работ и не могут рассматриваться в качестве элементов прогрессивной системы исполнения наказания. Системы поощрительных стимулов при исполнении исправительных работ ныне не предусмотрено. Однако таковыми вполне могли бы стать предоставление ежегодного оплачиваемого отпуска в соответствии с нормами Трудового кодекса РФ, возможность уменьшения размеров удержаний из заработной платы и с учетом длительности этого наказания – условно-досрочное освобождение.

Исполнение *обязательных работ* не предполагает изменение их карательного содержания, а в УК РФ предусмотрена только их замена в случае злостного уклонения на принудительные работы или лишение свободы (ч. 3 ст. 49 УК РФ). Стимулами правопослушного поведения могли бы стать возможность изменения осужденному вида работ по его желанию либо приостановление данного наказания на период ежегодного оплачиваемого отпуска по основному месту работы, а также условно-досрочное освобождение.

Лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью вовсе не предусматривает прогрессивной системы его исполнения. Даже в случае уклонения от исполнения этого наказания время, в течение которого осужденный занимал запрещенные для него должности либо занимался запрещенной для него деятельностью, не засчитывается в срок наказания (ч. 1 ст. 36 УИК РФ). В этой связи полагаем, что случаи злостного уклонения от исполнения этого наказания должны влечь за собой его замену более строгим наказанием. Стимулом к правопослушному поведению также может стать и условно-досрочное освобождение от него с учетом длительности этого наказания. Отметим, что в Государственную Думу РФ вносился законопроект, предусматривавший возможность условно-досрочного освобождения от административного наказания в виде лишения специального права или дисквалификации [12]. Законопроект был снят с рассмотрения.

Исполнения *штрафа* предусматривает только лишь возможность его замены, при назначении его в качестве основного наказания, в случае злостного уклонения от его уплаты (ч. 5 ст. 46 УК РФ). Однако полагаем, что и в отношении этого наказания прогрессивная система применима. К примеру, в случае, когда штраф назначается с рассрочкой его уплаты, возможно предусмотреть условно-досрочное освобождение осужденного от его уплаты. В тех случаях, когда штраф назначается без рассрочки и отсрочки его выплаты, стимулирующей мерой его своевременной уплаты может стать снижение суммы штрафа в случае досрочной его уплаты. Такой способ предусмотрен законодателем при уплате штрафа, назначенного в качестве администра-

тивного наказания за некоторые составы административных правонарушений (ч. 1.3 ст. 32.2 КоАП РФ).

По прогрессивной системе ныне возможно исполнение иных мер уголовно-правового характера. Оговоримся, что мы исходим из узкого их понимания, относя к их числу только некарательные формы реализации уголовной ответственности, а именно условное осуждение, условно-досрочное освобождение и все виды отсрочки от отбывания наказания. Однако при исполнении иных мер уголовно-правового характера прогрессивная система заключается не в изменении объема кары (которой такие меры не обладают), а в изменении объема ограничений и обязанностей, которые устанавливаются осужденному, а также в досрочной отмене этих мер. Согласно ч. 7 ст. 73 УК РФ, суд может отменить полностью или частично либо дополнить ранее установленные для условно осужденного обязанности, а в соответствии с ч. 1 ст. 74 УК РФ – отменить условное осуждение досрочно. При отсрочке наказания в соответствии с ч. 4 ст. 82 УК РФ суд может принять решение о сокращении срока отсрочки отбывания наказания. При этом все иные меры уголовно-правового характера предусматривают возможность возврата к назначенному наказанию в случае их неисполнения.

На основании изложенного можно сделать ряд выводов.

Во-первых, традиционное рассмотрение прогрессивной системы только лишь в аспекте исполнения наказания в виде лишения свободы уже не отвечает требованиям времени. Ее необходимо применять при исполнении как всех видов наказаний, так и иных мер уголовно-правового характера.

Во-вторых, система стимулов правопослушного поведения осужденного применительно к каждой конкретной мере в настоящее время достаточно скудная. Некоторые наказания и вовсе не исполняются по прогрессивной системе. В этой связи дополнительные стимулы правопослушного поведения осужденных применительно к каждому конкретному наказанию и иной мере уголовно-правового характера требуют дальнейшей разработки и законодательного закрепления.

В-третьих, к элементам прогрессивной системы можно отнести меры, которые изменяют объем кары, применяемой к осужденному в процессе отбывания или исполнения наказания, а также объем ограничительных мер в процессе исполнения или отбывания иных мер уголовно-правового характера. У каждого наказания и иной меры уголовно-правового характера они будут разными. Во всяком случае такими элементами являются условно-досрочное освобождение и замена наказания (как более мягким, так и более строгим его видом в случае злостного уклонения от исполнения наказания или злостного нарушения условий его исполнения).

В-четвертых, при конструировании прогрессивной системы следует учитывать ее факторы, т.е. меры, не изменяющие объема карательного воздействия наказания или объема ограничений иных мер уголовно-правового характера, но оказывающие влияние на воз-

возможность применения элементов прогрессивной системы (меры поощрения и взыскания) и дополнительных ограничений осужденного, после отбытия наказания (административный надзор).

Список источников

1. Ременсон А.Л. Некоторые вопросы теории советского исправительно-трудового права // Избранные труды (к 80-летию со дня рождения). Томск : Изд-во Том ун-та, 2003. 100 с.
2. Тарасенко Ф.П. Прикладной системный анализ : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2010. 224 с.
3. Горбань Д.В. Прогрессивная система исполнения и отбывания уголовных наказаний на современном этапе функционирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 1. С. 14–22.
4. Чириков А.Г., Кундозерова Л.И., Силенков В.И., Остряков И.А. «Социальные лифты» как система стимулов законопослушного поведения осужденных // Фундаментальные исследования. 2013. № 6-3. С. 759–764.
5. Голодов П.В. Проблемы применения системы «социального лифта» в условиях исправительного учреждения для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 18. С. 26–33.
6. Дроздов А.И. Изменение условий отбывания лишения свободы в механизме ресоциализации осужденных : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. 20 с.
7. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 01.10.2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 11.04.2011. № 15. Ст. 2037.
8. Пропостин А.А. Прогрессивная система исполнения лишения свободы в свете Концепции уголовно-исполнительной системы // Вестник Томского государственного университета. 2012. Право. № 2 (4). С. 45–54.
9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Плотникова Алексея Витальевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ 24 сентября 2013 года № 1433-О.
10. Рахматулин З.Р. Отдельные аспекты прогрессивной системы уголовного наказания в виде ограничения свободы // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Томск, 2015. Ч. 66. С. 75–76.
11. Горбань Д.В. Прогрессивная система исполнения и отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1 (92). С. 74–79.
12. Паспорт проекта Федерального закона № 561521-6 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (об установлении условно-досрочного освобождения от административного наказания в виде лишения специального права или дисквалификации)» (внесен членами Совета Федерации ФС РФ В.Ф. Едаловым, В.А. Федоровым, депутатами Государственной Думы ФС РФ В.И. Лысаковым, И.Е. Костуновым) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.04.2023).

References

1. Remenson, A.L. (2003) *Izbrannye trudy (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Selected Works (On His 80th Birthday)]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Tarasenko, F.P. (2010) *Prikladnoy sistemnyy analiz* [Applied System Analysis]. Moscow: KNORUS.
3. Gorban, D.V. (2023) *Progressivnaya sistema ispolneniya i otyvaniya ugolovnykh nakazaniy na sovremennom etape funktsionirovaniya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii* [Progressive system of execution and serving criminal sentences at the present stage of functioning of the penitentiary system of the Russian Federation]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy*. 1. pp. 14–22.
4. Chirikov, A.G., Kundozeroval, L.I., Silenkov, V.I. & Ostryakov, I.A. (2013) “Sotsial'nye lifty” kak sistema stimulov zakonoposlushnogo povedeniya osuzhdennykh [“Social elevators” as a system of incentives for law-abiding behavior of convicts]. *Fundamental'nye issledovaniya*. 6-3. pp. 759–764.
5. Golodov, P.V. (2012) *Problemy primeneniya sistemy “sotsial'nogo lifta” v usloviyakh ispravitel'nogo uchrezhdeniya dlya lits, sovershivshikh prestupleniya v nesovershennoletnem vozraste* [Problems of using the “social lift” system in a correctional institution for persons who have committed crimes as minors]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 18. pp. 26–33.
6. Drozdov, A.I. (2010) *Izmenenie usloviy otyvaniya lisheniya svobody v mekhanizme resotsializatsii osuzhdennykh* [Changing the conditions of serving imprisonment in resocialization of convicts]. Abstract of Law Cand. Diss. Samara.
7. The Russian Federation. (2011) *Ob administrativnom nadzore za litsami, osvobozhdenymi iz mest lisheniya svobody: Federal'nyy zakon ot 06.04.2011 № 64-FZ (red. ot 01.10.2019 g.)* [On administrative supervision of persons released from places of imprisonment: Federal Law No. 64-FZ of April 6, 2011 (as amended on October 1, 2019)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 11th April. № 15. Art. 2037.
8. Propostin, A.A. (2012) *Progressive system of executing imprisonment in the light of the concept of criminal enforcement system*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2(4). pp. 45–54. (In Russian).
9. The Russian Federation. (2011) *Ob otkaže v primyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Plotnikova Alekseya Vital'evicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav chast'yu vtoroy stat'i 80 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF 24 sentyabrya 2013 goda № 1433-O* [On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Aleksey Vitalievich Plotnikov about the violation of his constitutional rights by Part Two of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation: Ruling No. 1433-O of the Constitutional Court of the Russian Federation on September 24, 2013].
10. Rakhmatulin, Z.R. (2015) *Otdel'nye aspekty progressivnoy sistemy ugolovnogo nakazaniya v vide ogranicheniya svobody* [Separate aspects of the progressive system of criminal punishment in the form of restriction of freedom]. In: Andreeva, O.I., Eliseev, S.A., Prozumentov, L.M., Sviridov, M.K., Utkin, V.A. & Dergach, N.S. *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood]. Vol. 66. Tomsk. pp. 75–76.

11. Gorban, D.V. (2016) Progressivnaya sistema ispolneniya i otbyvaniya nakazaniy, ne svyazannykh s lisheniem svobody [Progressive system of execution and serving of sentences not related to imprisonment]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 1(92). pp. 74–79.
12. The Russian Federation. (n.d.) *Pasport proekta Federal'nogo zakona № 561521-6 "O vnesenii izmeneniy v Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh (ob ustanovlenii uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot administrativnogo nakazaniya v vide lisheniya spetsial'nogo prava ili diskvalifikatsii)" (vnesen chlenami Soveta Federatsii FS RF V.F. Edalovym, V.A. Fedorovym, deputatami Gosudarstvennoy Dумы FS RF V.I. Lysakovym, I.E. Kostunovym)* [Passport of the draft Federal Law No. 561521-6 "On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (on the establishment of parole from administrative punishment in the form of deprivation of a special right or disqualification)" (introduced by members of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation V.F. Edalov, V.A. Fedorov, deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation V.I. Lysakov, I.E. Kostunov)]. [Online] Available from: SPS Konsul'-tantPlyus (Accessed: 14th April 2023).

Информация об авторе:

Пропостин А.А. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: propostin@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Propostin, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Penal Law and Criminology, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: propostin@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.*

*The article was submitted 21.05.2023;
approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.*

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/21/14

КАРАТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС: ОШИБКИ ВОСПРИЯТИЯ

Сергей Михайлович Савушкин¹

¹ Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, savusertom@rambler.ru

Аннотация. Нарушение внутреннего дисбаланса элементов карательно-воспитательного процесса приводит к нарушению механизма исполнения наказания в виде лишения свободы. Неправильное понимание природы карательных, предупредительных и исправительных мер является главной причиной большинства пенитенциарных конфликтов.

Ключевые слова: наказание, кара, исправление, ресоциализация, некарательные меры предупреждения, некарательные исправительные меры

Для цитирования: Савушкин С.М. Карательно-воспитательный процесс: ошибки восприятия // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 76–80. doi: 10.17223/23088451/21/14

Original article
doi: 10.17223/23088451/21/14

THE PUNITIVE-EDUCATIONAL PROCESS: ERRORS OF PERCEPTION

Sergey M. Savushkin¹

¹ Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russian Federation, savusertom@rambler.ru

Abstract. The punishment applicable to the guilty person consists in the deprivation of his/her rights and freedoms provided for by the criminal law. The definition of the legislative concept of imprisonment says that it consists in isolation from society by sending the convict to a correctional institution. Specific types of restrictions, depending on the type of correctional institution, are provided for by the Penal Code of the Russian Federation. Due to a misunderstanding of the legal nature of imprisonment and of the substantive differences between the elements of the punitive and educational process, many deprivations and restrictions on those sentenced to imprisonment are determined by employees of correctional institutions. At the stage of punishment execution, correctional officers, who do not fully understand the purpose of punishment and the essence of non-punitive corrective measures, apply all possible measures to suppress the individuality of a person, thus unconsciously eliminating the objective prerequisites for possible subsequent resocialization of the convict. The correction of those sentenced to imprisonment is impossible in conditions that degrade their human dignity. Imprisonment is endowed with an independent correctional content, but in order to improve its quality, it is necessary to combine it with non-punitive corrective and preventive measures. A correct understanding of the concept, purpose, and structure of the punitive-educational process is necessary not only for the effective application of penal legislation, but also for the optimal construction of methods (techniques) of legal regulation. In this regard, the problem of the purpose and structure of the punitive-educational process has not only important theoretical, but also practical significance.

Keywords: punishment, retribution, correction, resocialization, non-punitive measures of prevention, non-punitive corrective measures

For citation: Savushkin, S.M. (2023) The punitive-educational process: Errors of perception. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 76–80. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/14

Применимое к виновному наказание заключается в предусмотренных уголовным законом лишениях его прав и свобод. При определении законодательного понятия лишения свободы говорится, что оно заключается в изоляции от общества путем направления осужденного в исправительное учреждение. Конкретные виды ограничений осужденного в зависимости от вида исправительного учреждения предусмотрены Уголовно-исполнительным кодексом РФ.

Проблематика поднимаемых вопросов обусловлена тем, что из-за неправильного понимания правовой природы лишения свободы и непонимания содержательных различий элементов карательно-воспитательного процесса многие лишения и ограничения осужденных к лишению свободы определяются сотрудниками исправительных учреждений. На этапе исполнения наказания сотрудники исправительных учреждений, вследствие непонимания целей наказания, сущности некарательных мер ис-

правительного воздействия, применяют всевозможные меры подавления индивидуальности человека, чем неосознанно устраняют объективные предпосылки возможности последующей ресоциализации осужденного. Исправление осужденных к лишению свободы невозможно в условиях, унижающих их человеческое достоинство.

Уголовное наказание в виде лишения свободы наделено самостоятельным исправительным содержанием, но для повышения его качества необходимо соединение с некарательными мерами исправительного и предупредительного характера.

В.А. Уткин подчеркивает, что правильное представление о понятии, целях и структуре карательно-воспитательного процесса необходимо не только для эффективного применения уголовно-исполнительного законодательства, но и для оптимального построения способов (приемов) правового регулирования. В этой связи проблема целей и структуры карательно-воспитательного процесса имеет не только важное теоретическое, но и практическое значение [1. С. 18–19].

В уголовно-исполнительном праве под карательно-воспитательным процессом понимается применение к осужденным комплекса исправительно-воспитательных мер. Исполнение наказания в широком смысле охватывает само наказание и соединенные с ним иные воспитательно-предупредительные меры.

Цельность карательно-воспитательного процесса является залогом достижения целей наказания и уголовно-исполнительного законодательства. Возможность исправления осужденных должна осознаваться сотрудниками исправительных учреждений, а методы их исправления должны постоянно совершенствоваться. В то же время отрицание исправления либо его выборочное признание становится популярным у отдельных ученых и практиков. Доминирующая часть проанкетированных нами сотрудников исправительных учреждений из числа среднего и старшего начальствующего состава отмечают невозможность исправления (большинства) осужденных, и в то же время только 20,8% имеют примерное представление о законодательном понятии исправления осужденных.

В.И. Селиверстов отмечает, что цели уголовно-исполнительного законодательства сформулированы как некий набор идеальных ценностей, которые служат ориентиром в деле противодействия преступности. Не всегда эти ценности, выступающие в качестве цели, достижимы, тем более в общественных процессах, коим является исполнение уголовных наказаний. Поэтому постановка вопроса об отказе от цели исправления осужденных по причине фактического неблагоприятного положения в уголовно-исполнительной системе напоминает собой капитуляцию перед криминалом и присущим сегодняшнему дню трудностям, а проще – сдачу на милость врагу [2. С. 32].

В.А. Уткин полагает, что исключение из уголовного законодательства цели исправления осужденного приведет к резкому снижению его гуманистического потенциала. В еще большей степени это справедливо для уголовно-исполнительной системы, где преодоление инструментально-функционального отношения к

осужденным одновременно означает искоренение одной из наиболее одиозных сторон ГУЛАГа [3. С. 37].

Еще в советский период А.Л. Ременсон утверждал, что отчетливое уяснение каждым работником исправительного учреждения социально-этической природы уголовного наказания как крайней необходимости имеет существенное практическое значение. Понимание этого должно служить одной из важнейших гарантий того, чтобы не извращался принцип гуманизма, чтобы не допускались ни факты грубого и жестокого обращения с ними, превышения начальниками своих прав, фактического установления для заключенных каких-либо ограничений, не предусмотренных законом и излишних с точки зрения интересов борьбы с преступностью [4. С. 123–124].

На сегодняшний день высказанная позиция А.Л. Ременсона становится еще более актуальной в контексте законодательных попыток либерализации уголовно-исполнительного законодательства, тенденций ухудшения состава осужденных и отсутствия действенных (законодательных) методов воздействия на осужденных. В данных условиях сотрудники исправительных учреждений неосознанно наделяют карательным содержанием некарательные исправительные меры.

По мнению А.А. Беляева, поскольку вопрос о необходимости в каре и, соответственно, о необходимости индивидуализации карательно-воспитательного воздействия может рассматриваться не с позиции, нужны они или не нужны, а с позиций их пределов: в каких пределах они необходимы, думается, в качестве фактора, определяющего пределы кары и, соответственно, пределы индивидуализации карательно-воспитательного воздействия должна выступать не сама по себе необходимость в каре и необходимость в индивидуализации, а интересы повышения эффективности карательно-воспитательного воздействия, те конкретные задачи, с которыми законодатель связывает институты кары и индивидуализации карательно-воспитательного воздействия.

На сегодняшний день главные усилия по повышению эффективности карательно-воспитательного воздействия предпринимаются разработчиками документов стратегического планирования и доктринальных политико-правовых актов. Проблема состоит в том, что практика исполнения наказания во многих вопросах противоречит предполагаемым направлениям развития.

Н.К. Дорофеев отмечает, что наиболее полно в законе определены пределы индивидуализации карательного воздействия. С исчерпывающей полнотой в данном случае закон определяет, в отношении кого, когда, при наличии каких именно оснований может быть применено то или иное изменение правового положения, то или иное смягчение или усиление режима, карательного воздействия.

В условиях функционирования советской исправительно-трудовой системы индивидуализация карательного режима осуществлялась, в частности, количеством посылок, свиданий, а также разными нормами питания, для работающих и не работающих осужденных, которые имели большое значение в карательно-

исправительном процессе. Сегодня, в условиях отмены пониженной нормы питания, улучшения условий отбывания наказания, данные средства воздействия на поведение осужденных оказывают меньшее влияние.

А.В. Усс полагает, что сдержанность по отношению к исправительной ориентированности уголовно-правового воздействия предопределена не отрицанием того, что государство должно содействовать возвращению преступника к нормальной жизни, а прежде всего опасением, что это содействие, облеченное в форму уголовной кары, на деле может служить дополнительным грузом, который приближает человека к социальному дну. По его мнению, демократически организованное государство не имеет право принудительно «улучшать» своих граждан. Единственное, что ему позволено в отношении гражданина, в том числе и правонарушителя, – требовать соблюдения установленных им законов [5. С. 226–227].

Представляется, что на сегодняшний день процесс по «улучшению» осужденных ограничивается рамками уголовно-исполнительных отношений. «Косметические» улучшения направлены на профилактику совершения нарушений и преступлений только в процессе отбывания наказания.

Как мы отмечали, в рамках карательно-исправительного процесса с наказанием соединяются иные меры некарательного воздействия. По нашему мнению, вышеуказанное опасение по поводу того, что содействие, облеченное в форму уголовной кары, на деле может служить дополнительным грузом, будет обоснованным только в том случае, если не созданы условия для эффективной реализации некарательных мер воздействия. Можно выделить две группы мер, которые не являются наказанием по своей природе.

1. Некарательные исправительные меры. Отдельными осужденными они могут восприниматься как карательные элементы наказания. В отдельных случаях сотрудники исправительных учреждений непроизвольно этому способствуют, принудительно привлекают осужденных к работам по благоустройству, не разъясняя, что данная обязанность закреплена нормами права, привлекают к оплачиваемому труду с указанием на факт того, что они должны платить за свое содержание. Хотелось бы отметить, что только 8,3% сотрудников из опрошенных нами относятся к труду как необходимому условию последующей ресоциализации осужденных. Указания ФСИН России, направленные на привлечение к труду в первую очередь лиц с исковыми обязательствами, тоже способствуют восприятию данной некарательной меры как кары. В действительности некарательные меры лишены возмездности, не преследуют целей общего и частного предупреждения и не направлены на причинение страданий.

В.А. Уткин подчеркивает, что применяемые наряду с наказанием некарательные воспитательные меры образуют именно то окружение, в котором только и могут быть в полной мере реализованы возможности наказания как средства исправления. Эти меры способствуют индивидуализации наказания и экономии репрессии [6. С. 8].

Н.А. Стручков отмечает, что деятельность исправительных учреждений в области воспитательной работы

исключительно многообразна. Предусмотреть во всех деталях нормативными актами деятельность такого рода не только невозможно, но и не целесообразно. Эта деятельность должна основываться на норме права и лишь в определенной части своего содержания исчерпывающе регулироваться нормой права. В то же время норма права, установив пределы, должна дать простор работникам исправительных учреждений в применении данных педагогики, психологии и других неправовых наук, дать простор разумному творчеству [7. С. 102].

Разумный простор для применения педагогики и психологии, безусловно, имеется, но часто именно в данной плоскости вскрывается наибольшее число проблем. Нередко сотрудники исправительных учреждений убеждены, что только методы принуждения способны повлиять на поведение осужденных. В определенной степени они правы, но только в том случае, если преследуется (краткосрочная) цель недопущения нарушений. За нарушения и преступления, происходящие в процессе отбывания наказания, приходится отвечать, а преступления, совершаемые после освобождения, только обсуждаются на различном уровне, персонифицированная ответственность не наступает.

2. Некарательные меры специального предупреждения преступлений. Юридически они могут выражаться в особых запретах или обязанностях осужденных или в форме особых полномочий сотрудников учреждений, исполняющих наказания.

Главная цель мер специального предупреждения – не исправление осужденных, а лишение или ограничение их фактической возможности для совершения новых преступлений. По своим непосредственным целям и содержанию эти меры отличаются как от наказания, так и от некарательных исправительных мер [1. С. 21].

О.В. Филимонов полагает, что меры индивидуальной профилактики не содержат в себе элементов кары, присущих мерам уголовного наказания, и далеко не всегда имеют принудительный характер [8. С. 8].

В.Е. Южанин отмечает, что чрезвычайно важно иметь четкое представление о системе предупредительных мер, ее месте в карательно-воспитательном процессе и в системе специального предупреждения рецидивной преступности. По его мнению, многие работники исправительных учреждений не всегда различают карательные, предупредительные и воспитательные меры. В связи с этим допускаются нарушения законности: вместо усиления предупредительных мер дополнительно ограничиваются права осужденных, упрощаются основания и процедура профилактических средств воздействия на них [9].

Хотелось бы заметить, что в отдельных случаях правовые средства профилактики правонарушений становятся средством психологического воздействия на некоторых осужденных. Проведение неоднократных обысков и досмотров без должных оснований (которые не всегда требуются) часто не преследует целей индивидуальной профилактики.

А.Л. Ременсон подчеркивал, что положительное общественно полезное значение имеют не сами по себе лишения, которые испытывает осужденный преступ-

ник, а то, что эти лишения обуславливают его исправление [10. С. 69–71].

Сложно согласиться с тем, что в современных условиях развития государства и в условиях необходимости формирования у осужденных уважительного отношения к нормам и традициям человеческого общежития проживание в общежитиях барачного типа способствует формированию предпосылок последующей ресоциализации осужденных.

Осужденные в исправительных колониях проживают в огромных общежитиях, в которых помещаются более 50 человек. Ю.М. Антонян считает, что проживание в подобных общежитиях наносит огромный, подчас непоправимый вред личности, а значит, и делу исправления осужденных, является одной из причин нарушения режима, совершения правонарушений. Значительно усугубляются, развиваются в неблагоприятном направлении уже оформившиеся негативные особенности личности, снижается ее самооценка, самоценность, происходит ее огрубление, усиливается психологическая незащищенность, в то же время создается почва для конфликтов между осужденными и их группами [11. С. 23].

В свою очередь, в основном «колонийский» облик российских пенитенциарных учреждений объективно требует преимущественно военизированного («парамилитарного») способа управления ими. В связи с этим представляются безуспешными попытки полностью ликвидировать милитаризацию в уголовно-исправительной системе. Речь может идти лишь о смягчении ее наиболее одиозных черт в условиях гражданского общества [1. С. 98].

Представляется, что существующие общежития выступают наиболее одиозной чертой «парамилитарного» способа управления осужденными и способствуют

вторжению в их личность. К элементам указанного способа управления также можно отнести ограничение мужчинам длины волос на голове двумя сантиметрами и обязанность осужденных приветствовать неограниченное количество раз в течение дня представителя администрации исправительного учреждения при встрече. Сотрудники исправительных учреждений обосновывают ограничение длины волос (которая отсутствует в обществе) нормами гигиены и необходимостью их отличия от обычных граждан. Необходимость приветствия обосновывается педагогическими мерами, которые в действительности таковыми не являются. Отдельные опрошенные нами сотрудники утверждали, что при длинной стрижке в волосах можно спрятать запрещенные предметы, тем самым относя ограничение длины волос к предупредительным мерам. Указанные меры в большей мере являются карательными, а не воспитательными или предупредительными.

Обеспечение оптимальной превентивно-воспитательной эффективности уголовного наказания, по мнению А.Л. Ременсона, предполагает, чтобы не только назначение наказания, но и вид и размер наказания соответствовали требованиям справедливости, чтобы этим требованиям соответствовало и исполнение наказания [4. С. 120]. Представляется, что указанные нами ограничения и обязанности осужденных не соответствуют требованиям справедливости.

Правильное представление о целях и структуре карательно-воспитательного процесса позволит различать карательные, предупредительные и воспитательные меры, что будет способствовать устранению многих пенитенциарных конфликтов и улучшению исправительного воздействия на осужденных.

Список источников

1. Уткин В.А. Проблемы уголовно-исполнительного права : учеб.-метод. комплекс. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2023. 158 с.
2. Селиверстов В.И. Коррекция целеполагания уголовного наказания в виде лишения свободы: миф или реальность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2 (45). С. 30–37.
3. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2018. 240 с.
4. Ременсон А.Л. К вопросу об этической характеристике исполнения уголовного наказания при лишении свободы // Сборник работ юридических факультетов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1970. 214 с.
5. Усс А.В. Социально-интегративная роль уголовного права. Красноярск, 1993. 323 с.
6. Уткин В.А. Соединение уголовного наказания с мерами исправительно-трудового воздействия – принцип советского исправительно-трудового права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1981. 33 с.
7. Стручков Н.А. Советское исправительно-трудовое право. М., 1963. 224 с.
8. Филимонов О.В. Правовое принуждение в индивидуальной профилактике преступлений (Вопросы теории) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1980. 27 с.
9. Южанин В.Е. Специально-предупредительная деятельность администрации ИТУ : учеб. пособие. Рязань : РВШ МВД СССР, 1990. 100 с.
10. Ременсон А.Л. Испуление – это исправление // К новой жизни. 1956. № 10.
11. Антонян Ю.М. К чему приговаривает суд, когда приговаривает к лишению свободы? // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сб. тез. выступ. и докл. участников (г. Рязань, 21–23 нояб. 2017 г.) : в 8 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2017. С. 28–31.

References

1. Utkin, V.A. (2023) *Problemy ugolovno-ispolnitel'nogo prava* [Problems of Penitentiary Law]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Seliverstov, V.I. (2017) *Korrektziya tselepolaganiya ugolovnogo nakazaniya v vide lisheniya svobody: mif ili real'nost'* [The corrected purpose of imprisonment: Myth or reality]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. 2(45). pp. 30–37.

3. Utkin, V.A. (2018) *Problemy teorii ugovolnykh nakazaniy* [Problems of the Theory of Criminal Punishments]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Remenson, A.L. (1970) K voprosu ob eticheskoy kharakteristike ispolneniya ugovolnogo nakazaniya pri lishenii svobody [On the ethical characteristics of imprisonment execution]. In: Kim, A.I., Remenson, A.L. & Shcheglov, V.N. (eds) *Sbornik rabot yuridicheskikh fakul'tetov* [Collection of Works of Law Faculties]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Uss, A.V. (1993) *Sotsial'no-integrativnaya rol' ugovolnogo prava* [Social and integrative role of criminal law]. Krasnoyarsk: [s.n.].
6. Utkin, V.A. (1981) *Soedinenie ugovolnogo nakazaniya s merami ispravitel'no-trudovogo vozdeystviya – printsip sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava* [The combination of criminal punishment with measures of correctional labor influence – the principle of Soviet correctional labor law]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
7. Struchkov, N.A. (1963) *Sovetskoe ispravitel'no-trudovoe parvo* [Soviet correctional labor law]. Moscow: [s.n.].
8. Filimonov, O.V. (1980) *Pravovoe prinuzhdenie v individual'noy profilaktike prestupleniy (Voprosy teorii)* [Legal coercion in individual prevention of crimes (Questions of theory)]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
9. Yuzhanin, V.E. (1990) *Spetsial'no-predupreditel'naya deyatel'nost' administratsii ITU* [Special preventive activity of the administration of correctional labor institutions]. Ryazan: Ryazan Higher School of the USSR MIA.
10. Remenson, A.L. (1956) Iskuplenie – eto ispravlenie [Redemption is a correction]. *K novoy zhizni*. 10.
11. Antonyan, Yu.M. (2017) K chemu prigovarivaet sud, kogda prigovarivaet k lisheniyu svobody? [What does the court sentence to when it sentences to imprisonment?]. *Mezhdunarodnyy penitentsiar-nyy forum “Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie” (k 20-letiyu vstupleniya v silu Uголовно-исполнител'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii)* [International Penitentiary Forum “Crime, Punishment, Correction” (on the 20th anniversary of the Penal Code of the Russian Federation)]. Ryazan, November 21–23, 2017. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 28–31.

Информация об авторе:

Савушкин С.М. – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Томского института повышения квалификации работников ФСИН России по учебной и научной работе (Томск, Россия). E-mail: savusertom@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.M. Savushkin, Cand. Sci. (Law), docent, deputy head of Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia for Academic and Scientific Work (Tomsk, Russian Federation). E-mail: savusertom@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.06.2023;
одобрена после рецензирования 08.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.*

*The article was submitted 01.06.2023;
approved after reviewing 08.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.*

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/21/15

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ «УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ»

Тимофей Геннадьевич Антонов¹

¹ Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, antonovtipk@rambler.ru

Аннотация. На сегодняшний день уголовно-исполнительное право признается учеными-юристами самостоятельной отраслью права. В то же время в данной отрасли права остается ряд фундаментальных понятий, которые не разработаны в науке. В частности, к таковым относится понятие «уголовно-исполнительное принуждение». Предпринята попытка выделить основные черты уголовно-исполнительного принуждения и сформулировать его определение.

Ключевые слова: принуждение, уголовно-исполнительное правоотношение, осужденный, исправительное воздействие

Для цитирования: Антонов Т.Г. К вопросу о выделении правовой категории «уголовно-исполнительное принуждение» // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 81–84. doi: 10.17223/23088451/21/15

Original article
doi: 10.17223/23088451/21/15

ON ISOLATING THE LEGAL CATEGORY “PENAL COERCION”

Timofey G. Antonov¹

¹ Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russian Federation, antonovtipk@rambler.ru

Abstract. Legal literature has long offered no unambiguous answer to the question of the place of penal law in the system of Russian law. In current legal literature, both scientific and educational, penal law is referred to as an independent branch of law. The formation of penal law as an independent branch of law can be claimed to be completed; however, legal science has not yet developed a number of fundamental concepts. Within the framework of this article, the author identifies the main features of penal coercion and defines it as a sectoral type of state coercion.

Keywords: coercion, penal legal relations, convict, correctional impact

For citation: Antonov, T.G. (2023) On isolating the legal category “penal coercion”. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 81–84. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/15

Вопрос о месте уголовно-исполнительного права в системе российского права долгое время не был однозначно решен в юридической литературе. Так, профессор А.Л. Ременсон в 1970-х гг. отмечал следующее: с середины XX в. в литературе высказывается мнение, что исправительно-трудовое право является самостоятельной отраслью права. Однако в то время он склонялся к тому, что исправительно-трудовое право является комплексной отраслью права, включающей в себя преимущественно нормы уголовного и административного права [1. С. 146–148].

В.А. Уткин – ученик А.Л. Ременсона – спустя несколько лет высказался о наличии всех предпосылок для отнесения исправительно-трудового права к самостоятельной отрасли права [2. С. 24]. В современной юридической литературе, как в научной [3. С. 109], так и в учебной [4. С. 9], уголовно-исполнительное право относят к самостоятельной отрасли права.

Метод принуждения, учитывая специфику регулируемых уголовно-исполнительным правом общественных отношений, является одним из ключевых средств обеспечения исполнения наказания. Тем не менее понятие уголовно-исполнительного принуждения в российском законодательстве не встречается. Кроме того, обзор научной литературы показал, что понятие мер принуждения используется преимущественно в административном [5, 6] и уголовно-процессуальном праве [7]. Несколько реже – в финансовом, бюджетном, налоговом [8] и гражданском [9]. В этих отраслях права наиболее подробно разработано понятие мер принуждения. В то же время процесс исполнения уголовного наказания в принципе невозможно себе представить без принуждения, поэтому, на наш взгляд, отсутствие концептуальных теоретических положений о мерах принуждения в уголовно-исполнительном праве явля-

ется пробелом в данной отрасли права. Можно сказать, что процесс формирования уголовно-исполнительного права как самостоятельной отрасли права является завершенным, но при этом ряд фундаментальных понятий так и не разработан наукой. В рамках данной статьи будет предпринята попытка обозначить основные черты уголовно-исполнительного принуждения.

Прежде всего необходимо определить цель принуждения. Это позволит четко обозначить рамки, границы принуждения. Процесс исполнения наказания достаточно многогранен, однако в нем возможно выделить две генеральные линии – кара (наказание само по себе) и исправление некарательными мерами. Так, профессор А.Л. Ременсон писал: «Специфику деятельности исправительно-трудовых учреждений можно определить как процесс исполнения лишения свободы и применения соединенных с ним мер исправительного воздействия» [10. С. 126]. В.А. Уткин в своей монографии детально описал и проанализировал взаимосвязь карательных и исправительных мер [11]. О приоритете карательно-воспитательного процесса перед иными направлениями деятельности исправительно-трудовых учреждений также писал В.В. Тирский [12. С. 131]. Поэтому если говорить о принуждении, то это принуждение, во-первых, к отбыванию наказания, во-вторых, принуждение к выполнению некарательных исправительных мер. А.Л. Ременсон писал: «Отбывание наказания в местах лишения свободы выражается в несении осужденным карательных ограничений, но оно связано и с комплексом таких воспитательных воздействий некарательного характера, которые обязан воспринимать осужденный... Поскольку уклонение от этих обязанностей способно влечь за собой правовую ответственность в виде применения принудительных мер, можно говорить о принудительном воспитании» [1. С. 149–150].

Перед тем как начать анализировать признаки принуждения, необходимо уточнить один момент, а именно разграничение понятий «насилие» и «принуждение». Не вдаваясь в философские и социологические аспекты проблемы, остановимся на юридической стороне вопроса.

Можно выделить два основных момента.

Во-первых, в отличие от насилия, легитимность принуждения связана с законностью принудительных акций, правом [13. С. 21].

Во-вторых, соотношение принуждения и насилия может быть определено в категориях цели и средства: насилие представляет собой один из способов осуществления принуждения [8. С. 13]. Принуждение, в свою очередь, может быть правомерным и криминальным. Это зависит от цели его применения [8. С. 25–26]. Направленность на социально полезные цели позволяет закрепить возможность принуждения на законодательном уровне, что делает его правомерным.

Реализация уголовного наказания, как наиболее суровой меры государственного принуждения, предполагает противоборство субъектов уголовно-исполнительного правоотношения. Поэтому применение мер принуждения в этой сфере неизбежно. И при отсут-

ствии эффективной правовой регламентации их применения у правоприменителя существует соблазн выйти за рамки правового поля. В этом случае принуждение перестает быть правомерным и становится противоправным, а в случае применения насилия, вероятно, и криминальным.

В этой связи закрепление в законодательстве мер принуждения, адекватных по строгости совершенным правонарушениям, их четкая правовая регламентация могут послужить, как это ни парадоксально, предпосылкой для неприменения противоправного насилия в отношении осужденных, отбывающих уголовное наказание, и будут способствовать соблюдению их прав и свобод.

Проанализировав имеющуюся литературу, можно выделить наиболее типичные признаки государственного принуждения.

1. Нормативно-правовая регламентация применения мер государственного принуждения [6. С. 14–16]. Этот признак, как отмечалось выше, делает принуждение легитимным.

2. Государственное принуждение связывается с возложением неблагоприятных последствий на правонарушителя [9. С. 18], претерпеванием ограничения правового статуса принуждаемого [14. С. 12], наступлением лишений [15. С. 14], причинением правоограничений [6. С. 17; 8. С. 14]. Иногда этот признак разъясняется как возложение дополнительной юридической обязанности, либо лишение (ограничение на использование) уже имеющихся прав, либо непосредственное воздействие физического характера [7. С. 13].

3. Государственное принуждение реализуется вопреки воле лица, к которому применяется [8. С. 13; 9. С. 8–18].

4. Основание применения принуждения – правонарушение, противоправное поведение, объективно противоправное поведение, содержащее в себе признаки состава правонарушения, иная государственная необходимость [7. С. 14–15], неисполнение обязанности [8. С. 15].

5. Направленность принуждения на достижение определенной цели. Подчинение лица требованиям права [14. С. 16], обеспечение правопорядка и безопасности, стимулирование правомерного поведения [15. С. 12], охрана субъективного права [8. С. 17], прекращение правонарушения, устранение противоправной ситуации, устранение вредных последствий противоправного деяния, создание необходимых условий для привлечения к ответственности [13. С. 17], предупреждение и пресечение правонарушений, обеспечение установленного порядка привлечения к ответственности, восстановление существовавшего до совершения правонарушения положения, назначение наказания за совершенное правонарушение [6. С. 19].

6. Субъект применения принуждения – государство в лице его органов и должностных лиц [6. С. 7–14].

7. Принуждение реализуется в определенной законом процессуальной форме (в определенном порядке) [6. С. 7–15].

Уголовно-исполнительное принуждение как отраслевой вид государственного принуждения можно опре-

делить как метод государственного управления, состоящий в применении субъектами уголовно-исполнительных правоотношений установленных нормами уголовно-исполнительного права принудительных мер воздействия, направленных на обеспечение неукоснительного выполнения юридических обязанностей осужденными в связи с совершением ими противоправных действий или при возникновении обстоятельств, угрожающих безопасности личности или общественной безопасности.

Применение мер государственного принуждения является неотъемлемой частью деятельности правоохранительных органов по исполнению назначенных уголовных наказаний, хотя данная категория в науке уголовно-исполнительного права почти не используется. На наш взгляд, отсутствие единой концепции мер принуждения существенно снижает эффективность научных исследований, а также не позволяет осуществлять законодательное регулирование общественных отношений в данной сфере должным образом.

Подводя итог, можно сделать вывод, что научные исследования в области применения мер принуждения при исполнении уголовного наказания решают две задачи – правотворческую и доктринальную. Они заключаются в следующем.

В действующем уголовно-исполнительном законодательстве не закреплён ряд правоотношений, возникающих при применении мер принуждения к осужденным. Многие правоотношения в данной сфере не урегулированы должным образом, нормы имеют пробелы либо их формулировка не позволяет эффективно применять меры принуждения к осужденным. Таким образом, задачей научных исследований в данной области является анализ признаков, состава, динамики правоотношений, складывающихся при применении мер принуждения к осужденным, и выработка на этой основе предложений по совершенствованию российского уголовно-исполнительного законодательства (правотворческий аспект).

Также в науке уголовно-исполнительного права нет научных исследований понятия «меры уголовно-исполнительного принуждения». Разрабатываются лишь его отдельные виды. В этой связи требуется критическая оценка и анализ мнений, высказанных в науке об отдельных видах уголовно-исполнительного принуждения, и разработка на его основе учения о мерах уголовно-исполнительного принуждения. Для этого необходимо выявить особенности мер принуждения в уголовно-исполнительном праве, выработать понятие, произвести классификацию этих мер, рассмотреть отдельные их виды (доктринальный аспект).

Список источников

1. Ременсон А.Л. К вопросу о месте норм исправительно-трудового права в системе советского права // Проблемы повышения эффективности правового регулирования на современном этапе : сб. ст. Томск, 1976. С. 146–154.
2. Уткин В.А. Понятие «принцип отрасли права» и его значение для дискуссии о самостоятельности исправительно-трудового права // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью : сб. ст. Томск, 1979. С. 21–24.
3. Головастова Ю.А. Место уголовно-исполнительного права в системе российского права и его соотношение с родственными отраслями права // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 5. С. 105–109.
4. Уткин В.А. Проблемы уголовно-исполнительного права : учеб.-метод. комплекс для магистратуры. Томск : Изд-во НТЛ, 2017. 120 с.
5. Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 60 с.
6. Соколов А.Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в системе мер административного принуждения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2013. 53 с.
7. Мельников В.Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 69 с.
8. Разгильдиева М.Б. Теория финансово-правового принуждения и сферы его применения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. 59 с.
9. Кархалев Д.Н. Концепция охранительного гражданского правоотношения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 47 с.
10. Ременсон А.Л. Карательно-воспитательный характер деятельности исправительно-трудовых учреждений и ее отличительные признаки // Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов. Томск, 1973. С. 125–128.
11. Уткин В.А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 190 с.
12. Тирский В.В. О некоторых методологических предпосылках определения эффективности деятельности исправительно-трудовых учреждений // Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов. Томск, 1973. С. 131–132.
13. Тюрин В.А. Проблемы применения мер пресечения в административном праве России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 45 с.
14. Кудин Ф.М. Теоретические основы принуждения в советском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1987. 47 с.
15. Макарейко Н.В. Государственное принуждение в механизме обеспечения экономической безопасности: теоретические и прикладные проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 68 с.

References

1. Remenson, A.L. (1976) K voprosu o meste norm ispravitel'no-trudovogo prava v sisteme sovetskogo prava [On the place of the norms of correctional labor law in the system of Soviet law]. In: *Problemy povysheniya effektivnosti pravovogo regulirovaniya na sovremennom etape: sb. st.* [Problems of improving the efficiency of legal regulation at the present stage]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 146–154.

2. Utkin, V.A. (1979) Ponyatie "printsip otrasli prava" i ego znachenie dlya diskussii o samostoyatel'nosti ispravitel'no-trudovogo prava [The concept "principle of the branch of law" and its significance for the discussion on the independence of correctional labor law]. In: *Voprosy povysheniya effektivnosti bor'by s prestupnost'yu: sb. st.* [Issues of increasing the effectiveness of the fight against crime: articles]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 21–24.
3. Golovastova, Yu.A. (2017) Mesto ugovolno-ispolnitel'nogo prava v sisteme rossiyskogo prava i ego sootnoshenie s rodstvennymi otraslyami prava [The place of penal law in the system of Russian law and its relationship with related branches of law]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*. 5. pp. 105–109.
4. Utkin, V.A. (2017) *Problemy ugovolno-ispolnitel'nogo prava* [Problems of penal law]. Teaching materials. Tomsk: Izd-vo NTL.
5. Kaplunov, A.I. (2005) *Administrativnoe prinuzhdenie, primenyaemoe organami vnutrennikh del (sistemno-pravovoy analiz)* [Administrative coercion used by internal affairs bodies (systemic legal analysis)]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
6. Sokolov, A.Yu. (2013) *Mery obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh v sisteme mer administrativnogo prinuzhdeniya* [Measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses in the system of measures of administrative coercion]. Abstract of Law Dr. Diss. Saratov.
7. Mel'nikov, V.Yu. (2014) *Obespechenie i zashchita prav cheloveka pri primeneni mer protsessual'nogo prinuzhdeniya v dosudebnom proizvodstve Rossiyskoy Federatsii* [Ensuring and protecting human rights in the application of measures of procedural coercion in pre-trial proceedings in the Russian Federation]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
8. Razgil'dieva, M.B. (2011) *Teoriya finansovo-pravovogo prinuzhdeniya i sfery ego primeneniya* [Theory of financial and legal coercion and its scope]. Abstract of Law Dr. Diss. Saratov.
9. Karkhalev, D.N. (2010) *Kontseptsiya okhranitel'nogo grazhdanskogo pravootnosheniya* [The concept of protective civil legal relationship]. Abstract of Law Dr. Diss. Yekaterinburg.
10. Remenson, A.L. (1973) Karatel'no-vospitatel'nyy kharakter deyatel'nosti ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniy i ee otlichitel'nye priznaki [Punitive and educational nature of the activities of correctional labor institutions and its distinctive features]. In: *Doklady itogovoy nauchnoy konferentsii yuridicheskikh fakul'tetov* [Reports of the final scientific conference of law faculties]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 125–128.
11. Utkin, V.A. (1984) *Nakazanie i ispravitel'no-trudovoe vozdeystvie* [Punishment and correctional labor impact]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Tirskey, V.V. (1973) O nekotorykh metodologicheskikh predposylkakh opredeleniya effektivnosti deyatel'nosti ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniy [On some methodological prerequisites for determining the effectiveness of correctional labor institutions]. In: *Doklady itogovoy nauchnoy konferentsii yuridicheskikh fakul'tetov* [Reports of the final scientific conference of law faculties]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 131–132.
13. Tyurin, V.A. (2004) *Problemy primeneniya mer presecheniya v administrativnom prave Rossii* [Problems of the application of preventive measures in the administrative law of Russia]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
14. Kudin, F.M. (1987) *Teoreticheskie osnovy prinuzhdeniya v sovetskom ugovolnom sudoproizvodstve* [Theoretical foundations of coercion in Soviet criminal justice]. Abstract of Law Dr. Diss. Kyiv.
15. Makareyko, N.V. (2016) *Gosudarstvennoe prinuzhdenie v mekhanizme obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti: teoreticheskie i prikladnye problemy* [State coercion in the mechanism of ensuring economic security: theoretical and applied problems]. Abstract of Law Dr. Diss. Nizhny Novgorod.

Информация об авторе:

Антонов Т.Г. – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Томского института повышения квалификации работников ФСИН России (Томск, Россия). E-mail: antonovtipk@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.G. Antonov, Cand. Sci. (Law), associate professor, head of the Department of Organization of Investigative Activities of Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia (Tomsk, Russian Federation). E-mail: antonovtipk@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.06.2023;
одобрена после рецензирования 08.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.

The article was submitted 01.06.2023;
approved after reviewing 08.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/21/16

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В СУДЕБНОМ РАЗРЕШЕНИИ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛНЕНИЕМ ПРИГОВОРА, КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО НАДЗОРА

Олег Викторович Воронин¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, crim.just@mail.ru*

Аннотация. Одним из направлений пенитенциарного надзора прокуратуры служит участие прокурора в судебном рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, в рамках уголовного судопроизводства. В этих производствах прокурор реализует правообеспечительную функцию. Наличие такой функции позволяет признать за прокурором статус самостоятельного участника судопроизводства, обладающего всеми процессуальными возможностями полноценного участника судопроизводства.

Ключевые слова: пенитенциарный надзор, прокурор, исполнение приговора, уголовно-процессуальные производства

Для цитирования: Воронин О.В. Участие прокурора в судебном разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, как одно из направлений реализации пенитенциарного надзора // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 85–88. doi: 10.17223/23088451/21/16

Original article
doi: 10.17223/23088451/21/16

THE PROSECUTOR'S PARTICIPATION IN THE JUDICIAL RESOLUTION OF ISSUES RELATED TO THE EXECUTION OF THE SENTENCE AS ONE OF THE DIRECTIONS OF PENITENTIARY SUPERVISION

Oleg V. Voronin¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, crim.just@mail.ru*

Abstract. The penitentiary supervision by the prosecutor's office is an independent type of prosecutor's supervision, which consists in the observation by specially authorized prosecutors of the legality of forced (penal) isolation imposed in order to implement criminal policy. It is also a separate type of prosecutor's activities within the traditional activities of the national prosecutor's office. As a separate type of prosecutor's activities, penitentiary supervision is implemented in the following areas: prosecutor's supervision over the legality of penal isolation; prosecutor's participation in the judicial examination and resolution of complaints against the actions and acts of administrations of bodies and institutions executing punishment, as well as prisoners' claims for compensation for violations of conditions of detention or in a correctional institution (in accordance with Article 121 of the Penal Code of the Russian Federation and Article 171 of the Federal Law of the Russian Federation On the Detention of Persons Suspected and Accused of Committing Crimes); prosecutor's human rights activities in places of penal isolation; prosecutor's participation in the judicial examination of issues related to sentence execution. The latter direction is one of the main ones in the implementation of the penitentiary supervision of the prosecutor's office. Within this direction, the prosecutor takes part in resolving issues related to the change, extension and cancellation of (release from) penal isolation. According to the current legislation, consideration and resolution of issues related to the execution of a sentence is regulated by Section XIV of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Domestic legislation traditionally refers the consideration and resolution of these cases to the exclusive competence of the court.

Keywords: penitentiary supervision, prosecutor, execution of sentence, criminal procedure proceedings

For citation: Voronin, O.V. (2023) The prosecutor's participation in the judicial resolution of issues related to the execution of the sentence as one of the directions of penitentiary supervision. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 85–88. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/16

Пенитенциарный надзор прокуратуры представляет собой самостоятельный вид прокурорского надзора, заключающийся в наблюдении специально уполномоченными прокурорами за законностью принудительной

(пенитенциарной) изоляцией, назначаемой в целях реализации уголовной политики. При этом он служит отдельным направлением прокурорской деятельности, реализуемым в рамках традиционных отраслей и

направлений деятельности отечественной прокуратуры. Как отдельный вид прокурорской деятельности он реализуется по следующим направлениям:

- прокурорский надзор за законностью пенитенциарной изоляции;
- участие прокурора в судебном рассмотрении и разрешении жалоб на действия и акты администраций органов и учреждений, исполняющих наказания, а также заявлений заключенных о компенсации за нарушение условий содержания под стражей или в исправительном учреждении (в порядке ст. 12¹ УИК РФ и ст. 17¹ Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»);
- правозащитную прокурорскую деятельность в местах пенитенциарной изоляции;
- участие прокурора в судебном рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора [1].

Последнее направление – одно из основных в реализации пенитенциарного надзора прокуратуры. В рамках него прокурор принимает участие в разрешении вопросов, связанных с изменением, продлением и отменой (освобождением от) отбывания мер пенитенциарной изоляции. Согласно действующему законодательству, рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, регулируются разделом XIV УПК РФ. Отечественное законодательство традиционно относит рассмотрение и разрешение данных дел к исключительной компетенции суда.

В науке уголовного процесса исполнение приговора как уголовно-процессуальная деятельность определяется либо в качестве завершающего этапа судопроизводства – стадии исполнения приговора, либо в качестве комплекса отдельных производств, возникающих в ходе или после обращения судебных решений к реализации. Конечный выбор зависит от критериев, положенных в основу классификации уголовно-процессуальной деятельности. С учетом положений гл. 47 УПК РФ, второй подход все же представляется более предпочтительным. Уголовно-процессуальный закон объединяет уголовно-процессуальные производства, связанные с исполнением приговора, закрепляя для них единый порядок рассмотрения и разрешения таких дел (ст. 399 УПК РФ).

Пункт 6 ст. 399 УПК РФ устанавливает, что в судебных производствах по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, вправе участвовать прокурор. В условиях прежнего законодательства участие прокурора в этих производствах обуславливалось осуществлением надзорных функций. Однако в современных условиях, с учетом исключения судебной деятельности из предмета прокурорского надзора, такой подход недопустим.

Учитывая осуществление прокурором в производстве по уголовному делу функции обвинения, можно предположить, что основанием прокурорской деятельности в рассматриваемых производствах может служить поддержание последствий обвинения. Проектируя направленность обвинительной деятельности на производства, связанные с разрешением вопросов ис-

полнения приговора, можно предположить, что такие «последствия» должны отражать содержание обвинения, т.е. быть направлены на применение уголовно-правовых и иных ограничений в ходе отбывания наказания, например, на реализацию уголовных или дисциплинарных мер, заключающихся в лишении осужденного льгот, возможности досрочного освобождения или смягчения наказания.

Деятельность, удовлетворяющая данным критериям, схожа с обвинительной, однако она не входит в содержание прокурорской деятельности. Вопросы дисциплинарной практики осужденных решает администрация пенитенциарных учреждений; в свою очередь, разрешение вопросов, связанных с досрочным освобождением, смягчением наказания и т.п., является исключительной прерогативой суда, к тому же действующее законодательство в качестве меры воздействия не предусматривает лишения осужденного возможности досрочного освобождения или смягчения наказания. Более того, процессуальная активность прокурора может носить разнонаправленный характер. Например, если в случае оспаривания возможности предоставления условно-досрочного освобождения (УДО) или иной меры, направленной на облегчение положения осужденного, ее можно отнести к аналогу обвинительной, то при согласии прокурора с предоставлением подобных мер такое отнесение вряд ли возможно. В связи с этим не следует сводить прокурорскую деятельность в производствах по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, к какой-либо форме поддержания последствий обвинения.

Несмотря на нормативное определение в УПК РФ лишь основных функций, деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве гораздо разнообразнее и не исчерпывается поддержанием обвинения, осуществлением уголовного преследования и реализацией прокурорского надзора. По мнению некоторых ученых, прокурор также осуществляет правообеспечительную функцию, заключающуюся в обеспечении нормального развития уголовно-процессуальных отношений и создании тем самым условий для успешной правоприменительной деятельности [2. С. 16]. К примеру, А.А. Тушев считает, что в судебных стадиях и производствах современного уголовного процесса прокурор осуществляет две основные функции: поддерживает государственное обвинение и реализует правообеспечительную деятельность [3. С. 32]. При этом в судебных стадиях и производствах, не связанных с реализацией уголовного преследования или поддержанием государственного обвинения, деятельность прокурора обладает исключительно правообеспечительным содержанием. В литературе верно отмечается, что участие прокурора в суде в этом случае логично считать продолжением его надзорной [4. С. 64], а не обвинительной деятельности.

Уголовно-процессуальный закон, определяя участника со стороны прокуратуры, участвующего в судебных стадиях и производствах, использует два термина – «государственный обвинитель» и «прокурор». Так, например, ст. 227, 237 УПК РФ, устанавливая порядок подготовки к судебному заседанию и проведения пред-

варительного слушания, именуют участника со стороны прокуратуры «прокурором», а не «государственным обвинителем». Аналогичным образом поступает законодатель, когда ведет речь об участии прокурора в таких стадиях уголовного процесса, как кассационный и надзорный пересмотр судебных решений и исполнение приговора. В то же время, когда речь идет об участии прокурора в суде первой инстанции или (и) в апелляционном пересмотре судебных решений, законодатель использует термин «государственный обвинитель». Такой подход законодателя косвенно подтверждает различное правовое положение и функциональное содержание прокурорской деятельности в различных уголовно-процессуальных производствах. В этой связи есть основания полагать, что в производствах, направленных на разрешение вопросов, возникающих в ходе исполнения приговора, деятельность прокурора не связана с реализацией функции поддержания государственного обвинения и вполне может укладываться в осуществление правообеспечительной деятельности.

Прокурор, участвующий в судебном разбирательстве в порядке ст. 399 УПК РФ, обладает несколько схожим положением по сравнению с прокурором, вступающим в гражданский процесс для дачи заключения. Вместе с тем их процессуальная роль различна. Основное отличие в том, что участие в судебном разрешении вопросов исполнения приговора обуславливается не только (и не всегда) реализацией последствий досудебной надзорной деятельности, но также созданием дополнительных гарантий вынесения законного и обоснованного решения в упрощенном судебном производстве (в определенном смысле компенсацией недостающего процессуального содержания по сравнению с основным судебным производством по разрешению уголовного дела).

Кроме того, прокурор, участвующий в разрешении указанных дел, всегда обеспечивает интересы государства, а не интересы отдельных участников производства, которые как могут совпадать с ним, так и иметь иную направленность. В этой связи он всегда оказывает содействие суду в разрешении дела, а не выступает в роли «помощника» (или представителя) других участников производств, связанных с разрешением конкретных вопросов исполнения приговора.

Принимая участие в судебном рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, прокурор, согласно ст. 399 УПК РФ, лишь высказывает суду свое мнение, основанное на оценке представленных иными участниками судопроизводства материалов, а не дает заключение или выносит какой-либо иной правоприменительный акт.

Одна из особенностей прокурорского надзора на досудебном этапе производств, связанных с исполнением приговора, заключается в том, что прокурор в случае выявления случаев необоснованного представления материалов в суд может не реагировать на них до их судебного рассмотрения. В этой связи для повышения эффективности прокурорской деятельности предлагается наделить его правом вхождения в суд с представлением о возбуждении соответствующих уголовно-

процессуальных производств. С формальных позиций нет препятствий для закрепления такой возможности ни в рамках надзорных, ни в рамках процессуальных полномочий. Более того, учитывая, что законодательство предоставляет возможность прокурору инициировать возбуждение уголовно-процессуальной деятельности по результатам надзорных проверок за исполнением законов, отсутствие подобной возможности при осуществлении надзора за законностью деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы вызывает недоумение. Однако в этом случае может возникнуть закономерный вопрос о соотношении такого права с аналогичными возможностями представителей администрации.

Принимая во внимание осуществление надзора на досудебном этапе производства, для устранения неоправданного дублирования процессуальных прав участников прокурор должен инициировать процессуальную деятельность в исключительных случаях. Механизм реализации этого права должен быть аналогичен механизму инициирования процессуальной деятельности осужденным или его адвокатом (законным представителем). Например, возбуждение ходатайства прокурора перед судом о предоставлении УДО должно реализовываться через администрацию учреждения и автоматически влечь за собой ее обязанность представить характеристику на осужденного и заключение о возможности УДО. В этой связи следует дополнить ст. 175 УИК РФ указанием на то, что правом подачи представления в суд обладает также прокурор по результатам проведенных проверок. Аналогичные изменения необходимо внести и в ст. 399 УПК и ст. 33 Закона о прокуратуре.

Пункт 6 ст. 399 УПК РФ предусматривает факультативное участие прокурора в рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора. Директивы Генпрокуратуры России предписывают прокурорам принимать обязательное участие в разрешении указанных дел. На практике прокуроры всегда принимают участие в судебном рассмотрении всех вопросов данной категории дел.

В этой связи высказываются предложения о том, что прокурор должен приобрести статус обязательного участника производств, связанных с разрешением вопросов исполнения приговора. Такая необходимость обуславливается наличием в этом производстве уголовно-процессуального доказывания или же фактически обязательным участием его процессуального оппонента – адвоката осужденного [5. С. 47]. Разделяя идеи об обязательном нормативном правовом закреплении участия прокурора в данных производствах, обуславливать их все же нужно его особой ролью представителя государства.

Уголовно-процессуальный закон устанавливает, что прокурор, участвующий в рассматриваемых производствах, высказывает суду свое мнение о возможности применения той или иной меры, направленной на изменение или прекращение отбывания наказания. Изучение практики показывает, что такая возможность используется в большинстве дел, однако при

этом формы его реализации различны. Так, в некоторых делах мнение прокурора выражается в форме письменной резолюции на представлении или характеристике осужденного, в других – прокуроры ограничиваются высказыванием устного мнения о возможности применения той или иной меры, в третьих – выносят отдельный акт. Хотя все подходы с формальных позиций не противоречат действующему процессуальному законодательству, едва ли подобную практику следует считать оправданной. Представляется, что в случае участия прокурора в разрешении данных дел, он должен письменно излагать суду свое мнение с обязательным обоснованием позиции, указанием мотивов, оснований и соответствующих требований уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, которое должно

быть представлено суду в виде отдельного акта, а также дополнительно отражено в протоколе судебного заседания. А в целях повышения эффективности и профилактики злоупотреблений на уровне директив Генпрокуратуры России закрепить требования к содержанию и форме такого акта.

В литературе также высказывается мнение о необходимости наделения прокурора, участвующего в деле, такими правами участника судопроизводства, как знакомиться с материалами, заявлять ходатайства и отводы, представлять доказательства (материалы), задавать вопросы и т.п. [4. С. 64]. Безусловно, эти права необходимы прокурору как субъекту, обеспечивающему государственный интерес в данных производствах, поэтому такие предложения вызывают всевозможную поддержку.

Список источников

1. Воронин О.В. Пенитенциарный надзор. М. : Юрлитинформ, 2022. 200 с.
2. Юркевич Н.А. Реализация правообеспечительной функции в стадии предания обвиняемого суду. Томск, 1991. 144 с.
3. Тушев А.А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. 325 с.
4. Крымов А.А., Тябина Ю.А. Проблемы правового регулирования участия прокурора в стадии исполнения приговора // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 2 (52). С. 62–66.
5. Малышева О.А. Уголовно-процессуальные основы исполнения приговора : учеб. для магистратуры и аспирантуры. М. : ИНФРА-М, 2017. 288 с.

References

1. Voronin, O.V. (2022) *Penitentsiarnyy nadzor* [Penitentiary Supervision]. Moscow: Yurlitinform.
2. Yurkevich, N.A. (1991) *Realizatsiya pravoobespechitel'noy funktsii v stadii predaniya obvinяемого sudu* [Implementation of the law enforcement function at the stage of bringing the accused to trial]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Tushev, A.A. (2005) *Prokuror v уголовном protsesse Rossiyskoy Federatsii* [Prosecutor in the criminal procedure of the Russian Federation]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
4. Krymov, A.A. & Tyabina, Yu.A. (2016) *Problemy pravovogo regulirovaniya uchastiya prokurora v stadii ispolneniya prigovora* [Problems of legal regulation of the prosecutor's participation in the execution of the sentence]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 2 (52). pp. 62–66.
5. Malysheva, O.A. (2017) *Ugolovno-protsessual'nye osnovy ispolneniya prigovora* [Criminal procedural bases for the execution of a sentence]. A textbook. Moscow: INFRA-M.

Информация об авторе:

Воронин О.В. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Voronin, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision and Law Enforcement, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.

The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/21/17

**УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ: ПРОБЛЕМА ВЫРАЖЕНИЯ ПРАВ,
ОБЯЗАННОСТЕЙ И ИНЫХ СМЕЖНЫХ КАТЕГОРИЙ В СИСТЕМАТИЗИРОВАННОМ ВИДЕ
В ЗАКОНАХ И ПОДЗАКОННЫХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ**

Ренат Зинурович Усеев¹

¹ Самарский юридический институт ФСИН России, Самара, Россия, useev@rambler.ru

Аннотация. Уголовно-исполнительная правоприменительная деятельность исправительных учреждений (ч. 2 ст. 2 УИК РФ) предстает в самостоятельном способе реализации права – его применении, которое связано с конкретными фактами и жизненными ситуациями в процессе исполнения (отбывания) наказания в виде лишения свободы (правоотношениями). Отсутствие правовой основы уголовно-исполнительной правоприменительной деятельности исправительных учреждений, выраженной в четко систематизированных правах и обязанностях исправительных учреждений, ставит необходимость урегулирования этого вопроса на уровне закона – Уголовно-исполнительного кодекса РФ.

Ключевые слова: правосубъектность исправительных учреждений, правоприменительная деятельность исправительных учреждений, закон, подзаконный акт, обязанности, права

Для цитирования: Усеев Р.З. Уголовно-исполнительная правоприменительная деятельность исправительных учреждений: проблема выражения прав, обязанностей и иных смежных категорий в систематизированном виде в законах и подзаконных нормативно-правовых актах // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 89–93. doi: 10.17223/23088451/21/17

Original article
doi: 10.17223/23088451/21/17

**PENAL LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS:
THE PROBLEM OF EXPRESSING RIGHTS, DUTIES AND OTHER RELATED
CATEGORIES IN A SYSTEMATIZED WAY IN LAWS AND BY-LAWS**

Renat Z. Useev¹

¹ Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russian Federation, useev@rambler.ru

Abstract. The issues of the legal status of persons sentenced to imprisonment have been sufficiently studied to date. However, similar issues related to the activities of correctional institutions within the framework indicated by Part 2 of Art. 2 of the Penal Code of the Russian Federation have not been subjected to a systemic scientific analysis. The penal law enforcement activities of correctional institutions are implemented in penitentiary legal relations and are not identical to the activities of correctional institutions. To date, in a number of laws and by-laws, the penitentiary law enforcement activities of correctional institutions are reflected both as rights and obligations, and as related categories (powers, main tasks, subject and goals of activity). In this regard, the author analyzes laws and by-laws and comes to the conclusion that it is necessary to systematize the rights and duties of correctional institutions that constitute penal law enforcement activities in separate norms of the Penal Code of the Russian Federation.

Keywords: legal personality of correctional institutions, law enforcement activities of correctional institutions, law, by-law, duties, rights

For citation: Useev, R.Z. (2023) Penal law enforcement activities of correctional institutions: The problem of expressing rights, duties and other related categories in a systematized way in laws and by-laws. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 89–93. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/17

Часть 2 ст. 2 УИК РФ одним из элементов содержания уголовно-исполнительного законодательства определяет порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Такая деятельность является своего рода соединительным проводником от правовых уголовно-исполнительных норм к реализации субъек-

тивных прав и юридических обязанностей субъектов уголовно-исполнительных правоотношений. Она, по справедливому замечанию П.Е. Недбайло, предстает в самостоятельном способе реализации права – его применении. Применение, в свою очередь, связано с конкретными фактами (жизненными ситуациями). Вне

юридически значимых фактов, с которыми правовые нормы связывают определенные юридические последствия, состоящие в возникновении, изменении и прекращении юридических отношений, немисливо применение правовых норм. То есть применение правовых норм возможно только в правоотношениях [1. С. 125].

Известно, что наука уголовно-исполнительного права выделяет два основных субъекта в процессе исполнения и отбывания лишения свободы – это учреждения, исполняющие наказание (исправительные учреждения, ИУ), и осужденные к лишению свободы. Субъективные права одних субъектов уголовно-исполнительных правоотношений корреспондируются в юридические обязанности других. В науке уголовно-исполнительного права, равно как и в других науках юридического профиля, такая взаимосвязь указанных субъектов рассматривается с позиции общественных отношений, урегулированных правом (уголовно-исполнительных правоотношений). Любая жизненная ситуация в ИУ по линии «осужденный – исправительное учреждение» рассматривается, анализируется и исследуется на основе условно гармоничного сочетания субъективных прав одного субъекта и корреспондирующий юридическим обязанностям другого субъекта.

Попробуем такие правоотношения рассмотреть в том числе с учетом правоприменительной деятельности ИУ как связке субъективных прав и юридических обязанностей субъектов правоотношений, закрепленных в систематизированном виде в законах и подзаконных нормативно-правовых актах. Для этого отметим, что правоприменительная деятельность ИУ ограничивается рамками содержания уголовно-исполнительного законодательства РФ (ч. 2 ст. 2 УИК РФ) и не идентична понятию деятельности ИУ. Дело в том, что деятельность ИУ более многоаспектна, поскольку включает в себя организационный, управленческий, финансовый, хозяйственный, кадровый и иной компонент, нежели ее же (ИУ) деятельность по непосредственному исполнению наказаний. Собственно, на этом еще в 2016 г. акцентировал свое внимание В.А. Уткин [2. С. 40].

Субъективные права и юридические обязанности одного из субъектов уголовно-исполнительных правоотношений – осужденных к лишению свободы, как нам представляется, достаточно полно отражены в уголовно-исполнительном законодательстве РФ как уровня закона, так и подзаконном уровне (например, гл. 2, 13 УИК РФ, гл. 2 ПВР ИУ и т.д.). На этот счет права и обязанности ИУ в целом, имея естественное законодательное закрепление, по нашему мнению, неконкретны, несистемны и разрозненны. И это несмотря на то, что права и обязанности ИУ (уместно вести речь также о смежных категориях: задачах, полномочиях, предмете и целях деятельности учреждений) находят выражение в нормативно-правовых актах, регулирующих как уголовно-исполнительные правоотношения, так и организацию (деятельность) ИУ, а также деятельность ФСИН России в целом.

В практике деятельности ИУ реализация их прав, обязанностей и смежных категорий осуществляется по направлениям деятельности мест лишения свободы (режимному, воспитательному, оперативному, произ-

водственному и т.д.). Это простая, рутинная и обыденная практика, когда правоприменители (работники ИУ), реализуя государственную позицию в отношениях с осужденными, а также правовые предписания в жизнь, применяют нормы того или иного законодательства РФ. В этих целях то или иное направление правоприменительной деятельности ИУ регулирует от одного до нескольких нормативно-правовых актов. Например, вопросы режима в ИУ регулируются законом (фактически отдельными главами УИК РФ: гл. 12, 13 и др.), ПВР ИУ, а также косвенно иными нормативно-правовыми актами (их отдельными нормами).

Вместе с тем правоприменительная деятельность как посыл государства в лице ИУ на удовлетворение (осуществление) субъективных прав и исполнение (соблюдение) юридических обязанностей осужденных имеет, как нам представляется, достаточно сложную правовую основу. И она не может быть местечковой и разрозненной. Здесь правоприменительная деятельность ИУ по направлениям деятельности должна закрепляться не только отдельными процессуальными нормами, главами, разделами закона и подзаконного акта. Прежде всего, такая деятельность должна находить отражение в виде определенных и систематизированных в нормативно-правовом акте обязанностей и прав ИУ. Это, на наш взгляд, окончательно оформит правовое положение субъекта, исполняющего наказание в виде лишения свободы (ИУ) и его взаимосвязь с противоположным субъектом – осужденным, отбывающим лишение свободы.

Попробуем проанализировать нормативно-правовую основу, системно закрепляющую (прямо или косвенно) юридические обязанности и субъективные права ИУ, а также смежные категории как основу уголовно-исполнительной правоприменительной деятельности мест лишения свободы.

Итак, несколько нарушая иерархию нормативно-правовых актов, отметим, что глобально полномочия ИУ как системного правоприменителя отражены в подзаконном нормативно-правовом акте – Положении о ФСИН России (утверждено Указом Президента России от 13.10.2004 № 1314) (далее – указ № 1314). Данный документ является продуктом административной реформы в России 2004 г., когда в целях формирования эффективной системы и структуры федеральных органов исполнительной власти вновь создана в том числе ФСИН России. Казалось бы, указ № 1314 направлен исключительно на ФСИН России как федеральный орган исполнительной власти. Однако п. 5 этого документа отмечает, что ФСИН России осуществляет свою деятельность в том числе через учреждения, исполняющие наказания, – ИУ.

Система прав и обязанностей ИУ (напомним, что формально речь в документе в целом идет о ФСИН России как системе органов, учреждений, предприятий и организаций) в данном нормативно-правовом акте фактически отсутствует. В нем представлен перечень *задач* (здесь и далее курсив мой. – Р.З.), стоящих перед ФСИН России (п. 3 указа № 1314), которые при соответствующем анализе соотносятся с обязанностями и правами ИУ (ст. 13, 14 закона РФ от 21.03.1993 № 5473-I «Об учре-

ждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»). При этом из представленных в указе задач лишь шесть из одиннадцати в большей или

меньшей степени соотносятся с уголовно-исполнительной правоприменительной деятельностью ИУ (таблица).

№	Нормативно-правовой акт	Форма выражения уголовно-исполнительной правоприменительной деятельности исправительных учреждений в систематизированном виде
1	Уголовно-исполнительный кодекс РФ	Отсутствует
2	Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-I «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»	Выражена через перечень: обязанностей ИУ (ст. 13) / 4 обязанности из 7; права ИУ (ст. 14) / 10 прав из 20
3	Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”»	Выражена через перечень: служебных обязанностей сотрудника ИУ (ст. 13); требований к служебному поведению сотрудника ИУ (ст. 14); видов ответственности сотрудника ИУ (ст. 15)
4	Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний»	Выражена через перечень: задач, стоящих перед ФСИН России (п. 3 раздела I) / 6 задач из 11; полномочий, стоящих перед ФСИН России (раздел II) / 10 полномочий из 71
5	Приказ ФСИН России от 8 февраля 2022 г. № 71 «Об утверждении уставов федеральных казенных учреждений, подчиненных Управлению Федеральной службы исполнения наказаний по Воронежской области» (на примере ФКУ ИК-2)	Выражена через перечень предмета и целей деятельности ИУ (п. 2.1) / 8 из 8
6	Приказ Минюста РФ от 25 января 1999 г. № 20 «Об утверждении Положения о следственном изоляторе уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации» (утратил силу с 1 октября 2019 г.)	Была выражена через перечень основных задач СИЗО (раздел 2) / 4 задачи из 5

Однако условно система прав и обязанностей ИУ выражена в виде *полномочий* (раздел II указа № 1314), которые без соответствующих знаний достаточно не просто классифицировать как на права ИУ, так и на их обязанности. Среди массива полномочий ФСИН России (всего 71 полномочие организационного, технического, информационного, образовательного и иного характера), естественно, есть полномочия, имеющие уголовно-исполнительное свойство, несущие в себе достаточно широкий спектр правоприменительных действий, направленных на реализацию уголовно-исполнительных правоотношений в ИУ (см. таблицу). Например, ФСИН России, осуществляя свою деятельность через ИУ, реализует правоприменительные функции по обеспечению исполнения режимных требований в местах лишения свободы, которое можно трактовать как право ИУ. Получается, что обозначенные ФСИН России задачи и полномочия, с одной стороны, имеют для ИУ и ее деятельности организационно-управленческую основу, поскольку Президент РФ определил их в задачах (поручение как заданная цель) [3. С. 149] и полномочиях (права, предоставленные органами власти) [3. С. 483] ФСИН России. С другой стороны, рассматриваемый указ содержит в своих нормах комплексные направления по реализации уголовно-исполнительной правоприменительной деятельности ИУ (например, пп. 1.1 п. 7, пп. 1.4 п. 7, пп. 1.8 п. 7, пп. 2.13 п. 7, пп. 4.5 п. 7 указа № 1314 и т.д.).

Казалось бы, основной закон, регулирующий общественные отношения в сфере исполнения наказаний, – УИК РФ должен в своих нормах закреплять права и обязанности ИУ. Однако УИК РФ этого не делает. Он не содержит в своих нормах систематизированный перечень прав и обязанностей ИУ. Это, на наш взгляд, является не только пробелом уголовно-исполнительного законодательства РФ, но и в некотором роде вносит дисбаланс в общественные отношения между

лицом, приговоренным к отбыванию наказания в виде лишения свободы, и государством. Определенно в перспективе систематизированный перечень обязанностей прав ИУ должен появиться. И это обоснованно, поскольку ст. 16 УИК РФ закрепляет перечень ИУ, исполняющих наказания в виде лишения свободы, однако формально не наделяет их систематизированным перечнем обязанностей и прав, как это имеет место относительно осужденных к лишению свободы в гл. 2 УИК РФ. Необходимость закрепления в УИК РФ обязанностей и прав ИУ – это и есть отражение уголовно-исполнительной правоприменительной деятельности субъекта, исполняющего наказание в виде лишения свободы.

К слову сказать, обязанности и права исправительно-трудовых учреждений (ИТУ) как субъекта, исполняющего наказание в виде лишения свободы, ИТК РСФСР 1970 г. также не отражал. Но делал акцент на ином субъекте, исполняющем наказание, – персонале ИТУ. Так, закон РФ от 12 июня 1992 г. № 2988-I «О внесении изменений и дополнений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» внес дополнения в ИТК РСФСР в виде самостоятельной главы 22 «Персонал учреждений и органов, исполняющих наказание и осуществляющих контроль за условно осужденными и условно освобожденными» (ст. 116–119). В них законодатель предусмотрел требования, предъявляемые к персоналу ИТУ, его ответственность, правовое положение и социальную защиту персонала ИТУ. Думается, что отдельные положения гл. 22 ИТК РСФСР также могли бы в перспективе найти отражение в соответствующих нормах УИК РФ.

Обязанности и права ИУ с начала 1990-х гг. нашли отражение в законе РФ от 21.03.1993 № 5473-I «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной си-

стемы Российской Федерации» (далее – закон № 5473-І). Речь идет о ст. 13 и 14 данного документа. К слову сказать, данные нормы документа имеют универсальный характер и не относятся исключительно к ИУ. Наименования статей закона («Обязанности учреждений, исполняющих наказания» и «Права учреждений, исполняющих наказания») имеют более широкий предмет и соотносятся с иными учреждениями, исполняющими наказание, определенными ст. 16 УИК РФ (уголовно-исполнительные инспекции, исправительные центры и все виды ИУ). Хотя при анализе указанных статей все же можно сделать вывод, что они соотносятся с местами лишения свободы.

Рассматриваемый закон определяет основы деятельности учреждений и органов УИС. Однако при анализе закона становится очевидно, что он с позиции обязанностей и прав ИУ регулирует не только организационные аспекты, но и уголовно-исполнительные, составляющие уголовно-исполнительную деятельность ИУ. Например, речь идет о п. 1 ч. 1 ст. 13, пп. 1, 3, 4 ч. 1 ст. 14 закона № 5473-І и т.д. (см. таблицу).

До лета 2004 г. в законе № 5473-І действовала норма, предусматривающая задачи, стоящие перед УИС (ст. 2). Ее содержание и содержание ст. 13, 14 закона № 5473-І во многом дублировались, в том числе касаясь уголовно-исполнительной правоприменительной деятельности ИУ. В связи с осуществлением мер по совершенствованию государственного управления и проводимой административной реформы в России, эта норма (ст. 2 закона № 5473-І) утратила силу.

Анализ положений Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» (далее – ФЗ № 197) показывает, что вопросы уголовно-исполнительной правоприменительной деятельности ИУ также в нем находят отражение, но уже через правовое положение (статус) сотрудника ИУ. Так, сотрудник ИУ обязан знать и соблюдать Конституцию РФ, законодательные и иные нормативные правовые акты РФ, в том числе в сфере деятельности ИУ, обеспечивать их исполнение (п. 1 ч. 1 ст. 12), соблюдать при исполнении служебных обязанностей права и законные интересы, в том числе осужденных (п. 4 ч. 1 ст. 12), не допускать злоупотреблений служебными полномочиями, в том числе по отношению к осужденным (п. 12 ч. 1 ст. 12), соблюдать нормы профессиональной этики (п. 5 ч. 1 ст. 13); проявлять корректность, уважение, вежливость и внимательность по отношению к гражданам, в том числе к осужденным (п. 7 ч. 1 ст. 13) и т.д. Сотрудники ИУ, допустившие жестокие, бесчеловечные или унижающие человеческое достоинство действия, несут ответственность (ст. 15) (см. таблицу).

На уровне подзаконных нормативно-правовых актов (актов Правительства РФ) нет документов, которые бы в общей массе так или иначе с позиции систематизированных прав и обязанностей определяли уголовно-исполнительную деятельность ИУ. С этих позиций

весьма интересно аналогичное положение в отношении уголовно-исполнительных инспекций (УИИ). Формально на уровне закона права и обязанности УИИ определяются в тех же рамочных ст. 13 и 14 закона № 5473-І, хотя по своему характеру и имеющих колониальный уклон. Однако в отношении УИИ действует также спектр прав и обязанностей специального характера (для сферы исполнения наказаний, не связанных с изоляцией личности), закрепленный в Положении об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 729. К слову сказать, введение в действие последнего определялось ст. 6 Федерального закона от 8 января 1997 г. № 2-ФЗ «О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

Продолжая анализ подзаконных (ведомственных) нормативно-правовых актов, также отметим, что в комплексе систематизированные права и обязанности ИУ в них не закреплены. Однако по отдельным уголовно-исполнительным правоотношениям, где места лишения свободы выступают в качестве субъекта, исполняющего наказание, такие обязанности и права (преимущественно все же обязанности) находят естественное закрепление. Например, в сфере социальной работы с осужденными в ИУ в Положении о группе социальной защиты осужденных ИУ УИС, утвержденном приказом Минюста РФ от 30 декабря 2005 г. № 262; в сфере надзора за осужденными в ИУ – Инструкции о надзоре за осужденными, содержащимися в исправительных колониях, утвержденной приказом Минюста России от 13.07.2006 № 252-дсп и т.д.

Вместе с тем ведомственная нормативно-правовая основа до недавних пор все же выступала регулятором систематизированных полномочий конкретных мест изоляции личности во ФСИН России. Но только не ИУ, а СИЗО (выполняют функции ИУ в отношении отдельных категорий осужденных). Так, на протяжении двух десятилетий (с января 1999 г. по октябрь 2019 г.) в системе ведомственных нормативно-правовых актов действовало Положение о СИЗО УИС Минюста России, утвержденное приказом Минюста России от 25 января 1999 г. № 20 (далее – Положение о СИЗО). Неурегулированность полномочий СИЗО (его руководителя) на уровне закона (в отличие от статуса ИУ в законе № 5473-І) определило необходимость их закрепления в подзаконном нормативно-правовом акте в виде *основных задач*. Учитывая, что в СИЗО помимо подозреваемых и обвиняемых содержатся еще и осужденные, рассматриваемые основные задачи (четыре из пяти) в Положении о СИЗО соотносились с уголовно-исполнительной правоприменительной деятельностью СИЗО как места отбывания наказания в виде лишения свободы (см. таблицу). В дальнейшем Счетной палатой РФ в ходе контрольного мероприятия «Аудит эффективности использования средств федерального бюджета, выделенных в 2015–2017 гг. на продовольственное обеспечение Федеральной службы исполнения наказаний» нормы Положения о СИЗО были признаны противоречащими Федеральному закону от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержа-

нии под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее – ФЗ № 103). В результате этого Положение о СИЗО УИС Минюста России с 1 октября 2019 г. было признано утратившим силу. Между тем ФЗ № 103 вовсе не закрепляет в своих нормах ни обязанности, ни права СИЗО, ни иные смежные категории (полномочия, цели, задачи), которыми руководствуется СИЗО.

Сегодня нет четкого определения прав и обязанностей ИУ на уровне их учредительных документов – уставов ИУ, которые утверждаются приказами учредителя – ФСИН России. Это же касается вносимых в уставы изменений и дополнений.

Анализ самых разных уставов ИУ показывает, что в них подобно Положению о ФСИН России права и обязанности ИУ представлены смежными категориями в виде *предмета*, т.е. того, на что направлена деятельность познания [3. С. 516], и *целей деятельности*, т.е. то, к чему стремится [3. С. 547] конкретное и обособленное ИУ в том или ином территориальном органе ФСИН России [4, 5]. Тем не менее в уставах ИУ уголовно-исполнительная правоприменительная деятель-

ность ИУ относительно предмета и целей их деятельности выражена более четко (см. таблицу).

Таким образом, на сегодняшний день на ведомственном уровне (Минюст России, ФСИН России) также не установлен единый систематизированный комплекс субъективных прав и юридических обязанностей для ИУ как места лишения свободы.

Уголовно-исполнительная правоприменительная деятельность ИУ, на наш взгляд, в перспективе должна найти выражение через четко систематизированные права и обязанности. Местом выражения таких прав и обязанностей должен стать закон. Естественное положение права и обязанности ИУ могли бы найти в гл. 3 УИК РФ виде ст. 16.1 «Права учреждений, исполняющих наказания» и ст. 16.2 «Обязанности учреждений, исполняющих наказания». Содержание этих норм должно вобрать в себя положения уголовно-исполнительного свойства из рассмотренных выше нормативно-правовых актов как уровня закона, так и подзаконного уровня. Это в определенной степени гармонизирует уголовно-исполнительные правоотношения между основными субъектами – ИУ и осужденными.

Список источников

1. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М. : Госюриздат, 1960. 511 с.
2. Уткин В.А. Уголовно-исполнительная деятельность и предмет уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2 (24). С. 39–43.
3. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М. : Аделант, 2014. 800 с.
4. Об утверждении уставов федеральных казенных учреждений, подчиненных Управлению Федеральной службы исполнения наказаний по Воронежской области : приказ ФСИН России от 8 февраля 2022 г. № 71 (приложение № 2) // СПС «Гарант» (дата обращения: 23.05.2023).
5. Устав федерального казенного учреждения «Исправительная колония № 2 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Адыгея (Адыгея)» : приказ ФСИН России от 3 февраля 2011 г. № 54 (приложение № 3) (неопубликованный акт).

References

1. Nedbaylo, P.E. (1960) *Primenenie sovetskikh pravovykh norm* [Application of Soviet legal norms]. Moscow: Gosyurizdat.
2. Utkin, V.A. (2016) *Ugolovno-ispolnitel'naya deyatel'nost' i predmet ugolovno-ispolnitel'nogo prava* [Penal activities and the subject of penal law]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 2 (24). pp. 39–43.
3. Ushakov, D.N. (2014) *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the modern Russian language]. Moscow: Adelant.
4. Garant. (2023) *On the approval of the charters of federal state institutions subordinate to the Office of the Federal Penitentiary Service for Voronezh Oblast: Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated February 8, 2022, No. 71 (Appendix No. 2).* (In Russian).
5. *Charter of the Correctional Colony No. 2 of the Office of the Federal Penitentiary Service in the Republic of Adygea: Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated February 3, 2011, No. 54 (Appendix No. 3).* (An unpublished act). (In Russian).

Информация об авторе:

Усеев Р.З. – кандидат юридических наук, доцент, врио начальника факультета профессионального обучения и дополнительного профессионального образования Самарского юридического института ФСИН России (Самара, Россия). E-mail: useev@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R.Z. Useev, Cand. Sci. (Law), associate professor, acting head of the Faculty of Vocational Training and Additional Professional Education, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Samara, Russian Federation). E-mail: useev@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.*

*The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.*

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/21/18

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ПОощРИТЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ЛИШЕННЫХ СВОБОДЫ

Егор Евгеньевич Новиков¹

¹ Университет ФСИН России, Санкт-Петербург, Россия, mavr-85@mail.ru

Аннотация. Изменение вида исправительного учреждения, замена неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказаний, условно-досрочное освобождение осужденных являются важнейшими поощрительными институтами, обеспечивающими целостное функционирование прогрессивной системы отбывания наказания. В то же время результаты анализа норм законодательства, а также данных правоприменительной практики свидетельствуют о наличии серьезных проблем фиксации, применения и развития поощрительных институтов.

Ключевые слова: поощрительный институт, замена наказаний, изменение вида исправительного учреждения, условно-досрочное освобождение

Для цитирования: Новиков Е.Е. О некоторых проблемах уголовно-правового регулирования применения поощрительных институтов, в отношении лиц, лишенных свободы // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 94–102. doi: 10.17223/23088451/21/18

Original article
doi: 10.17223/23088451/21/18

ON SOME PROBLEMS OF CRIMINAL LAW REGULATION OF THE USE OF INCENTIVE INSTITUTIONS IN RELATION TO PERSONS DEPRIVED OF LIBERTY

Egor E. Novikov¹

¹ University of the Federal Penitentiary Service of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, mavr-85@mail.ru

Abstract. Change of the type of correctional institution, replacement of the unserved part of imprisonment with a milder type of punishment, parole of convicts are the most important incentive institutions that ensure the integral functioning of the progressive system of serving sentences. The results of the analysis of the norms of legislation, as well as data from law enforcement practice, indicate the presence of serious problems in enshrining, applying and developing incentive institutions. All considered incentive institutions can conditionally be divided into two main types. The first type includes stimulating norms, whose application softens the measure of state coercion imposed on the convict, improves the convict's legal status, but does not change the type of punishment. The second type includes institutions, whose norms provide early release of a person from serving a prison sentence. Researchers of the Soviet period and modern Russia analyzed and still analyze this type: a number of conceptual problems have not been fully resolved to date. For example, at the moment there is a need to solve problems of criminal law regulation of changing the type of correctional institution, replacing imprisonment with milder types of punishments, as well as of competition between types of replacement of punishment, parole, etc.

Keywords: incentive institution, replacement of punishments, change in the type of correctional institution, parole

For citation: Novikov, E.E. (2023) On some problems of criminal law regulation of the use of incentive institutions in relation to persons deprived of liberty. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 94–102. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/18

Нельзя оставлять неизменным правовое положение изменяющейся личности – это будет нарушением элементарных правил педагогики, принципов права и требований справедливости... Целесообразно предусмотреть в законе в качестве крайних ступеней изменения правового положения осужденного, с одной стороны, замену наказания на более мягкое и условно-досрочное освобождение, а с другой – перевод в тюрьму.

А.Л. Ремонсон (1964)

Поощрительные институты, применяемые в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы, бы-

ли в фокусе внимания как ведущих пенитенциаристов советского периода (М.В. Мелентьев, А.Е. Наташев,

А.Л. Ременсон, Н.А. Стручков и др.), так и ученых-юристов современной России (А.В. Бриллиантов, А.Я. Гришко, В.И. Селиверстов, В.А. Уткин и др.). В обобщенном виде подавляющее большинство исследователей указывают на значимость поощрительных институтов в теоретическом, законодательном, политическом, практическом и социальном планах.

Тем не менее, несмотря на высокую степень научной разработанности применения указанного блока стимулирующих норм, можно выделить ряд концептуальных задач, до конца не решенных на сегодняшний день. Так, например, на данный момент не ликвидированы проблемы уголовно-правового регулирования изменения вида исправительного учреждения (ИУ), замены неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания; не решены вопросы конкуренции институтов замены наказания, условно-досрочного освобождения (УДО) и изменением вида ИУ и т.п. В итоге применение поощрительных институтов к осужденным носит несистемный характер, и их реализация часто связана с влиянием субъективного усмотрения.

Приступая к изучению предмета настоящего исследования, следует отметить, что рассматриваемые поощрительные институты условно можно разделить на два основных вида.

К первому виду следует отнести поощрительный институт, применение которого смягчает возложенную на осужденного меру государственного принуждения и улучшает правовое положение осужденного, но без изменения вида наказания. Изменяется персонально назначенный в обвинительном приговоре вид ИУ.

Второй вид представлен поощрительными институтами, нормы которого обеспечивают досрочное освобождение лица от отбывания лишения свободы. Применение данных институтов способствует трансформации уголовно-исполнительных правоотношений (например, при замене наказания) или, при соблюдении необходимых условий, их прекращению (например, при УДО).

Приступая к анализу института изменения вида ИУ, следует отметить, что в соответствии с ч. 4 ст. 59 УК РФ суд имеет право изменить резолютивную часть изначально назначенного приговора и определить положительно характеризующемуся осужденному новое ИУ с более мягкими условиями отбывания наказания.

При изменении вида ИУ (а также при замене наказания на более мягкую меру или УДО) суд учитывает наличие материальных и формальных критериев (оснований), формирующих факт того, что осужденный, в отношении которого решается вопрос об уменьшении объема кары, является положительно характеризующимся.

Материальный критерий представляет собой совокупность уголовно-исполнительных признаков, к которым можно, например, отнести добросовестное отношение к труду, отсутствие взысканий и др. В данном случае суд принимает решение на основании анализа данных, представленных субъектами уголовно-исполнительных правоотношений.

Формальный критерий основывается на установленном в законе минимальном сроке, который необходимо

отбыть осужденному в первоначально назначенном судом ИУ. Данный критерий следует относить к уголовно-правовому, так как именно он определяет временные границы возможного изменения резолютивной части вынесенного обвинительного приговора, а также дает право участникам уголовно-исполнительных правоотношений обоснованно выступать с соответствующим ходатайством перед судом, а суду – принимать решение на основании представленных данных, свидетельствующих о поведении осужденного.

Отсутствие уголовно-правового (формального) основания безальтернативно лишает суд возможности изменить содержание первоначально вынесенного обвинительного приговора. По сути, у субъектов уголовно-исполнительных правоотношений есть нулевая возможность того, что суд примет решение в их пользу.

В нормах УК РФ не упоминаются какие-либо уголовно-правовые основания, способствующие изменению приговора суда, а ч. 4 ст. 59 УК РФ отсылает суд к исползованию предписаний уголовно-исполнительного законодательства. В то же время законодатель уже имеет опыт закрепления схожих уголовно-правовых критериев, но не в уголовно-исполнительном законодательстве, а в уголовном праве.

Так, например, в ч. 3, 3.1, 4 ст. 79 УК РФ закреплены минимальные сроки, по истечении которых лицо может ходатайствовать об УДО, а в ч. 2 ст. 80 УК РФ представлены сроки, на которые ориентируется суд при решении вопроса о замене оставшейся неотбытой части наказания более мягкой мерой государственного принуждения др.

Включение в УК РФ указанных норм обоснованно, так как в них закреплена возможность суда пересматривать содержание изначально назначенного наказания (меры) в сторону уменьшения объема кары. Кроме того, данные правоотношения являются не уголовно-исполнительными, а уголовными.

Сказанное подводит к выводу о том, что формальные основания изменения вида ИУ следует закрепить не в уголовно-исполнительном законодательстве, а в уголовном. В данном случае содержание ч. 2 ст. 78 УИК РФ должно отсылать участников правоотношений и суд к норме УК РФ, содержащей полную информацию о сроках, касающихся изменения вида ИУ.

Дополнительно следует упомянуть, что при наличии необходимых оснований суд имеет право перевести осужденных для дальнейшего отбывания наказания из тюрьмы в ИК, из ИК особого режима – в ИК строгого режима, из ИК общего и строго режимов – в колонию-поселение (КП). В обобщенном виде формальные основания, способствующие изменению вида ИУ, представлены в табл. 1.

Анализ соответствующих оснований позволил выявить единственный случай конкуренции институтов изменения вида ИУ, замены лишения свободы на более мягкий вид наказания и УДО (более подробно вопрос, касающийся конкуренции рассматриваемого вида замены наказания и УДО, будет рассмотрен ниже).

Так, формальные критерии перевода осужденных за совершение особо тяжких преступлений из ИК строгого режима в КП (см. табл. 1), замены неотбытой части

лишения свободы на более мягкий вид наказания и условно-досрочного освобождения не отличаются и составляют не менее 2/3 срока наказания (табл. 2).

Во всех остальных случаях формальные основания изменения вида ИУ качественно разные. Но в

любом случае законодатель должен обратить внимание на выявленный выше факт и изменить формальное основание перевода осужденных за совершение особо тяжких преступлений из ИК строгого режима в КП.

Таблица 1

Формальные основания изменения вида ИУ

Вариант изменения вида ИУ	Категория совершенного преступления или вид рецидива	Минимальный размер наказания, который осужденный должен отбыть (формальные основания)
Из ИК общего режима в КП	Преступления по неосторожности, небольшой или средней тяжести (ранее не отбывавшие л/с)	1/4
	Тяжкие преступления (ранее не отбывавшие л/с)	
	Женщины, совершившие тяжкие/особо тяжкие преступления	
Из ИК строгого режима в КП	Особо тяжкие преступления (ранее не отбывавшие л/с)	2/3
	Рецидив или опасный рецидив преступлений (ранее отбывавшие л/с)	1/3
	Новое преступление в период УДО	1/2
Из ИК особого режима в ИК строгого	Особо опасный рецидив преступлений	1/2
Из тюрьмы в ИК	Особо тяжкие преступления на срок свыше пяти лет	1/2
	Особо опасный рецидив преступлений	1/2

Примечание. Л/с – лишение свободы.

Таблица 2

Формальные критерии перевода

Вид решения суда	Категория или вид совершенного преступления				
	Небольшой или средней тяжести	Тяжкое преступление	Особо тяжкие преступления	Против половой неприкосновенности несовершеннолетних	Против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста
	Минимальный размер наказания, который осужденный должен отбыть (формальные основания)				
Замена наказания	1/3	1/2	2/3	3/4	4/5
УДО	1/3	1/2	2/3	3/4	4/5

В научной литературе представлен вариант решения указанной проблемы, в котором справедливо предлагается снизить сроки применения перевода осужденных за совершение особо тяжких преступлений из ИК строгого режима в КП. Например, С.Л. Бабаян считает необходимым снизить порог формального основания с 2/3 до 1/2 срока наказания [1. С. 231–232].

В то же время предложение о снижении порога формального основания перевода указанной категории осужденных из ИК строгого режима в КП до 1/2 не в полной мере логично, так как указанное основание будет соответствовать формальному критерию перевода осужденных при особо опасном рецидиве преступлений из ИК особого режима в ИК строгого режима. Полагаем, что формальное основание перевода из ИК строгого режима в КП должно отличаться от основания перевода из ИК особого режима в ИК строгого режима.

Таким образом, порог формального основания перевода осужденных за совершение особо тяжких преступлений из ИК строгого режима в КП должен быть меньше 2/3, но больше 1/2 и быть может быть равен, например, 4/7.

Раскрытие особенностей уголовно-правового регулирования второй группы поощрительных институтов следует начать с анализа ст. 80 УК РФ, в которой содержатся основания замены неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания.

Согласно ч. 3 ст. 80 УК РФ, при замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы другим, более мягким его видом осужденный продолжает подвергаться исправительному воздействию, но в режиме любого другого наказания, указанного в ст. 44 УК РФ. Другими словами, законодатель наделил суд большим арсеналом возможностей, позволяющим максимально снизить первоначально определенный объем карательного воздействия, что вызывает ряд вопросов.

Однако прежде чем приступить к раскрытию более значимых проблем, отметим ч. 3 ст. 80 УИК РФ, исходя из содержания которой можно сделать вывод, что суд имеет право заменить лишение свободы на любое более мягкое наказание, что является достаточно дискуссионным положением.

Так, например, нерешенным остается вопрос, касающийся замены лишения свободы на штраф, что, в соответствии с ч. 3 ст. 80 УК РФ, возможно.

В данном контексте отметим, что согласно п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» (далее – ППВС РФ № 8), заменяемое наказание не должно быть больше максимального срока или размера наказания, предусмотренного УК РФ для этого вида наказания, и определяться с учетом положений ч. 1 ст. 71 и ч. 2 ст. 72 УК РФ. В то же время в указанных статьях Закона от-

сутствует предписание, позволяющее соотнести размер штрафа с определенным сроком лишения свободы.

В научном мире преобладают две основные позиции ученых-юристов, стремящихся решить проблему замены лишения свободы на штраф.

Ю.М. Ткачевский [2] и О.В. Конкина [3. С. 161] отрицают возможность замены лишения свободы на штраф, так как в данном случае происходит сбой исправительного процесса. По мнению ученых, суд, заменяя лишение свободы на штраф, по сути, дает возможность осужденному откупиться от первоначально назначенного наказания.

Вторая группа правоведов имеет противоположную точку зрения и считает возможным реанимировать практику замены лишения свободы на штраф [1. С. 258–259; 4. С. 41; 5. С. 140].

Так, К.В. Михайлова и С.Л. Бабаян полагают, что при замене неотбытой части лишения свободы на штраф ориентироваться следует на процентное соотношение заменяемого наказания и его заменяющего в зависимости от максимальных размеров того и другого наказания. Например, если срок наказания составляет 20 лет лишения свободы, а неотбытая часть 3 года, то три года лишения свободы от 20 лет составляют 15%, следовательно, назначаемый вновь размер штрафа также должен составлять 15% от его максимального размера. В соответствии с ч. 2 ст. 46 УК РФ, по общему правилу штраф устанавливается в размере от 5 тыс. до 5 млн рублей, поэтому 15% от максимального размера штрафа, т.е. от 5 млн рублей, составляет 750 тыс. рублей.

Представленная точка зрения заслуживает внимания. В то же время, если следовать указанной позиции, осужденным к лишению свободы, например, на 1 год и 20 лет при неотбытии 15% срока наказания, может быть заменена оставшаяся часть наказания на одну и ту же величину штрафа, что не будет способствовать успешному достижению целей как уголовного, так и уголовно-исполнительного законодательства.

В уголовном законодательстве должна быть закреплена возможность замены лишения свободы на штраф, но при условии соблюдения следующих требований:

- в УК РФ должна быть зафиксирована возможность замены лишения свободы на штраф, в случае если лицо было осуждено за совершение преступления небольшой или средней тяжести;

- величина штрафа должна определяться не от максимального размера штрафа, определенного в ст. 46 УК РФ, а от максимального размера указанного наказания, закрепленного в санкции статьи, в соответствии с которой лицо было осуждено. В данном случае можно использовать предложенное выше процентное правило замены лишения свободы на штраф;

- лишение свободы не может быть заменено на штраф, если в санкции, в соответствии с которой лицо было осуждено, он отсутствует;

- назначение штрафа в качестве дополнительного наказания исключает возможность замены лишения свободы на соответствующую, более мягкую меру государственного принуждения.

Не вполне логична предоставленная суду возможность заменять неотбытую часть лишения свободы на арест. Несмотря на то, что на сегодняшний день отсутствуют перспективы развития уголовного наказания в виде ареста, вопрос уголовно-правового регулирования замены лишения свободы на указанное наказание должен быть решен в пользу исключения соответствующей возможности.

Согласно ч. 1 ст. 71 и ч. 2 ст. 72 УК РФ, а также п. 4 ППВС РФ № 8, при замене лишения свободы на другие более мягкие виды наказания суд может определить следующие максимальные сроки (верхний предел) назначаемой меры государственного принуждения:

- 480 часов – в случае замены на обязательные работы, но при условии, если осужденному осталось отбыть лишение свободы не менее 2 месяцев;

- 2 года – в случае замены на исправительные работы, но при условии, если осужденному осталось отбыть лишение свободы не менее 8 месяцев¹;

- 4 года – в случае замены на ограничение свободы, но при условии, если осужденному осталось отбыть лишение свободы не менее 2 лет;

- 5 лет – в случае замены на принудительные работы, но при условии, если осужденному осталось отбыть лишение свободы не менее 5 лет.

Суд не может заменить неотбытую часть первоначального наказания на максимальный срок обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы или принудительных работ, если осужденному осталось отбывать первоначально назначенное наказание менее 2 месяцев, 8 месяцев, 2 лет или 5 лет соответственно.

Однако, исходя из буквального толкования уголовно-правовых предписаний, суд может заменить неотбытую часть лишения свободы на предельно минимальный срок более мягкого наказания. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 71 и ч. 2 ст. 72 УК РФ, не будет являться нарушением, если суд заменит оставшийся срок лишения свободы на 8 часов обязательных работ, 3 дня исправительных работ и т.п.

Выход из сложившейся ситуации дал анализ постановлений судов о замене неотбытой части лишения свободы на более мягкий вид наказания, который позволил условно выделить два основных вида решений, на сегодняшний день принимаемых судом.

В первом случае суд ориентируется на оставшийся срок неотбытого наказания и принимает решение из расчета 1 день лишения свободы на 1 день исправительных работ. Например, если осужденному осталось отбывать лишение свободы 6 месяцев, тогда срок исправительных работ будет равен 6 месяцам.

Во втором случае суд назначает более мягкое наказание из расчета требований, указанных в ч. 1 ст. 71 УК РФ и оставшегося срока наказания. Так, если осужденному

¹ Практика замены оставшегося срока лишения свободы на более мягкое наказание показывает, что в большинстве случаев суды назначают исправительные работы. В связи с чем в качестве примеров в основном будет упоминаться именно указанный вид уголовного наказания. В то же время нельзя не отметить увеличение фактов замены лишения свободы на принудительные работы.

осталось отбывать лишение свободы 6 месяцев, тогда срок исправительных работ будет 18 месяцев (из расчета 1 день лишения свободы равен 3 дням исправительных работ). Второй вид решений более предпочтителен.

В данном контексте следует отметить еще одну неурегулированную проблему. Речь идет о *повторной* (или обратной, т.е. в сторону увлечения объема кары) замене: когда новое, более мягкое наказание заменяется на лишение свободы в связи с признанием лица злостно уклоняющимся от отбывания наказания.

Так, в большинстве возможных случаев повторная замена наказания, не связанного с изоляцией осужденного от общества, на лишение свободы может влечь за собой назначение лишения свободы на неоправданно небольшой срок по сравнению со сроком лишения свободы (т.е. первоначально назначенного наказания), который был заменен на более мягкое наказание¹.

Дело в том, что отмеченный вид замены наказаний на лишение свободы осуществляется на общих основаниях в соответствии с требованиями, определенными в ч. 1 ст. 71 и ч. 2 ст. 72 УК РФ, а также п. 4 ППВС № 8. Как уже было сказано выше, максимальный срок более мягких наказаний равен 480 часам обязательных работ, 2 годам исправительных работ, 4 годам ограничения свободы. В случае если суд примет решение восстановить первоначальные уголовно-исполнительные правоотношения и заменить (повторно) наказание, не связанное с изоляцией от общества, на лишение свободы (или принудительные работы), то максимальный срок более строго наказания будет равен 2 месяцам, 8 месяцев или 2 годам соответственно вне зависимости от оставшегося срока лишения свободы, замененного (впервые) судом на более мягкое наказание, которое осужденный впоследствии не стал отбывать. Приведем следующий пример.

Например, осужденному за совершение особо тяжкого преступления суд назначил 15 лет лишения свободы. В соответствии с ч. 2 ст. 80 УК РФ, по отбытии не менее 2/3 срока (10 лет) наказания лицо может ходатайствовать о замене лишения свободы на более мягкое наказание. Таким образом, оставшийся срок лишения свободы (5 лет) суд может заменить на максимальный срок более мягкого наказания. В дальнейшем, в случае если осужденный сразу отказался отбывать наказание и был признан злостно уклоняющимся, суд может повторно заменить наказание, не связанное с изоляцией от общества, на максимальный срок лишения свободы, равный 2 месяцам, в случае замены обязательных работ, 8 месяцам в случае замены исправительных работ и 2 годам в случае замены ограничения свободы.

¹ Опрос сотрудников УИИ показал, что случаи повторной замены более мягких наказаний на лишение свободы не являются редкими (!). В основном это касается осужденных, которым назначается наказание в виде исправительных работ. По мнению начальников филиалов ФКУ УИИ по Московской, Архангельской и Смоленской областям, «подавляющее большинство осужденных не знают, что собой представляют исправительные работы. В связи с чем эйфория от назначенного более мягкого наказания быстро кончается. Далее осужденный прекращает отбывать исправительные работы и признается злостным нарушителем».

Можно сделать вывод, что 5-летний срок лишения свободы сокращается настолько, что современную систему повторной замены наказания, не связанного с изоляцией от общества, на лишение свободы осужденные могут воспринимать как индульгенцию от первоначально назначенного наказания.

В данном контексте показательное следующее постановление суда Солнечногорского городского суда Московской области [6], в соответствии с которым осужденному П. было назначено **наказание** 2 года лишения свободы с испытательным сроком 3 года. Далее условное осуждение было отменено и применено исполнение лишения свободы на 2 года с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Впоследствии неотбытая часть лишения свободы сроком 9 месяцев заменена на исправительные работы сроком 1 год 1 месяц 3 дня с удержанием 15% заработной платы в доход государства. Практически сразу осужденный П. стал нарушать условия отбывания наказания в виде исправительных работ.

В дальнейшем суд сделал вывод, что осужденный отбыл наказание в виде исправительных работ 16 дней, и неотбытый срок наказания 1 год 17 дней заменил на 4 месяца 5 дней в виде лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что неотбытый осужденным П. срок лишения свободы (**9 месяцев**) сократился более чем в два раза (**4 месяца 5 дней**). И это при том, что анализируемое лицо характеризовало себя не с лучшей стороны, о чем свидетельствует первоначальный факт отмены условного осуждения и направления осужденного П. в исправительную колонию строгого режима.

Причем интересно: чем больше срок лишения свободы, тем «привилегированней» положение осужденного, совершившего более тяжкое преступление. Так, если лицо приговорено к 12 годам лишения свободы, тогда более мягкое наказание может быть предоставлено по отбытии не менее 8 лет лишения свободы, т.е. оставшийся срок наказания, равный 4 годам, может быть заменен на максимальный срок (2 года), например, исправительных работ. В случае повторной замены максимальный срок исправительных работ может быть заменен на лишение свободы сроком не более чем 8 месяцев, а не на 4 года. В то же время если осужденный к 24 годам лишения свободы отбыл 16 лет, тогда 8 лет оставшегося наказания, замененного на исправительные работы, повторно могут быть заменены на 8 месяцев лишения свободы. По сути, оба осужденных, наказание которых повторно заменено на лишение свободы, имеют равные условия, вне зависимости от первоначально определенного срока наказания.

Решение выявленной проблемы, по аналогии с ч. 7 ст. 79 УК РФ («Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания»), видим через применение следующего правила: «Если осужденный признан злостно уклоняющимся от отбывания более мягкого наказания, тогда суд по представлению уголовно-исполнительной инспекции может постановить об отмене более мягкого наказания и исполнении оставшейся неотбытой части

лишения свободы с направлением в исправительное учреждение того вида, в котором осужденный отбывал лишение свободы на момент вынесения судом решения о соответствующей замене».

Отдельно отметим, что практически не возникает проблемных вопросов в случаях обратной замены принудительных работ на лишения свободы, так как в конечном итоге принудительные работы заменяются на более строгое наказание из расчета 1 день принудительных работ на 1 день лишения свободы. В данном случае сроки лишения свободы будут достаточно большими.

Далее следует вернуться к рассмотрению вопроса, касающегося конкуренции институтов замены лишения свободы на более мягкое наказание, УДО и изменения вида ИУ.

Дело в том, что закрепленные в уголовном законе формальные основания (т.е. минимальный срок наказания, который осужденный должен отбыть для возможного применения поощрительного института) применения институтов замены лишения свободы на более мягкое наказание и условно-досрочное освобождение *единичны* (см. табл. 2).

Данный факт, во-первых, существенно снижает ценность указанных институтов. Как показывает практика, осужденные в первую очередь стремятся условно-досрочно освободиться, а далее – по остаточному принципу, т.е. заменить лишение свободы на более мягкое наказание, что также не в полной мере соответствует природе сложившейся прогрессивной системы отбывания наказания.

Показательно, что законодатель большинства стран ближнего зарубежья (например, Республики Казахстан (ст. 72 и ст. 73 УК РК), Республики Беларусь (ст. 90 и ст. 91 УК РБ), Грузии (ст. 72 и ст. 73 УК Грузии), Азербайджанской Республики (ст. 76 и ст. 77 УК АР), Республики Таджикистан (ст. 76 и ст. 77 УК РТ) и Республики Узбекистан (ст. 73 и ст. 74 УК РУ)) идет по пути закрепления в уголовно-правовых предписаниях *разных* формальных оснований замены оставшегося срока лишения свободы на более мягкий вид наказания и условно-досрочного освобождения осужденных. В то же время анализ норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства указанных стран показал, что формальные основания рассматриваемого вида замены наказания достаточно часто пересекаются с формальными критериями, способствующими изменению вида ИУ, что также не является верным.

Решение сложившейся задачи лежит через пересмотр формальных оснований замены наказания на более мягкую меру государственного принуждения. Причем анализируемые формальные критерии, с одной стороны, должны быть больше соответствующих оснований, необходимым для изменения вида ИУ, с другой – меньше оснований, необходимых для УДО.

Использование математического метода (правил разложения дробных чисел) позволило сформулировать следующие (табл. 3) наиболее оптимальные формальные основания, необходимые для планомерного применения анализируемых институтов.

Таблица 3

Вид решения суда	Формальные основания				
	Категория или вид совершенного преступления				
	Небольшой или средней тяжести	Тяжкое преступление	Особо тяжкие преступления	Против половой неприкосновенности несовершеннолетних	Против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста
Перевод (в обобщенном виде: без учета рецидива и указания вида изменения ИУ)	1/4		4/7 (в соответствии с предложенным выше изменением)		
Замена наказания	2/7	2/5	3/5	5/7	7/9
УДО	1/3	1/2	2/3	3/4	4/5

Таким образом, например, осужденный к 11 годам лишения свободы за совершение особо тяжких преступлений и ранее не отбывавший лишение свободы может быть переведен в КП по отбытии не менее 6 лет 3 месяцев и 14 дней. Указанному осужденному лишение свободы может быть заменено на более мягкое наказание, но после отбытия наказания не менее 6 лет 7 месяцев 6 дней, а условно-досрочно лицо может освободиться, если отбудет не менее 7 лет 3 месяцев и 29 дней лишения свободы.

В целом предлагаемые формальные основания могут быть пересмотрены (более оптимизированы), но концепция должна быть сохранена: формальные основания замены наказаний должны быть больше оснований изменения вида ИУ и меньше оснований, способствующих УДО.

Раскрывая вопрос уголовно-правового регулирования УДО, следует отметить, что при наличии необхо-

димых оснований субъектами соответствующих правоотношений могут быть подавляющее большинство осужденных за исключением пожизненно лишенных свободы, совершивших в период отбывания наказания новые *тяжкие* или *особо тяжкие* преступления (ч. 5 ст. 79 УК РФ).

Отсюда следует, что совершение тяжких или особо тяжких преступлений (в том числе преступлений против личности) иными категориями осужденных не будет являться окончательным препятствием для дальнейшего их досрочного освобождения, что, учитывая значение и юридическую природу указанного института, не в полной мере обоснованно.

Полагаем, что в уголовном законодательстве должна быть закреплена норма, исключающая возможность предоставления УДО всем субъектам, совершившим тяжкие или особо тяжкие преступления в период отбывания наказания в виде лишения свободы.

Таблица 4

Перечень осужденных, которые не могут быть освобождены условно-досрочно

Страна	Осужденные, которые не могут условно-досрочно освободиться
Узбекистан (ст. 73 УК РУ)	– Пожизненно лишенные свободы или осужденные к длительному сроку лишения свободы; – особо опасные рецидивисты; – организаторы, участники организованной группы или преступного сообщества; – лица, осужденные за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, изнасилование или насильственное удовлетворение половой потребности в противоестественной форме в отношении потерпевшего, заведомо для виновного не достигшего четырнадцати лет; – осужденные за преступления против Республики Узбекистан; – осужденные за преступления против мира и безопасности человечества; – осуществившие контрабанду ядерного, химического, биологического и других видов оружия массового уничтожения, материалов и оборудования, которые заведомо могут быть использованы при его создании
Киргизия (ст. 89 УК КР)	– Осужденные к лишению свободы за совершение посягательства на жизнь ребенка или половую неприкосновенность ребенка; – осужденные за преступления против духовно-нравственного здоровья ребенка; – осужденные за пытки; – осужденные за преступления против мира и безопасности человечества; – осужденные за военные преступления; – осужденные за совершение преступлений в составе организованной группы или преступного сообщества; – осужденные за акт терроризма или создание экстремистской организации; – осужденные за преступления против общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства
Беларусь (ч. 8 ст. 90 УК РБ)	Лица, ранее занимающие государственные должности и осужденные за совершение коррупционных преступлений
Казахстан (ч. 8 ст. 72 УК РК)	– Лица, которым наказание в виде смертной казни заменено лишением свободы в порядке помилования либо в связи с применением закона, отменяющего смертную казнь; – осужденным за террористическое или экстремистское преступление, повлекшее гибель людей, либо сопряженное с совершением особо тяжкого преступления; – осужденным за тяжкое и особо тяжкое коррупционное преступление, за исключением случаев совершения таких преступлений беременными женщинами, женщинами, имеющими малолетних детей, мужчинами, воспитывающими в одиночку малолетних детей, женщинами в возрасте пятидесяти восьми и свыше лет, мужчинами в возрасте шестидесяти трех и свыше лет, лицами с инвалидностью первой или второй группы; осужденными, выполнившими все условия процессуального соглашения о сотрудничестве; – осужденным за преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних, за исключением случая совершения такого преступления лицом, не достигшим совершеннолетия, в отношении несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет
Таджикистан (ч. 7 ст. 76 УК Таджикистана)	– Лицу, которому пожизненное лишение свободы или смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы; – особо опасным рецидивистам; – организатору, участникам организованной группы или преступного сообщества (преступной организации); – за преступления против мира и безопасности человечества; – осужденные по ч. 2 и ч. 3 ст. 138 (содержат перечень квалифицированных составов изнасилования); – осужденные по ч. 2, ч. 3 или 4 ст. 139 (содержат перечень квалифицированных составов насильственных действий сексуального характера); – осужденные за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцати лет; – осужденные по ст. ч. 2, 3 или 4 ст. 142.1 (содержат перечень квалифицированных составов полового сношения, иных действий сексуального характера или развратных действий с злоупотреблением чувствами и религиозным убеждением
Армения (ч. 5 ст. 76 УК РА)	– Осужденные по ч. 2 ст. 104 (содержит перечень квалифицированных составов убийств); – осужденные за убийство государственного, политического или общественного деятеля; – осужденные за применение запрещенных средств и методов ведения войны; – осужденные за убийство представителя иностранного государства или международной организации, если оно совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений; – осужденные за международный терроризм; – осужденные к пожизненному лишению свободы за геноцид
Туркменистан (ч. 8 ст. УК РТ)	– Ранее судимые за совершения особо тяжкого преступления и вновь совершившие тяжкое или особо тяжкое преступление; – совершившие преступление при особо опасном рецидиве

Указанная категория осужденных может рассчитывать только на изменение вида ИУ или замену оставшегося срока лишения свободы на более мягкий вид наказания. Интересно, что законодатель большинства стран ближнего зарубежья по-разному определяет перечень осужденных, которые не могут быть освобождены условно-досрочно (табл. 4). Но в любом случае в соответствующих предписаниях УК РФ представлена максимально либеральная позиция¹ по данному вопросу.

Выше были отмечены формальные основания предоставления условно-досрочного освобождения осужденных. Материальные основания, характеризующие поведение лишенных свободы и способствующие возникновению анализируемых уголовных правоотношений, закреплены в ч. 4.1 ст. 79 УК РФ и ч. 1 ст. 175 УИК РФ.

В части 4.1 ст. 79 УК РФ устанавливается перечень условий, на который суд обязан обратить внимание при решении вопроса об УДО, а в ч. 1 ст. 175 УИК РФ за-

¹ Исключение составляют уголовно-правовые предписания законодателя Республики Азербайджан. Так, содержание ст. 76 УК («Условно-

досрочное освобождение от отбывания наказания») Республики Азербайджан практически идентично содержанию ст. 79 УК РФ.

фиксирована информация, которая должна содержаться в ходатайстве об УДО, направляемом осужденным в суд. Логично будет предположить, что информация, предназначенная для суда, должна содержать весь перечень условий, определенных в ч. 4.1 ст. 79 УК РФ. В противном случае суд не удовлетворит соответствующее ходатайство.

В то же время содержание указанных норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства отличается друг от друга, о чем свидетельствуют данные, представленные в табл. 5.

Развернутый перечень материальных оснований УДО, характеризующий личность осужденных, должен

быть представлен не в ч. 4.1 ст. 79 УК РФ, а ч. 1 ст. 175 УИК РФ, так как именно осужденный и администрация ИУ направляет пакет документов, необходимый для принятия судом решения об удовлетворении/неудовлетворении ходатайства об УДО. Кроме того, следует учитывать тот факт, что субъекты уголовно-исполнительных отношений в первую очередь ориентируются на нормы уголовно-исполнительного законодательства, которые в данном случае представлены в усеченном формате, что может способствовать предоставлению суду ограниченного количества информации, способствующей досрочному освобождению осужденного.

Таблица 5

Материальные основания предоставления УДО

Материальные основания предоставления УДО, содержащиеся в ч. 4.1 ст. 79 УК РФ	Материальные основания предоставления УДО, содержащиеся в ч. 1 ст. 175 УИК РФ
Положительное поведение осужденного	Возмещение вреда
Добросовестное отношение к учебе	Раскаяние в совершенном деянии
Добросовестное отношение к труду	Иные сведения, свидетельствующие об исправлении осужденного
Имеющиеся поощрения	—
Имеющиеся взыскания	—
Отношение осужденного к совершенному деянию	—
Возмещение причиненного ущерба или иным образом заглаживание вреда	—
Заключение администрации ИУ о целесообразности условно-досрочного освобождения	—
Применение к осужденному необходимых принудительных мер медицинского характера	—
Отношение осужденного к необходимому лечению	—
Результаты судебно-психиатрической экспертизы	—

Полагаем, что ч. 4.1 ст. 79 УК РФ и ч. 1 ст. 175 УИК РФ могут быть представлены в следующей редакции:

— ч. 4.1 ст. 79 УК РФ: «При рассмотрении ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания суд *учитывает сведения, предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации*» (здесь и далее курсив мой. — Н.Е.);

— ч. 1 ст. 175 УИК РФ: «Осужденный, к которому может быть применено условно-досрочное освобождение, а также его адвокат (законный представитель) вправе обратиться в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания. *В ходатайстве должны содержаться сведения, свидетельствующие, что для дальнейшего исправления осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, а именно его отношение к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания; имеющиеся поощрения и взыскания; отношение к совершенному деянию; возмещение вреда (полностью или частично); применение принудительных мер медицинского характера в соответствии с ч. 4 ст. 18 настоящего Кодекса; отношение к лечению и результаты судебно-психиатрической экспертизы, а также заключение администрации исправительного учреждения о целесообразности условно-досрочного освобождения осужденного.* Ходатайство об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания осужденный подает через администрацию учреждения или органа, исполняющего наказание, в котором он отбывает наказание в соответствии со статьей 81 настоящего Кодекса».

Таким образом, в отличие от формальных оснований, перечень материальных оснований, свидетельствующих о поведении осужденного, должен содержаться в уголовно-исполнительном законодательстве, а не в уголовном.

Подводя итог проведенному исследованию, представим некоторые предложения и выводы:

— формальные основания изменения вида ИУ следует закрепить не в уголовно-исполнительном законодательстве, а в уголовном. В данном случае содержание ч. 2 ст. 78 УИК РФ должно отсылать участников правоотношений к нормам УК РФ, содержащим полную информацию о сроках, касающихся изменения вида ИУ;

— в УК РФ должна быть конкретизирована возможность замены лишения свободы на штраф, но в случае если обвинительный приговор суда был вынесен за совершение осужденным преступления небольшой или средней тяжести и при наличии условий, указанных выше;

— при замене неотбытой части лишения свободы (в том числе ограничения по военной службе и принудительных работ) минимальный срок более мягкого наказания должен назначаться с учетом положений ч. 1 ст. 71 УК РФ и оставшегося срока отбывания наказания, но не больше максимального срока, предусмотренного в УК РФ для этого вида наказания. Данное не позволит суду назначать более мягкое наказание на необоснованно минимальный срок;

— повторная замена более мягкого наказания на лишение свободы должна осуществляться с учетом требований, содержащихся в ч. 7 ст. 79 УК РФ;

— формальные основания замены неотбытой части наказания на более мягкое должны быть больше осно-

ваний изменения вида ИУ и меньше оснований, способствующих УДО;

– в ч. 5 ст. 79 УК РФ должна быть закреплена норма, исключающая возможность предоставления УДО всем категориям осужденных, совершивших тяжкие или особо тяжкие преступления;

– если перечень формальных оснований предоставления УДО должен содержаться в УК РФ, то развернутый перечень материальных оснований, характеризующий личность осужденных, должен быть представлен не в ч. 4.1 ст. 79 УК РФ, а ч. 1 ст. 175 УИК РФ.

Список источников

1. *Бабаян С.Л.* Поощрительные институты уголовно-исполнительного права (теория и практика применения) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 592 с.
2. *Ткачевский Ю.М.* Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М. : Городец, 2007.
3. *Конкина О.В.* Институты условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания по действующему уголовному законодательству России. Рязань : Академия ФСИН России, 2014. 192 с.
4. *Михайлов К.В.* Оптимизация правил замены неотбытой части наказания более мягким видом // Российская юстиция. 2008. № 8. С. 40–43.
5. *Нурмиев М.М.* Заменяющие наказания по российскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. 198 с.
6. *Постановление* Солнечногорского городского суда Московской области от 27.01.2022 № 4/17-14/22 (документ не был опубликован).

References

1. Babayan, S.L. (2014) *Pooshchritel'nye instituty ugovolno-ispolnitel'nogo prava (teoriya i praktika primeneniya)* [Incentive institutions of penal law (theory and practice of application)]. Law Dr. Diss. Moscow.
2. Tkachevskiy, Yu.M. (2007) *Russian progressive system of execution of criminal penalties*. Moscow: Gorodets, Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
3. Konkina, O.V. (2014) *Instituty uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya i zameny neotbytoy chasti nakazaniya bolee myagkim vidom nakazaniya po deystvuyushchemu ugovnomu zakonodatel'stvu Rossii* [Institutions of parole and replacement of the unserved part of the sentence with a milder type of punishment under the current criminal legislation of Russia]. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
4. Mikhaylov, K.V. (2008) *Optimizatsiya pravil zameny neotbytoy chasti nakazaniya bolee myagkim vidom* [Optimization of the rules for replacing the unserved part of the punishment with a milder form]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 8. pp. 40–43.
5. Nurmiev, M.M. (2005) *Zamenyayushchie nakazaniya po rossiyskomu ugovnomu pravu* [Substitute punishments in Russian criminal law]. Law Cand. Diss. Kazan.
6. *Decree of the Solnechnogorsk City Court of Moscow Oblast* dated January 27, 2022, No. 4/17-14/22 (the document was not published). (In Russian).

Информация об авторе:

Новиков Е.Е. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета ФСИН России (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: mavr-85@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.E. Novikov, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: mavr-85@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.*

*The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.*

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/21/19

К ВОПРОСУ МЕТОДОЛОГИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИНСТИТУТОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Александр Александрович Храмов¹

¹ Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия, crim.just@mail.ru

Аннотация. До последнего времени в науке уголовно-исполнительного права вопросу определения уголовно-исполнительных правовых институтов и их систематизации не уделялось должного внимания. Данная процедура должна строиться на основе разработанных философией и активно применяемых в различных сферах жизнедеятельности методах научного познания, исключая возможность рассмотрения правовых институтов на конвенциональном уровне, широко применяемом среди ученых. Взяв за основу системный подход, основанный на философской триаде «вещь, свойство, отношение», исследование уголовно-исполнительных правовых институтов возможно представить путем последовательной реализации следующих познавательных действий.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право, правовой институт, метод правового регулирования

Для цитирования: Храмов А.А. К вопросу методологии определения институтов уголовно-исполнительного права // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 103–108. doi: 10.17223/23088451/21/19

Original article
doi: 10.17223/23088451/21/19

ON A METHODOLOGY FOR DETERMINING THE INSTITUTIONS OF PENAL LAW

Aleksandr A. Khramov¹

¹ Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation, crim.just@mail.ru

Abstract. For the optimal definition of legal institutions, some general scientific methods of scientific knowledge are quite applicable. One of them should include the so-called “systemic” approach developed by philosophy and actively used in various spheres of life, which allows an ontological reference of the institution of law to a particular legal branch and its universal definition through universal categories. The literature notes that the first possible statements about any object, including a legal institution, are its characteristics as an element or as a set. One and the same object in different sets can act as both one and several different things taken in different relations. The latter should be understood as the criterion chosen by the researcher for the selection of a legal institution. For example, if we choose the subject of legal regulation as a criterion (namely, penal relations), then we can conditionally speak about the existence of institutions for the execution (serving) of compulsory labor, correctional labor, forced labor and other types of criminal penalties and other criminal law measures that are considered not as a set, but as independent elements of the system (i.e., branches of law). If we choose a different criterion (for example, a means of achieving the goals of penal legal regulation or a stage in the process of applying punishment), then it turns out that the institution of the execution of imprisonment, in turn, consists of a number of other institutions (regime, labor, educational work, etc.), or is part of the institution of application of punishment (which also includes the institutions of the appointment and execution of punishment), thereby clearly demonstrating not a singularity, but a multitude. Similarly, we can speak about the transition of individual institutions to independent branches of law and vice versa (for example, in the case of the creation of an integrative penal law that includes the existing penal branch not as an independent branch, but as a “sub-branch”). Thus, legal institutions, in fact, like other structural elements of a separate branch and the system of law as a whole, are not absolutely forced opposites and are able to become parts of each other, expanding or narrowing the boundaries of the legal regulation of social relations. However, this does not mean at all that the legal institution, due to its dynamic development and the possibility of research in various respects, cannot have a specific content and form.

Keywords: penal law, legal institution, method of legal regulation

For citation: Khramov, A.A. (2023) On a methodology for determining the institutions of penal law. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 103–108. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/19

Совершенствование (оптимизация) правового регулирования уголовно-исполнительных отношений имеет принципиальное значение для решения ряда государственных задач. На это нас ориентируют, прежде всего,

положения Концепции развития УИС до 2030 г., среди основных направлений развития которой – необходимость совершенствования уголовно-исполнительной политики, включая нормативно-правовое регулирова-

ние исполнения (отбывания) уголовных наказаний и иных уголовно-правовых мер. Осмысление теоретических и практических проблем модернизации их правового (законодательного) регулирования, очевидно, требует обращения не только к практике реализации уголовно-исполнительной деятельности, но и к сформированному в общей теории права требованиям к оформлению отрасли права, важнейшим элементом которой является правовой институт¹.

Несмотря на всю важность исследования института права как одного из ключевых его структурных элементов, в общей теории права до сих пор не сложилось единой дефиниции и подхода к его определению². Указанное обстоятельство, как справедливо отметил еще в середине прошлого столетия Л.И. Дембо, позволяет ученым злоупотреблять этим термином, применяя его чрезмерно широко при описании различных правовых явлений и не вкладывая при этом в него какого-либо конкретного содержания [1. С. 94]. Не обошла стороной данная проблема и уголовно-исполнительную науку, где, как уже ранее отмечал автор этих строк, мнения различных авторов по данному вопросу невозможно свести к одному знаменателю [2. С. 152–153]. Нет единства среди ученых и в понимании того, об институтах чего (права, отрасли права, законодательства, уголовно-исполнительной системы и т.п.) нужно вести речь [3. С. 99]³.

При этом нельзя не отметить, что подобный дифференцированный подход к определению правовых институтов в общей теории права и отраслевых науках вовсе не означает неправильность какого-либо из них. На это еще в середине прошлого столетия обратил внимание А. Зиновьев, проанализировав один из существующих в русском языке терминов. Автор отметил, что существование различных дефиниций к той или иной категории свидетельствует не о том, что кто-то прав или не прав, а в том, что употребляются различные логические формы в силу неопределенной логической терминологии, называемые одним и тем же именем.

Соглашаясь с подобными выводами, В.Н. Сагатовский уточняет, что это лишь одна сторона проблемы, и не главная. Поскольку все определения являются правомерными с тех или иных позиций, то следует обозначить те познавательные ситуации, в которых каждый из этих смыслов имеет право на существование, субординировать их, тем самым показав смыслы как категориальные ступеньки познания обусловленности предмета [4. С. 93]. Причем для осуществления подоб-

ной познавательной деятельности необходимо исходить из методологически и научно обоснованного подхода к пониманию исследуемой категории (правового института), а не широко применяемого в науке и практике – конвенционального (обосновывающего те или иные категории по принципу «мне так кажется...» и «будем считать...»).

Для оптимального определения (и в дальнейшем – конструирования) правовых институтов (собственно, как отдельных отраслей и системы права в целом) вполне применимы некоторые общенаучные методы познания. К одному из них следует отнести разработанный философией и активно применяемый в различных сферах жизнедеятельности так называемый системный подход, позволяющий осуществить онтологическую «привязку» института права к той или иной правовой отрасли (или системе [5. С. 120–121]⁴) и вывести его универсальное (а в последующем и специфическое) определение через всеобщие категории.

В литературе отмечается, что первыми возможными высказываниями о любом объекте, в том числе – правовом институте, является характеристика его как элемента или как множества⁵. Связано это, прежде всего, с тем, что один и тот же объект в разных множествах может выступать и как одна и как несколько разных вещей, *взятых в разных отношениях*. Под последними следует понимать избранный исследователем критерий выделения правового института.

Так, например, если в качестве критерия выбрать предмет правового регулирования (а именно уголовно-исполнительные отношения), то можно условно говорить о существовании институтов исполнения (отбывания) обязательных работ, исправительных работ, принудительных работ и других видов уголовных наказаний и иных уголовно-правовых мер, которые рассматриваются не как множество, а как самостоятельные элементы системы (т.е. отрасли права). Если же выбрать иной критерий (например, средство достижения целей уголовно-исполнительного правового регулирования либо стадию процесса применения наказания), то окажется, что институт исполнения лишения свободы, в свою очередь, состоит из ряда других институтов (режима, труда, воспитательной работы и др.)⁶ либо является частью института применения наказания (который включает в себя институт назначения и институт исполнения наказания), тем самым наглядно демонстрируя уже не единичность, а множество. Аналогично можно сказать и о переходах отдельных институтов (подотраслей)⁷ в самостоятельные отрасли

¹ За основу (исходное определение) мы возьмем общепринятое понимание правового института в качестве структурного элемента системы права, регулирующего определенный (специфический) круг общественных отношений. Другие дискуссионные критерии (например, наличие структуры, целей, функций, однородность и др.) нами сознательно не взяты в расчет, поскольку их выведение и есть цель исследования.

² Собственно, как и субинституту, подотрасли и даже самой отрасли права в целом.

³ Следует отметить, что подобная проблема существует не только в сфере определения институтов, но и других категорий, например «принципов».

⁴ В общем виде под системой мы понимаем объект, состоящий из множества элементов, в котором имеют место определенные свойства (качества), находящиеся в некотором заранее заданном отношении.

⁵ Для подобной характеристики используются различные исследовательские подходы, именуемые В.Н. Сагатовским субстанциональным (рассмотрение объекта как вещи), атрибутивным (определение свойства вещи) и релятивным (определение отношений, в которых объект состоит).

⁶ Подобные правовые институты традиционно именуются в уголовно-исполнительной науке функциональными.

⁷ На наш взгляд, выделение в науке подотраслей права, собственно как и субинститутов, весьма условно. Связано это, прежде

права и наоборот (например, в случае создания интегративного уголовно-исполнительного права, включающего в себя существующую уголовно-исполнительную отрасль не в качестве самостоятельной отрасли, а уже «подотрасли»).

Таким образом, правовые институты, собственно как и иные структурные элементы отдельной отрасли и системы права в целом, не являются абсолютно заставшими противоположностями и способны переходить друг в друга [4. С. 179], расширяя или сужая границы правового регулирования общественных отношений. Однако это вовсе не означает, что правовой институт в силу его динамичности развития и возможности исследования в разных отношениях не может иметь конкретного содержания и формы.

Еще полвека назад В.Н. Сагатовским на основе изучения обширного круга литературы по определению различных систем (социальных, биологических и др.) было установлено, что любой объект существует лишь в определенных пределах: он является таким, а не другим в четко установленном пространстве, времени и других условий. За этими пределами (границей), как справедливо отметил ученый, подобный объект уже не существует как первоначальная вещь (взятая как конкретный предмет исследования) [4. С. 220].

Иными словами, любые отличия между объектами, и, следовательно, границы между ними всегда эталонированы, т.е. существуют не вообще, но лишь по отношению к определенному объекту [4. С. 221]. Применительно к правовому институту в теории права в качестве такого эталона-объекта традиционно выделяются правовые нормы как его структурные (минимальные) элементы¹.

Причем с позиции системного подхода таких норм должно быть как минимум две. Это объясняется, во-первых, установленными философией требованиями к выведению всеобщих категорий с помощью ранее обозначенной нами общеправовой триады «вещь, свойство и отношение», во-вторых, невозможностью урегулировать общественные отношения лишь посредством одной нормы.

Наряду с определением границы в виде единичной нормы (назовем ее условно нижней) важно установить и потенциальную конечность определения института (назовем ее верхней границей). Применительно к исследованию собственно отраслевых правовых институтов такой, очевидно, должна стать та или иная отрасль права (в которой исследователь пытается установить правовой институт), характеризующаяся специфическим предметом и методом правового регулирования.

всего с тем, что и субинститут и подотрасль являются в известной мере правовыми институтами (совокупностью норм, регулирующих специфический круг общественных отношений), выделение которых зависит от избранных исследователем границ и критериев их установления (существования).

¹ В науке отмечается, что при подобном подходе объекты должны быть расположены друг за другом так, чтобы каждый последующий, определяясь через комбинацию предыдущих, отражал бы такой шаг познания, который невозможен без предыдущих шагов и без которого невозможны шаги последующие.

Изложенный системный подход, основанный на философской триаде «вещь, свойство, отношение», в известной степени применим и для исследования уголовно-исполнительного правового института, границами определения которого являются уголовно-исполнительная норма, с одной стороны, и уголовно-исполнительное право (а, точнее, предмет уголовно-исполнительного правового регулирования) – с другой. Выделение на первом этапе исследования подобных границ и установление определенного уровня исследования уголовно-исполнительного правового института как структурного элемента отрасли права (рассматриваемой также в качестве системы) имеют принципиальное значение.

Подобная познавательная деятельность, во-первых, позволяет отделить сугубо уголовно-исполнительный институт от некоторых других правовых явлений, неоправданно именуемых в уголовно-исполнительной науке тем же термином (институтом) – отдельно взятой уголовно-исполнительной нормы (или даже ее части) [6. С. 209–214]², совокупности норм, регламентирующих иные, не сугубо уголовно-исполнительные отношения [7. С. 35]³. Во-вторых, снимается ряд теоретических проблем, которые могут возникнуть на следующих стадиях определения рассматриваемой категории⁴.

На втором этапе, после определения уровня рассмотрения уголовно-исполнительного правового института, необходимо определиться с его признаками. Однако описывать подряд всю бесконечность свойств и качеств исследуемого объекта (предмета), по справедливому замечанию В.Н. Сагатовского, невозможно и не нужно. Оно должно быть упорядоченным и может осуществляться по разным сторонам и основаниям: внешней форме, функциям, внутренней структуре и др. [4. С. 245].

Не ставя перед собой цель рассмотрения всех существующих качеств (свойств) уголовно-исполнительных институтов, мы лишь отметим, что с позиции системного подхода к исследованию вещей (объектов) подобные компоненты можно разбить на два основных вида: необходимые по количеству (неспецифически необходимые) и необходимые по качеству (специфически необходимые).

К первым в общей теории права и отраслевых науках традиционно относят наличие определенной совокупности норм (двух и более), которых должно быть достаточно для регулирования определенного

² Например, выделение ст. 115 УИК РФ в качестве уголовно-исполнительного правового института – мер взыскания. С подобной позицией вряд ли можно согласиться, поскольку в указанном нормативном предписании содержится даже не целая норма, а ее часть – альтернативная санкция. С позиции выделяемого критерия (наличия в уголовно-исполнительном институте двух и более норм) представлялось бы более точным говорить тогда не об «институте мер взыскания», а об «институте их применения», который формально включает в себя уже не одну, а несколько материальных и процедурных норм.

³ Например, регламентирующие отношения в сфере контроля за деятельностью УИС.

⁴ Например, необходимости разграничивать между собой институты уголовно-исполнительного права от иных отраслей, которые обладают схожими функциями (например, охранительной), целями (обеспечение предупреждения преступления) и др.

круга общественных отношений. Это значит, что не всякая совокупность норм в уголовно-исполнительном праве может признаваться системой и, соответственно, правовым институтом¹.

Что касается специфических признаков уголовно-исполнительного правового института как определенного уровня системы, то к таковым, в частности, можно отнести цели, задачи, функции, принципы, метод, объект правового регулирования и др. Подобные качества правового института при их дальнейшем обстоятельном исследовании могут выступить не только в качестве критериев соотношения со смежными категориями [8. С. 21; 9. С. 149]², но и их дальнейшей классификации в пределах уголовно-исполнительной правовой отрасли.

Таким образом, справедлив вывод, что до последнего времени в науке уголовно-исполнительного права вопросу определения (установления) уголовно-исполнительных правовых институтов и их систематизации не уделялось должного внимания. Данная процедура должна строиться на основе разработанных философией и активно используемых в различных сферах жизнедеятельности методах научного познания, исключая возможность рассмотрения правовых институтов на конвенциональном (по принципу «мне так кажется...» и «будем считать...») уровне, широко применяемом среди ученых. Взяв за основу системный подход, основанный на философской триаде «вещь, свойство, отношение», исследование уголовно-исполнительных правовых институтов возможно представить путем последовательной реализации следующих познавательных действий:

1. Установления верхней и нижней границы их существования (именуемых в литературе потенциальной конечностью и минимально неделимым элементом). Такими могут стать вся уголовно-исполнительная отрасль³ и отдельная уголовно-исполнительная правовая норма⁴ соответственно.

¹ Так, например, наличие двух самостоятельных уголовно-исполнительных норм, устанавливающих право осужденного на получение посылки и свидания (как конкретного блага), не будет признаваться институтом, поскольку между ними отсутствуют связи в виде отношений. Для существования правового института как регулятора общественных отношений нужны как минимум нормы корреспондирующие, т.е. устанавливающие обязанность субъекта отношений обеспечить реализацию данных благ. Аналогично можно сказать и о совокупности норм, регламентирующих предоставление подобных благ (так называемых процедурных норм) в отсутствие в праве материальных (т.е. устанавливающих право на их получение и обязанность предоставления).

² Речь идет об употребляемых в уголовно-исполнительной науке понятиях, многие из которых, очевидно, не должны отождествляться с институтом уголовно-исполнительного права: «институт уголовно-исполнительного законодательства», «институт УИК РФ», «межотраслевой институт права», «межотраслевой институт законодательства», «система норм», «правовая систематика», «ассоциация норм» и др.

³ Важно отметить, что установление предмета правового регулирования отрасли имеет принципиальное значение для дальнейшего определения входящих в нее правовых институтов. От того, насколько узко или широко будет определена потенциальная конечность (верхняя граница) уголовно-исполнительного правового регулирования, зависит и решение вопроса о том, входит ли в ее структуру тот или иной правовой институт.

⁴ Здесь, очевидно, нуждаются в отдельном исследовании и сами уголовно-исполнительные нормы, к определению признаков (состав,

2. Определения и описания их количественных (неспецифически необходимых) и качественных признаков (специфически необходимых). К первым можно отнести множественность правовых норм, достаточных для урегулирования определенного круга уголовно-исполнительных отношений, ко вторым – цели, задачи, принципы, функции, объект правового регулирования, структуру и др.

3. Отграничения уголовно-исполнительного правового института от близких по содержанию понятий «институт уголовно-исполнительного законодательства», «институт УИК РФ», «межотраслевой институт права», «межотраслевой институт законодательства», «правовая систематика», «ассоциация норм» и др.

4. Классификации уголовно-исполнительных институтов на основе их качественных свойств (выделенных на втором этапе). Подобное разделение возможно как по вертикали (в случае наличия надсистемы и подсистемы)⁵, так и горизонтали (при их автономности институтов друг от друга)⁶.

Предположения по поводу определения институтов...

1. Если исходить из понятия системы, данной В.Н. Сагатовским, А.И. Уемовым и другими учеными, и рассматривать институт в качестве таковой, то получается, что в пределах уголовно-исполнительного права может существовать очень много институтов, а их классификация может происходить по многим критериям. Но, что самое парадоксальное, если взять в качестве критерия объект правового регулирования (например, конкретное благо), то действительно правы и те, например, кто выделяет в качестве правового института сферу правового регулирования получения посылок (как конкретного блага), свидания и т.д. При этом возникает вопрос. С позиции трехчленной структуры (УИП – институт – норма) более правильно будет говорить об этих институтах не как субинститутах функционального института режима или субсубинститута наказания в виде лишения свободы (поскольку режим входит в него как субинститут), а об институте всего уголовно-исполнительного права как отрасли, регламентирующей изъятия и ограничения из общего правового статуса. И каждый такой элемент (право, законный интерес, обязанность) и его регламентация будет считаться институтом, если взять за основу критерий в виде объекта отношений (конкретное материальное или нематериальное благо). Причем такой институт будет находить свое отражение во многих наказаниях (если возьмем свидания, то это лишение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части). Если же мы возьмем пятизвенную структуру (УИП – подотрасль – институт – субинститут – норма), то тогда, по сути, такое благо будет субинститутом, режим –

структура, содержание и др.) которых до сих пор нет единого подхода в уголовно-исполнительной науке.

⁵ Например, выделение так называемых функциональных институтов (режима, труда, образования и др.) в пределах предметного института (исполнения лишения свободы).

⁶ Например, выделение институтов исполнения (отбывания) различных видов наказаний.

институтом, лишение свободы – подотраслью, что, конечно, сомнительно.

Есть ли смысл пытаться выделить такие категории, как подотрасль, субинститут, если критерии их выделения, на наш взгляд, весьма условны и больше зависят от исследователя или законодателя (например, если взять интегративную модель УИП, то там подотраслью будет то, что сейчас именуется отраслью)? Здесь, очевидно, можно лишь говорить о том, какие из критериев выделения субинститутов и подотраслей наиболее репрезентативны с тех или иных позиций (удобства практики, законодательной техники и др.).

2. С позиции системного подхода некоторые ученые выделяют такой признак системы, как ее автономность (изолированность), т.е. независимость от воздействия внешней среды и других систем. Применительно к институту уголовно-исполнительного права это будет означать, что при исчезновении других институтов внутри отрасли он продолжит выполнять свои функции и не исчезнет (мы берем только внутри отрасли уголовно-исполнительного права, поскольку, если исчезнет, например, институт назначения наказания, то смысла в институте его исполнения и не будет). С этих позиций (наличия признака автономности) можно будет выделить, по сути, только пару разновидностей институтов. Например, предметные (институт каждого вида наказания, и, если один исчезнет, остальные продолжат функционирование, как это было с конфискацией имущества, ограничением свободы в первоначальном виде и т.д.). Если мы возьмем функциональные институты, то автономным, наверное, можно будет назвать только институт режима, поскольку он сможет существовать и в отсутствие института труда, образования и др. Однако институт труда, образования вряд ли сможет существовать в отсутствие режима.

Таким образом, с позиции признаков необходимости и достаточности элементов института и его автономности можно будет говорить лишь о существовании в УИП института режима лишения свободы, режима обязательных работ, исправительных работ и т.п. Представляется, что автономность в пределах отрасли не является признаком института как системы, но может выступать как критерий их классификации (например, автономные институты УИП (режим каждого наказания) и неавтономные – например, те же труд, воспитательная работа, военная подготовка и др.). Автономность, очевидно, не является и признаком всего УИП как отрасли, поскольку без уголовного права невозможно и его существование.

3. Одновременно с признанием в качестве критерия выделения института объекта (как конкретного блага), мы не согласны с выделением отдельно в науке, например, института краткосрочных выездов и отдельно института длительных выездов, ведь срок выезда сам по себе не отражается на качестве возникающих правоотношений. Наверное, не совсем правильно выделять отдельно институты исполнения наказания в виде женщин, отдельно в отношении несовершеннолетних (как это предлагает Кашуба, выделив исполнение наказания в отношении них в отдельную главу),

больных и т.д. Здесь, на наш взгляд, также идет речь о количественной специфике подсистемы (всего лишения свободы), а не о качественной, поскольку все они строятся на тех же принципах, целях, функциях и т.п. И то, что осужденному несовершеннолетнему можно посылки без ограничений, а взрослому в зависимости от вида ИУ, еще не говорит о специфических отношениях, в которые они вступают в связи с реализацией данного права. При таком подходе в УИК РФ пришлось бы выделить в институте исправительных работ, например, в качестве отдельных глав (институтов) порядок исполнения исправительных работ, кому назначено удержание в 5%, 6%, 7% и т.д. То же самое и у принудительных работ. Поэтому если подсистемы имеют те же признаки (качества), что и система, выделять их в качестве самостоятельных нецелесообразно, поскольку это делается искусственно, а за основу берутся не критерии образования институтов, а критерии систематизации – субъект отбывания наказания.

4. Разграничивая административные отношения и уголовно-исполнительные, ранее я говорил, что, исходя из требований ст. 16 УИК РФ, последние, в частности, не возникают, например, при конвоировании осужденного. В перспективе, наверное, следует расширить предмет УИП и включить эти отношения (урегулировав обязанности и права осужденных при перемещении в открытых нормативно-правовых актах).

5. Если говорить о разграничении институтов УИП от остальных отраслей, то здесь, очевидно, критерием должен стать предмет регулирования. Иные критерии (функции, цели и др.) здесь, наверное, не смогут показать их специфику, поскольку в других отраслях права есть множество институтов с подобными целями (например, предупреждение преступлений), функциями (например, охранительной). Если мы говорим о разграничении институтов внутри отрасли, то здесь могут быть использованы различные признаки – функции (охранительные – обеспечивающие кару, иное предупредительное воздействие, регулятивные), средства их реализации (посредством исправления, например), принципы построения, автономность (?).

Отдельно можно выделить объект регулирования (по аналогии с УП: общий – родовой – видовой – непосредственный, например, УИП – институт лишения свободы – институт режима – институт получения посылки). С таких позиций эти институты можно условно обозвать подотраслью (которая регулирует родовые отношения) – институтом (видовые отношения) и субинститутом (непосредственные отношения). Представляется, что подобное выделение условно, поскольку при создании интегративной отрасли УИП общим объектом будет уже вся отрасль, подотраслью – сфера исполнения всех наказаний, институтом – лишение свободы, а субинститутом – режим. Для непосредственного объекта придется тогда вводить новую категорию, именуемую, например, «субсубинститут», и так до бесконечности. В то же время, исходя из обозначенных нами границ определения институтов в настоящее время, подобное деление имеет определенную научную значимость и может быть использовано при кодификации (раздел (подотрасль) – глава (институт) – статья (субинститут)).

Список источников

1. Дембо Л.И. О принципах построения системы права // Советское государство и право. 1956. № 8. 127 с.
2. Храмов А.А. К проблеме понимания институтов уголовно-исполнительного права // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / ред. О.И. Андреева, А.С. Князьков, Н.В. Ольховик, Л.М. Прокументов, М.К. Свиридов, В.А. Уткин. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2022. Ч. 92. С. 152–154.
3. Чубраков С.В. К вопросу о философском содержании категории «принцип» в уголовно-исполнительном праве // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 334. С. 98–100.
4. Сагатовский В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. С. 147.
5. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М. : Мысль, 1978. С. 120–121.
6. Ковалев М.В. К вопросу об отнесении изменения условий отбывания наказания к мерам поощрения // Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 1 (39). С. 209–214.
7. Онищенко И.С. Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении женщин, имеющих малолетних детей : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2019. 260 с.
8. Майорова С.Е. Запреты при исполнении наказаний в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018. 188 с.
9. Мустафаев Н. Некоторые общие и отличительные черты института краткосрочных выездов осужденных в уголовно-исполнительных кодексах некоторых стран СНГ // Человек: преступление и наказание. 2010. № 3 (66). С. 146–152.

References

1. Dembo, L.I. (1956) O printsipakh postroeniya sistemy prava [On the principles of building a system of law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 8.
2. Khramov, A.A. (2022) K probleme ponimaniya institutov ugolovno-ispolnitel'nogo prava [To the problem of understanding the institutions of penal law]. In: Andreeva, O.I. et al. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti: sb. st.* [Legal problems of strengthening Russian statehood: Articles]. Part 92. Tomsk: Tomsk State University. pp. 152–154.
3. Chubakov, S.V. (2010) On the philosophical content of the category “principle” in penal law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 334. pp. 98–100. (In Russian).
4. Sagatovskiy, V.N. (1973) *Osnovy sistematizatsii vseobshchikh kategoriy* [Fundamentals of systematization of general categories]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Uemov, A.I. (1978) *Sistemnyy podkhod i obshchaya teoriya sistem* [Systems approach and general systems theory]. Moscow: Mysl'. pp. 120–121.
6. Kovalev, M.V. (2019) K voprosu ob otnesenii izmeneniya usloviy otbyvaniya nakazaniya k meram pooshchreniya [On attributing changes in the conditions of serving a sentence to incentive measures]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (39). pp. 209–214.
7. Onishchenko, I.S. (2019) *Ispolnenie nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii zhenshchin, imeyushchikh maloletnikh detey* [Execution of punishment in the form of imprisonment for women with young children]. Law Cand. Diss. Ryazan.
8. Mayorova, S.E. (2018) *Zaprety pri ispolnenii nakazaniy v vide lisheniya svobody* [Prohibitions in the execution of sentences in the form of imprisonment]. Law Cand. Diss. Nizhniy Novgorod.
9. Mustafayev, N. (2010) Nekotorye obshchie i otlichitel'nye cherty instituta kratkosrochnykh vyezdov osuzhdennykh v ugolovno-ispolnitel'nykh kodeksakh nekotorykh stran SNG [Some common and distinctive features of the institution of convicts' short-term departures in the penal codes of some CIS countries]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 3 (66). pp. 146–152.

Информация об авторе:

Храмов А.А. – кандидат юридических наук, старший преподаватель Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Khramov, Cand. Sci. (Law), senior lecturer at the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.*

*The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.*

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/21/20

О СИСТЕМНОСТИ СРЕДСТВ ПРИНУЖДЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПИСАНИЙ

Сергей Валерьевич Чубраков¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, crim.just@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются основные проблемы применения средств принуждения как негативных последствий за невоплощение осужденными в жизнь требований уголовно-исполнительных предписаний. Приводится анализ имеющихся средств принуждения, обеспечивающих правила по отбыванию осужденными назначенных мер уголовной ответственности; выявляются пробелы при построении их системы в действующем законодательстве и в порядке их применения; излагается авторское видение возможных средств принуждения, призванных заставлять осужденных подвергаться карательно-воспитательно-предупредительному воздействию.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное регулирование, обеспечение уголовно-исполнительных предписаний, злостное уклонение, средства принуждения, ответственность, меры взыскания

Для цитирования: Чубраков С.В. О системности средств принуждения в механизме обеспечения уголовно-исполнительных предписаний // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 109–117. doi: 10.17223/23088451/21/20

Original article
doi: 10.17223/23088451/21/20

ON THE SYSTEMIC NATURE OF THE MEANS OF COERCION IN THE MECHANISM FOR ENSURING PENAL ORDERS

Sergey V. Chubrakov¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, crim.just@mail.ru*

Abstract. The article discusses the main problems of the use of means of coercion as negative consequences for the failure of convicts to implement the requirements of penal orders. The author analyzes the available means of coercion, which provide the rules for the serving of the prescribed measures of criminal liability by convicts; identifies gaps in the design of their system in the current legislation and in the order of their application; presents the author's vision of possible means of coercion designed to cause punitive, educational and preventive effects in convicts. The system of interim measures in the mechanism of penal regulation (while ensuring the implementation of the relevant rules of prescriptions/dispositions) for convicts should include: (1) measures for a compulsory implementation of the behavior required by a legal order; (2) measures of responsibility, which are further divided depending on the nature of the non-fulfillment of a penal order into (2.1) in case of malicious evasion, bringing to criminal liability in a new way for evasion from serving, execution of the originally imposed sentence, which is recognized as a criminal offense; and the application of real punishment for evading the implementation of another measure of a criminal law nature (probation, deferment from serving a sentence, and parole); (2.2) in case of non-malicious evasion, bringing to administrative liability in the form of a fine or arrest, with the invariability of the execution of the originally assigned measure of criminal liability and/or bringing to penal responsibility in the form of penalties, which should include all other options for additional deprivations and restrictions of the convict's rights and freedoms, without replacing the originally assigned measure of criminal liability and the emergence of a new one (including additional special preventive measures in the form of additional duties for probationers, an increase in the initial special preventive measures in the form of an extension of the probation period, an increase in the "volume" of punitive elements of punishments without changing their quality – the conditions of detention, the regime of the correctional institution, etc.). Measures of liability of other branches of law (criminal and administrative), when applied, will definitely bring legal regulation beyond the boundaries of the penal one, which is nothing extraordinary. The situation when prescriptions/dispositions of one branch are provided by prescriptions/sanctions of another is completely normal.

Keywords: penal regulation, enforcement of penal orders, malicious evasion, means of coercion, responsibility, penalties

For citation: Chubrakov, S.V. (2023) On the systemic nature of the means of coercion in the mechanism for ensuring penal orders. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 109–117. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/20

1. Из общих положений теории права следует, что исполнение требований правовых предписаний (правил поведения) обеспечивается убеждением и принуждением [1. С. 77, 113].

Убеждение представляет собой в основном некие стимулы-поощрения и не является обязательным при правовом регулировании, имея по общему правилу рекомендательный характер. Принуждение – негативное последствие несоблюдения предписаний государства, и, в отличие от убеждения, является обязательным элементом процесса правового регулирования в публичном праве. Обязательность принуждения в праве вытекает прежде всего из такого свойства права, как государственная принудительность [2. С. 69–78, 84–97; 3. С. 57, 68, 73]. Также имеются основания для отнесения наличия принуждения в виде негативных последствий при добровольном виновном несоблюдении требуемых правил и к проявлению такого свойства права и его частей, как взаимообеспеченность (см. подробнее об этом: [4. С. 90, 92–93]).

Принуждение в праве, в том числе в уголовно-исполнительном, – весьма сложная и многогранная категория. Не ставя перед собой задачу рассмотреть все его возможные проявления, остановимся лишь на аспекте обеспечения реализации (воплощения в жизнь) осужденными соответствующих уголовно-исполнительных предписаний, т.е. проанализируем только средства принуждения, прямо предназначенные побудить осужденного исполнять требования уголовно-исполнительных норм по реализации карательно-воспитательно-предупредительного воздействия (в рамках процесса, именуемого в литературе карательно-воспитательным [5. С. 16; 6. С. 90]) при применении к ним назначенных судом за преступление мер уголовной ответственности (наказания или иных мер уголовно-правового характера).

2. Обращение к таким средствам принуждения вызывает, вроде бы, простое правило: соответствующее правовое предписание, воплощающее волю государства (например, положение ч. 4 ст. 40 УИК РФ о том, что осужденный к исправительным работам не может отказаться от предложенной ему работы), должно обеспечиваться некими средствами принуждения, заставляющими осужденного его соблюдать (например, закрепленной в ч. 4 ст. 50 УК РФ заменой судом исправительных работ, от отбывания которых осужденный злостно уклоняется, на принудительные работы или лишение свободы). В уголовно-исполнительной сфере его называют принуждением «второго уровня», так как сами правила по отбытию наказаний, представляя собой реализацию ответственности, являются также воплощением принуждения (принуждения к уголовно-правовому правопорядку (см. об этом: [7. С. 26]), которое можно именовать принуждением «первого уровня». Но как только в уголовном и уголовно-исполнительном праве мы переходим к конкретике, то ничего системного, единообразного и понятного обнаружить не удастся. Поэтому в литературе общепризнанно отмечается, что вопросы обеспечения правовых предписаний по реализации мер уголовной ответствен-

ности средствами принуждения (негативными последствиями) вряд ли можно признать окончательно решенными (см. об этом, например: [8]).

Так, совершенно непонятно, почему в одних случаях действующие УК РФ и УИК РФ предусматривают за уклонение от отбывания одних наказаний уголовную ответственность (например, за уклонение от ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания), за уклонение от отбывания других – замену их иным наказанием, причем как с правилами пропорциональной замены (например, при обязательных работах), так и без (например, при штрафе, назначенном в качестве основного наказания); почему в определенных случаях нет механизмов принудительной реализации назначенного наказания (например, опять же при штрафе, назначенном в качестве основного наказания) или вообще ответственности осужденного за его неисполнение (например, при лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью); почему не используются возможности административной ответственности; почему ряд средств принуждения в уголовно-исполнительном праве, очевидно, являющихся по природе ответственностью, не отнесен ныне действующим УИК РФ к мерам взыскания (например, перевод осужденных в более строгие условия отбывания лишения свободы: как вариант – с общих на строгие).

Помимо этого есть достаточно примеров, когда некие модели поведения, по ряду формальных признаков (свойств) являющиеся уголовно-исполнительными правовыми предписаниями, вообще не находятся в отношениях взаимообеспечения с иными предписаниями, являющимися для них предписаниями-санкциями, содержащими соответствующие средства принуждения (негативные последствия). Отсутствие таких отношений в части санкций, исходя из анализа действующих уголовно-исполнительных предписаний, можно констатировать в двух случаях: когда определенное правовое предписание, выступающее в роли диспозиции, не имеет санкции вообще (например, ч. 1 ст. 28 или ст. 37 УИК РФ), либо когда такая санкция имеется, но она формальна и не может справиться со своей задачей (например, ч. 1 ст. 29 или ч. 1 ст. 36 УИК РФ) (см. подробнее об этом: [9. С. 97–98]).

Все это позволяет говорить об отсутствии должной системности средств принуждения, призванных побуждать осужденных добровольно реализовывать требования уголовно-исполнительных норм.

3. Проблемы средств принуждения, обеспечивающих уголовно-исполнительные предписания, в механизме уголовно-исполнительного регулирования для удобства рассмотрения условно можно разделить на две части. Первая будет связана с общими, модельными вариантами конструирования правовых предписаний-санкций, т.е. того, какими видами негативных последствий должны обеспечиваться уголовно-исполнительные правовые предписания и в каких их сочетаниях. Вторая часть будет посвящена рассмотрению конкретных форм этих негативных последствий, т.е. тому, что это должно быть – уголовная ответственность в виде соответствующего состава преступления, замена одного наказания на другое без криминали-

зации (и если это – то в каком порядке и в рамках какой отрасли права), мера взыскания в качестве уголовно-исполнительной (дисциплинарной) ответственности или административная ответственность и т.д.

3.1. При общем, модельном конструировании нужно учитывать, что указанные средства принуждения в любом механизме правового регулирования облекаются в предписания-санкции, которые как раз и закрепляют соответствующие негативные последствия, обеспечивающие в обязательном порядке предписания-диспозиции, на случай добровольного их неисполнения.

При этом неправильно пытаться обобщить средства принуждения под видом мер ответственности, поскольку они (средства принуждения), если говорить о них не вообще, а в аспекте обеспечения реализации (воплощения в жизнь) правовых предписаний, все же шире и могут существовать в двух основных формах:

- в форме принудительной реализации требуемого правовым предписанием поведения (которые хотя и могут быть оценены как негативные последствия, но ответственностью не являются), по-иному в форме принуждения к воплощению в жизни правила поведения, закрепленного в предписании-диспозиции;

- в форме ответственности (т.е. дополнительных негативных последствий, выражающихся в лишениях, правоограничениях определенного вида) за добровольное неисполнение требований предписания-диспозиции.

Таким образом, обеспечительные модели-санкции двух разновидностей – принуждающие к требуемому правовым предписанием поведению и устанавливающие ответственность – коррелируют с двумя вышеуказанными видами средств принуждения: принудительной реализацией требуемого поведения (например, приводу осужденного, уклоняющегося от явки, изъятию запрещенных предметов, принудительному взысканию штрафа при назначении его как дополнительного наказания и т.д.) и ответственностью (например, штрафной, непропорциональной замене одного наказания на другое более строгое). Все это полностью применимо и в уголовно-исполнительном праве.

При оценке возможного сочетания (компоновки) этих негативных последствий следует выделить два условия, которые могут влиять на строение предписаний-санкций в уголовно-исполнительном праве:

- наличествует либо отсутствует возможность принудительной реализации модели поведения, закрепленной в предписании-диспозиции;

- то, чему посвящено содержание уголовно-исполнительного предписания-диспозиции: реализации карательных элементов наказания, специально-предупредительных мер или некарательных исправительных мер.

Теоретически, в зависимости от содержания предписания-диспозиции и возможности ее принудительного воплощения, строение предписания-санкции может предусматривать либо только обеспечительную модель-ответственность за добровольное неисполнение требований предписания-диспозиции, либо только обеспечительную модель-принуждение к воплощению

предписания-диспозиции, либо и обеспечительную модель-принуждение, и обеспечительную модель-ответственность одновременно.

Анализ различных вариантов сочетания изложенных выше условий при обеспечении исполнения уголовно-исполнительных предписаний позволяет прийти к следующим выводам: принуждение в виде ответственности должно быть, по нашему мнению, всегда, а принуждение в виде принудительного воплощения требуемого поведения должно быть наряду с первым только тогда, когда требуемое поведение в принципе может быть реализовано принудительно и когда оно не касается реализации некарательных исправительных мер (труда, образования и т.д.) (см. подробнее об этом: [9. С. 98–100]).

Наиболее очевидные примеры несоблюдения указанных требований в действующем законодательстве – это правовое регулирование исполнения уголовного наказания в виде штрафа, когда неисполненный штраф, назначенный в качестве основного наказания, не может быть, согласно УИК РФ, принудительно взыскан, а неисполненный штраф, назначенный в качестве дополнительного наказания, не может быть заменен на иное наказание.

3.2. Говоря о конкретной форме этих средств принуждения (негативных последствий), необходимо отметить следующее.

Если принуждение к требуемому поведению не вызывает острых обсуждений у исследователей, то проблема конкретных вариантов негативных последствий в форме ответственности активно дискутируется в уголовно-правовой и уголовно-исполнительной литературе (см., например: [8, 10–14] и др.).

В центре внимания этой дискуссии стоят следующие вопросы: можно ли обеспечивать выполнение уголовно-исполнительных предписаний ответственностью иных отраслей права, в частности уголовного и административного; имеет ли уголовно-исполнительная ответственность самостоятельный характер; какие меры следует к ней относить, в том числе как быть с заменой наказаний без привлечения к уголовной ответственности, а также с различными случаями применения дополнительных негативных последствий, не отнесенных законом к мерам взыскания.

Здесь следует оговориться, что уголовно-исполнительные предписания изначально могут быть адресованы двум принципиально разным субъектам: осужденным (с требованиями по отбыванию наказаний и реализации иных мер уголовной ответственности, а также соединяемых с ними некарательных исправительных и специально-предупредительных мер) и государству (с требованиями по исполнению наказаний и иных мер уголовной ответственности). Это, безусловно, определяет наличие специфических средств принуждения в отношении осужденных и государства (в лице учреждений и органов, а также иных лиц, которым делегируются полномочия по исполнению мер уголовной ответственности). Ниже остановимся только на средствах принуждения в отношении осужденных.

Помимо этого, дальнейшее рассмотрение проблем средств принуждения требует учета еще двух взаимосвязанных моментов.

Первый касается того противоправного виновного уклонения от карательно-предупредительно-воспитательного воздействия, за которое применяется соответствующее средство принуждения. Такое поведение условно можно разделить на обычное нарушение осужденным требований уголовно-исполнительных норм и злостное уклонение от реализации элементов предписанной меры уголовной ответственности (наказания или иной меры уголовно-правового характера). Последнее именуют «непреступным уголовно-противоправным поведением» [8. С. 7], «негативным посткриминальным поведением» [10. С. 53] осужденных и т.п. Не вдаваясь в анализ уместности использования подобных формулировок, адекватности закрепления в действующем законодательстве злостного уклонения применительно к отдельным наказаниям и пр., далее будем понимать под таким поведением то, из которого очевидно понятно, что осужденный не желает отбывать назначенное наказание или иную меру уголовно-правового характера, и, следовательно, закладываемые при их назначении цели не могут быть достигнуты.

Второй момент связан с тем, что по действующему уголовному и уголовно-исполнительному законодательству обеспечивающие исполнение уголовно-исполнительных предписаний средства принуждения в виде негативных последствий в форме ответственности по содержанию всегда должны представлять дополнительные лишения и правоограничения прав и свобод осужденного. Причем они могут как влечь применение новой, более строгой меры уголовной ответственности, выражающееся в том или ином виде замены первоначально назначенной меры (например, отмены условного осуждения с реальным отбыванием наказания, замены исправительных работ лишением свободы и т.д.), либо если это лишение свободы, то в фактическом увеличении первоначально назначенного срока (например, ситуации назначения лицам, отбывающим лишение свободы, нового наказания в виде лишения свободы по совокупности приговоров, в частности, при привлечении к ответственности по ст. 313, 314 УК РФ), так и оставлять первоначально назначенную меру уголовной ответственности, при этом либо меняя ее отдельные количественно-качественные характеристики (которые, предполагается, не должны влечь изменения содержания назначенной меры, например изменение режима, условий при лишении свободы, продление испытательного срока при условном осуждении и т.п.), либо добавляя дополнительные лишения и правоограничения, применяемые параллельно с неизменной первоначально назначенной мерой уголовной ответственности (например, дисциплинарный штраф при лишении свободы и т.п.).

Взаимосвязанность указанных выше моментов проявляется в первую очередь в том, что за злостное уклонение должно следовать появление новой, более суровой меры уголовной ответственности (за исключением лишения свободы, где, как отмечалось выше, по итогу должно происходить фактическое увеличение первоначально назначенного срока).

Далее рассмотрим указанные ранее наиболее спорные вопросы в контексте именно отраженного выше

деления поведения осужденных по неисполнению уголовно-исполнительных предписаний (обычного уклонения и злостного) и средств принуждения, являющихся ответственностью (которое подразделяет их на те, которые влекут появление новой меры уголовной ответственности, и которые не влекут такого появления).

Возможность появления новой меры уголовной ответственности сразу порождает вопросы об основаниях, о требованиях к системе мер ответственности, о пределах такой замены, об ее процедуре (в частности, возможно ли это без нового привлечения к уголовной ответственности), о том, должна ли новая мера поглощать первоначально назначенную либо соединяться с ней (а если это невозможно, то исполняться параллельно), и о том, в рамках каких отраслей права это должно быть реализовано.

Основания замены в рассматриваемом нами аспекте – это злостное уклонение. Вынужденную замену, являющуюся следствием изменения обстоятельств, не связанных с виновным поведением осужденного, и влекущую фактическую невозможность реализации первоначально назначенной меры уголовной ответственности (болезнь при обязательных работах, увольнение со службы при ограничении по военной службе, утрата имущества при штрафе и т.д.), мы оставляем за пределами нашего изучения, поскольку здесь нет ответственности в силу отсутствия виновного поведения осужденного. Следовательно, она может влечь освобождение от ответственности, пропорциональную, нештрафную замену на иные меры и т.п.

Возможность изменения первоначально назначенной меры уголовной ответственности при неисполнении предписаний по ее реализации, представляющем злостное уклонение, предъявляет целый ряд требований прежде всего к системе мер уголовной ответственности, в том числе выходящих за пределы уголовно-исполнительного регулирования. В частности, подобное принуждение требует в первую очередь выстраивания системы мер уголовной ответственности таким образом, которое позволит по общему правилу заменять одни первоначально назначенные меры (менее репрессивные) в случае их неисполнения другими, более суровыми (жесткими).

Здесь возникает группа вопросов, связанных как с ограниченностью принуждения, в том числе при обеспечении исполнения самых репрессивных мер (в частности, чем заменить пожизненное лишение свободы?), так и, например, с возможностью и целесообразностью замены одних иных мер уголовно-правового характера другими в случае добровольной нереализации осужденными первых (это касается условного осуждения (ст. 73 УК РФ), отсрочки от отбывания наказания (ст. 82 и 82.1 УК РФ) и условно-досрочного освобождения (ст. 79 УК РФ)). Мы придерживаемся позиции о невозможности их прямой замены друг другом (см. подробнее об этом: [9. С. 100]). Соответственно, мы полагаем, что при злостном уклонении от реализации иных мер уголовно-правового характера возможна только замена на реальное наказание (которое было ранее назначено условно, от отбывания которого была дана отсрочка либо от которого лицо было условно-досрочно освобождено).

В отношении такой формы реализации уголовной ответственности, как уголовное наказание, потребность выстраивания системы наказаний, позволяющей заменять одни наказания в случае их неисполнения другими, более строгими, подразумевает соотносимость наказаний (возможность оценки одного наказания как менее или более строгого по отношению к другому, что достигается в том числе путем выстраивания их в «лестницу» наказаний), адекватную оценку карательного потенциала каждого наказания в системе (занятие определенным наказанием своего места в репрессивной шкале построенной «лестницы» наказаний), непересечение их содержания (исключение ситуаций искусственного дублирования, одних и тех же наказаний), а также отсутствие наложений репрессивного потенциала одних наказаний на потенциал других (соблюдение правила, по которому любое наказание, стоящее в лестнице наказаний ниже другого и оцениваемое как менее строгое, даже в самом большом размере не должно быть жестче минимального размера более строго наказания) (о проблемах действующей системы наказания см., например: [11]).

Существующий ныне подход законодателя при закреплении последствий злостного уклонения от отбывания наказаний не может быть признан правильным в том числе потому, что практически для каждого наказания эти правила замены и сами негативные последствия в виде заменяемых наказаний, по непонятным причинам, являются своими, отличными от иных.

Так, ни УК РФ, ни УИК РФ не используют некоего общего алгоритма, предусматривая то незачет времени уклонения в срок наказания (например, при лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью), то пропорциональную замену на иные наказания (например, при обязательных и исправительных работах), то замену иным, более строгим наказанием без каких-либо четких условий (например, при штрафе, назначенном как основное наказание), то вообще уголовную ответственность (например, при ограничении свободы, назначаемом как дополнительное наказание, а также при лишении свободы). Представляется, что во всех случаях виновного злостного добровольного неисполнения со стороны осужденного приговора суда не должно быть никаких пропорций замены и т.п. (так как это правонарушение, и за него должна следовать ответственность), а должны наступать реальные негативные последствия в виде ответственности, воплощаемой в ином большем (в том числе более строгом) наказании.

Реальные негативные последствия, как неоднократно отмечалось в литературе, могут быть реализованы двумя путями:

- путем криминализации злостного уклонения и закрепления этих деяний в качестве отдельных составов преступлений;

- путем замены (штрафной) по правилам УК РФ или УИК РФ (через отсылку к УК РФ) без криминализации и, соответственно, возбуждения уголовного дела.

Оба названных выше варианта имеют в юридической литературе и сторонников, и противников (см., например: [10, 12–16] и др.).

Если остановиться на основных моментах, связанных с криминализацией злостного уклонения, то следует отметить, что на сегодняшний день уголовная ответственность предусмотрена только в ряде случаев неисполнения уголовно-исполнительных предписаний, а именно в ст. 313, ч. 1 и 2 ст. 314 УК РФ. Причем понять, почему именно эти случаи, а не иные, равно как и в общем определить, где по логике законодателя должна быть замена без возбуждения дела и привлечения к новой уголовной ответственности, а где с привлечением, в целом невозможно. Базовые аргументы против криминализации злостного уклонения, как правило, сводятся к тому, что она не отвечает принципу экономии уголовной репрессии, а также противоречит общей тенденции гуманизации уголовного законодательства и декриминализации ряда преступлений небольшой и средней тяжести [8. С. 8].

Наиболее очевидные проблемы замены наказания на иное, более строгое, без нового привлечения к уголовной ответственности и без возбуждения уголовного дела, сводятся к препятствиям, вытекающим из ст. 8 УК РФ. В ней указывается, что единственным основанием уголовной ответственности (основной формой реализации которой является уголовное наказание) может быть деяние, содержащие все признаки преступления, предусмотренного УК РФ. Это, по мнению ряда авторов, не допускает возможности замены наказания на иное без нового привлечения к уголовной ответственности, что требует признания любого злостного уклонения в обязательном порядке преступлением. Также важен и момент, касающийся того, в нормативном акте какой отрасли права должны быть соответствующие правила замены (в частности, в УК или УИК РФ), если допустить возможность такой замены без привлечения к новой уголовной ответственности, и к какому виду ответственности ее относить (в частности, к особому виду уголовной, например с рассмотрением замены как иной меры уголовно-правового характера, к уголовно-исполнительной или иной).

Наша позиция по этому вопросу сводится к следующему. Если исходить из того, что здесь уместна только штрафная замена, и новое наказание осужденному, злостно уклоняющемуся от отбывания первоначального, всегда должно быть больше, строже, то, как ни крути, его применение без криминализации злостного уклонения следует оценивать как применение наказания без преступления, что будет противоречить ст. 8 УК РФ. Поэтому полагаем, что единственный путь – это криминализация злостного уклонения от отбывания, исполнения всех наказаний осужденными, с использованием для ситуаций, не достигающих до требуемой для преступления общественной опасности, положений ч. 2 ст. 14 УК РФ о малозначительности.

Интересен вопрос о том, что делать с неисполненным, неотбытым наказанием при криминализации злостного уклонения от него. Полагаем, что если это наказание без изоляции от общества, то смысла оставлять его, в том числе как-то пересчитывая и добавляя к новому, нет, поскольку новое наказание должно быть строже и должно быть реальным, т.е. при определении

его вида и размера суд сможет все учесть. Если же неисполненное наказание связано с изоляцией осужденного от общества, то представляется, что оставшаяся неотбытая часть должна присоединяться к новому наказанию, назначенному за его злостное уклонение.

Далее перейдем к принуждению, призванному обеспечивать неисполнение требований уголовно-исполнительных предписаний со стороны осужденных, не являющееся злостным уклонением и не влекущее замену первоначально назначенной меры уголовной ответственности.

Наличие таких средств принуждения во многом обусловлено тем, что ресурсы самих карательных лишений и правоограничений весьма ограничены в части возможности обеспечения принудительного воздействия себя же, в том числе и потому, что вовсе не всегда есть необходимость (например, при уклонении осужденного от явки для постановки на учет в уголовно-исполнительную инспекцию) и (или) возможность (например, при нарушении правил исполнения пожизненного лишения свободы) заменять первоначально назначенную меру уголовной ответственности другой более строгой. Полагаем, именно это влечет потребность существования и иных негативных последствий в виде мер, применяемых к осужденному за нарушение порядка отбывания назначенных мер уголовной ответственности, которые дополнительно ограничивают осужденного в правах и свободах в рамках первоначально назначенных мер уголовной ответственности (т.е. без изменения их вида)¹. Как говорилось ранее, такие средства принуждения могут либо изменять содержание (количественное) первоначальной меры ответственности, от реализации которой уклоняется осужденный (изменение режима при лишении свободы, продление испытательного срока при условном осуждении и т.д.), т.е. если это касается наказаний – в том числе влечь изменение объема кары в рамках отбываемого вида, либо оставлять содержание первоначально назначенной меры нетронутым, предполагая иные дополнительные негативные последствия в виде некарательных лишений и правоограничений (например, дисциплинарный штраф при лишении свободы).

В этой части наиболее актуален вопрос о возможности использования административной ответственности вместо/либо наряду с уголовно-исполнительной. Немаловажно, что по действующему законодательству административная ответственность вообще не предусмотрена в части прямого обеспечения исполнения уголовно-исполнительных предписаний, касающихся отбывания (исполнения) уголовных наказаний.

Мы в целом поддерживаем позицию о том, что система обеспечения уголовно-исполнительных предписаний может быть более гибкой, в том числе за счет использования мер административной ответственности [16]. Очевидно, что административная ответственность

может быть эффективна в силу ее большей оперативности и небольшой затратности ее применения. Стоит согласиться и с тем, что из имеющихся видов административных наказаний использованы могут быть только административный арест и штраф. Вопрос о конкретных случаях уклонения от реализации мер уголовной ответственности, при которых есть необходимость использования административной ответственности и того, должна ли она применяться наряду с уголовно-исполнительными мерами взыскания или исключать их, требует отдельного изучения.

Если говорить об иной (наряду с административной ответственностью) возможной группе средств принуждения обеспечения исполнения уголовно-исполнительных предписаний в виде негативных уголовно-исполнительных последствий в форме ответственности без изменения вида первоначально назначенной меры уголовной ответственности, то она порождает основной вопрос о вариантах их существования и правильного законодательного закрепления, в частности, о том, как такие средства принуждения соотносятся с мерами взыскания, должны ли они исчерпываться ими.

Как отмечалось выше, средства принуждения в целом при обеспечении предписаний могут быть двух видов: принуждающие к определенному поведению или влекущие ответственность.

Если же обратиться к действующему уголовно-исполнительному законодательству, то оно не следует такому делению, по сути, вычленив среди мер обеспечения исполнения уголовно-исполнительных предписаний только меры взыскания, а также меры безопасности (ст. 86 УИК РФ) и позволяя оценивать оставшиеся – как все иные меры воздействия, не являющиеся мерами взыскания и не влекущие замену первоначально назначенных мер уголовной ответственности. При этом меры безопасности, предусмотренные в ст. 86 УИК РФ (применение физической силы, специальных средств и оружия), не являются ответственностью, представляя собой негативные последствия в виде принуждения к требуемому поведению.

Меры взыскания – это разновидность ответственности, а все иные меры могут представлять, согласно УИК РФ, также и ответственность, и принуждение к определенному поведению.

По УИК РФ меры взыскания выделяются лишь для определенных видов наказаний (из действующих ныне это: ограничение свободы (ч. 2 ст. 58 УИК РФ), лишение свободы (ст. 115 УИК РФ) и содержание в дисциплинарной воинской части (ст. 168 УИК РФ)), имея закрытый перечень, который, например, для лишения свободы уже менялся в течение не столь долгой жизни действующего Кодекса. Меры взыскания должны быть всегда представлены в виде ответственности, т.е. конкретных лишений, правоограничений, связанных с совершением правонарушением (виновным добровольным неисполнением правового предписания-диспозиции, содержащего основную модель поведения), поскольку форма принуждения к несоблюдению поведению для них невозможна. Однако если обратиться к тем видам, которые есть в современной редакции уго-

¹ Здесь нельзя не учесть и того, что сами меры уголовной ответственности могут быть по репрессивному потенциалу весьма широкими (например, лишение свободы может отбываться как в колонии-поселении, так и в тюрьме), что позволяет активно «двигаться» и в их рамках.

ловно-исполнительного закона, то можно обнаружить, что это далеко не всегда так. В частности, среди мер взыскания законодатель предусматривает такие, которые, по сути, никаких реальных негативных последствий не влекут. Это предупреждение, официальное предостережение о недопустимости нарушения установленных судом ограничений (ч. 2 ст. 58 УИК РФ), выговор (ст. 115, ст. 168 УИК РФ) и строгий выговор (ст. 168 УИК РФ). Хотя применение ряда из них может в дальнейшем повлечь негативные последствия (как, например, при ограничении свободы – при определенных условиях в соответствии со ст. 58 УИК РФ осужденный может быть признан злостно уклоняющимся от отбывания наказания с соответствующей заменой данного наказания либо с привлечением к уголовной ответственности). При этом применение подобных мер взыскания в любом случае – только одно из условий наступления в дальнейшем реальных негативных последствий, чего, как нам представляется, быть не должно.

Иные меры воздействия, не являющиеся мерами взыскания и не влекущие замену первоначально назначенных мер уголовной ответственности, не имеют какого-либо консолидирования и представляют собой разбросанные по УИК РФ отдельные негативные последствия для осужденных, уклоняющихся от карательно-воспитательно-предупредительного воздействия (например, изменение количественного наполнения мер уголовной ответственности, изменение условий содержания и т.д.).

Если проанализировать ситуацию, которая ныне отражена в УИК РФ, с отмеченными выше обеспечительными мерами, не содержащими кары (карательных элементов) и не влекущими изменение вида первоначально назначенных мер ответственности, то следует прийти к выводу о полной неразработанности этого вопроса, поскольку нет ни понятия мер взыскания, нет ни общего названия и понятия иных мер, не являющихся мерами взыскания, нет ни четких признаков, отличающих первые от вторых, ни много другого. В частности, абсолютно неясно, почему такие негативные последствия при исполнении лишения свободы, как изменение условий отбывания наказания либо изменение вида режима исправительного учреждения, не отнесены сейчас законом к мерам взыскания, и чем, если не ими, они являются.

Представляется, что законодатель должен изменить существующий подход к указанным иным мерам, влекущим негативные последствия для осужденного за нарушение им правил отбывания назначенных мер уголовной ответственности, и не относимым им к мерам взыскания. Полагаем, что все негативные последствия, представляющие по их природе ответственность, но не являющиеся карой и не влекущие замену вида первоначально назначенных наказаний либо иных мер уголовно-

правового характера, для всех видов реализации мер уголовной ответственности, а также соединяемых с ними некарательных исправительных мер и специально-предупредительных мер должны быть закреплены в качестве мер взыскания. Причем положения, регламентирующие их, можно вынести в Общую часть УИК РФ.

Те же негативные последствия, которые имеют вид принудительного воплощения, требуемого правовым предписанием поведения, от которого осужденный уклоняется, должны быть поименованы иначе от мер взыскания и также могут быть обобщены, например, в Общей части УИК РФ.

Как видится, система обеспечительных мер в механизме уголовно-исполнительного регулирования (при обеспечении исполнения соответствующих правил предписаний-диспозиций) для осужденных должна выглядеть следующим образом:

1) меры принудительного воплощения требуемого правовым предписанием поведения;

2) меры ответственности, которые подразделяются в зависимости от характера неисполнения уголовно-исполнительного предписания:

2.1) при злостном уклонении – в привлечении по новому к уголовной ответственности за уклонение от отбывания, исполнения первоначально назначенного наказания, признаваемом уголовным преступлением; и в применении реального наказания за уклонение от реализации иной меры уголовно-правового характера (условного осуждения, отсрочки от отбывания наказания и условно-досрочного освобождения);

2.2) при незлостном уклонении – либо в привлечении к административной ответственности в виде штрафа или ареста при неизменности исполнения первоначально назначенной меры уголовной ответственности и (или) привлечении к уголовно-исполнительной ответственности в виде мер взыскания, к которым должны быть отнесены все иные варианты дополнительных лишений и ограничений прав и свобод осужденного, без замены первоначально назначенной меры уголовной ответственности и появления новой (в том числе дополнительные специально-предупредительные меры в виде дополнительных обязанностей для условно осужденных, увеличение первоначальных специально-предупредительных мер в виде продления испытательного срока, увеличение «объема» карательных элементов наказаний без изменения их качества в виде изменения вида условий содержания, вида режима исправительного учреждения и т.п.).

Меры ответственности иных отраслей права (уголовного и административного) при их использовании, безусловно, будут выводить правовое регулирование за границы уголовно-исполнительного. Но в этом нет ничего особенного. Ситуация, когда предписания-диспозиции одной отрасли обеспечиваются предписаниями-санкциями другой, – совершенно нормальна.

Список источников

1. Орзих М.Ф. Право и личность: Вопросы теории правового воздействия на личность социалистического общества. Киев ; Одесса : Вища школа, 1977. 144 с.
2. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / под ред. В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 2008. 452 с.

3. О понимании советского права. Круглый стол // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 56–74.
4. Чубраков С.В. Общая системная характеристика уголовно-исполнительного права в свете проблемы выявления его принципов // Уголовная юстиция. 2015. № 2 (6). С. 89–94.
5. Ременсон А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1965. 63 с.
6. Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967. 190 с.
7. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2018. 240 с.
8. Антонов Т.Г. Непреступное уголовно-противоправное поведение осужденных и его юридические последствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. 23 с.
9. Чубраков С.В. К вопросу об обеспечении уголовно-исполнительных предписаний // Уголовная юстиция. 2016. № 2 (8). С. 97–104.
10. Кауфман М.А. Уклонение от исполнения и отбывания наказания как вид негативного посткриминального поведения и его уголовно-правовое значение // Уголовное право. 2018. № 1. С. 53–60.
11. Уткин В.А. Основания и пути модернизации системы наказаний // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 127–130.
12. Чорная У.В. Правовая природа злостных уклонений от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2013. № 2. С. 180–182.
13. Филимонов В.Д. Проблемы дифференциации видов наказаний, не связанных с лишением свободы, и ответственности за уклонение от их отбывания // Уголовное право. 2013. № 2. С. 42–46.
14. Курганов С. Меры уголовно-правового характера // Уголовное право. 2007. № 2. С. 59–63.
15. Дворянсков И.В., Кузнецов А.И. К вопросу о восполнении пробелов в правовом регулировании ответственности осужденных к исправительным работам // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 2. С. 4–6.
16. Уткин В.А. О юридических средствах принудительной реализации некоторых альтернативных санкций // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 11 : сб. ст. / под ред. В.Д. Филимонова. Томск, 2002. С. 126–129.

References

1. Orzikh, M.F. (1977) *Pravo i lichnost': Voprosy teorii pravovogo vozdeystviya na lichnost' sotsialisticheskogo obshchestva* [Law and a person: Issues of the theory of legal influence on a person of a socialist society]. Kyiv; Odessa: Vishcha shkola.
2. Leyst, O.E. (2008) *Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava* [The essence of law. Problems of theory and philosophy of law]. Moscow: Zertsalo.
3. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. (1979) O ponimani sovetskogo prava. Krugly stol [On the understanding of Soviet law. Round table]. 7. pp. 56–74.
4. Chubakov, S.V. (2015) General system characteristic of the penal law in terms of its principles *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2 (6). pp. 89–94. (In Russian). doi 10.17223/23088451/6/17
5. Remenson, A.L. (1965) *Teoreticheskie voprosy ispolneniya lisheniya svobody i perevospitaniya zaklyuchennykh* [Theoretical issues of execution of imprisonment and correctional education of prisoners]. Abstract of Law Dr. Diss. Tomsk: Tomsk State University.
6. Natashev, A.E. & Struchkov, N.A. (1967) *Osnovy teorii ispravitel'no-trudovogo prava* [Fundamentals of the theory of correctional labor law]. Moscow: Yurid. lit.
7. Utkin, V.A. (2018) *Problemy teorii ugolovnykh nakazaniy: kurs leksiy* [Problems of the theory of criminal penalties: a course of lectures]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Antonov, T.G. (2010) *Neprestupnoe ugolovno-protivopravnoe povedenie osuzhdennykh i ego yuridicheskie posledstviya* [Non-criminal illegal behavior of convicts and its legal consequences]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
9. Chubakov, S.V. (2016) On the enforcement of penal orders. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2 (8). pp. 97–104. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/8/15
10. Kaufman, M.A. (2018) Uklonenie ot ispolneniya i otbyvaniya nakazaniya kak vid negativnogo postkriminal'nogo povedeniya i ego ugolovno-pravovoe znachenie [Evasion from execution and serving of sentence as a type of negative post-criminal behavior and its criminal law significance]. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 53–60.
11. Chornaya, U.V. (2013) Pravovaya priroda zlostnykh ukloneniy ot otbyvaniya nakazaniy, ne svyazannykh s lisheniem svobody [The legal nature of malicious evasion from serving sentences not related to imprisonment]. *Vestnik obshchestvennoy nauchno-issledovatel'skoy laboratorii "Vzaimodeystvie ugolovno-ispolnitel'noy sistemy s institutami grazhdanskogo obshchestva: istoriko-pravovye i teoretiko-metodologicheskie aspekty"*. 2. pp. 180–182.
12. Filimonov, V. (2013) Problemy differentsatsii vidov nakazaniy, ne svyazannykh s lisheniem svobody, i otvetstvennosti za uklonenie ot ikh otbyvaniya [Problems of differentiation of types of punishments not related to imprisonment, and responsibility for evading their serving]. *Ugolovnoe pravo*. 2. pp. 42–46.
13. Kurganov, S. (2007) Mery ugolovno-pravovogo kharaktera [Criminal law measures]. *Ugolovnoe pravo*. 2. pp. 59–63.
14. Dvoryanskov, I.V. & Kuznetsov, A.I. (2017) K voprosu o vospolnenii probelov v pravovom regulirovanii otvetstvennosti osuzhdennykh k ispravitel'nym rabotam [On filling gaps in the legal regulation of the responsibility of those sentenced to correctional labor]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*. 2. pp. 4–6.
15. Utkin, V.A. (2011) Foundations and ways of modernization of the penal system. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 349. pp. 127–130. (In Russian).

16. Utkin, V.A. (2002) O yuridicheskikh sredstvakh prinuditel'noy realizatsii nekotorykh al'ternativnykh sanktsiy [On Legal Means of Compulsory Implementation of Some Alternative Sanctions]. In: Filimonov, V.D. (ed.) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood]. Part 11. Tomsk: Tomsk State University. pp. 126–129.

Информация об авторе:

Чубраков С.В. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.V. Chubrakov, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Penal Law and Criminology, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.*

*The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.*

Научная статья
УДК 343.328

doi: 10.17223/23088451/21/21

ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ САНКЦИЙ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Марат Тагирович Валеев¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, crim.just@mail.ru*

Аннотация. Неадекватное конструирование санкции за преступления коррупционной направленности имеет сразу несколько негативных последствий: а) по сути неверная квалификация содеянного и своего рода уход от справедливой и заслуженной ответственности; б) непривлечение к ответственности должностного лица, указание на которое для привлекаемого к ответственности – фактического посредника – лишено смысла, ибо, изобличая основного коррупционера (должностное лицо – адресата взятки), действия его самого подпадают под квалификацию по много более суровой норме – ст. 291.1 УК РФ; в) рост латентности преступности в той ее части, которая требует максимально внимательной и усиленной борьбы – коррупции.

Ключевые слова: преступления коррупционной направленности, мошенничество, взятка

Для цитирования: Валеев М.Т. Проблемы конструирования санкций за преступления коррупционной направленности // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 118–120. doi: 10.17223/23088451/21/21

Original article
doi: 10.17223/23088451/21/21

PROBLEMS OF DESIGNING SANCTIONS FOR CORRUPTION CRIMES

Marat T. Valeev¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, crim.just@mail.ru*

Abstract. In law enforcement practice, a situation is relatively common when someone offers assistance for a fee in “solving” a particular issue that requires the participation of an official. This someone also informs the beneficiary of the “decision” that s/he will transfer money to the official for a favorable result. The Supreme Court of the Russian Federation, depending on how sincere the author of such a proposal is, proposes to qualify the act either as fraud, if the money received was not supposed to be transferred, and the offer is a fraud, or as mediation in a bribe, if the money was supposed to be transferred. This position is set out in Paragraph 3, Clause 13.5 of the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 9, 2013, No. 24 “On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes”. According to the document, in the case when a person who promised or offered mediation in bribery, commercial bribery, knowingly did not intend to transfer money to an official performing managerial functions in a commercial or other organization, or to an intermediary and, having received the money, used them for his/her own good, the deed should be qualified as fraud, not a crime under Part 5 of Art. 291.1 or Part 4 of Art. 204.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. In fact, in the absence of additional information, the qualification of the offense depends on the position of the mediating person – the decider. If, during the preliminary investigation, the person admits that the money was intended for an official (and points to him/her), s/he is an intermediary in a bribe, and his/her actions should be qualified under Article 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The actions of an official in this context are the completed receipt of a bribe. If the person denies his/her plan to further transfer money to an official, insisting that all the money was intended exclusively for him/her, then such actions should be qualified under Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation. It would not be an exaggeration to assume that the mediating person chooses a behavior model depending on sanctions for crimes under Articles 159 and 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Inadequate designs of sanctions for corruption crimes has several negative consequences: (a) essentially incorrect qualification of the act and, in a way, avoidance of a fair and deserved liability; (b) non-prosecution of an official: the mediator’s pointing to the official is meaningless because, by exposing the main corrupt official (recipient of the bribe), s/he makes his/her actions fall under the qualification according to a much more severe norm – Art. 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation; (c) an increase in the latency of corruption crimes, which require the most careful and intensified struggle.

Keywords: corruption crimes, fraud, bribery

For citation: Valeev, M.T. (2023) Problems of designing sanctions for corruption crimes. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 118–120. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/21

В правоприменительной практике относительно распространена ситуация, когда некто предлагает возмездно оказать содействие в «решении» того или иного вопроса, требующего участия должностного лица. При этом он же сообщает бенефициару «решения», что передаст должностному лицу денежные средства за благоприятный для него результат. Верховный Суд РФ в зависимости от того, насколько искренен автор такого предложения, предлагает квалифицировать содеянное либо как мошенничество, если полученные средства не предполагались к передаче, а предложение – суть обман, либо как посредничество во взятке, если деньги предполагались к передаче. Такая позиция изложена в абз. 3 п. 13.5 Постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», согласно которому в случае, когда лицо, обещавшее либо предложившее посредничество во взяточничестве, коммерческом подкупе, заведомо не намеревалось передавать ценности должностному лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, либо посреднику и, получив указанные ценности, обратило их в свою пользу, содеянное следует квалифицировать как мошенничество без совокупности с преступлением, предусмотренным ч. 5 ст. 291.1 либо ч. 4 ст. 204.1 УК РФ.

Фактически, при отсутствии дополнительных сведений, все ставится в зависимость от позиции такого лица – «решалы». Если при производстве предварительного расследования он признает, что деньги предназначались для должностного лица (и указывает на него), – он посредник во взятке. Его действия следует квалифицировать по ст. 291.1 УК РФ. Действия же должностного лица – как оконченное получение взятки, так как Пленум ориентирует на признании состава, предусмотренного ст. 291 УК РФ, окончанным с момента передачи предмета взятки посреднику, хотя бы в части оговоренного. Если же он отрицает свой план дальнейшей передачи денег должностному лицу, настаивая, что все деньги предназначались исключительно ему, то такие действия следует квалифицировать по ст. 159 УК РФ.

Не будет преувеличением предположить, что выбор модели поведения такого лица будет зависеть от сравнения санкций за преступления, предусмотренные ст. 159 и 291.1 УК РФ. Очевидно, привлекаемое к ответственности лицо скорее всего сделает выбор в пользу меньшего из зол для себя. Сравним санкции. Так, если речь идет о передаче суммы в размере более 1 млн рублей, то сравнивать следует ч. 4 ст. 159 УК РФ и ч. 4 ст. 291.1 УК РФ. В первом случае максимальное наказание – лишение свободы до десяти лет (без нижней границы) со штрафом до 1 млн рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового. Во втором – лишение свободы на срок от семи до двенадцати лет со штрафом в размере до семидесятикратной суммы взятки или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься опреде-

ленной деятельностью на срок до семи лет или без такового. Выбор обвиняемого предсказуемо очевиден.

Результат такого выбора – привлечение к ответственности по ст. 159 УК РФ, имеет сразу несколько негативных последствий: а) по сути неверная квалификация содеянного и своего рода уход от справедливой и заслуженной ответственности; б) непривлечение к ответственности должностного лица, указание на которое для привлекаемого к ответственности – фактического посредника – лишено смысла, ибо, изобличая основного коррупционера (должностное лицо – адресата взятки), действия его самого подпадают под квалификацию по много более суровой норме – ст. 291.1 УК РФ; в) рост латентности преступности в той ее части, которая требует максимально внимательной и усиленной борьбы – коррупции.

Какие выходы возможны из сложившейся ситуации и каковы их сильные и слабые стороны?

А. Смена подхода к квалификации, изложенного выше в абз. 3 п. 13.5 Постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2013 № 24. Пожалуй, таким вариантом могла бы быть квалификация по ст. 291.1 УК РФ в любом случае, когда, однако, такая информация все же была доведена до заинтересованного лица (передающего взятку), даже если реальное намерение передавать средства должностному лицу отсутствовало. Очевидный недостаток такого варианта – неправильность такой квалификации. Ошибкой было бы привлечение к ответственности за коррупционное преступление лица, которое к коррупции отношения не имеет. Объект, охраняемый ст. 291.1 УК РФ, просто не страдает.

Б. Криминализация. Создание новой специальной нормы – «коррупционного мошенничества», санкция за которое будет превышать существующую санкцию в ст. 291.1 УК РФ. В таком случае квалификация по ст. 159 УК РФ будет невозможной. Не желая быть привлеченным по специальной норме с более суровой санкцией, посредник будет заинтересован в сотрудничестве с правоохранительными органами и разоблачить должностное лицо, которому предназначалась взятка. Минусов у такого варианта сразу несколько – от нарушения требований к криминализации, которой будет подлежать слишком уж частный случай, до трудностей этического характера, связанных с наименованием такой нормы – «мошенничество в сфере коррупционных преступлений» или «коррупционное мошенничество», или «мошенничество при передаче взятки» и т.п. Такие наименования предполагают (допускают) правомерность коррупционных действий. Ведь раз есть мошенничество в такой сфере, значит должна существовать и ситуация нормального, приемлемого поведения – не мошеннического. Что недопустимо.

В. Усиление санкции в ст. 159 УК РФ до уровня выше, нежели в ст. 291.1 УК РФ. Такой вариант также лишает смысла укрывательство должностного лица. Однако по ст. 159 УК РФ квалифицируется огромное количество других опасных деяний, посягающих на отношения собственности, при квалификации которых подобные недостатки существующей санкции, отражающей их уровень общественной опасности, отсутствуют.

Г. Смягчение санкции, предусмотренной ст. 291.1 УК РФ, до уровня ощутимо ниже, нежели санкция, предусмотренная ст. 159 УК РФ. Несмотря на то, что борьба с коррупцией является одним из приоритетных направлений уголовно-правовой политики в Российской Федерации, не стоит забывать постулат, сформулированный еще Ч. Беккариа: не строгость, а неотвратимость наказания удерживает от преступлений. Отсутствие же корректировки санкции такой «отвратимости» за коррупцию как раз и позволяет иметь место.

Вопрос о том, какой из вариантов, изложенных в п. «Б» и «Г» эффективнее, это требующий исследования вопрос к криминологам о том, личность какого преступника более опасна? Того, кто берет предмет взятки, говоря, что передаст его должностному лицу, а сам оставляет его себе, либо тот, кто берет и действительно планирует передать (передает). Полагаю, руководствоваться при ответе нужно, помимо прочего, масштабом возможных опасных последствий деяния одного и другого.

Д. Корректировка примечания к ст. 291.1 УК РФ («Посредничество во взяточничестве»). Действующая

редакция в качестве необходимых условий называет следующую совокупность двух обстоятельств. Во-первых, лицо, совершившее преступление, активно способствовало раскрытию и (или) пресечению преступления. Во-вторых, добровольно сообщило о совершенном преступлении в орган, имеющий право возбудить уголовное дело. Второе условие подлежит замене на следующее содержание: «...способствовало пресечению преступной деятельности должностного лица, для которого предназначался предмет взятки».

При выборе решения указанной выше проблемы пенализации следует руководствоваться и пожеланием А.Л. Ременсона, указывавшего, что обоснование принципа соразмерности наказания преступлению следует искать не в абстрактных представлениях об уравнивающей и распределяющей справедливости, а в реальных жизненных фактах, обуславливающих целесообразность указанной соразмерности, необходимость и полезность ее использования для обеспечения борьбы с преступностью в интересах социального прогресса [1. С. 45].

Список источников

1. Ременсон А.Л. Принцип соответствия наказания тяжести совершенного преступления и его роль в уголовно-правовой борьбе с преступностью // Проблемы повышения эффективности борьбы с преступностью. Томск, 1981. 107 с.

References

1. Remenson, A.L. (1981) Printsip sootvetstviya nakazaniya tyazhesti sovershennogo prestupleniya i ego rol' v ugolovno-pravovoy bor'be s prestupnost'yu [The principle of compliance of punishment with the severity of the crime committed and its role in the criminal law fight against crime]. In: *Problemy povysheniya effektivnosti pravovogo regulirovaniya na sovremennom etape* [Problems of improving the efficiency of legal regulation at the present stage]. Tomsk: Tomsk State University.

Информация об авторе:

Валеев М.Т. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.T. Valeev, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Penal Law and Criminology, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.*

*The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.*

Научная статья
УДК 343.01

doi: 10.17223/23088451/21/22

НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В РАЗРЕЗЕ СУДЕЙСКОГО УСМОТРЕНИЯ

Эдуард Владимирович Лядов¹

¹ Академия права и управления ФСИН, Рязань, Россия, leve2000@yandex.ru

Аннотация. Судейское усмотрение, с одной стороны, выступает необходимым условием для дифференциации и индивидуализации наказания лицу, совершившему преступление, с другой – обладает свойством коррупциогенности. Вместе с тем, учитывая действующее законодательство, насыщенное как оценочными категориями, так внутриотраслевой и межотраслевой рассогласованностью нормативного материала, преобладанием в нем альтернативных, относительно определенных санкций, следует отметить, что без судейского усмотрения в настоящее время не обойтись.

Ключевые слова: назначение наказаний, исполнение наказаний, уголовное наказание, судейское усмотрение, пределы судейского усмотрения

Для цитирования: Лядов Э.В. Назначение уголовного наказания в разрезе судейского усмотрения // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 121–128. doi: 10.17223/23088451/21/22

Original article

doi: 10.17223/23088451/21/22

IMPOSITION OF CRIMINAL PUNISHMENT IN THE CONTEXT OF JUDICIAL DISCRETION

Eduard V. Lyadov¹

¹ Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russian Federation, leve2000@yandex.ru

Abstract. Judicial discretion is a necessary condition for the differentiation and individualization of punishment for the person who committed the crime, on the one hand; on the other hand, it is corruptogenic. Taking into account the current legislation with its evaluative categories, intra- and inter-branch inconsistency of normative material, dominating alternatives to certain sanctions, the author notes that at present it is impossible to do without judicial discretion. The imposition of punishment is an important and integral part of criminal justice. The type and amount of punishment directly depends on the discretion of the judge. Judicial discretion, despite its indisputable value, must have certain limits. The judges' exercise of the granted discretionary powers should not lead to violations of the rights and freedoms of citizens, but should contribute to the strengthening of law and order.

Keywords: imposition of punishments, execution of punishments, criminal punishment, judicial discretion, limits of judicial discretion

For citation: Lyadov, E.V. (2023) Imposition of criminal punishment in the context of judicial discretion. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 121–128. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/22

Реализация судейского усмотрения при выборе вида и размера наказания лицу, совершившему преступление, не является новой для уголовного права, в том числе и российского. А. Барак отмечал: «...где есть право, там будет и судейское усмотрение» [1. С. 352]. Однако следует отметить, что до конца XX в. в науке уголовного права серьезные исследования по данному вопросу практически отсутствовали.

Важнейшее значение судейского усмотрения проявляется при толковании и применении оценочных категорий действующего законодательства.

Использование в законе исключительно оценочных суждений ведет к разной оценке сходных обстоятельств [2. С. 17]. «Увеличение количества норм, конструкции которых содержат оценочные понятия, – указывает С.В. Смолин, – закономерно ведет к чрезмерному рас-

ширению пределов судейского усмотрения» [3. С. 88]. При этом важно отметить, что «устранить опасности судейского усмотрения, и прежде всего возможный субъективизм и произвол, можно только введением его в рамки общих ограничений» [1. С. IX]. Использование в законодательстве оценочных понятий, на наш взгляд, должно быть только в случае крайней необходимости. Дополнительно следует указать, что в отличие от четко сформулированных понятий, категорий, оценочные понятия и категории в различные промежутки времени могут иметь серьезно разнящуюся интерпретацию, что, несомненно, не лучшим образом будет сказываться на правоприменительной практике и реакции общества на назначаемые судами наказания. М.И. Ковалев по этому поводу указывает: «Если законодатель прибегает к оценочным формулировкам, то тем самым он допускает

возможность варьирования содержанием соответствующего понятия или определения в зависимости от условий и ситуации, но в пределах, дозволенных рамками предоставленной интерпретаторам свободы» [4. С. 163].

Что же понимать под «судейским усмотрением»? Говоря о термине «усмотрение», следует сказать, что под ним понимается «решение, заключение, мнение» [5. С. 828], т.е. усмотреть – значит прийти к определенному продуманному, взвешенному выводу. Если же говорить в общем о судебском усмотрении, то это предполагает соответствующее мнение (вывод) судьи в деле, рассматриваемом в конкретный момент времени.

Следует отметить, что несмотря на наличие определенных научных трудов в рассматриваемой области, в юридической науке еще не сформировалось единого понимания в определении данного понятия.

Из проведенного анализа точек зрения на понятие судебного усмотрения мы пришли к выводу о существовании следующих трех основных позиций.

Представители первой позиции рассматривают судебское усмотрение как «полномочие по принятию решения».

Так, например, К.И. Комиссаров дает следующее определение судебскому усмотрению – «это предоставленное суду полномочие по принятию, исходя из конкретных условий, такого решения относительно права, возможность которого исходит из определенных общих и относительных положений закона» [6. С. 26].

П.В. Марков подчеркивает, что «под судебским усмотрением следует понимать деятельность суда по осуществлению предоставленных ему полномочий в соответствии с его личными убеждениями, направленную на преодоление коллизий и пробелов в регулировании, имеющую результатом формирование правового решения» [7. С. 1875–1881].

Е.В. Попаденко усмотрение правоприменителя, а в рассматриваемом нами случае суда, видит как мыслительную деятельность, в рамках которой осуществляется анализ тех возможностей, которые предоставляет действующее законодательство [8. С. 14]. При этом он отмечает, что существуют три способа или варианта, при которых присутствует судебское усмотрение, т.е. когда законодателем правоприменителю дается определенная свобода при принятии решения по уголовному делу: 1) простое указание (законодатель использует управомочивающие конструкции подобные «может быть», «вправе», разделительный союз «или»); 2) использование оценочных понятий, категорий; 3) комбинированный способ.

Представители второй позиции видят судебское усмотрение как «возможность действовать определенным образом».

Я.Н. Ермолович под судебским усмотрением понимает «возможность совершения определенных действий или принятия решений, предоставление субъекту определенной свободы в выборе правомерного поведения, выбор субъектом определенной цели и способов ее достижения, возможность выражать свою волю и принимать решения независимо от других лиц в сфере уголовного права» [9. С. 28].

Третья позиция выражается в «выборе определенного варианта решения».

«Судейским усмотрением, – указывает О.А. Папкова, – является предусмотренная юридическими нормами, осуществляемая в процессуальной форме мотивированная правоприменительная деятельность суда, состоящая в выборе варианта решения правового вопроса, имеющая общие и специальные пределы» [10. С. 39].

По мнению Л.Н. Берг, «судебное усмотрение – элемент судебной правоприменительной деятельности, заключающийся в выборе мотивированного законного и обоснованного решения, совершаемого уполномоченным субъектом (судьей) по конкретному юридическому делу в пределах, установленных нормой права» [11. С. 61–62].

М.А. Кауфман дает следующее определение судебного усмотрения при пробелах в уголовном праве – это «обусловленный несовершенством действующего законодательства и принятый на основе правосознания, уголовно-правовых и общих принципов права выбор правоприменителем такого, облеченного в процессуальную форму решения, которое прямо не вытекает из содержания уголовного закона, а иногда и не совпадает с его «буквой» и волей законодателя» [12. С. 17].

Немного иной подход к данному понятию просматривается у Ю.В. Грачевой. Критикуя позицию М.А. Кауфмана, она отмечает: «...усмотрение – это не сам выбор, а правомочие на осуществление этого выбора, т.е. право на осуществление выбора в пределах, очерченных законом, которым наделяется правоприменитель. В одних случаях эти границы четко обозначены (например, нижний и верхний предел санкции), в других они приблизительны, имеют только некоторый контур (например, в случае с оценочными понятиями)» [13. С. 24].

По определению А. Барака, судебское усмотрение – «это полномочие, данное лицу, которое обладает властью выбирать между двумя или более альтернативами, когда каждая из альтернатив законна» [1. С. 13].

В.В. Ведерников указывает, что «судейское усмотрение в уголовном праве – это вид правоприменительной деятельности, в которой суд реализует правомочия по выбору одного из возможных решений, отвечающих требованиям законности, обоснованности и справедливости, в установленных законом пределах и с учетом конкретных обстоятельств дела» [14. С. 44].

Ю.В. Грачевой приводится следующее развернутое определение понятия судебного усмотрения. «Судейское усмотрение в уголовном праве – это осуществляемый в процессуальной форме специфический аспект правоприменительной деятельности, предполагающий предоставление судье (следователю, дознавателю) в случаях, предусмотренных уголовно-правовыми нормами, правомочий по выбору решения в пределах, установленных законом, в соответствии со своим правосознанием и волей законодателя исходя из принципов права, конкретных обстоятельств совершения преступления, а также основ морали» [15. С. 104].

При этом она выделяет следующие признаки судебного усмотрения. «Первый признак усмотрения при

применении норм уголовного права состоит в том, что правоприменительно предоставляется относительная свобода выбора при принятии решения, связанного с применением данной нормы к конкретному жизненному случаю. Второй признак судейского усмотрения можно определить как право выбора при принятии решения в пределах, очерченных законом. Третий признак предполагает определенный выбор из возможных решений, каждое из которых отвечает требованиям законности, обоснованности и справедливости». Характеризуя данный признак, Ю.В. Грачева дополняет, что все решения, из которых правоприменитель может выбрать любое, в равной мере являются законными, но только одно из них для определенной ситуации будет обоснованным и справедливым. «Четвертым признаком судейского усмотрения можно считать обязательный учет конкретных обстоятельств совершенного общественно опасного деяния при осуществлении выбора одного из возможных решений» [15. С. 86–92, 104].

Применение наказания – важная и неотъемлемая часть правосудия по уголовным делам [16. С. 7]. Следует согласиться с Б.Я. Гавриловым, что «назначаемое судом уголовное наказание зависит напрямую от усмотрения судьи и определяется его знанием буквы и духа закона, уровнем его правосознания, понимания своей роли в обществе, в том числе его жизненным опытом» [17. С. 111].

«Судья не должен... сознательно корректировать закон, подставляя на место определенно выраженной воли законодателя свою собственную волю, хотя бы его правовому чувству и противоречило вытекающее из текста писаной нормы решение. Но, с другой стороны, судья еще менее должен предаваться культу буквы. Дегард правильно указывает, что голый текст закона не способен дать судье никаких руководящих критериев. Требования, которые предъявляет жизнь, непрерывно изменяются. В старые формы вливается новое содержание. При помощи одних логических операций за этим развитием не уследить. Надо учитывать всю эволюцию наших хозяйственных, этических, государственных и социальных условий» [18. С. 839].

В ходе судебного разбирательства судья может принять, закрепив в обвинительном приговоре, одно из решений по определению вида и размера уголовного наказания виновному. А.С. Гамбарян указывает по данному поводу, что «каждый судья, разрешая правовую задачу, сталкивается с проблемой осуществления выбора между несколькими путями решения, предусмотренными законом, оценки обстоятельств дела, восприятия и толкования правовой нормы» [19. С. 25]. Вместе с тем, сделав выбор в пользу одного из нескольких законных решений по уголовному делу, судья должен быть убежден, что именно оно отвечает в полной мере принципам обоснованности и справедливости. В целом о законности, справедливости и обоснованности можно говорить лишь с учетом обстоятельств уголовного дела, личности виновного и точном соблюдении требований законодательства. В статье 297 УПК РФ указывается, что «приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Признается

же он таковым, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона» [20]. В определении Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 1489-О отмечается: «Статья 297 УПК Российской Федерации, предусматривающая, что приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым (часть первая) и признается таковым, если он постановлен в соответствии с требованиями данного Кодекса и основан на правильном применении уголовного закона (часть вторая), направлена на защиту прав обвиняемого, неопределенности не содержит и права заявителя не нарушает» [21]. Обоснованным будет считаться такое решение суда, закрепленное в приговоре, которое принято с учетом подробного изучения установленных в ходе заседания обстоятельств, имеющих значение для верного разрешения рассматриваемого дела. По этому поводу можно привести разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, изложенные в постановлении от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении». В пункте 3 указанного постановления говорится: «Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании, а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов» [22]. «Критерий справедливости судейского усмотрения, – как верно замечает А.Ф. Беспалов, – близко связан с морально-этическими воззрениями судьи, а также с нормами морали, установленными законодательством РФ» [23. С. 31]. В Кодексе судейской этики говорится: «Судебная защита прав и свобод человека может быть обеспечена только компетентным и независимым правосудием, осуществляемым на началах справедливости и беспристрастности. Такое правосудие предполагает соблюдение каждым судьей правил профессиональной этики, честное и добросовестное исполнение своих обязанностей, проявление должной заботы о сохранении как своих личных чести и достоинства, так и достоинства и авторитета судебной власти». В статье 1 ст. 6 дополняется: «Судья должен следовать высоким стандартам морали и нравственности, быть честным, в любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалять авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи» [24].

Исходя из изложенного, необходимо отметить, что «не может быть шаблонных (универсальных) решений применительно даже к одному и тому же составу преступления, поскольку каждое из преступлений обладает своей особенностью, связанной как с обстоятельствами его совершения, так и качествами личности, привлекаемой к ответственности. В этой связи необходимость предоставления судье определенной свободы в выборе одного из альтернативных решений не вызывает сомнений, поскольку каждое из них может быть справедливым применительно только к конкретному случаю» [25. С. 104].

Одним из важнейших вопросов при реализации судебного усмотрения является вопрос оснований выбора вида и размера наказания виновному в совершении преступления, т.е. чем судья должен руководствоваться при определении меры наказания такому лицу. Особенно важным это представляется при решении судьей вопроса о применении наказания в виде лишения свободы или альтернативного ему. С.А. Велиев и А.В. Савенков подчеркивают, что «в нашем уголовном законе не дается исчерпывающего раз и навсегда данного перечня все тех обстоятельств, которые должны учитываться судом при назначении наказания за конкретное преступление, а также не содержится указаний о степени влияния на размер наказания отдельных обстоятельств, взятых абстрактно, вне связи с конкретным преступлением и всеми условиями и обстоятельствами его совершения. Однако закон дает суду нечто большее, выдвигая общие критерии индивидуализации наказания, опираясь на которые суд может назначить наказание, отвечающее всем требованиям правосудия» [26. С. 37]. Речь в данном случае идет об общих критериях, закрепленных в ст. 60 УК РФ «Общие начала назначения наказания». Кроме того, как верно отмечает В.Ф. Лапшин, «что же касается индивидуализации мер уголовно-правового воздействия, то она в соответствии с принципом справедливости обеспечивается разветвленной системой уголовных наказаний, представленных в ст. 44 УК РФ» [27. С. 82].

В.П. Нажимов указывает, «участники процесса, особенно подсудимый и защитник, почти беззащитны от усмотрения судей в выборе конкретной меры наказания. Судьи могут привнести в этот вопрос любые субъективные моменты, например, такие как скверное настроение, интуитивная антипатия к подсудимому и т.п.» [28. С. 3–11; 29. С. 362–371]. В подтверждение данного мнения следует сказать, что как ранее, так и в настоящее время решения, принимаемые судьями, зависят от многих обстоятельств, в том числе и обстоятельств личной жизни конкретного судьи. Ч. Беккариа указывая на непостоянство судебного усмотрения в различных условиях и жизненных ситуациях, отмечает: «У каждого человека своя точка зрения, у каждого в разное время она различна. Дух закона зависел бы, следовательно, от хорошей или дурной логики судьи, от хорошего или дурного его пищеварения, он зависел бы от силы его страстей, от его слабостей, от его отношения к потерпевшему и от всех малейших причин, изменяющих в непостоянном уме человека образ каждого предмета. Вот почему судьба гражданина решается не одинаково при прохождении дела через различные суды, а жизнь несчастных становится жертвой ложных умозаключений или минутных настроений судьи, принимающего за справедливое толкование шаткий вывод из смутных представлений, волновавших его ум. Вот почему один и тот же суд за одни и те же преступления в различное время назначает различные наказания: он руководствуется не словом закона, точным и неизменным, а допускает обманчивое непостоянство толкований» [30. С. 93]. В то же время «независимости судей, – указывал М.С. Строгович, – нет и

не может быть вне их подчинения закону: такая “независимость” означала бы несвязанность судей законом, произвол судей, их голое усмотрение, что решительно исключается самим существом... правосудия» [31. С. 137]. «Конечная цель уголовными законами определяемых наказаний, – указывает Г.И. Солнцев, – есть соблюдение в государстве общественного порядка и обеспечение как внутреннего благоденствия, так и внешней безопасности государства и его граждан и всех обитающих в оном государстве людей, какого бы закона и нации они ни были. Худо будет поступать тот судья, который по излишней своей разборчивости и мстительности или по жестокосердию своему будет везде находить виноватых» [32. С. 108–109].

С.И. Дементьев в своей работе описывает следующий эксперимент, свидетельствующий, насколько различными могут быть решения по одному и тому же делу и при одних и тех же обстоятельствах в рамках одной уголовно-правовой санкции. «Пяти судьям поочередно предлагалось назначить наказание по уголовному делу, которое уже было предметом судебного рассмотрения (приговор из дела изъяли). В результате решение только одного судьи совпало с приговором, по которому отбывал наказание осужденный, остальные судьи избрали виды и размеры наказания, значительно отличающиеся друг от друга» [33. С. 40].

Приведенный пример подтверждает мнение, что вопрос о границах или пределах судебного усмотрения при выборе вида и размера наказания, ограничении данного усмотрения и при этом назначении справедливой меры наказания является одним из серьезнейших и актуальных.

Необходимо подчеркнуть, что весьма важной является задача разумно ограничить пределы судебного усмотрения как при назначении наказаний в целом и наказаний, альтернативных лишению свободы, в частности. В том числе они представляются существенными и в процессе решения различных вопросов, связанных с исполнением и отбыванием наказания. Судейское усмотрение, несмотря на его бесспорную необходимость должно иметь определенные рамки, должны быть конкретные пределы, в объемах которых оно представляется возможным. При этом речь никоим образом не может вестись об ограничении прав суда.

Следует отметить, что вопрос, касающийся определения пределов (границ) судебного усмотрения, не имеет единого подхода. Одни ученые выступают за расширения полномочий, предоставленных судьям при вынесении решения по уголовному делу, другие в противовес первым ратуют за его ограничение.

Так, например, И.М. Рагимов пишет о том, что «законодатель должен идти по пути существенного расширения рамок судебного усмотрения» [34. С. 101]. Также Э. Росси еще в конце XIX в., выступая против ограничения судебного усмотрения, возражал против возложения на законодателя «обязанности всегда устанавливать наказания, определенные в узких неподвижных границах, не давая судье ни малейшего простора в применении наказания» [35. С. 227]. Л.Е. Владимиров подчеркивает: «Пределы, оставленные для измерения

наказания судом, должны быть на столько широки, чтобы суд мог свободно доходить до легкого наказания, начиная от самого строгого, каковое движение осуществимо для значительного числа преступлений» [36. С. 74]. В.В. Похмелкин, высказываясь за расширение судебного усмотрения, в то же время ограничивает его только в отношении возможности смягчения ответственности и наказания. Применительно к усилению наказания он считает, что «самостоятельность суда должна быть сведена к минимуму» [37. С. 17–18]. Ранее за первую позицию высказывались Г.А. Злобин, С.Г. Келина и А.М. Яковлев, подчеркивая, что «тенденция законодателя состоит в существенном расширении рамок судебного усмотрения при декриминализации деяний и гуманизации наказания» [38. С. 54–62].

По мнению В.Л. Чубарева, «развитие должно идти по пути рационального сужения пределов судебного усмотрения» [39. С. 57]. А.Б. Сахаров, выступающий за сужение границ судебного усмотрения, указывает, что «тенденция к расширению судебного усмотрения при определении наказания, во-первых, не соответствует исторической перспективе постепенного сокращения преступности и сужения сферы применения репрессии. Во-вторых, расширение судебного усмотрения противоречит важнейшему принципу уголовной политики, ибо неизбежно ослабляет авторитет закона, а вместе с тем и авторитет самого судебного решения. Наконец, в-третьих, широкий простор судебного усмотрения при назначении наказания, с точки зрения законодательной техники, есть следствие нечеткости определения составов преступлений» [40. С. 81]. М. Чубинский указывает, что «чрезмерное расширение судебных прав и полномочий всегда опасно для гражданской свободы и вредно для интересов преступной личности» [41. С. 394]. Бесспорно верным является в данном аспекте мнение А.И. Коробеева, подчеркивающего, что «расширение судебного усмотрения препятствует единству судебной практики, является условием, способствующим распространению коррупции в сфере осуществления уголовного судопроизводства» [42. С. 13].

Следует сказать, что действующее законодательство содержит нормы, направленные на ограничение судебного усмотрения.

К числу норм Общей части УК РФ, ограничивающих усмотрение суда по назначению наказания, относятся: «а) положение ч. 1 ст. 12 УК РФ (устанавливающие ограничение в наказуемости деяний, совершенных за границей, соответствующими пределами закона иностранного государства); б) положения гл. 9 УК РФ, ограничивающие применение конкретных видов наказаний к тем или иным категориям лиц в зависимости от пола, возраста, состояния здоровья, семейного и служебного положения; в) положения ст. 62, 64–68, 68–70 УК РФ (специальные правила назначения наказания); г) положения ч. 4 ст. 78 УК РФ, устанавливающие невозможность назначения в качестве наказания за совершен-

ное преступление смертной казни или пожизненного лишения свободы в случае неприменения судом сроков давности; д) положения гл. 14 УК РФ, ограничивающие применение конкретных видов наказаний к несовершеннолетним» [43. С. 49–50; 44. С. 253–256].

Непосредственно связанным с ограничением судебного усмотрения представляется толкование уголовно-правовых норм, осуществляемое высшей судебной инстанцией – Верховным Судом РФ в разъясняющих постановлениях Пленума.

Так, например, на факт наличия в законодательстве судебного усмотрения обращается внимание в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений», в п. 1 которого подчеркивается, что судам «следует иметь в виду, что уголовный закон не допускает возможность назначения того или иного вида исправительного учреждения по усмотрению суда, за исключением случаев, указанных в пункте “а” ч. 1 и ч. 2 ст. 58 УК РФ» [45].

«Проблема пределов усмотрения при применении уголовно-правовых норм сводится к поиску оптимального соотношения между связанностью правоприменителя жесткими рамками, установленными законом, и свободой его оценок и выбора мер уголовно-правового характера. Поэтому в правоприменительной деятельности должны найти разумный и обоснованный компромисс формальная определенность права и оценочная деятельность правоприменителя» [46. С. 377].

П.В. Марков замечает, что «усмотрение не обязательно влечет за собой произвол, но и не исключает его и может быть непредсказуемым. Однако момент субъективизма присущ любой правовой деятельности людей, не только судебной, но и законодательной. Исходя из этого, можно заключить, что судебное усмотрение способно исправить недостатки официально установленных норм и должно быть направлено на защиту права» [7. С. 1876–1877].

Говоря о необходимости ограничения пределов судебного усмотрения, в то же время необходимо отметить, что вообще без него обойтись невозможно. Последнее связано с тем, что «в условиях российской действительности реализация усмотрения нередко сопровождается внутритраслевой и межотраслевой рассогласованностью нормативного материала, преобладанием в нем альтернативных, относительно определенных санкций и так называемых оценочных категорий» [47. С. 16].

Подводя итог рассмотрению данного вопроса, необходимо подчеркнуть, что «судейское усмотрение – объективно существующее явление, присущее правовой системе любого государства» [19. С. 25]. Однако реализация судьями предоставленных дискреционных полномочий не должна приводить к нарушениям прав и свобод граждан, а должна содействовать укреплению законности и правопорядка.

Список источников

1. Барак А. Судейское усмотрение / пер. с англ. М. : Норма, 1999. 376 с.
2. Егорова О.А. Понятие и основания судебного усмотрения // Судейское усмотрение: понятие, основания, пределы : материалы VI Межрегион. науч.-практ. конф. / отв. ред. О.А. Егорова, Ю.Ф. Беспалов. М. : Проспект, 2015. 256 с.

3. Смолин С.В. Правовая охрана конституционных прав граждан: межотраслевая конкуренция норм, регламентирующих уголовную и административную ответственность, и ее устранение // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 2 (14). С. 86–92.
4. Советское уголовное право: Советский уголовный закон. Курс лекций. Вып. 2 / отв. за вып. В.М. Семенов. Свердловск : Изд-во Свердлов. юрид. ин-та, 1974. 226 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. М. : АЗБ, 1995. 928 с.
6. Комиссаров К.И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства / отв. за вып. В.М. Семенов. Свердловск, 1971. 167 с.
7. Марков П.В. Правовая природа и условия осуществления судебного усмотрения // Право и политика. 2011. № 11. С. 1875–1881.
8. Попаденко Е.В. Альтернативные средства разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском и зарубежном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 27 с.
9. Ермолович Я.Н. Дифференциация уголовной ответственности военнослужащих. М. : Юрлитинформ, 2014. 288 с.
10. Папкова О.А. Усмотрение суда. М. : Статут, 2005. 413 с.
11. Берг Л.Н. Судебное усмотрение и его пределы (общетеоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 202 с.
12. Кауфман А.М. Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 502 с.
13. Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в уголовном праве. М. : Проспект, 2016. 104 с.
14. Ведерников В.В. К вопросу о понятии судейского усмотрения и его практической значимости // Судейское усмотрение: понятие, основания, пределы : материалы VI Межрегион. науч.-практ. конф. / отв. ред. О.А. Егорова, Ю.Ф. Беспалов. М. : Проспект, 2015. С. 41–49.
15. Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в применении уголовно-правовых норм: проблемы и пути решения / отв. ред. А.И. Чучаев. М. : Проспект, 2015. 376 с.
16. Дворянсков И.В. Эффективность альтернативных наказаний (Компенсационная модель) : учеб.-метод. пособие для студ. вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / под ред. проф. А.М. Никитина. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. 96 с.
17. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М. : ТК Велби : Проспект, 2008. 208 с.
18. Психология судейского решения // Право. Ежедневная юридическая газета. 1915. № 11. С. 835–840.
19. Гамбарян А.С. Судейское усмотрение как сфера судебной политики // Вектор науки ТГУ. 2011. № 2 (5). С. 25–33.
20. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
21. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ана Роберта Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определении Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 1489-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.05.2023).
22. О судебном решении : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 2.
23. Беспалов Ю.Ф. К вопросу о пределах судейского усмотрения // Судейское усмотрение: понятие, основания, пределы : материалы VI Межрегион. науч.-практ. конф. / отв. ред. О.А. Егорова, Ю.Ф. Беспалов. М. : Проспект, 2015. С. 28–34.
24. Кодекс судейской этики // Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2.
25. Лядов Э.В. К вопросу о судейском усмотрении при применении наказаний, не связанных с изоляцией от общества // Қазақстанның ғылымы мен өмірі (Наука и жизнь Казахстана) science and life of Kazakhstan. 2017. № 6 (51). С. 103–107.
26. Велиев С.А., Савенков А.В. Энциклопедия уголовного права. Т. 9: Назначение наказания. СПб., 2008. 910 с.
27. Лапшин В.Ф. Цели уголовного наказания: правовая регламентация и средства достижения // Антиобщественный образ жизни и преступность молодежи : материалы четвертого Всерос. «круглого стола» (посвящается 80-летию Академии ФСИН России). 16–17 октября 2014 г. Ростов-на-Дону ; Рязань : Академия права и управления ФСИН России ; Юрист Юга России и Закавказья, 2014. 132 с.
28. Нажимов В.П. Справедливость наказания – важнейшее условие его эффективности // Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР. Калининград : Изд-во Калинингр. ун-та, 1973. Т. 2. С. 3–11.
29. Нажимов В.П. Справедливость наказания – важнейшее условие его эффективности // Изучение и предупреждение преступности. 1968. Вып. 9. С. 362–371.
30. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2004. VI. 184 с.
31. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1968. 471 с.
32. Солнцев Г.И. Российское уголовное право / под ред. Г.С. Фельдштейна. Ярославль : Демидовский юридический лицей, 1820. 302 с.
33. Дементьев С.И. Построение уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы. Ростов н/Д, 1986. 157 с.
34. Рагимов И.М. Философия наказания и проблемы его назначения. Баку, 1998. 126 с.
35. Росси Э. Основные начала уголовного права. Вып. 1–2 / пер. с франц. Г. Козополянского. СПб. : Тип. Ю.А. Бокрама, 1871. 635 с.
36. Владимиров Л.Е. Курс уголовного права. Ч. 1: Основы нынешнего уголовного права. Книга первая. М., 1908. 397 с.
37. Похмелкин В.В. Достижение справедливости при назначении наказания по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985. 24 с.
38. Злобин Г.А., Келина С.Г., Яковлев А.М. Советская уголовная политика: дифференциация ответственности // Советское государство и право. 1977. № 9. С. 54–62.
39. Чубарев В.Л. Общественная опасность преступления и наказание. Количественные методы изучения / под ред. Ю.Д. Блужштейна. М. : ВНИИ МВД СССР, 1982. 96 с.
40. Сахаров А.Б. Перспективы развития советского уголовного права // Советское государство и право. 1983. № 7. С. 79–86.
41. Чубинский М. Мотив преступной деятельности. Ярославль. 1910. С. 394 // Левицкий Г.А. Русские и западноевропейские ученые XIX и начала XX вв. об уголовном законе, преступлении и наказании. Хрестоматия. СПб., 2004. 152 с.

42. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика современной России: камо грядеши? // Совершенствование уголовного законодательства и правоприменительной практики РФ на основе использования опыта стран Азиатско-Тихоокеанского региона как стратегический приоритет развития российской уголовной политики : материалы междунар. науч.-практ. конф., Владивосток, 1–2 октября 2013 г. Владивосток : Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2013. С. 10–16.
43. Баранова Е.А., Смирнов А.М. Уголовное наказание и его назначение : учеб. пособие. М. : Юрлитинформ, 2014. 192 с.
44. Лядов Э.В. К вопросу об общих началах назначения наказания // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1 (64). С. 253–256.
45. О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 9 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 7.
46. Парог А.И. Судейское усмотрение при применении уголовно-правовых норм // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2003. № 2. С. 376–381.
47. Пархоменко Д.А. Усмотрение в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 182 с.

References

1. Barak, A. (1999) *Sudeyskoe usmotrenie* [Judicial discretion]. Translated from English. Moscow: NORMA.
2. Egorova, O.A. (2015) [The concept and grounds of judicial discretion]. *Sudeyskoe usmotrenie: ponyatie, osnovaniya, predely* [Judicial discretion: concept, grounds, limits]. Proceedings of the VI Interregional Conference. Moscow: Prospekt. (In Russian).
3. Smolin, S.V. (2016) *Pravovaya okhrana konstitutsionnykh prav grazhdan: mezhotraslevaya konkurentsia norm, reglamentiruyushchikh ugovolnuyu i administrativnuyu otvetstvennost', i ee ustraneniye* [Legal protection of the constitutional rights of citizens: intersectoral competition of norms regulating criminal and administrative responsibility, and its elimination]. *Biblioteka ugovolnogo prava i kriminologii*. 2 (14). pp. 86–92.
4. Semenov, V.V. (1974) *Sovetskoe ugovolnoe pravo: Sovetskiy ugovolnnyy zakon. Kurs lektsiy* [Soviet criminal law: Soviet criminal law. Lectures]. Vol. 2. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute.
5. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1995) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. 2nd ed. Moscow: AZ".
6. Komissarov, K.I. (1971) *Zadachi sudebnogo nadzora v sfere grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Tasks of judicial supervision in the field of civil proceedings]. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute.
7. Markov, P.V. (2011) *Pravovaya priroda i usloviya osushchestvleniya sudebnogo usmotreniya* [Legal nature and conditions for the exercise of judicial discretion]. *Pravo i politika*. 11. pp. 1875–1881.
8. Popadenko, E.V. (2008) *Alternativnye sredstva razresheniya ugovolno-pravovykh konfliktov v rossiyskom i zarubezhnom prave* [Alternative means of resolving criminal law conflicts in Russian and foreign law]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
9. Ermolovich, Ya.N. (2014) *Differentsiatsiya ugovolnoy otvetstvennosti voennosluhashchikh* [Differentiation of criminal liability of military personnel]. Moscow: YurLitinform.
10. Papkova, O.A. (2005) *Usmotrenie suda* [Judicial discretion]. Moscow: Statut.
11. Berg, L.N. (2008) *Sudebnoe usmotrenie i ego predely (obshcheteoreticheskiy aspekt)* [Judicial discretion and its limits (general theoretical aspect)]. Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
12. Kaufman, A.M. (2009) *Probely v ugovolnom prave i sposoby ikh preodoleniya* [Gaps in criminal law and ways to fill them]. Law Dr. Diss. Moscow.
13. Gracheva, Yu.V. (2016) *Sudeyskoe usmotrenie v ugovolnom prave* [Judicial discretion in criminal law]. Moscow: Prospekt.
14. Vedernikov, V.V. (2015) [On the concept of judicial discretion and its practical significance]. *Sudeyskoe usmotrenie: ponyatie, osnovaniya, predely* [Judicial discretion: concept, grounds, limits]. Proceedings of the VI Interregional Conference. Moscow: Prospekt. pp. 41–49. (In Russian).
15. Gracheva, Yu.V. (2015) *Sudeyskoe usmotrenie v primeneni ugovolno-pravovykh norm: problemy i puti resheniya* [Judicial discretion in the application of criminal law: problems and solutions]. Moscow: Prospekt.
16. Dvoryanskov, I.V. (2004) *Effektivnost' alternativnykh nakazaniy (Kompensatsionnaya model')* [The effectiveness of alternative punishments (Compensation model)]. A textbook. Moscow: YuNITI-DANA, Zakon i pravo.
17. Gavrilov, B.Ya. (2008) *Sovremennaya ugovolnaya politika Rossii: tsifry i fakty* [Current criminal policy of Russia: figures and facts]. Moscow: TK Velbi, Iz-vo Prospekt.
18. *Pravo*. (1915) *Psikhologiya sudeyskogo resheniya* [Psychology of judicial decisions]. 11. pp. 835–840.
19. Gambaryan, A.S. (2011) *Sudeyskoe usmotrenie kak sfera sudebnoy politiki* [Judicial discretion as a sphere of judicial policy]. *Vektor nauki TGU*. 2 (5). pp. 25–33.
20. RF. (2001) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ* [The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001, No. 174-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 52 (Part I). Art. 4921.
21. Consultant Plus. (2013) *On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Robert Sergeevich Ana about the violation of his constitutional rights by part two of Article 297 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 24, 2013, No. 1489-O*. (In Russian).
22. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. (2004) *O sudebnom reshenii: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Ros. Federatsii ot 19 dekabrya 2003 g. № 23* [On the court decision: ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2003, No. 23]. 2.
23. Bepalov, Yu.F. (2015) [On the limits of judicial discretion]. *Sudeyskoe usmotrenie: ponyatie, osnovaniya, predely* [Judicial discretion: concept, grounds, limits]. Proceedings of the VI Interregional Conference. Moscow: Prospekt. pp. 28–34. (In Russian).
24. *Byulleten' aktov po sudebnoy sisteme*. (2013) *Kodeks sudeyskoy etiki* [Code of judicial ethics]. 2.
25. Lyadov, E.V. (2017) *K voprosu o sudeyskom usmotrenii pri primeneni nakazaniy, ne svyazannykh s izolyatsiei ot obshchestva* [On judicial discretion in the application of punishments not related to isolation from society]. *Kazakhstannyy zhylymy men omiri – Science and Life of Kazakhstan*. 6 (51). pp. 103–107.

26. Veliev, S.A. & Savenkov, A.V. (2008) *Entsiklopediya ugovnogo prava* [Encyclopedia of criminal law]. Vol. 9. St. Petersburg: Yurid. tsentr-Press.
27. Lapshin, V.F. (2014) [The goals of criminal punishment: legal regulation and means of achievement]. *Antisobshchestvennyy obraz zhizni i prestupnost' molodezhi* [Antisocial lifestyle and youth crime]. Proceedings of the Fourth All-Russian Round Table (dedicated to the 80th anniversary of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia). 16–17 October 2014. Rostov-on-Don; Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia; Yurist Yuga Rossii i Zakavkaz'ya. (In Russian).
28. Nazhimov, V.P. (1973) Spravedlivost' nakazaniya – vazhneyshee uslovie ego effektivnosti [The justice of punishment is the most important condition for its effectiveness]. In: *Voprosy organizatsii suda i osushchestvleniya pravosudiya v SSSR* [Issues of the organization of the court and the administration of justice in the USSR]. Vol. 2. Kaliningrad: Kaliningrad State University. pp. 3–11.
29. Nazhimov, V.P. (1968) Spravedlivost' nakazaniya - vazhneyshee uslovie ego effektivnosti [The fairness of punishment is the most important condition for its effectiveness]. *Izucheniye i preduprezhdeniye prestupnosti*. 9. pp. 362–371.
30. Beccaria, C. (2004) *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On crimes and punishments]. Translated from Italian. Moscow: INFRA-M.
31. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugovnogo protsessu: v 2 t.* [The course of the Soviet criminal process: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
32. Solntsev, G.I. (1820) *Rossiyskoe ugovnoye pravo* [Russian criminal law]. Yaroslavl: Demidov Juridical Lyceum.
33. Dement'ev, S.I. (1986) *Postroyeniye ugovno-pravovykh sanktsiy v vide lisheniya svobody* [Designing criminal-legal sanctions in the form of imprisonment]. Rostov-on-Don.
34. Ragimov, I.M. (1998) *Filosofiya nakazaniya i problemy ego naznacheniya* [Philosophy of punishment and problems of its imposition]. Baku: Diplomat.
35. Rossi, E. (1871) *Osnovnye nachala ugovnogo prava* [Basic principles of criminal law]. Translated from French by G. Kozopol'yanskiy. Vols 1–2. St. Petersburg: Tip. Yu.A. Bokrama.
36. Vladimirov, L.E. (1908) *Kurs ugovnogo prava* [A course of criminal law]. Part 1. Book 1. Moscow: [s.n.].
37. Pokhmelkin, V.V. (1985) *Dostizheniye spravedlivosti pri naznachenii nakazaniya po sovetskomu ugovnomu pravu* [Achieving justice in sentencing under Soviet criminal law]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
38. Zlobin, G.A., Kelina, S.G. & Yakovlev, A.M. (1977) Sovetskaya ugovnaya politika: differentsiatsiya otvetstvennosti [Soviet criminal policy: differentiation of responsibility]. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*. 9. pp. 54–62.
39. Chubarev, V.L. (1982) *Obshchestvennaya opasnost' prestupleniya i nakazaniye. Kolichestvennyye metody izucheniya* [Social danger of crime and punishment. Quantitative methods of study]. Moscow: VNII MVD SSSR.
40. Sakharov, A.B. (1983) Perspektivy razvitiya sovetskogo ugovnogo prava [Prospects for the development of Soviet criminal law]. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*. 7. pp. 79–86.
41. Chubinskiy, M. (2004) Motiv prestupnoy deyatel'nosti. Yaroslavl'. 1910 [Motive of criminal activity. Yaroslavl. 1910]. Levitskiy, G.A. (2004) *Russkie i zapadnoevropeyskie uchenye XIX i nachala XX vv. ob ugovnom zakone, prestuplenii i nakazanii. Khrestomatiya* [Russian and Western European scientists of the 19th and early 20th centuries on criminal law, crime and punishment. A reader]. St. Petersburg: Fond "Universitet".
42. Korobeev, A.I. (2013) Ugolovno-pravovaya politika sovremennoy Rossii: kamo gryadeshi? [Criminal law policy of modern Russia: where are you coming from?]. *Sovershenstvovaniye ugovnogo zakonodatel'stva i pravoprimenitel'noy praktiki RF na osnove ispol'zovaniya opyta stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona kak strategicheskoy prioritet razvitiya rossiyskoy ugovnoy politiki* [Improving the criminal legislation and law enforcement of the Russian Federation based on the use of the experience of the countries of the Asia-Pacific region as a strategic priority for the development of Russian criminal policy]. Proceedings of the International Conference, Vladivostok. 1–2 October 2013. Vladivostok: FEPU. pp. 10–16. (In Russian).
43. Baranova, E.A. & Smirnov, A.M. (2014) *Ugovnoye nakazaniye i ego naznacheniye* [Criminal punishment and its purpose]. A textbook. Moscow: YurLitinform.
44. Lyadov, E.V. (2015) K voprosu ob obshchikh nachalakh naznacheniya nakazaniya [On the general principles of sentencing]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 1 (64). pp. 253–256.
45. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. (2014) O praktike naznacheniya i izmeneniya sudami vidov ispravitel'nykh uchrezhdeniy: postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 29 maya 2014 g. № 9 [On the practice of appointing and changing the types of correctional institutions by the courts: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 29, 2014, No. 9]. 7.
46. Rarog, A.I. (2003) Sudeyskoye usmotreniye pri primenenii ugovno-pravovykh norm [Judicial discretion in the application of criminal law norms]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya PRAVO*. 2. pp. 376–381.
47. Parkhomenko, D.A. (2015) *Usmotreniye v ugovnom prave* [Discretion in criminal law]. Law Cand. Diss. Moscow.

Информация об авторе:

Лядов Э.В. – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета Академии права и управления ФСИН (Рязань, Россия). E-mail: leve2000@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Lyadov, Cand. Sci. (Law), associate professor, deputy head of the Department of Penal Law, Faculty of Law, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service (Ryazan, Russian Federation). E-mail: leve2000@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.05.2023;
одобрана после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.

The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Научная статья
УДК 343.24.29

doi: 10.17223/23088451/21/23

УЧЕТ ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ НАКАЗАНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Алла Липаритовна Агабекян¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, AllaAgabekyan@yandex.ru*

Аннотация. Анализируется уголовное законодательство России и Армении. Рассматриваются сходства и отличия в системе наказаний, в порядке учета частных интересов при применении мер ответственности. Обращается внимание на обстоятельства, смягчающие наказания, а также на исключительные обстоятельства, лежащие в основе снижения срока и размера наказания при возмещении вреда и ущерба. Анализируются существующие в законах обеих стран достоинства и недостатки, а также перспективные направления развития.

Ключевые слова: частные интересы потерпевшего, назначение наказания, уголовное право России, уголовное право Армении

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496>.

Для цитирования: Агабекян А.Л. Учет частных интересов при применении наказаний по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Армения // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 129–132. doi: 10.17223/23088451/21/22

Original article
doi: 10.17223/23088451/21/23

ACCOUNT OF PRIVATE INTERESTS IN THE APPLICATION OF PUNISHMENTS UNDER THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF ARMENIA

Alla L. Agabekyan¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, AllaAgabekyan@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the provisions of the criminal laws of the Republic of Armenia and the Russian Federation. The author examines the issues of taking into account private interests in the application of punishment in connection with the reforms that took place in 2021–2023; considers the structures of the Special Part of the Criminal Code of the Republic of Armenia and of the Criminal Code of the Russian Federation on the basis of objects of criminal law protection, emphasizing a radical change in the concepts of the part; draws attention to the emergence of a new subject of crime in the Armenian criminal law – a legal entity. The author analyzes the provisions of international and European standards related to the goals and objectives of laws that ensure the reintegration into society of a person who has committed a crime. She stresses that their implementation must take into account the possibility of protecting society and at the same time support social reintegration, allowing offenders to compensate for the harm they have caused. The author pays particular attention to the analysis of probation laws, which set out the basis for the return of a convicted person to society, as well as for the victim's participation in this process. An analysis of the goals of Russian probation shows that it is important to harmonize legislation, replacing the word “correction” with “rehabilitation”. The author considers the basis of Armenian probation, which consolidates the provision of advisory reports, including on the replacement of punishment with a milder one. She raises debatable questions about taking into account the private interests of the victim harmed by the crime when deciding on the issue of pardon and parole. There are seven similarities identified in the study of the system of punishments in the legislation of the two countries, as well as a number of differences. In the Criminal Code of Armenia it is possible to deprive a person who has committed a crime of a degree or title if it was obtained as a result of committing a crime. The author analyzes the positive and negative manifestations in the practice of implementing punishments. The laws of the two countries clearly explain the content of “exceptional circumstances” that extenuate the convict's guilt and reduce the public danger of the crime; however, in practice there are contradictions and conflicts. The author examines a circumstance mitigating punishment – compensation for damage or harm – in Armenia and Russia. She states that there is a tendency to expand the types of punishments, including alternatives to imprisonment. The analysis revealed a discrepancy in the terminology used, which led to a change in the objectives of the legislation, goals and types of punishment. The author concludes that more attention is paid to the protection and consideration of private interests in the Criminal Code of the Russian Federation than in the Criminal Code of the Republic of Armenia.

Keywords: private interests of victim, sentencing, criminal law of Russia, criminal law of Armenia

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496>.

For citation: Agabekyan, A.L. (2023) Account of private interests in the application of punishments under the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Armenia. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 129–132. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/23

Республику Армения и Российскую Федерацию объединяет общее историческое прошлое и тесное международное сотрудничество в настоящем, в том числе по правовым вопросам. Актуальность проблемы вызвана также недавней реформой в Армении, результатом которой стало принятие 5 мая 2021 г. Национальным собранием нового Уголовного кодекса Республики Армения [1], вступившего в силу 1 июля 2022 г. В то же время в России продолжается реформа уголовного законодательства, которая приводит к введению в Уголовный кодекс Российской Федерации [2], точнее в Особенную часть, новых составов, направленных на защиту не только интересов государства, но и частных интересов членов общества.

Стоит отметить, что произошло радикальное изменение структуры Особенной части УК РА на основе объектов уголовно-правовой охраны. Если в прежнем УК РА и действующем УК РФ статьи располагались по принципу «личность – общество – государство», то сейчас Особенная часть УК РА начинается со статей о преступлениях против мира и безопасности человечества. Более того, теперь в Армении можно привлекать к ответственности юридических лиц (ст. 19 УК РА). Вместе с тем отмененные выше особенности влияют также на цели и систему наказаний.

Кроме того, этот УК РА стал во многом отличаться от предшественника. Так, например, основываясь на международных стандартах, в качестве одной из задач предусмотрено обеспечение реинтеграции в общество лица, совершившего преступление. Например, в Европейских правилах в отношении «общинных» санкций и мер (далее – Правила) подчеркивается цель таких стандартов, которая сводится к тому, чтобы помочь национальным законодателям, органам власти, принимающим решения и исполняющим их, и практическим работникам обеспечить справедливое и эффективное применение «общинных» санкций и мер [3]. Их применение должно учитывать необходимость защиты общества и поддержания правопорядка и в то же время поддерживать социальную реинтеграцию, позволяя правонарушителям вместе с тем возместить причиненный ими вред. О важности обеспечения реинтеграции говорится также в пп. 31, 38, 50 Правил.

Несмотря на то, что в УК РФ такая задача не закреплена, в ч. 2 ст. 1 УИК РФ содержится указание на необходимость «оказания осужденным помощи в социальной адаптации» [4]. Стоит отметить, что в январе 2023 г. был принят Федеральный закон № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [5], который вступает в силу с 1 января 2024 г., а в отдельных положениях – с 1 января 2025 г. (далее – Закон). Закон в

ст. 4 к одной из целей пробации относит «коррекцию социального поведения осужденного». При этом в определении пенитенциарной пробации (ст. 5) подчеркивается направленность мер именно на исправление осужденных. Разный подход привел к тому, что есть не просто внутреннее противоречие в самом нормативном акте, но и отсутствует корреляция с уголовным и уголовно-исполнительным законодательством. Полагая, что для гармонизации законодательства необходимо это устранить, заменив слово «коррекция»¹ на «исправление». Указанные выше недостатки привели некоторых ученых к выводу о том, что Закон является рамочным нормативно-правовым актом, структурированным по аналогии с Федеральным законом «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

Дополним, что в Законе также предусмотрено требование о получении согласия самого осужденного или освобожденного на оказание помощи в трудной жизненной ситуации. В науке неоднократно актуализировалась дискуссия о том, нужно ли предоставлять право ходатайствовать об условно-досрочном освобождении лицам, отбывающим наказания без изоляции от общества, которые выполнили предусмотренные законом условия, в том числе полностью или частично возместили вред потерпевшему. Нередки споры об учете частных интересов потерпевшего, которому преступлением был причинен ущерб, при решении вопроса о помиловании. Как показывает опыт зарубежных стран, участие потерпевшего в решении некоторых вопросов уголовной юстиции необходимо для обеспечения справедливости.

Завершая анализ особенностей пробации, отметим, что досудебной пробации по «европейскому типу» нет ни в России, ни в Армении. Однако Закон Армении «О пробации» [6] возлагает на службу предоставление консультативных докладов по выгодоприобретателю пробации не только относительно условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, но и относительно замены наказания на более мягкое (ст. 11, 23).

Важным является анализ целей наказания по уголовному законодательству Армении и России. Так, к целям наказания в России относятся восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений (ст. 43 УК РФ). В Армении ранее была выделена именно эта триада, однако с принятием нового УК РА цель «исправление» была исключена, а на замену пришла новая – «ресоциализация лица, подвергнувшегося наказа-

¹ Вероятно, авторы Закона использовали дословный перевод с английского слова «correction».

нию» (ст. 55). В работе некоторых армянских ученых встречается другой перевод – «пересоциализация», что не совсем корректно и, полагаем, вызвано трудностями перевода [7. С. 280].

Система наказаний в законодательстве обеих стран имеет следующие сходства: во-первых, предусмотрен достаточно широкий перечень наказаний (в Армении – 11, в России – 13), в том числе без изоляции от общества; во-вторых, среди наказаний имеются реальные альтернативы лишению свободы; в-третьих, нормативно разделены виды наказаний на основные и дополнительные; в-четвертых, виды наказаний располагаются от наименее строгого к наиболее строгому; в-пятых, некоторые из видов наказаний применимы только к определенной категории лиц – военнослужащим; в-шестых, круг наказаний, применяемых к несовершеннолетним, выделен в УК отдельно; в-седьмых, к числу наказаний отнесены штраф, лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью, лишение воинского или специального звания, классного чина и государственных наград, общественные в Армении и обязательные в России работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части (в Армении – содержание в дисциплинарном батальоне), лишение свободы на определенный срок (в Армении – краткосрочное лишение свободы, лишение свободы), пожизненное лишение свободы, ограничение свободы.

В этом контексте последний из перечисленных видов наказания, наряду с краткосрочным лишением свободы, появился в новом УК Армении в связи с правовой реформой. В статье 58 УК РА для уточнения содержания лишения воинского или специального звания, классного чина и государственных наград четко определено, что суд не вправе лишать осужденного ученой степени или ученого звания, специального звания в сферах искусства, культуры, литературы, спорта, за исключением случаев, когда указанная степень или звание лицо получило вследствие совершения преступления, тогда как в России схожее положение отражено только в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 г. Москвы «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (п. 13) [8]. Полагаем, что армянский законодатель в этом вопросе опередил российского, закрепив это положение в УК. При этом в УК РА теперь не найти упоминания о «злостном уклонении от уплаты штрафа», которое, как справедливо отметил С.С. Аветисян, не находит единства в теории

уголовного права и создает значительные трудности на практике [9. С. 7].

Однако в УК РФ, в отличие от УК РА, нет указания на такой вид наказания, как выдворение иностранного гражданина. Между тем в УК РА отсутствуют смертная казнь, принудительные и исправительные работы, арест.

Важными аспектами являются особенности назначения наказания, в том числе более мягкого наказания, чем предусмотрено законом. Основанием для этого выступают «исключительные обстоятельства», смягчающие вину осужденного и понижающие степень общественной опасности преступления и лица, совершившего его. Законодательства обеих стран четко разъясняют содержания таких обстоятельств, однако на практике все же существуют противоречия и коллизии. Как отмечает А.А. Саргсян, в этом вопросе армянский законодатель выбрал для себя вектор на либерализацию уголовной политики, хотя в России законодательство в данной области более совершенно [10. С. 35–36].

Думается, что стоит особенно выделить такое обстоятельство, смягчающее наказание, как возмещение ущерба или вреда. В России оно закреплено в п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ: добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления. В Армении указанное обстоятельство изложено в ч. 1 ст. 70 УК РА: совершение действий, направленных на возмещение или иное урегулирование вреда, причиненного преступлением лицом, совершившим преступление. При этом российский законодатель оказался более прогрессивным в вопросе учета частных интересов, так как предусмотрел возможность снижения верхнего предела наказания в случае, если осужденный полностью возместил вред и ущерб потрепавшему (ст. 62 УК РФ).

Таким образом, с 2021 г. Армения реформировала уголовное законодательство, в том числе систему наказаний, основываясь на международных и европейских стандартах. Сравнительный анализ УК обеих стран позволил выявить тенденцию расширения видов наказаний, в том числе альтернатив лишению свободы. Вместе с тем наблюдается расхождение в применяемой терминологии, которое привело к изменению задач законодательства, целей и видов наказания. Анализ ряда законов Армении и России позволяет прийти к выводу о том, что защите и учету частных интересов в УК РФ уделено больше внимания, чем в УК РА. В целом российский законодатель и правоприменитель более прогрессивен, что позволяет отметить перспективу в реформировании армянского уголовного права и констатировать необходимость дальнейшего совершенствования УК РФ.

Список источников

1. *Armenian Legal Information System*. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=153080> (дата обращения: 25.01.2023).
2. *Уголовный кодекс Российской Федерации* : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. М., 2023. Доступ: из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
3. *Recommendation CM/Rec (2017) 3 on the European Rules on community sanctions and measures (accompanied by its commentary)* // The Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/168070c09b> (дата обращения: 21.01.2023).
4. *Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации* : Федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2023).

5. Федеральный закон № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48882> (дата обращения: 10.02.2023).
6. Закон Республики Армения «О пробации» от 17.05.2016 // Армянский информационно-правовой сайт. URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=114798> (дата обращения: 10.02.2023).
7. Барсегян С.В. Цели уголовного наказания согласно проекту уголовного кодекса Республики Армения // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы VII Международ. науч.-практ. конф., Иркутск, 5 октября 2018 г. Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018. С. 279–282.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2023).
9. Аветисян С.С. Некоторые перспективы развития уголовного права в свете принятого нового уголовного кодекса Республики Армения // Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 15-летию юридического факультета, Улан-Удэ, 24–27 июня 2021 года. Улан-Удэ : Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2021. С. 5–11.
10. Саргсян А.А. Проблемы назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление в судебной практике Республики Армения и Российской Федерации // Союз криминалистов и криминологов. 2022. № 1. С. 31–39.

References

1. Armenian Legal Information System. [Online] Available from: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=153080> (Accessed: 25 January 2023).
2. Consultant Plus. (2023) *U Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996, No. 63-FZ*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
3. The Council of Europe. (2017) *Recommendation CM/Rec 3 on the European Rules on community sanctions and measures (accompanied by its commentary)*. [Online] Available from: <https://rm.coe.int/168070c09b> (Accessed: 21 January 2023).
4. Consultant Plus. (2023) *The Penal Code of the Russian Federation: Federal Law of January 08, 1997, No. 1-FZ*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
5. Kremlin.ru. (2023) *Federal'nyy zakon № 10-FZ "O probatsii v Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law No. 10-FZ On Probation in the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48882> (Accessed: 10th February 2023).
6. Arlis.am. (2023) *Zakon Respubliki Armeniya "O probatsii" ot 17.05.2016 g.* [Law of the Republic of Armenia On Probation dated May 17, 2016]. [Online] Available from: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=114798> (Accessed: 10th February 2023).
7. Barsegian, S.V. (2018) [The goals of criminal punishment according to the draft criminal code of the Republic of Armenia]. *Problemy sovremennogo zakonodatel'stva Rossii i zarubezhnykh stran* [Problems of modern legislation in Russia and foreign countries]. Proceedings of the VII International Conference. Irkutsk. 05 October 2018. Irkutsk: Irkutsk Institute (branch) of All-Russian State University of Justice, pp. 279–282. (In Russian).
8. Consultant Plus. (2023) *Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 22, 2015, No. 58 (as amended on December 18, 2018): On imposing criminal penalties by the courts of the Russian Federation*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
9. Avetisyan, S.S. (2021) [Some prospects for the development of criminal law in the light of the adopted new Criminal Code of the Republic of Armenia]. *Problemy i perspektivy razvitiya gosudarstva i prava v XXI veke* [Problems and prospects for the development of state and law in the 21st century]. Proceedings of the XII International Conference dedicated to the 15th anniversary of the Faculty of Law. Ulan-Ude. 24–27 June 2021. Ulan-Ude: East Siberian State University of Technology and Management. pp. 5–11. (In Russian).
10. Sargsyan, A.A. (2022) *Problemy naznacheniya bolee myagkogo nakazaniya, chem predusmotreno za dannoe prestuplenie v sudebnoy praktike Respubliki Armeniya i Rossiyskoy Federatsii* [Problems of imposing a more lenient punishment than provided for a given crime in the judicial practice of the Republic of Armenia and the Russian Federation]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov*. 1. pp. 31–39.

Информация об авторе:

Агабекян А.Л. – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: AllaAgabekyan@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.L. Agabekyan, Cand. Sci. (Law), senior lecturer of the Department of Criminal Law, senior research fellow of the Research Laboratory of Social and Legal Studies, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: AllaAgabekyan@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.

The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/21/24

НАКАЗАНИЕ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ ПРИ ОСОБЫХ ВОЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН СНГ

Дмитрий Олегович Трофимов¹

¹ АНО «Диалог Регионы», Томск, Россия, dmitry.trofimov.91@gmail.com

Аннотация. Правильное и эффективное применение на практике положений об особых военных обстоятельствах, подлежащих особому учету, в том числе при привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в военное время, невозможно без осуществления детальной научной проработанности данной области, которая предполагает обязательный учет совместного опыта в сфере уголовно-правового регулирования стран СНГ.

Ключевые слова: период мобилизации, период военного положения, военное время, условия вооруженного конфликта, условия ведения боевых действий

Для цитирования: Трофимов Д.О. Наказание за преступления, совершенные при особых военных обстоятельствах, по законодательству стран СНГ // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 133–137. doi: 10.17223/23088451/21/24

Original article
doi: 10.17223/23088451/21/24

PUNISHMENT FOR CRIMES COMMITTED UNDER SPECIAL MILITARY CIRCUMSTANCES ACCORDING TO THE LEGISLATION OF THE CIS COUNTRIES

Dmitry O. Trofimov¹

¹ ANO Dialog Regiony, Tomsk, Russian Federation, dmitry.trofimov.91@gmail.com

Abstract. When imposing a criminal penalty, the correct application of the legal categories that the legislator has enshrined in the criminal law through the adoption of Federal Law No. 365-FZ, On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (September 24, 2022), is impossible without carrying out a deep analysis of the situation the author proposes to refer to as “special military circumstances”. According to Federal Law No. 365-FZ, these circumstances include the commission of a crime: 1) during the period of mobilization; 2) during martial law; 3) in wartime; 4) in the conditions of armed conflict; 5) in the conditions of warfare. In the article, the author analyzes the criminal legislation of the CIS countries (as well as states that were previously members of the CIS) to see whether these circumstances are enshrined in the criminal law as those aggravating criminal liability and punishment, as qualifying signs in the offenses, and the impact of these circumstances on punishment imposed in the presence of these circumstances.

Keywords: period of mobilization, period of martial law, wartime, conditions of armed conflict, conditions of warfare

For citation: Trofimov, D.O. (2023) Punishment for crimes committed under special military circumstances according to the legislation of the CIS countries. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 133–137. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/24

Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» закреплено пять обстоятельств, подлежащих особому учету при привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, а именно: в период мобилизации; в период военного положения; в военное время; в условиях вооруженного конфликта; в условиях ведения боевых действий.

В предыдущей статье [1] мы предложили с известной долей условности именовать их совокупность этих «особыми военными обстоятельствами». Такая формулировка характеризует как содержание, так и источник

их возникновения. Кроме того, она удобна с позиции краткости изложения.

Указанные обстоятельства имеют непосредственное отношение к институту уголовного наказания. Прежде всего, в качестве конституирующих признаков преступлений они определяют саму наказуемость деяний. Кроме того, они выступают обстоятельствами, отягчающими наказание, а также являются квалифицирующими признаками ряда преступлений.

Законодательные формулировки этих обстоятельств ранее довольно широко использовались и используются в настоящее время не только в уголовном законодательстве России, но и других государств на постсоветском пространстве.

В первые годы после распада СССР многие из независимых постсоветских государств считали нецелесообразным отказ от наработанного многими десятилетиями совместного опыта в сфере уголовно-правового регулирования. Постановлением Межпарламентской Ассамблеи № 7-5 от 17.02.1996 для государств-участников СНГ был принят рекомендательный Модельный Уголовный кодекс, послуживший основой для разработки рядом государств СНГ национального уголовного законодательства [2]. Принятые впоследствии уголовные кодексы государств – участников СНГ многое позаимствовали из указанного акта, поэтому анализ отражения особых военных обстоятельств в уголовном законодательстве стран СНГ следует начать именно с Модельного Уголовного кодекса, хотя в нем нет конкретных норм об особых военных обстоятельствах как таковых.

Нашедшие отражение в Кодексе положения об учете при назначении наказания обстоятельств, характеризующих обстановку (особые условия, в которых совершается преступление), повышающую общественную опасность, касаются лишь обстановки чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках (п. «м» ч. 1 ст. 63 Модельного Уголовного кодекса). Обстоятельствами, характеризующими обстановку совершения преступления, выступающими в качестве квалифицирующих признаков, также являются совершение преступления с использованием условий общественного бедствия или в ходе массовых беспорядков (ст. 145, 240, 245, 247 Кодекса).

Исходя из буквального содержания Кодекса, повышенная общественная опасность указанных обстоятельств связывалась в большей мере со способом совершения преступления, нежели с обстановкой, поскольку в нем использованы формулировки: «с использованием условий чрезвычайного положения...», а не «в условиях чрезвычайного положения...».

В уголовном законодательстве ряда стран СНГ особые военные обстоятельства закреплены в качестве отягчающих уголовную ответственность и (или) наказание. Преимущественно это государства, вовлеченные в вооруженные конфликты на территории бывшего СССР. В частности, в ст. 61.1.11 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики [3] указывается как обстоятельство, отягчающее уголовное наказание, совершение преступления в условиях военного положения. Оно подлежит обязательному учету при назначении наказания согласно ст. 58.3 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики, а также при применении условного осуждения.

В соответствии со ст. 63 УК Республики Армения [4], обстоятельством, отягчающим ответственность и наказание, является совершение преступления в условиях военного положения.

В Уголовном кодексе Кыргызской Республики 1997 г. особые военные обстоятельства отсутствовали среди обстоятельств, отягчающих уголовное наказание, однако в УК Кыргызской Республики 2017 г. в статье 75 «Обстоятельства, отягчающие наказание» [5] совершение преступления в условиях военного положения рассматривается как отягчающее. Данное положение было сохранено и в ст. 74 Уголовного кодекса

Кыргызской Республики в редакции от 28.10.2021 [6]. Безусловно, на такое решение повлияла и вовлеченность Кыргызской Республики в пограничный вооруженный конфликт с Таджикистаном.

Хотя Украина в настоящее время вышла из состава СНГ, однако с научной точки зрения представляется обоснованным анализ уголовного законодательства Украины как бывшего участника СНГ, поскольку уголовное законодательство Украины, как и всех стран – участников СНГ, поначалу строилось на основе Модельного Уголовного кодекса. В Уголовном кодексе Украины такое особое военное обстоятельство, как совершение преступления с использованием условий военного положения, было закреплено в п. 11 ст. 67 в качестве отягчающего обстоятельства наказания [7]. Его влияние на назначение уголовного наказания определяется тем, что его отсутствие, согласно ст. 69-1 УК Украины, при наличии смягчающих обстоятельств, а также при признании вины обвиняемым не позволяет суду назначить наказание выше двух третей максимального срока или размера наиболее сурового вида наказания, предусмотренного соответствующей санкцией статьи (санкцией части статьи) Особенной части Кодекса.

Аналогичное положение закреплено в ст. 60 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики.

Нужно отметить, что в уголовном законодательстве абсолютного большинства стран СНГ особые военные обстоятельства не закреплены в качестве самостоятельных обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность и (или) наказание.

Отсутствуют они в этом качестве в уголовном законодательстве Республики Молдова, Республики Таджикистан, Республики Туркменистан, Республики Узбекистан, Республики Беларусь.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь особые военные обстоятельства не относятся к обстоятельствам, отягчающим уголовную ответственность и (или) наказание, однако для 11 преступлений против воинской службы такие категории, как совершение преступления в «военное время» и «в боевой обстановке» являются квалифицирующими признаками (ст. 438, 440, 441, 445–447, 450, 451, 455, 456, 459 УК Республики Беларусь). В то же время в нормах уголовного законодательства Республики Беларусь об уголовном наказании фигурирует другое особое военное обстоятельство: совершение преступления «во время вооруженного конфликта».

Согласно ст. 85 УК Республики Беларусь, освобождение от уголовного наказания не применяется при совершении таких военных преступлений, как преступные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов (ст. 136), бездействие либо отдавание преступного приказа во время вооруженного конфликта (ст. 137) [8].

Кроме того, являясь конструктивным признаком составов указанных преступлений, вооруженный конфликт одновременно рассматривается в качестве обстоятельства, исключающего применение сроков давности освобождения от уголовного наказания.

В ранее действовавшем Уголовном кодексе Республики Казахстан 1997 г. особые военные обстоятельства

упоминались только в статьях Особенной части. Например, в ст. 165 Кодекса [9], закрепляющей ответственность за государственную измену, было предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой, а в боевой обстановке приотягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет либо пожизненным лишением свободы с конфискацией имущества или без таковой.

Вместе с тем необходимо отметить, что среди обстоятельств, отягчающих уголовное наказание, закрепленных в ст. 54 Уголовного кодекса Республики Казахстан 1997 г., «боевая обстановка» как обстоятельство, отягчающее наказание, отсутствовало, следовательно, данное обстоятельство, само по себе значительно увеличивающее общественную опасность преступного деяния, может рассматриваться как квалифицирующий признак, только если оно имеет место в совокупности с каким-либо из перечисленных в ст. 54 Кодекса обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность. Это представляется непоследовательным, в особенности с учетом того, что для других статей Особенной части УК РК боевая обстановка характерна как самостоятельное обстоятельство, повышающее наказуемость, являясь квалифицирующим признаком в составах преступлений.

В новом Уголовном кодексе Республики Казахстан 2014 г. особые военные обстоятельства не упоминаются в качестве отягчающих наказание.

Особые военные обстоятельства широко представлены в уголовном законодательстве стран СНГ (и стран, ранее входивших в состав СНГ) в качестве квалифицирующих признаков составов преступлений против военной службы, а также преступлений против порядка управления, конституционного строя и безопасности государства.

Использование в уголовном законодательстве стран СНГ (а также государств, ранее входивших в состав СНГ) особых военных обстоятельств идет двумя путями. В некоторых государствах, таких как Республика Армения, Республика Азербайджан, в абсолютном большинстве случаев особым военным обстоятельствам придается статус особо квалифицирующих признаков составов преступлений, что многократно повышает степень репрессивности уголовно-правовых санкций за совершение таких преступлений.

В других случаях, когда особые военные обстоятельства рассматриваются преимущественно как квалифицирующие признаки, санкции за совершение преступлений при их наличии обладают меньшей степенью репрессивности, что характерно, к примеру, для уголовного законодательства Республики Беларусь, Республики Молдова, Республики Узбекистан, Туркменистана, Таджикистана, Украины.

Высокая превентивная роль особых военных обстоятельств в том виде, в котором они закреплены в Уголовном кодексе Республики Армения, отмечается в научной литературе [2], как и эффективность применения наиболее суровых видов уголовного наказания при наличии военных обстоятельств [3].

Так, максимальный размер такого наказания, как лишение свободы, в десять раз превышает максимальный

размер этого же вида наказания по основному составу для таких преступлений, как «Нарушение правил несения пограничной службы» (ст. 366 УК Республики Армения), более чем в семь раз для такого преступления, как сопротивление начальнику (ст. 357), в пять раз для таких преступлений, как «Нарушение уставных правил взаимоотношений» (ст. 359 УК), «Отказ от исполнения обязанностей военной службы» (ст. 364), «Нарушение правил несения боевого дежурства» (ст. 365), «Нарушение уставных правил несения караульной службы» (ст. 367), в четыре раза для таких преступлений, как «Умышленное уничтожение или повреждение военного имущества» (ст. 369), «Промотание военного имущества» (ст. 371), в три раза для составов: «Нарушение уставных правил внутренней службы» (ст. 368), «Утрата или порча военного имущества» (ст. 372), в три раза для такого преступления, как «Дезертирство» (ст. 362).

В Уголовном кодексе Республики Азербайджан максимальный размер такого наказания, как лишение свободы, в восемь раз превышает максимальный размер этого же вида наказания по основному составу для таких преступлений, как «Самовольное оставление воинской части» (ст. 333 Уголовного кодекса Республики Азербайджан), в семь раз для преступления «Халатное отношение к службе» (ст. 342), в пять раз для таких преступлений, как «Насильственные действия в отношении начальника» (ст. 330), «Уклонение от исполнения обязанностей военной службы» (ст. 335), более чем в три раза для такого преступления, как «Злоупотребление должностными полномочиями» (ст. 341).

Для сравнения, в Уголовном кодексе Республики Молдова в семи из четырнадцати составах преступлений, в которых такие обстоятельства, как совершение преступлений в военное время и в боевой обстановке, рассматриваются как квалифицирующие признаки, максимальный размер такого наказания, как лишение свободы, в два раза превышает максимальный размер этого же вида наказания по основному составу и лишь в двух составах имеет место превышение репрессивности санкции в четыре раза (еще в четырех составах для квалифицированного состава преступления характерно применение наказания в виде лишения свободы при его отсутствии в санкции основного состава).

Еще менее выраженная разница в репрессивности санкций основного и квалифицирующих составов характерна для Уголовного кодекса Республики Беларусь, в котором в одном составе превышение репрессивности санкции квалифицированного состава, включающего ссылку на обстоятельства военного времени или боевой обстановки, имеет место всего на треть по отношению к основному составу, для пяти составов превышение характерно в два раза, для двух составов – в три и пять раз соответственно и лишь для такого преступления, как «Нарушение правил несения караульной службы», характерно пятнадцатикратное превышение максимального размера наиболее сурового вида наказания, предусмотренного санкцией особо квалифицированного состава.

Поскольку Армения и Азербайджан являются государствами, непосредственно вовлеченными в вооруженный конфликт, анализ указанных составов пре-

ступлений на предмет соответствия увеличения степени репрессивности санкций в квалифицированных составах преступлений по отношению к основным показателям характерную сбалансированность увеличения карательного воздействия для таких деяний, общественная опасность которых в наибольшей степени повышается в военное время.

В других же государствах СНГ, не вовлеченных в вооруженные конфликты, такой баланс отсутствует. К примеру, в действующем Уголовном кодексе Республики Казахстан 2014 г. военное время рассматривается как обстоятельство, являющееся особо квалифицирующим признаком состава для целого ряда преступлений (например, ст. 438, 439, 441–443 Уголовного кодекса Республики Казахстан 2014 г.).

Представляют интерес также положения ст. 175 УК Республики Казахстан 2014 г., согласно которой государственная измена определяется как умышленные деяния гражданина Республики Казахстан, выразившиеся в переходе на сторону врага во время вооруженного конфликта, а равно в шпионаже, выдаче государственных секретов иностранному государству, международной или иностранной организации либо их представителям, а равно в ином оказании им помощи в проведении деятельности, направленной против национальных интересов Республики Казахстан, наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с лишением гражданства Республики Казахстан или без такового.

Те же деяния, совершенные в боевой обстановке, наказываются лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет либо пожизненным лишением свободы с лишением гражданства Республики Казахстан или без такового.

Таким образом, в рассматриваемой статье разделены категории «во время вооруженного конфликта» и «в боевой обстановке», поскольку первое закреплено как конституирующий признак основного состава, а второе – как квалифицирующий.

Сравнительный анализ действующего законодательства стран СНГ и уголовного законодательства первых лет после распада СССР приводит к выводу, что законодатели всех стран СНГ пошли по пути конкретизации в нормах Особенной части Уголовных кодексов особых военных обстоятельств как квалифицирующих признаков конкретных преступлений в сфере военной службы, а также преступлений против государства и даже преступлений против личности.

Таким образом, законодатели абсолютного большинства государств – участников СНГ (исключение – Киргизская Республика) в первые же годы после распада СССР «отошли» от абстрактных положений о «законодательстве военного времени», ссылка на которое до принятия Федерального закона от 24.09.2022 № 365-ФЗ, отменившего ч. 3 ст. 331 УК РФ, оставляла почву для

ряда дискуссий в научной среде о том, что представляет или должно представлять собой «уголовное законодательство военного времени» [10].

Таким образом, Российская Федерация является далеко не первой в части отказа от данной законодательной категории в пользу конкретизации в законе военных обстоятельств.

Сложность политической международной ситуации, вооруженные конфликты, политическая неопределенность и изменчивость привели законодателей стран постсоветского пространства к тому, что необходимо идти по пути конкретизации особых военных обстоятельств. В этой связи опыт законодательства стран СНГ в части их конкретизации, безусловно, заслуживает внимания.

Закрепив в сентябре 2022 г. конкретные особые военные обстоятельства в уголовном законе, российский законодатель пошел по пути учета того международно-го опыта, который нашел закрепление, в том числе, в законодательстве стран СНГ. Вместе с тем в научной литературе, несмотря на отсутствие особого интереса к «законодательству военного времени» и законодательству об особых военных обстоятельствах, и ранее отмечалась необходимость максимальной конкретизации особых обстоятельств, правовых режимов в уголовном законодательстве [11–13].

Вероятно, и недостаточная научная проработанность данной области обуславливает неоднозначный характер избранного в законе способа закрепления особых военных обстоятельств. Он основан на перечислении в нормах УК Российской Федерации всех военных обстоятельств без детальной проработки их распределения по статьям в зависимости от содержания, значения, общественной опасности и т.д.

Анализ уголовного законодательства стран СНГ об особых военных обстоятельствах позволяет также прийти к выводу, что в тех государствах, в которых эти обстоятельства закреплены в качестве отягчающих уголовное наказание, к таковым относятся не все военные обстоятельства, ныне закрепленные в ст. 63 УК Российской Федерации, а лишь некоторые из них (например, «в боевой обстановке», «в военное время», согласно УК Республики Армения, «во время войны» – УК Республики Азербайджан). Тем самым представляется излишним закрепление в ст. 63 Уголовного Кодекса Российской Федерации в качестве обстоятельств, отягчающих наказание, всех пяти особых военных обстоятельств.

Кроме того, необходимо особое внимание уделить балансу между суровостью санкции по каждому квалифицированному составу преступления, содержащему особые военные обстоятельства, и повышению общественной опасности деяния, ответственность за которое предусмотрено в основном составе преступления, в связи с наличием этого особого обстоятельства.

Список источников

1. Трофимов Д.О. «Особые военные обстоятельства»: общая характеристика законодательных новелл // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 33–37.
2. Модельный Уголовный кодекс. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901781490> (дата обращения: 25.03.2023).

3. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30.12.1999 г. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 25.03.2023).
4. Уголовный кодекс Республики Армения от 18.04.2003 г. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus> (дата обращения: 25.03.2023).
5. Министерство юстиции Кыргызской Республики : официальный сайт. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527> (дата обращения: 25.03.2023).
6. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 г. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36675065 (дата обращения: 25.03.2023).
7. Уголовный кодекс Украины от 05.04.2001 г. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30418109 (дата обращения: 25.03.2023).
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 25.03.2023).
9. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16.07.1997 г. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=1008032 (дата обращения: 25.03.2023).
10. Багратян А.Л. Система преступлений против порядка военной службы по уголовному законодательству Республики Армения // Бизнес в законе. 2008. № 1. С. 117–118.
11. Звонов А.В., Голубев Ю.В. Институт уголовного наказания в условиях введения особого военного положения: к вопросу о правоограничениях // Пенитенциарная наука. 2019. № 4. С. 503–507.
12. Боев В.И. Механизм уголовно-правового регулирования режима военного положения : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 425 с.
13. Салаев Н.С. Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в чрезвычайных условиях в Узбекистане // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16 (1-4), № 1. С. 74–80.

References

1. Trofimov, D.O. (2022) "Special military situation": General description of new laws. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 33–37. (In Russian). (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/6
2. Docs.cntd.ru. (2023) *Model'nyy Ugolovnyy kodeks* [A Model Criminal Code]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/901781490> (Accessed: 25th March 2023).
3. Continent-online.com. (2023) *Ugolovnyy kodeks Azerbaydzhanskoy Respubliki ot 30.12.1999 g.* [Criminal Code of the Republic of Azerbaijan dated December 30, 1999]. [Online] Available from: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (Accessed: 25th March 2023).
4. Parliament.am. (2023) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Armeniya ot 18.04.2003 g.* [The Criminal Code of the Republic of Armenia dated April 18, 2003]. [Online] Available from: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus> (Accessed: 25th March 2023).
5. Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic: official website. [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527> (Accessed: 25th March 2023).
6. Continent-online.com. (2023) *Ugolovnyy kodeks Kyrgyzskoy Respubliki ot 28.10.2021 g.* [Criminal Code of the Kyrgyz Republic dated October 28, 2021]. [Online] Available from: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36675065 (Accessed: 25th March 2023).
7. Continent-online.com. (2023) *Ugolovnyy kodeks Ukrainy ot 05.04.2001 g.* [Criminal Code of Ukraine dated April 5, 2001]. [Online] Available from: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30418109 (Accessed: 25th March 2023).
8. Online.zakon.kz. (1999) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Belarus' ot 09.07.1999 g.* [The Criminal Code of the Republic of Belarus dated July 09, 1999]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (Accessed: 25th March 2023).
9. Continent-online.com. (2023) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 16.07.1997 g.* [Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 16, 1997]. [Online] Available from: https://continent-online.com/Document/?doc_id=1008032 (Accessed: 25th March 2023).
10. Bagratyan, A.L. (2008) Sistema prestupleniy protiv poryadka voennoy sluzhby po ugovnomu zakonodatel'stvu Respubliki Armeniya [Crimes against the order of military service under the criminal legislation of the Republic of Armenia]. *Biznes v zakone*. 1. pp. 117–118.
11. Zvonov, A.V. & Golubev, Yu.V. (2019) Institut ugovnogo nakazaniya v usloviyakh vvedeniya osobogo voennogo polozheniya: k voprosu o pravoogranicheniyakh [The criminal punishment institution under the special martial law: on legal restrictions]. *Penitentsiarnaya nauka*. 4. pp. 503–507.
12. Boev, V.I. (2008) *Mekhanizm ugovno-pravovogo regulirovaniya rezhima voennogo polozheniya* [Criminal law regulation of martial law regime]. Law Dr. Diss. Moscow.
13. Salayev, N.S. (2021) Osobennosti ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody v chrezvychaynykh usloviyakh v Uzbekistane [Features of the execution of punishment in the form of imprisonment in emergency conditions in Uzbekistan]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 16 (1-4):1. pp. 74–80.

Информация об авторе:

Трофимов Д.О. – сотрудник АНО «Диалог Регионы» (Томск, Россия). E-mail: dmitry.trofimov.91@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.O. Trofimov, employee of ANO Dialog Regiony (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dmitry.trofimov.91@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.05.2023;
одобрана после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.

The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/21/25

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ СРОКОВ В УГОЛОВНОМ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Александр Сергеевич Ткач¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, alexandertkach01@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются особенности течения сроков в рамках отраслей уголовно-правового цикла. Опираясь на системный подход, автор анализирует, как уголовно-процессуальные сроки мер пресечения влияют на уголовно-правовые (наказания, условно-досрочного освобождения) и уголовно-исполнительные (условий содержания, режима).

Ключевые слова: юридический срок, меры пресечения, условно-досрочное освобождение, условия содержания, зачет срока

Для цитирования: Ткач А.С. Некоторые аспекты взаимосвязи сроков в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 138–142. doi: 10.17223/23088451/21/25

Original article
doi: 10.17223/23088451/21/25

SOME ASPECTS OF THE RELATIONSHIP OF TERMS IN CRIMINAL, CRIMINAL PROCEDURAL AND PENAL LEGISLATION

Aleksandr S. Tkach¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, alexandertkach01@gmail.com*

Abstract. The article aims to explore some aspects of the relationship of terms in criminal, criminal procedure and penal legislation. The relevance of the chosen topic is due to the following. The criminal procedural terms associated with the application of a preventive measure affect the course of criminal law terms and penal terms; this primarily is manifested in credit for time served. The author analyzed the rules for recognizing the time spent in a measure of restraint as part of serving the sentence; established when, in the period of isolation of a person, the criminal procedural term of detention is replaced by the criminal legal term of punishment; determined from what moment the convict has the right to apply for parole and the replacement of the unserved part of the sentence with a milder form; investigated the impact of the length of detention on the duration of detention in ordinary, strict conditions or on a strict regime in prison. The research methodology included general scientific and specific scientific methods: dialectical, formal logical, comparative legal, systemic, analysis and synthesis. On the basis of these methods, the author analyzes the provisions of the criminal procedural, criminal, and penal legislation on terms and procedure for their recognition as (part of) time served. The author draws attention to the lack of proportions for recognizing the period of detention in such basic punishments as fine, deprivation of the right to hold certain positions and engage in certain activities. He gives examples from judicial practice that demonstrate how judges, taking into account the period of detention, mitigate the punishment imposed on a person in the form of a fine or completely release from serving this punishment. The author comes to the conclusion that courts resolve the question of how necessary it is to mitigate the punishment at their own discretion, which leads to a lack of uniformity in law enforcement. Additionally, the author discusses the issue of the period after the entry of a guilty verdict of the court into legal force and before the offender's arrival in the colony, and concludes that it should be recognized as part of the punishment period using preferential coefficients. The author also analyzes the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 15, 2023, in which a legislative gap was identified related to the lack of a procedure for recognizing the term of imprisonment a person served in a correctional institution of a more strict type by error as part of the term of imprisonment to be served on the basis of a judgment issued as a result of the review of the case. In conclusion, the author states that the criminal law, criminal procedural and penal terms are interconnected, interdependent and proceed either sequentially (when in some cases one term is part of another) or in parallel (when the period of punishment includes penal terms associated with a change in the type of correctional institution, with a change in conditions, with disciplinary responsibility of convicts).

Keywords: legal term, preventive measures, parole, conditions of detention, credit for time served

For citation: Tkach, A.S. (2023) Some aspects of the relationship of terms in criminal, criminal procedural and penal legislation. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 138–142. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/25

В рамках отраслей права, относящихся к уголовно-правовому циклу, наблюдается взаимосвязь сроков. Одним из проявлений такой взаимосвязи является ситуация, когда уголовно-процессуальные сроки, связанные с применением меры пресечения к обвиняемому, подозреваемому и подсудимому, влияют на течение уголовно-правовых и уголовно-исполнительных сроков.

Статья 72 УК РФ определяет правила зачета пропорционально срока меры пресечения в виде заключения под стражу в уголовно-правовой срок наказания. В основе зачета в срок наказания периода, в течение которого лицо подвергается изоляции от общества, лежит сопоставление характера применяемых при этом уголовно-правовых или уголовно-процессуальных ограничений [1]. Данная статья подробно регулирует порядок зачета содержания под стражей в срок таких наказаний, как лишение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы, исправительные работы, ограничение по военной службе и обязательные работы (ч. 3 ст. 72 УК РФ). Что касается домашнего ареста, то его зачет предусмотрен в срок содержания под стражей (т.е. в иной уголовно-процессуальный срок) и в срок лишения свободы (в уголовно-правовой срок) (ч. 3.4 ст. 72 УК РФ). Фактически даже если содержание под стражей не применялось, срок домашнего ареста все равно засчитывается в иные уголовные наказания, перечисленные ранее для содержания под стражей, опосредованно, через срок содержания под стражей. То есть в начале необходимо произвести расчет и установить, сколько дней содержания под стражей эквивалентно сроку домашнего ареста исходя из пропорции, установленной в ч. 3.4 ст. 72 УК РФ. Затем, на основании положений ч. 3 ст. 72 УК РФ, установленный период содержания под стражей подлежит зачету в срок назначенного по уголовному делу наказания.

При этом такой способ зачета используется не только для домашнего ареста, но и для запрета определенных действий. Так, согласно ч. 10 ст. 109 УПК РФ, в срок содержания под стражей засчитывается запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором лицо проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях (п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ), из расчета два дня его применения за один день содержания под стражей.

Кроме того, в ч. 5 ст. 72 УК РФ содержится положение, что срок содержания под стражей должен засчитываться и в такие основные наказания, как штраф, лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, но пропорции зачета не указываются – «суд, учитывая срок содержания под стражей, смягчает назначенное наказание или полностью освобождает от отбывания этого наказания», что приводит к отсутствию единообразия в практике правоприменения.

Так, Апелляционным приговором Тункинского районного суда Республики Бурятия от 29 марта 2022 г. приговор в отношении Г. был отменен и постановлен новый обвинительный приговор, которым он осужден

по ч. 1 ст. 169 УК РФ к штрафу в размере 400 тыс. рублей. На основании ч. 5 ст. 72 УК РФ назначенное наказание в виде штрафа было смягчено до 50 тыс. рублей [2].

В другом деле приговором Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай от 28 июня 2021 г. Х. был осужден по ч. 1 ст. 159 УК РФ к штрафу в размере 40 тыс. рублей. На основании ч. 5 ст. 72 УК РФ с учетом содержания Х. под стражей ему было смягчено назначенное наказание до 37 тыс. рублей [3].

В каждом таком случае суды при смягчении наказания учитывали продолжительность меры пресечения, а также совокупность смягчающих наказание обстоятельств: положительную характеристику лица, отсутствие судимости, наличие несовершеннолетних детей на иждивении, наличие медалей и благодарностей за профессиональную деятельность и др. Но, по сути, вопрос о том, насколько именно необходимо смягчить наказание, суды разрешали по собственному усмотрению.

В целях обеспечения ясности правового регулирования необходимо установить конкретные пропорции зачета содержания под стражей в различные виды наказания.

Возможными вариантами могут быть, например, установление коэффициента, определяющего количество дней содержания под стражей, засчитываемых в срок отбывания лишения права занимать должность или заниматься определенной деятельностью, или штрафа либо установление пропорции между сроком содержания под стражей и степенью смягчения основного наказания. Однако любое решение должно соответствовать принципу справедливости и гарантировать соблюдение прав и свобод граждан.

К примеру, Р.О. Долотов предлагает «привязать» один день, проведенный в СИЗО, к размеру заработной платы или иного дохода осужденного, который он получал до избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу. Если же у лица отсутствовал постоянный доход, тогда следует исходить из модального значения среднедушевых ежемесячных доходов населения (наиболее часто встречающийся среди населения России уровень дохода), рассчитанного на основе показателей года, предшествующего осуждению лица. Полученную сумму дохода в дальнейшем нужно будет вычесть из назначенного судом размера штрафа [4. С. 49]. Между тем данный подход также имеет свои недостатки: у осужденных различный уровень дохода, различные типы занятости (так, у самозанятых, индивидуальных предпринимателей доход варьируется), не все получают заработную плату официально. Если же рассматривать уровень дохода не в целом в России, а в каждом регионе, то он отличается.

Уголовно-процессуальные сроки мер пресечения влияют не только на уголовно-правовой срок наказания, но и на сроки, связанные с условно-досрочным освобождением (УДО) и заменой неотбытой части наказания более мягким видом, что предусмотрено ст. 79, 80 УК РФ.

Согласно позициям Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, так как время содержания под стражей подлежит зачету при определении общего

срока назначенного судом наказания, то оно учитывается и при исчислении срока отбытого наказания, учитываемого для УДО [1]. Из данного положения логически следуют два вывода: 1) время содержания под стражей засчитывается не только для УДО, но и для замены основного наказания на более мягкое; 2) зачету подлежит не только период содержания под стражей, но и опосредованно срок домашнего ареста и запрета определенных действий в виде запрета выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения.

В юридической доктрине существуют различные позиции относительно необходимости включения периода содержания лица под стражей в срок отбытого наказания, учитываемого для УДО. Так, по мнению А.М. Репьевой, фактическое отбытие полугодового срока (ч. 4 ст. 79 УК РФ) считается с учетом времени содержания под стражей до вынесения приговора и вступления его в силу [5. С. 31]. То есть лицо может, практически не находясь в местах лишения свободы и, как следствие, без проведенной в должной мере воспитательной работы, приобщения к обязательному труду и прочих мер, претендовать на УДО. В соответствии с другой позицией, поскольку местом отбывания наказания является колония, то в случае отбытия определенного срока, предусмотренного законом, в СИЗО, они лишены возможности обратиться с ходатайством об условно-досрочном освобождении [6. С. 35]. То есть фактически отбытый срок должен считаться с момента прибытия лица в исправительную колонию. В.В. Степанов в диссертации, посвященной проблемам УДО, доказывает, что минимальный фактический срок, дающий право ходатайствовать об УДО, должен исчисляться с момента прибытия осужденного в исправительное учреждение. Среди аргументов в обоснование данного тезиса он указывает, что, по мнению специалистов-психологов, как раз в период первых шести месяцев пребывания в исправительном учреждении завершается вторая фаза адаптации, в результате которой в личностной динамике осужденного определяются положительные либо отрицательные тенденции [7. С. 132].

По нашему мнению, справедливее исчислять срок для заявления ходатайства об УДО и замене наказания с момента начала фактического отбывания наказания, но, считать часть не всего срока наказания, а фактически отбываемого. Такой вывод логично следует из нормативных положений. В статье 79 УК РФ говорится: «...если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания», следовательно, лицо должно реально отбывать наказание какой-то значимый период времени. Иначе можно столкнуться с ситуацией, когда лицо, длительно содержащееся под стражей, уже по прибытии в колонию для отбывания наказания будет иметь право ходатайствовать об УДО или о замене наказания.

Взаимосвязь сроков проявляется и в том, с какого момента в период изоляции лица уголовно-процессуальный срок содержания под стражей сменяется уголовно-правовым сроком наказания. С одной

стороны, в ст. 72 УК РФ указано, что началом срока отбывания наказания является день вступления приговора суда в законную силу. С другой стороны, в рамках уголовно-исполнительного правового регулирования исчисление срока отбывания наказания может исчисляться со дня прибытия осужденного: 1) в исправительный центр (ч. 1 ст. 60.3 УИК РФ); 2) в колонию-поселение (ч. 3 ст. 75.1 УИК РФ); 3) в тюрьму (ч. 1 ст. 130 УИК РФ), а также со дня задержания (ч. 7 ст. 75.1 УИК РФ).

Встает вопрос о сроке после вступления обвинительного приговора суда в законную силу и до его прибытия в колонию. Порой это довольно длительный период, связанный с этапированием осужденного по железной дороге в другой регион, где сначала он помещается в местное СИЗО, а потом прибывает в колонию.

Проведенное Е.Г. Новиковым исследование показало, что около 54% осужденных направляются в колонию в течение 10-дневного срока, установленного законом, 30% осужденных – в срок от 10 дней до 1 месяца, 14% – в течение 1–2 месяцев, 2% – в срок более 2 месяцев [8. С. 92]. Приведенные статистические данные позволяют утверждать, что в общей сложности около 46% осужденных не направляются в исправительные учреждения в установленные законом сроки. По нашему мнению, если ст. 72 УК РФ предполагает льготный коэффициент зачета, то он должен распространяться и на период содержания лица под стражей уже после того, как приговор вступил в силу.

Сложная ситуация с гражданином Г.А. Алексеевым была рассмотрена Конституционным Судом РФ в своем постановлении от 15.03.2023 [1]. Кассационный суд при пересмотре приговора изменил данному гражданину вид исправительного учреждения с колонии общего режима на колонию-поселение, в связи с чем осужденный за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 264 УК РФ, усмотрел основания применения к нему льготного зачета несправедливо отбытого им наказания в колонии общего режима.

Конституционный Суд РФ согласился с тем, что неправильное определение вида исправительного учреждения ухудшило положение осужденного, поскольку привело к применению к нему избыточных правовых ограничений, которые он вынужден был претерпевать в течение всего периода, пока ошибка не была исправлена. Поэтому, по мнению Суда, его законным интересом объективно является сокращение общей продолжительности лишения свободы исходя из фактических ограничений, которые лицо претерпело во время действия ошибочного судебного решения.

Однако ст. 72 УК РФ предусматривает лишь зачет времени содержания под стражей до вступления приговора в законную силу, но не определяет правил принятия решений при ошибочном назначении более строгого вида исправительного учреждения, что является пробелом, который Суд поручил восполнить законодателю, а до внесения изменений в правовое регулирование распорядился засчитывать срок лишения свободы, отбытого лицом в ошибочно назначенном ему исправительном учреждении более строгого вида, в срок лишения свобо-

ды, подлежащего отбытию на основании судебного решения, постановленного в результате пересмотра (отмены или изменения) первоначального приговора (иного судебного акта), с использованием коэффициентов, установленных в настоящее время для зачета в срок лишения свободы времени содержания под стражей.

То есть, по сути, Конституционный Суд РФ тем самым предложил пересчитать срок лишения свободы в исправительной колонии общего режима в срок содержания под стражей по пропорции 1 : 1,5, а впоследствии пересчитать полученный срок по пропорции 1 : 2.

Следующее, на что хотелось бы обратить внимание, – это влияние срока содержания под стражей на течение срока содержания в обычных, строгих условиях или на строгом режиме в тюрьме, – срок нахождения в определенных условиях или режиме считается со дня заключения под стражу, что закрепляется в ст. 120, 122, 124, 127, 130, 132 УИК РФ. Такое возможно только в том случае, если в период пребывания в СИЗО лицо не допустило нарушений установленного порядка содержания под стражей, за которые к нему применялись меры взыскания в виде водворения в карцер. Таким образом, законодатель с помощью такого зачета пытается обеспечить правопорядок в СИЗО [9. С. 49].

Однако встает вопрос о справедливости вышеуказанных законоположений в связи с тем, что условия содержания лица в карцере СИЗО являются более стро-

гими, чем в общей камере. Мы считаем, что так как за нарушение режима содержания в СИЗО лицо уже было привлечено к ответственности и отбыло взыскание в виде содержания в карцере, дополнительно его наказывать незачетом срока несправедливо.

Также отметим, что помимо сказанного, срок содержания лица под стражей влияет и на срок отбывания наказания, определяемый для изменения вида исправительного учреждения, так как он исчисляется со дня заключения осужденного под стражу (ч. 2.1 ст. 78 УИК РФ).

Таким образом, в рамках указанных трех отраслей уголовного цикла, в рамках уголовно-правовых отношений, которые, по мнению В.Д. Филимонова, порождаются совершением преступления [10. С. 38], уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные сроки взаимосвязаны, взаимообусловлены и протекают либо последовательно, когда в отдельных случаях один срок включается, засчитывается в другой, либо параллельно, когда в течение срока наказания, по принципу «матрешки», протекают уголовно-исполнительные сроки, связанные с изменением вида исправительного учреждения, изменением условий, с дисциплинарной ответственностью осужденных. В этой связи правильное формулирование правовых норм, правильное исчисление сроков являются гарантией реализации прав осужденных, залогом реализации принципов правового государства.

Список источников

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.03.2023 № 8-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Г.А. Алексеева» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.05.2023).
2. Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.08.2022 по делу № 77-3507/2022 // Алексеева // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.05.2023).
3. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.06.2022 № 77 2940/2022 // Алексеева // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.05.2023).
4. Долотов Р.О. Взаимосвязь между штрафом и лишением свободы в российской системе уголовных наказаний // Адвокат. 2015. № 8. С. 39–51.
5. Репьева А.М. Зачет времени нахождения под стражей в срок лишения свободы: современные тенденции // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы восемнадцатой междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2020. С. 30–31.
6. Бахта А.С. Применение коэффициента кратности при зачете времени содержания под стражей в срок отбывания наказания // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 2 (77). С. 32–37.
7. Степанов В.В. Проблемы теории и практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания: на примере Тамбовской области : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 249 с.
8. Новиков Е.Г. Правовое регулирование направления осужденных в исправительные учреждения, их приема и размещения : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2011. 239 с.
9. Дашин А.В., Малин П.М., Пивень А.В. Зачет времени содержания под стражей, домашнего ареста и запрета определенных действий в срок наказания в аспекте прогрессивных систем исполнения и отбывания уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 1 (32). С. 45–50.
10. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / под общ. ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2016. 600 с.

References

1. Consultant Plus. (2023) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 15, 2023, No. 8-P "On the case of verifying the constitutionality of the third part of Article 72 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen G.A. Alekseev"*. (In Russian).
2. Consultant Plus. (2022) *Cassation ruling of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction dated August 10, 2022, in case No. 77-3507/2022*. (In Russian).
3. Consultant Plus. (2022) *Determination of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction dated June 21, 2022, No. 77 2940/2022*. (In Russian).

4. Dolotov, R.O. (2015) Vzaimosvyaz' mezhdu shtrafom i lisheniem svobody v rossiyskoy sisteme ugovolnykh nakazaniy [The relationship between a fine and imprisonment in the Russian system of criminal penalties]. *Advokat*. 8. pp. 39–51.
5. Rep'eva, A.M. (2020) [Recognizing the time spent in custody as part of the term of imprisonment: current trends]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami* [Topical issues of combating crimes and other offenses]. materialy vosemnadtsatoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Barnaul. pp. 30–31.
6. Bakhta, A.S. (2020) Repetition factor in including the time of custody into the term for serving the sentence. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 2 (77). pp. 32–37. (In Russian).
7. Stepanov, V.V. (2009) *Problemy teorii i praktiki uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya: na primere Tambovskoy oblasti* [Problems of the theory and practice of parole: on the example of Tambov Oblast]. Law Cand. Diss. Moscow.
8. Novikov, E.G. (2011) *Pravovoe regulirovanie napravleniya osuzhdennykh v ispravitel'nye uchrezhdeniya, ikh priema i razmeshcheniya* [Legal regulation of sending convicts to correctional institutions, their reception and placement]. Law Cand. Diss. Ryazan.
9. Dashin, A.V., Malin, P.M. & Piven', A.V. (2019) Determination of the time of confinement, home arrest and prohibition of certain actions in the term of punishments in the aspect of progressive criminal punishment execution systems and criminal law measures. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 1 (32). pp. 45–50. (In Russian).
10. Utkin, V.A. & Shesler, A.V. (eds) (2016) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal law. General part]. Tomsk: Tomsk State University.

Информация об авторе:

Ткач А.С. – аспирант кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: alexandertkach01@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Tkach, postgraduate student of the Department of Penal Law and Criminology, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alexandertkach01@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.*

*The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.*

Научная статья
УДК 343.847

doi: 10.17223/23088451/21/26

**ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ
В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ, ПОДОЗРЕВАЕМЫХ (ОБВИНЯЕМЫХ)
ЗА УНИЧТОЖЕНИЕ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЕ УСТРОЙСТВ СИСТЕМЫ
ЭЛЕКТРОННОГО МОНИТОРИНГА ПОДКОНТРОЛЬНЫХ ЛИЦ**

Василий Павлович Степура¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, crim.just@mail.ru*

Аннотация. Анализируется вопрос применения юридической ответственности к осужденным, отбывающим наказание в виде ограничения свободы, подозреваемым (обвиняемым), в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, за уничтожение, повреждение или утрату электронных, аудиовизуальных и иных технических средств электронного мониторинга подконтрольных лиц. Обращается внимание на необходимость научной, методологической и законодательной доработки механизма реализации отдельных мер ответственности.

Ключевые слова: ответственность осужденных, система электронного мониторинга подконтрольных лиц, ограничение свободы

Для цитирования: Степура В.П. Проблемы юридической ответственности осужденных, отбывающих наказание в виде ограничения свободы, подозреваемых (обвиняемых) за уничтожение или повреждение устройств системы электронного мониторинга подконтрольных лиц // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 143–149. doi: 10.17223/23088451/21/26

Original article
doi: 10.17223/23088451/21/26

**PROBLEMS OF LEGAL LIABILITY OF CONVICTS SERVING A SENTENCE
IN THE FORM OF RESTRICTION OF LIBERTY
AND SUSPECTED (ACCUSED) PERSONS FOR DESTROYING OR DAMAGING DEVICES
OF THE ELECTRONIC MONITORING SYSTEM OF CONTROLLED PERSONS**

Vasiliy P. Stepura¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, crim.just@mail.ru*

Abstract. The author analyzes the issue of applying legal liability to convicts serving a sentence of restriction of liberty and to suspected (accused) persons who are on house arrest for the destruction, damage or loss of electronic, audiovisual and other technical means of electronic monitoring of controlled persons. The author stresses the need for scientific, methodological and legislative improvement of the mechanism for implementing individual types of liability. An analysis of the problems of applying penal and criminal procedural liability to controlled persons for damaging devices of the electronic monitoring of controlled persons (SEMP) demonstrates the need for: (a) supplementing Part 4 of Art. 58 of the Penal Code of the Russian Federation with a norm stipulating that a convict who deliberately and systematically violates the rules for the operation of technical means of supervision and control by damaging, destroying or losing them is recognized as a person that maliciously evades serving a sentence in the form of restriction of liberty; (b) supplementing Art. 107 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation with a norm establishing the responsibility of suspects or accused persons for refusing to use the SEMPL equipment in relation to them, as well as for committing deliberate systematic actions aimed at violating the rules for operating technical means of supervision and control by damaging, destroying or losing them.

Keywords: liability, convicts, system of electronic monitoring of persons (SEMP), restriction of liberty

For citation: Stepura, V.P. (2023) Problems of legal liability of convicts serving a sentence in the form of restriction of liberty and suspected (accused) persons for destroying or damaging devices of the electronic monitoring system of controlled persons. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 143–149. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/26

29 апреля 2021 г. Правительством Российской Федерации была утверждена новая Концепция развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 г. [1]. Подводя итоги развития отдельных аспек-

тов уголовно-исполнительной системы, в частности внедрения системы электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ), авторами данного документа в его содержании скромно отмечен лишь факт ее введения в эксплуатацию, при этом сведений о количественных либо качественных достижениях в данной области не отмечено.

Не отражена и информация о выявленных и накопленных за десять лет применения СЭМПЛ проблем технического, организационного и, что важно, правового характера. Оставлены без внимания вопросы правовой регламентации ответственности подконтрольных лиц за нарушение порядка отбывания наказания в виде ограничения свободы или порядка исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, в том числе за умышленное либо неосторожное уничтожение/повреждение средств контроля.

Единственным упоминанием о возможности применения санкций к нарушителю и возникновения у него негативных последствий за порчу СЭМПЛ является указание в постановлении Правительства Российской Федерации № 134 о том, что «в случае причинения подозреваемым или обвиняемым во время исполнения меры пресечения ущерба государству путем повреждения либо уничтожения применяемых технических средств подозреваемые или обвиняемые несут ответственность в порядке и размерах, которые предусмотрены гражданским законодательством Российской Федерации». При этом ни в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации, ни в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, ни в каком-либо ином законе либо подзаконном акте подобного нормативного положения не закреплено. Порядок возмещения материального вреда, как представляется, является общим, основанным на положениях Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах лица, возникающих вследствие причинения вреда. Специального же порядка компенсации государству в лице органов уголовно-исполнительной системы затрат на приобретение нового оборудования лицом, сломавшим, уничтожившим такое оборудование, в законодательстве нет, что также вызывает вопросы об эффективности применения материальной (гражданско-правовой) ответственности к такому лицу.

Остается нерешенным и вопрос об административной, дисциплинарной (уголовно-исполнительной) и уголовно-процессуальной ответственности за причинение лицом своим противоправным поведением значительного имущественного вреда государственным интересам.

В целях формирования теоретической основы и дальнейшего практического опыта привлечения указанных лиц к ответственности за подобные деяния следует дифференцировано изучить сущность, цели, задачи и механизм реализации каждого вида юридической ответственности.

Гражданско-правовая (материальная) ответственность лица за повреждение, уничтожение СЭМПЛ. Одной из проблем СЭМПЛ является вопрос компенсации в рамках гражданского судопроизводства

вреда, причиненного подозреваемым (обвиняемым), в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, и осужденным к ограничению свободы за повреждение установленного в помещении, котором он проживает, или непосредственно на теле оборудования, поскольку абсолютно низкий процент подконтрольных в состоянии возместить такую компенсацию в виду того, что контингент лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, часто имеет низкий социальный статус, а стоимость электронных браслетов достаточно высока. Так, стоимость электронного браслета за единицу по состоянию на ноябрь 2021 г. составила 13 030 рублей 83 копеек [2], стоимость мобильного контрольного устройства за единицу по состоянию на август 2022 г. – 25 740 рублей [3], стоимость стационарного контрольного устройства за единицу по состоянию на ноябрь 2022 г. – 26 200 рублей [4].

При этом нельзя согласиться с той позицией, что гражданско-правовые отношения, возникающие между уголовно-исполнительной инспекцией и подконтрольным лицом вследствие причинения последним имущественного вреда путем вывода из строя средств электронного мониторинга, являются полностью урегулированными [5. С. 17].

Действительно, гражданским законодательством предусмотрены общий порядок и отдельные особенности компенсации вреда, причиненного в результате деликта. Тем не менее остается неизученным вопрос рациональности и правильности применения нынешних положений ГК РФ к указанным выше отношениям, поскольку отношения между органами уголовно-исполнительной системы и лицами, состоящими на учете в таких органах, основаны на уголовно-правовых принципах, и, соответственно, целью привлечения такого лица к ответственности должно служить воздаяние, направленное на причинение лицу законных страданий нравственного, психологического, личного, имущественного и иного характера.

О необходимости детальной правовой регламентации механизма привлечения лиц, испортивших, уничтоживших или утеревших оборудование СЭМПЛ, а также методологической подготовки сотрудников уголовно-исполнительных инспекций по вопросам предъявления исковых требований о возмещении вреда и представления интересов инспекции в судебных органах высказывался ряд ученых [6. С. 13–16; 7. С. 17–19; 8. С. 1–7].

Однако высказанные в научной среде позиции скорее носят декларативный характер и какого-то существенного значения на совершенствование порядка возмещения подконтрольным лицом вреда не оказывают. Как пример подобного, одним из авторов предлагается внести в УИК РФ дополнения в виде самостоятельной нормы о материальной ответственности осужденных к ограничению свободы по аналогии с ответственностью осужденных к лишению свободы (ст. 102 УИК РФ) и осужденных к принудительным работам (ст. 60.20 УИК РФ) [6. С. 14–15], т.е. по сути просто дополнить уголовно-исполнительный закон статьей общего содержания.

Другая научная позиция сводится к изменению механизма взыскания вреда путем исключения для уго-

ловно-исполнительной инспекции как потерпевшего из предмета доказывания причинно-следственной связи между противоправными действиями подконтрольного лица и наступившим вредом [8. С. 4–5].

Подобная точка зрения противоречит правовой природе гражданского деликта, поскольку исключение одного из элементов состава гражданского правонарушения влечет невозможность его возникновения и, как следствие, невозможность привлечения лица к материальной ответственности.

В целях же привлечения подконтрольного лица к гражданско-правовой ответственности сотрудникам уголовно-исполнительной инспекции, во-первых, следует при подготовке искового заявления и иных документов, необходимых для подачи такого иска в суд, а равно при формировании правовой позиции для представления интересов в самом суде определить совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию инспекцией. Под такими обстоятельствами следует понимать элементы состава гражданского деликта, бремя доказывания которых ложится на инспекцию. К ним относятся:

- 1) наступление вреда в виде повреждения, уничтожения либо утраты оборудования СЭМПЛ;
- 2) противоправность поведения лица, осужденного к ограничению свободы, либо которому назначена мера пресечения в виде домашнего ареста;
- 3) причинная связь между противоправным поведением такого лица и наличием вреда;
- 4) вина осужденного, подозреваемого (обвиняемого) в причинении вреда. При этом гражданское законодательство допускает возможность привлечения лица к ответственности независимо от того, был ли причинен вред умышленно или по неосторожности.

Во-вторых, перед подачей документов в суд для инициирования гражданского спора сотрудникам инспекции нужно тщательно проводить проверку по факту повреждения, уничтожения или утраты осужденным к ограничению свободы или подозреваемым (обвиняемым), находящимся под домашним арестом, аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля в целях сбора дополнительных необходимых доказательств причастности такого лица к совершенному правонарушению. К таким доказательствам могут быть отнесены объяснения самого лица, членов его семьи либо лиц, совместно с ним проживающих либо находившихся в момент порчи оборудования, соседей, фотографии, акты осмотра помещения, заключение специалиста о характере и механизме повреждений, об их относимости к совершенному нарушению и пр.

В этой связи требуют доработки приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 11.10.2010 № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы», приказ Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста

и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» в части разъяснения механизма возмещения вреда, причиненного подконтрольным лицом путем порчи СЭМПЛ, от инициирования инспекцией проверки до грамотного представления сотрудниками инспекции интересов в судебных органах.

Однако в силу цели гражданско-правовой ответственности, которая по большей части носит восстановительный, а не карательный характер, ситуация взыскания с осужденного только материального ущерба в размере причиненного вреда в рамках гражданско-правовых норм не соответствует полноте идеи применения технических средств надзора за подконтрольными лицами.

Ограничение воздействия на подконтрольного в случае нарушения им режима отбывания наказания или меры пресечения только гражданско-правовыми средствами не способствует цели уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства в виде предупреждения преступлений. При действующем законодательном подходе отсутствует взаимосвязь между причиненным вредом и уголовно-исполнительными отношениями, так как частные правоотношения не отражаются на публично-правовых [9. С. 120].

Административная ответственность лица за повреждение, уничтожение СЭМПЛ. Существующие пробелы в части правовой регламентации привлечения к ответственности осужденного к ограничению свободы, подозреваемого (обвиняемого), находящегося под домашним арестом, вынуждают правоприменителя в рамках существующего законодательства принимать меры по привлечению таких лиц, в том числе, и к административной ответственности за нарушение порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы или ограничений и запретов, наложенных в рамках домашнего ареста.

О возможности квалификации действий подконтрольного лица, допускающего нарушение правил эксплуатации контрольных устройств СЭМПЛ, как административного правонарушения указывали некоторые ученые [10. С. 122–124; 11. С. 7–11].

Так, С.М. Кривенцова на примере деятельности уголовно-исполнительных инспекций Пермского края отмечает, что ст. 58 УИК РФ предусматривает исчерпывающий перечень нарушений порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы, за которые установлена ответственность осужденного, и в тех случаях, когда невозможно применение уголовно-правовых мер воздействия на осужденного, допускающего несвоевременную зарядку контрольных устройств, удаление из радиуса действия мобильных контрольных устройств и других действий, препятствующих осуществлению контроля, выход может быть найден с помощью привлечения данного лица к административной ответственности. Конкретно автор указывает на сложившуюся в данном регионе практику составления сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций протоколов

об административных правонарушениях и привлечения лица за вышеуказанные деяния по ч. 1 ст. 19.3 и ч. 1 ст. 19.7 КоАП РФ, т.е. за неповиновение законному распоряжению сотрудника уголовно-исполнительной системы и непредставление сведений (информации) соответственно [11. С. 7–8].

Отметим, что аналогичного перечня, предусмотренного ст. 58 УИК РФ, уголовно-процессуальный закон не содержит в принципе, не говоря уже о нормах, предусматривающих ответственность за порчу СЭМПЛ.

Существует и противоположная точка зрения относительно разумности применения механизма административной ответственности к вышеуказанной категории лиц. В частности, А.В. Кулаков и Н.Е. Щербаков утверждают, что нарушения порядка отбывания наказания в виде ограничения свободы представляют собой составы уголовно-исполнительных деликтов, ответственность за совершение которых предусмотрена уголовно-исполнительным законодательством. Применение в рассматриваемых случаях административной ответственности представляется неверным. Нельзя согласиться с высказанной мыслью о том, что в тех случаях, когда невозможно применение уголовно-правовых мер воздействия на осужденного, допускающего несвоевременную зарядку контрольных устройств, удаление из радиуса действия мобильных контрольных устройств и других действий, препятствующих осуществлению контроля, выход может быть найден с помощью привлечения данного лица к административной ответственности [12. С. 61].

Есть ученые, которые в попытках найти компромисс между вышеуказанными позициями, говорят о немаловажной роли административной ответственности при исполнении уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, однако заключают, что отношения, возникающие сугубо в рамках уголовно-исполнительного права, должны быть на законодательном уровне урегулированы именно нормами и инструментами данной отрасли [10. С. 124].

По мнению автора настоящей работы, применение мер административной ответственности в отношении подконтрольных лиц, в том числе за повреждение, уничтожение либо утрату оборудования СЭМПЛ, является методологически неверным, поскольку отношения уголовно-исполнительной инспекции и подконтрольного ей лица основаны на принципе власти и подчинения, характеризующемся неравенством сторон, когда начальник в лице представителя уголовно-исполнительной инспекции может подчинить осужденного, подозреваемого, обвиняемого своей воле за совершение им деликта, предусмотренного уголовно-исполнительным законодательством. В этой связи убедительными являются аргументы авторов, критикующих правильность применения административной ответственности к уголовно-исполнительным отношениям.

Дисциплинарная (уголовно-исполнительная) и уголовно-процессуальная ответственность лица за повреждение, уничтожение СЭМПЛ. Необходимо отметить, что одной из основных целей уголовного и уголовно-исполнительного права наряду с установле-

нием правопорядка является возмездие лицу за совершенное преступление.

В этой связи наиболее полно выполняет данную цель уголовно-исполнительная ответственность, направленная на применение к осужденному, в том числе отбывающему наказание в виде ограничения свободы, таких мер государственного принуждения, чтобы человек переживал, страдал, чтобы изменилось его сознание.

Что же касается дисциплинарной ответственности подозреваемых и обвиняемых за нарушение порядка и условий исполнения мер пресечения, стоит отметить позицию В.А. Уткина о необходимости конкретизации юридической наукой и законодательными органами отраслевой принадлежности реализации таких мер, которые предполагают специфическое для правового состояния подозреваемого, обвиняемого, подсудимого за рамками их собственно уголовно-процессуального статуса и требуют систематической контрольной деятельности со стороны органов уголовно-исполнительной системы. В этой связи ученый предлагает закрепить соответствующие нормы, в том числе регламентирующие механизм применения дисциплинарной ответственности к подозреваемым и обвиняемым, в новом интегративном Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации, одной из составных частей которого будет являться так называемая допенальная часть или раздел, посвященный исполнению уголовно-процессуальных мер пресечения [13. С. 32–33].

Отсутствие же на сегодняшний день подобного закона вынуждает согласиться с авторами, предлагающими здесь и сейчас внести изменения и дополнения в ст. 107 УПК РФ [14. С. 195].

УИК РФ устанавливает ответственность осужденных к ограничению свободы за нарушение порядка и условий отбывания данного наказания и за уклонение от его отбывания (ст. 58).

Еще раз стоит отметить, что УПК РФ вовсе не устанавливает какую-либо ответственность для подозреваемых и обвиняемых, нарушающих порядок и условия исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а равно перечень лиц, злостно уклоняющихся от исполнения такой меры пресечения. Более того, ни один из названных кодексов не регламентирует ответственность подконтрольных лиц, испортивших, уничтоживших либо утративших аудиовизуальные, электронные и иные технические средства контроля, что, как представляется, является на сегодняшний день существенным пробелом в уголовно-исполнительной и уголовно-процессуальной практике применения СЭМПЛ к осужденным к ограничению свободы и подозреваемым (обвиняемым), которым избрана мера пресечения в виде домашнего ареста.

Говоря о дисциплинарной ответственности осужденных за порчу СЭМПЛ, очевидно, что повреждение, уничтожение и утрата аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля могут быть связаны с попытками осужденного уклониться от соблюдения установленных судом ограничений, а также способствовать совершению им правонарушений и повторных преступлений [7. С. 19].

Однако в научной литературе по уголовно-исполнительному праву в части ответственности за порчу технических средств электронного мониторинга подконтрольных лиц имеется ряд вопросов, требующих детального изучения.

Во-первых, существует спор относительно места повреждения, уничтожения и утраты СЭМПЛ в системе нарушений порядка и условий отбывания осужденным наказания в виде ограничения свободы.

Сторонники первой позиции считают, что порча устройств электронного слежения является разновидностью отказа от использования такого оборудования и поскольку подпадает под злостное уклонение от соблюдения порядка, незамедлительно влечет применение мер дисциплинарной ответственности [5. С. 17–18].

Представители второй позиции полагают, что целесообразно факт повреждения осужденным системы электронного мониторинга рассматривать в качестве самостоятельного варианта злостного уклонения от отбывания наказания в виде ограничения свободы и наряду с иными видами злостных нарушений предусмотреть возможность замены такому осужденному неотбытого срока наказания в виде ограничения свободы более строгим видом наказания [9. С. 120; 15. С. 67].

В дополнение ко второй точке зрения А.В. Кулаков и Н.Е. Щербаков категорически отрицают возможность квалифицировать уничтожение или порчу технического средства надзора и контроля как отказ от использования в отношении осужденного технических средств надзора и контроля, поскольку отказ от использования не предполагает действий по уничтожению или порче технического оборудования, а заключается в физическом воспрепятствовании установке оборудования в месте жительства осужденного или на самом осужденном [12. С. 61].

Представляется, что мнение авторов о необходимости формулирования повреждения, уничтожения или утраты оборудования СЭМПЛ как самостоятельного вида злостного нарушения порядка отбывания осужденным ограничения свободы является более убедительным, поскольку порча СЭМПЛ по степени опасности причинения вреда государственным интересам путем преступления установленного уголовно-исполнительным законом регламента отбывания наказания не просто отличается от отказа от использования электронного оборудования, а превосходит его. При отказе осужденным от СЭМПЛ не предполагается возникновение у уголовно-исполнительной инспекции негативных последствий имущественного характера, в случае же повреждения или уничтожения такого оборудования органы уголовно-исполнительной системы России могут повсеместно нести колоссальные финансовые потери.

Во-вторых, существует спор о квалификации формы вины осужденного к ограничению свободы за порчу средств электронного мониторинга.

По мнению А.В. Кулакова и Н.Е. Щербакова, дисциплинарная ответственность для осужденных, испортивших устройство, должна наступать не только за умышленное уничтожение или повреждение, но и за совершение данного деяния по грубой неосторожности [12. С. 61].

Полагаем, что данная позиция противоречит самой сути введения законодателем в уголовный закон такого наказания, как ограничение свободы, и в целом сформулированным им целям гуманизации системы уголовных мер наказания. Иначе говоря, привлечение осужденного, который неосмотрительно себя повел и случайным образом, передвигаясь по помещению, ударился ногой, на которой закреплен электронный браслет, об угол стены или какого-то предмета домашнего интерьера, тем самым повредив указанное оборудование, к уголовно-исполнительной ответственности в виде замены ограничения свободы на ее лишение, нивелирует институт ограничения свободы и лишает смысл его применения.

В связи с этим представляется правильным полагать, что дисциплинарная ответственность за повреждение, уничтожение и утрату средств электронного мониторинга должна наступать для осужденного лишь при совершении им данных деяний умышленно.

Аналогичная практика должна быть применена и в отношении подозреваемых (обвиняемых), которым может быть избрана более строгая мера пресечения в случае умышленного повреждения или уничтожения ими аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля.

В-третьих, исследования в настоящей работе иных видов юридической ответственности, к которой могут быть привлечены осужденные к ограничению свободы либо подозреваемые (обвиняемые), в отношении которых избран домашний арест, показали, что применение мер дисциплинарной или уголовно-процессуальной ответственности к подконтрольным лицам должно быть тесно связано с систематическим нарушением ими условий эксплуатации СЭМПЛ. Под системностью следует понимать неоднократность, т.е. наличие двух и более эпизодов порчи оборудования.

Как уже отмечалось, в противном случае может сложиться обширная карательная практика со стороны органов уголовно-исполнительной системы по необоснованному направлению в суд представлений о замене наказания на более строгое.

Таким образом, анализ проблем применения уголовно-исполнительной и уголовно-процессуальной ответственности к подконтрольным лицам за порчу СЭМПЛ позволяет сделать выводы о необходимости:

- дополнения ч. 4 ст. 58 УИК РФ нормой, закрепляющей, что злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде ограничения свободы признается осужденный, умышленно и систематически нарушающий правила эксплуатации технических средств надзора и контроля путем их повреждения, уничтожения или утраты;

- дополнения ст. 107 УПК РФ нормой, устанавливающей ответственность подозреваемых или обвиняемых за отказ от применения в отношении них оборудования СЭМПЛ, а также за совершение ими умышленных систематических действий, направленных на нарушение правил эксплуатации технических средств надзора и контроля путем их повреждения, уничтожения или утраты.

Список источников

1. *О Концепции* развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р // Собрание законодательства РФ. 2021. № 20. Ст. 3397.
2. *Тендер* 0348100072921000027: Электронные браслеты ФГИС СЭМПЛ // РТС-тендер. URL: <https://www.rts-tender.ru/poisk/id/0348100072921000027-1/?ysclid=lgdxaehzur411935843/> (дата обращения: 13.04.2023).
3. *Тендер* 0141100003122000038: Мобильное контрольное устройство ФГИС СЭМПЛ // РТС-тендер. URL: <https://www.rts-tender.ru/poisk/id/0141100003122000038-1/?ysclid=lgdxcachzm9187335339/> (дата обращения: 13.04.2023).
4. *Тендер* 100033739122100073: Стационарное контрольное устройство ФГИС СЭМПЛ // РТС-тендер. URL: <https://www.rts-tender.ru/poisk/id/100033739122100073-1/?ysclid=lgdxei7orr923346655/> (дата обращения: 13.04.2023).
5. Антонов Т.Г. Проблемы толкования норм уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующих порядок исполнения ограничения свободы // Вестник Кузбасского института. 2016. № 4 (29). С. 14–18.
6. Графский А.И. Возмещение материального ущерба, причиненного путем повреждения, уничтожения либо утраты оборудования системы электронного мониторинга подконтрольных лиц // Пенитенциарное право: юридическая теория и право-применительная практика. 2021. № 1 (27). С. 13–16.
7. Чернышева Д.В. Проблемы ответственности осужденных к ограничению свободы за повреждение, уничтожение и утрату аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1. С. 17–19.
8. Романова С.В. Практика применения электронных браслетов: история и современность // Концепт. 2015. № 2. С. 1–7.
9. Титаренко А.П. Дисциплинарная ответственность осужденных к ограничению свободы за причинение материального ущерба в период отбывания наказания // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 119–121.
10. Рахматулин З.Р. Ответственность лиц, осужденных к ограничению свободы, за ненадлежащее обращение с аудиовизуальными, электронными и иными техническими средствами надзора и контроля // Казанская наука. 2015. № 5. С. 122–124.
11. Кривенцова С.М. Привлечение к административной ответственности осужденных к ограничению свободы в связи с нарушениями правил эксплуатации контрольных устройств системы электронного мониторинга подконтрольных лиц // Ведомости УИС. 2013. № 3 (130). С. 7–11.
12. Кулаков А.В., Щербаков Н.Е. Некоторые проблемы законодательного регулирования и правоприменительной практики при исполнении наказания в виде ограничения свободы // Вестник Самарского юридического института. 2016. № 3 (21). С. 57–62.
13. Уткин В.А. «Интегративное» уголовно-исполнительное право // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2019. № 3. С. 31–33.
14. Ермасов Е.В. Проблемы нормативно-правового регулирования, возникающие при исполнении меры пресечения в виде домашнего ареста // Преступление, наказание, исправление : материалы Междунар. пенитенциарного форума. 2013. С. 191–195.
15. Кияйкин Д.В., Озерский С.В. О правовых, организационных и технических проблемах предупреждения (профилактики) совершения повторных преступлений осужденными без изоляции от общества (по материалам аналитической информации уголовно-исполнительных инспекций территориальных органов ФСИН России) // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 1 (32). С. 63–69.

References

1. RF. (2021) O Kontseptsii razvitiya ugovovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.04.2021 № 1138-r [On the concept for the development of the penitentiary system of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the Government of the Russian Federation dated April 29, 2021, No. 1138-r]. *SZ RF*. 20. Art. 3397.
2. RTS-tender. (2023) *Tender 0348100072921000027: Elektronnye braslety FGIS SEMPL* [Tender 0348100072921000027: FGIS SEMPL electronic bracelets]. [Online] Available from: <https://www.rts-tender.ru/poisk/id/0348100072921000027-1/?ysclid=lgdxaehzur411935843/> (Accessed: 13th April 2023).
3. RTS-tender. (2023) *Tender 0141100003122000038: Mobil'noe kontrol'noe ustroystvo FGIS SEMPL* [Tender 0141100003122000038: FGIS SEMPL mobile control device]. [Online] Available from: <https://www.rts-tender.ru/poisk/id/0141100003122000038-1/?ysclid=lgdxcachzm9187335339/> (Accessed: 13th April 2023).
4. RTS-tender. (2023) *Tender 100033739122100073: Statsionarnoe kontrol'noe ustroystvo FGIS SEMPL* [Tender 100033739122100073: FGIS SEMPL stationary control device]. [Online] Available from: <https://www.rts-tender.ru/poisk/id/100033739122100073-1/?ysclid=lgdxei7orr923346655/> (Accessed: 13th April 2023).
5. Antonov, T.G. (2016) Problemy tolkovaniya norm ugovovno-ispolnitel'noy zakonodatel'stva, reglamentiruyushchikh poryadok ispolneniya ogranicheniya svobody [Problems of interpretation of the norms of the penal legislation regulating the procedure for the execution of restriction of liberty]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 4 (29). pp. 14–18.
6. Grafskiy, A.I. (2021) Vozmeshchenie material'nogo ushcherba, prichinnennogo putem povrezhdeniya, unichtozheniya libo utraty oborudovaniya sistemy elektronnoy monitoringa podkontrol'nykh lits [Compensation for material damage caused by damage, destruction or loss of equipment of the electronic monitoring of controlled persons]. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika*. 1 (27). pp. 13–16.
7. Chernysheva, D.V. (2012) Problemy otvetstvennosti osuzhdennykh k ogranicheniyu svobody za povrezhdenie, unichtozhenie i utratu audiovizual'nykh, elektronnykh i inyykh tekhnicheskikh sredstv nadzora i kontrolya [Problems of responsibility of those sentenced to restriction of liberty for damage, destruction and loss of audiovisual, electronic and other technical means of supervision and control]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 1. pp. 17–19.
8. Romanova, S.V. (2015) Praktika primeneniya elektronnykh brasletov: istoriya i sovremennost' [The practice of using electronic bracelets: history and modernity]. *Kontsept*. 2. pp. 1–7.

9. Titarenko, A.P. (2013) Disciplinary responsibility of convicts sentenced to restriction of liberty for causing material damage during the period of serving a sentence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 369. pp. 119–121. (In Russian).
10. Rakhmatulin, Z.R. (2015) Otvetstvennost' lits, osuzhdennykh k ogranicheniyu svobody, za nenadlezhashchee obrashchenie s audiovizual'nymi, elektronnyimi i inymi tekhnicheskimi sredstvami nadzora i kontrolya [Responsibility of persons sentenced to restriction of liberty for improper handling of audiovisual, electronic and other technical means of supervision and control]. *Kazanskaya nauka*. 5. pp. 122–124.
11. Kriventsova, S.M. (2013) Privlechenie k administrativnoy otvetstvennosti osuzhdennykh k ogranicheniyu svobody v svyazi s narusheniyami pravil ekspluatatsii kontrol'nykh ustroystv sistemy elektronnoy monitoringa podkontrol'nykh lits [Bringing to administrative responsibility those sentenced to restriction of liberty in connection with violations of the rules of operating devices for the electronic monitoring of controlled persons]. *Vedomosti UIS*. 3 (130). pp. 7–11.
12. Kulakov, A.V. & Shcherbakov, N.E. (2016) Nekotorye problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya i pravoprimeritel'noy praktiki pri ispolnenii nakazaniya v vide ogranicheniya svobody [Some problems of legislative regulation and law enforcement in the execution of punishment in the form of restriction of liberty]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 3 (21). pp. 57–62.
13. Utkin, V.A. (2019) “Integrativnoe” ugovolno-ispolnitel'noe pravo [“Integrative” penal law]. *Ugovolno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*. 3. pp. 31–33.
14. Ermasov, E.V. (2013) [Problems of legal regulation arising in the execution of a preventive measure in the form of house arrest]. *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Crime, punishment, correction]. Proceedings of the International Penitentiary Forum. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 191–195. (In Russian).
15. Kiyaykin, D.V. & Ozerskiy, S.V. (2019) O pravovykh, organizatsionnykh i tekhnicheskikh problemakh preduprezhdeniya (profilaktiki) soversheniya povtornykh prestupleniy osuzhdennymi bez izolyatsii ot obshchestva (po materialam analiticheskoy informatsii ugovolno-ispolnitel'nykh inspektsiy territorial'nykh organov FSIN Rossii) [On the legal, organizational and technical problems of preventing the commission of repeated crimes by convicts without isolation from society (based on analytical information from penitentiary inspectorates of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia)]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 1 (32). pp. 63–69.

Информация об авторе:

Степура В.П. – аспирант кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.P. Stepura, postgraduate student of the Department of Penal Law and Criminology, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.*

*The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.*

Научная статья
УДК 343.815+94 (47)

doi: 10.17223/23088451/21/27

РОЛЬ ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ РАБОТНИКОВ 1923 г. В ФОРМИРОВАНИИ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ ПОЛИТИКИ РСФСР

Станислав Иванович Кузьмин¹, Евгения Сергеевна Чуканова²

^{1, 2} *Московский областной филиал Московского университета МВД РФ имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия*
¹ *crim.just@mail.ru*

² *Evgeniya.rybina@mail.ru*

Аннотация. Актуальность исследования состоит в необходимости анализа итогов съезда работников мест лишения свободы, проходившего после объединения в 1922 г. всех мест заключений в одном ведомстве – ГУМЗ НКВД РСФСР. Сделаны выводы о том, что съезд пенитенциарных работников ознаменовал важнейший этап становления основ исправительно-трудовой политики РСФСР. Прежде всего, ей был придан классовый характер, обеспечивающий реализацию репрессий против врагов советской власти. Важнейшим условием при исполнении наказания являлась реализация принципа самокупаемости, позволявшего не только занять заключенных работами, но и обучать их профессиональным навыкам.

Ключевые слова: съезд работников, исправительно-трудовая политика государства, классовый характер, принцип самокупаемости мест лишения свободы, враги советской власти, ведомства, репрессии

Для цитирования: Кузьмин С.И., Чуканова Е.С. Роль Всероссийского съезда пенитенциарных работников 1923 г. в формировании исправительно-трудовой политики РСФСР // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 150–155. doi: 10.17223/23088451/21/27

Original article
doi: 10.17223/23088451/21/27

THE ROLE OF THE 1923 ALL-RUSSIAN CONGRESS OF PENITENTIARY WORKERS IN THE FORMATION OF THE CORRECTIONAL LABOR POLICY OF THE RSFSR

Stanislav I. Kuzmin¹, Evgeniya S. Chukanova²

^{1, 2} *Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russian Federation*

¹ *crim.just@mail.ru*

² *Evgeniya.rybina@mail.ru*

Abstract. The relevance of the study lies in the need to analyze the results of the congress of employees of places of imprisonment, which took place after the unification in 1922 of all places of detention in one department – the Main Directorate of Camps and Places of Incarceration of the RSFSR People's Commissariat for Internal Affairs. The authors state that the 1923 All-Russian Congress of Penitentiary Workers marked the most important stage in the formation of the foundations of the correctional labor policy of the RSFSR. First of all, the policy was based on classes, which ensured the implementation of repressions against the enemies of Soviet power. The most important condition for the execution of punishment was the implementation of the principle of self-sufficiency, which made it possible not only to keep prisoners busy with work, but also to teach them professional skills. The greatest importance was attached to the organization of cultural educational and enlightening work. The task of eliminating illiteracy, both general and political, was set as a priority. Educators and teachers had the duty to manage theatrical and library work, to lead circles of various types, to arrange lectures and talks, to organize staging of concerts and performances. Thus, labor, regime, cultural and educational work, general education and vocational training, which are currently the bases of the penal policy of the state, were identified as the main means of implementing the correctional labor policy. These means were enshrined in the Correctional Labor Code of the RSFSR adopted in 1924.

Keywords: congress of workers, corrective labor policy of the state, class character, principle of self-sufficiency of places of imprisonment, enemies of Soviet government, departments, repressions

For citation: Kuzmin, S.I. & Chukanova, E.S. (2023) The role of the 1923 All-Russian Congress of Penitentiary Workers in the formation of the correctional labor policy of the RSFSR. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 150–155. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/27

После объединения в 1922 г. всех мест лишения свободы (за исключением подчиненных Объединенному государственному политическому управлению СССР (ОГПУ)), началась активная работа с использованием накопленного с 1917 г. опыта развития системы мест заключения РСФСР и правового регулирования ее деятельности. Подготовленный проект закона, как и исправительно-трудовая политика РСФСР, стали предметом рассмотрения на первом Всероссийском съезде пенитенциарных деятелей, проходившем в Москве 18–24 октября 1923 г. В последующие годы вносились изменения в исправительно-трудовую политику и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (ИТК РСФСР), но с созданием системы исправительно-трудовых лагерей и передачей исправительно-трудовых колоний в Народный комиссариат юстиции (НКЮ) РСФСР, научный и практический интерес к ИТК РСФСР в 1924 г. был утрачен. Впрочем, в учебниках по Уголовно-исполнительному праву это важнейшее событие в правовой системе РСФСР только упоминается [1. С. 12; 2. С. 52; 3. С. 73; 4. С. 3–4; 5. С. 83]. А в солидном научном труде М.Г. Деткова об эволюции развития системы уголовных наказаний и их исполнения на различных этапах функционирования российского государства, посвященному 120-летию Главного тюремного управления России, в той части, где автор говорит об особенностях подготовительной работы к принятию Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г., о об этом важном событии не сказано ни слова [6. С. 48]. Между тем в юридической печати того времени отмечалось, что на съезде велись оживленные прения и дебаты по ключевым вопросам карательной политики молодого Советского государства, что, несомненно, представляет интерес и для современных исследователей-криминологов [7. С. 975–977].

Во второй половине 1923 г. в стране в центре и на местах происходило объединение исправительно-трудового дела, сосредоточенного до этого в двух разных ведомствах – НКЮ и Народном комиссариате внутренних дел (НКВД) РСФСР. При этом в последнем были учреждения, непосредственно образованные в эпоху Гражданской войны, – концентрационные лагеря и лагеря принудительных работ. Их слияние способствовало началу формирования советской исправительно-трудовой политики, тем самым были заложены основы для составления кодекса. До второй половины 1923 г. исправительно-трудовое дело регулировалось ведомственными распоряжениями, а принятие в 1922 г. Уголовного кодекса РСФСР и окончание работы по объединению всех мест лишения свободы в одном ведомстве – НКВД, послужили предпосылкой для формирования единой карательной политики Советского государства.

Ее необходимо было обсудить с практическими и научными работниками, сотрудниками правоохранительных органов, представителями общественности. Именно поэтому в конце 1923 г. НКВД РСФСР организовал Всероссийский съезд пенитенциарных работников, который сыграл важную роль в последующей реализации основополагающих принципов советской исправительно-трудовой политики.

Формирование и обсуждение проекта исправительно-трудового кодекса проходили на Всероссийском съезде работников пенитенциарного дела, состоявшемся 18–24 октября 1923 г. [8. С. 6]. Почетными председателями на съезде единодушно были избраны А.Г. Белобородов, Д.И. Курский, Ф.Э. Дзержинский и Н.В. Крыленко. В состав президиума вошли представители Москвы, Петрограда, Курска, Иваново-Вознесенска, Новониколаевска, Нижнего Новгорода, Кубано-Черноморской области, Орла и Донской губернии. Также в работе съезда приняли активное участие теоретики советского права В.К. Дябло, С.Д. Файнблитт и другие товарищи.

Со вступительным словом от имени Коллегии народного комиссариата внутренних дел к участникам съезда обратился нарком внутренних дел РСФСР А.Г. Белобородов. В своем выступлении он акцентировал внимание на том, что карательная политика советской власти призвана обеспечивать защиту Советского государства, оно не может отказаться от тех мер репрессий, которые использует каждое современное государство. Наличие существенных материальных затруднений является большим стимулом к тому, чтобы в тюрьме сильнее и быстрее организовывался и устанавливался трудовой режим. Осудив либеральную гуманистическую теорию буржуазных государств, в том числе и дореволюционной России, А.Г. Белобородов заметил, что старые тюрьмы фактически культивировали безделье и лень, разлагавшие заключенных. Являясь тяжелым наследием для нового общественного строя, они должны быть ликвидированы. «В ближайшие годы, – отметил А.Г. Белобородов, – в качестве первоочередной должна стоять задача предотвращения правонарушений путем изоляции и других мер воздействия. В качестве второй задачи будет применение исправительно-трудового воздействия. Третья задача будет состоять в том, что необходимо признать ранее допущенные ошибки и если сейчас что-то невозможно сделать, то это необходимо отложить на будущее» [8. С. 7]. Нарком считал, что в деятельности исправительно-трудовых учреждений задачи исправления и перевоспитания преступников должны решаться по отношению ко всем категориям осужденных независимо от их классовой принадлежности, и на мере укрепления хозяйственно-политической мощи пролетарского государства роль исправления и перевоспитания будет возрастать. По мнению А.Г. Белобородова, принимаемый Пенитенциарный кодекс, как и Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, должен будет постепенно дополняться и уточняться, и этот процесс неизбежен.

Затем с приветствием и большой речью выступил старший помощник прокурора республики Н.В. Крыленко, который остановился на тех моментах карательной политики, которые были обусловлены общеполитическим и материальным состоянием нового общественного строя. В области карательной политики следовало руководствоваться программой Российской Коммунистической партии, которой в области карательной политики была определена необходимость перехода от системы мест лишения свободы к замене ее другими формами наказания, применяя условно-

досрочное освобождение, принуждение к работам без содержания под стражей. Н.В. Крыленко высказывался против наказания в виде лишения свободы на срок 25 лет, 15 и даже 10 лет, считая это неразумным, так как данный вид наказания будет основной формой и мерой репрессии и его необходимо применять на срок 5 лет, но изолировать действительно. Основной и первой задачей в области карательной политики должна быть изоляция и применение основных мер воздействия. Он считал, что в условиях классовой борьбы, происходящей в стране, предотвращение возможности дальнейшего совершения преступления выступает в качестве главной цели. В современных условиях карательная политика государства преследует цель охраны коллектива, а не воздействия на личность, не охраны личности. В частности, Н.В. Крыленко сказал: «Мы должны в этом отношении ближайшие же годы, безусловно, стремиться к тому, чтобы эта задача предотвращения возможности дальнейшего правонарушения, хотя бы и путем изоляции и других мер воздействия, была основной и первой задачей, и лишь второй будет задача исправительно-трудового воздействия» [8. С. 14]. Объективности ради следует отметить, что указанная точка зрения претерпела изменения в следующем году. Выступая 14 марта 1924 г. с докладом на V Всероссийском съезде деятелей советской юстиции с докладом о карательной политике и усилении в ней классового принципа, он выразил мнение о том, что пролетарское государство не может ставить для себя целью исправления тех, кто чужд ему по духу, однако составляет прямую его задачу в отношении преступника-пролетария [9. С. 282]. В конце своего выступления Н.В. Крыленко коснулся вопроса содержания лиц под стражей и указал, что при сравнении режима в царских тюрьмах и советских местах лишения свободы осужденные говорили, что теперь «режим стал гораздо легче, а порядка в 10 раз больше».

Во вступительной части съезда выступил представитель Азербайджана Р.М. Рзаев. В своей речи он подчеркнул значимость съезда для маленькой страны с развитой преступностью и национальной рознью. «Идя по примеру своей сестрицы РСФСР, – отметил Р.М. Рзаев, – скорее излечимся от ран своего общества, скорее встанем на ноги». Его присутствие на съезде не прошло даром, ведь уже в конце 1923 г. места лишения свободы перешли из НКЮ в НКВД республики, а 25 мая 1925 г. был введен в действие Исправительно-трудовой кодекс АзССР [10. С. 230].

На заключительном этапе первого дня съезда был принят регламент, где предусматривалось проведение пленарного заседания и работа секций с 10.00 до 15.00 и с 17.00 до 19.00. Для выступления докладчикам предоставлялось 45 минут. Группа делегатов в количестве не менее 15 человек имела право выставить содокладчика, которому отводилось 20 минут. На заключительное слово давалось 20 минут. В порядке прений каждому оратору отводилось при первом выступлении по отдельному вопросу 15 минут, при втором и последующих – 5 минут. Предложения и резолюции Президиум принимал только в письменной форме.

Утром 19 октября 1923 г. после объявления заседания съезда открытым, слово для доклада «О положении исправительно-трудового дела в республике» было предоставлено начальнику Главного управления мест заключения НКВД РСФСР (ГУМЗ) Е.Г. Ширвиндту. В начале своего выступления он остановился на том, что в 1922 г. произошло объединение мест лишения свободы, подведомственных НКЮ, НКВД, Управлению арестными домами и мест заключения, подведомственных Главному политическому управлению при НКВД РСФСР (ГПУ). Разобщенность мест лишения свободы являлась большим препятствием для исправительно-трудового дела. Созданное ГУМЗ с самого начала выступало против принципа самокупаемости, так как главной целью провозглашалась задача организации исправительно-трудовых учреждений, а не просто учреждений хозяйственного типа.

При объединении ведомств в единую структуру туда вошел «куст» предприятий ГУМЗ, бывший в составе Главного управления принудительных работ НКВД РСФСР (ГУПР) со своим уставом. Против этой структуры выступили практические работники мест заключения, и она была ликвидирована. При подготовке Исправительно-трудового кодекса было записано, что исправительные учреждения должны стремиться к окупаемости трудом заключенных, затраченных на них издержек, не теряя, однако, из виду исправительных целей. Касаясь будущей системы исправительно-трудовых учреждений, докладчик отметил, что Уголовный кодекс, принятый в 1922 г., упразднил лагеря и дома заключения, оставив только три типа мест лишения свободы: исправительно-трудовые дома, переходные исправительные дома, трудовые ремесленные и сельскохозяйственной колонии. При этом неизбежно встал вопрос о разделении мест заключения, на имевших государственное и местное значение, при этом учитывались их состояние, вместимость и т.п.

Все положения, изданные Центральным институтом труда, Главпринудработ и другими учреждениями, противоречили действующему законодательству, поэтому ГУМЗ издал целый ряд временных циркуляров о деятельности мест заключения. Их содержание, опыт и шестилетняя практика исправительно-трудовой деятельности составили основу проекта Исправительно-трудового кодекса.

В заключение были определены перспективные направления деятельности исправительно-трудовой системы. Во-первых, ставилась задача получения земли для развития сельскохозяйственных колоний как наиболее перспективных для содержания отдельных категорий заключенных. Во-вторых, получить в распоряжение ГУМЗ кирпичные и лесопильные заводы, а также инвентарь и оборудование, необходимые для развития мастерских разного рода. Свое выступление Е.Г. Ширвиндт закончил заверением, что при настоящем тяжелом положении республики и государственного бюджета, работники системы будут и дальше работать энергично, как было до сих пор, и добьются желаемых результатов.

После окончания доклада Е.Г. Ширвиндт отвечал на многочисленные вопросы участников съезда, сре-

ди которых наибольший интерес вызвали: о трестировании предприятий в пределах одной губернии, о распределении заработанных предприятиями учреждений сумм, медицинском обслуживании контингента, прохождении службы, реорганизации системы управления в союзных и автономных республиках в составе РСФСР, имеющийся литературе на русском языке по исправительно-трудовому делу, выделении специальных субсидий исполкомам, не имеющим возможность содержать места заключения за счет местного бюджета.

Затем, после краткого перерыва, начались прения по докладу. Первым в прениях выступал представитель Азербайджана товарищ Р.М. Рзаев. По его мнению, докладчик не коснулся ряда важных вопросов: о кадровом составе ГУМЗ, ссылаясь только на опыт работы московских мест заключения, не дал характеристику контингента, который должен перевоспитаться, обошел вопрос о медицинском обслуживании контингента и характере проводимой культурно-воспитательной работы.

Товарищ Фурин упрекнул Е.Г. Ширвиндта в том, что проект Кодекса базируется только на опыте московских мест заключения, состоявших на государственном бюджете, в то время как 90% исправительных домов состоят на местном бюджете. В частности, товарищ Фурин указал: «Нам передадут фабрики, приносящие убытки государству. Даже при дешевой рабочей силе они не принесут прибыли» [8. С. 52]. Основу системы мест заключения, по мнению докладчика, должны составить сельскохозяйственные колонии, но для их организации исполкомы не передадут имущества с достаточным количеством инвентаря и т.д. Им было поддержано предложение Е.Г. Ширвиндта об освобождении от призыва в армию надзирателей, как это распространялось на милицию.

Правовед В.К. Дябло возразил против предложения докладчика установить тесный контакт учебно-воспитательных частей мест заключения с Народным комиссариатом просвещения РСФСР (далее Наркомпрос). «Передача этой работы в Наркомпрос, – отметил В.К. Дябло, – не оправдала надежд на улучшение работы. Ведомство ничего не делало для мест заключения, ибо решало целый ряд других задач. К тому же у Наркомпроса не было средств для активной помощи нам. Потом, когда оно перешло к нам, перешло практически пустое место» [8. С. 56].

Товарищ Мартынов, положительно отзывавшийся о намеченной в докладе Е.Г. Ширвиндта дальнейшей задаче, заметил, что она трудно осуществима. В частности, он сказал следующее: «Теория и практика – это два больших противоречия. Теория – это предположение, а практика – осуществление. Положение в губернском бюджете не позволяет проводить какие-либо мероприятия. Взяв в аренду два кирпичных завода, мы предприняли попытку перейти на самоокупаемость. Начав работу без средств, не получая ничего от исполкомов, не смогли решить поставленную задачу» [8. С. 58].

Начальник Пензенского исправительного дома Королев критически отзывался о докладе Е.Г. Ширвиндта, так как доклад построен на опыте московских исправи-

тельных домов, находящихся на государственном обеспечении, и ничего не сказано о работе учреждений, состоявших на местном бюджете: «...ГУМЗ издает циркуляры, исполнение которых никем не проверяется. Ничего не было сказано о взаимоотношениях между прокурорами на местах и начальниками мест заключенных. Прокуроры дают одни указания, начальник отдела мест заключения другие, которым начальники мест заключения должны подчиняться. Ничего не было сказано о конвойных командах, находящихся в ведении губернского отдела ГПУ, хотя их место в нашем ведомстве. Остается нерешенным вопрос о занятии заключенных на внешних работах. Из-за проблем оплаты труда сотрудников вынуждены использовать в карауле заключенных» [8. С. 60].

С.Д. Файнблитт отметил, что «задача съезда не должна сводиться к критике работы ГУМЗа, так как участники этого мероприятия должны определиться с тем, как помочь решить сложные задачи ведомства. Вопрос стоит о проведении той исправительно-трудовой политики, которая заложена в содержании Кодекса. В области культурно-воспитательной работы перед нами на современном этапе стоит задача постараться ликвидировать политическую и элементарную неграмотность. Вместо культурно-просветительной работы нужно ввести термин политико-воспитательная работа. Не может ставиться задача перевоспитать всех, попавших в тюрьму, ну в отношении небольшой части заключенных ее можно решить» [8. С. 67].

Товарищ Кийс указал: «Ни выступавший оратор, ни докладчик не затронули проблему, связанную с положением работников исправительно-трудового дела. Со времен революции считается, что хорошим начальником будет уполномоченный ГПУ или начальник милиции. Но они не знают психологии человека. Между тем бельгийская система управления исправительными учреждениями выдвигает туда людей с высшим образованием, несмотря даже на то, что желаемые результаты по исправлению преступников не достигались. У нас, если руководитель имеет хорошие связи в вышестоящих органах и не конфликтует с высшими административными органами, то спокоен за свою службу. Из-за финансовых трудностей мы вынуждены принимать на должности воспитателей и учителей – тех, кому некуда идти. Поэтому в работе необходимо исходить из возможностей» [8. С. 73].

Товарищ Рубин в своем выступлении поднял вопрос о необходимости иметь в губерниях единую управленческую структуру. Он предлагал организовать в стране пять-шесть крупных колоний для несовершеннолетних правонарушителей, так как в каждой губернии их невозможно обустроить.

В заключительном слове Е.Г. Ширвиндт акцентировал внимание присутствующих на необходимости издания инструкции, разграничивающей функции инспектуры, также наблюдающей за местами заключения, и прокуратуры, обязанной наблюдать за законностью содержания под стражей и за тем, чтобы заключенные находились в местах заключения в соответствии с требованиями закона. Он заметил, что целый ряд вопросов

умышленно им не затрагивался, так как они относились к проекту кодекса. В прениях, отметил Е.Г. Ширвиндт, поднимался вопрос о самоокупаемости мест заключения. Он сказал: «Как бы не было выгодно то или иное предприятие, мы его не откроем, если оно не преследует исправительных целей» [8. С. 80]. В прениях также высказывалась мысль о необходимости Главному управлению поддерживать связь с местами. Однако посылка специальных инспекторов не может дать благоприятных результатов, так как, приезжая на места, они не в состоянии дать прямого ответа на целый ряд вопросов. В отношении циркуляров и распоряжений было сказано, что пишутся они, вроде, для сведения, но это не так. Губинспекторы обязаны сообщать в Главк, что не могут это выполнить, согласовывая и даже иногда изменяя наши распоряжения.

Касаюсь бюджетных ассигнований, он отметил, что ГУМЗ не вправе предписывать Губисполкомам бюджетные правила для мест заключения, так как нам они не подчиняются. Высказался Е.Г. Ширвиндт и об опыте московских мест заключения по развитию производства, ведь за счет полученной ими прибыли удалось создать пенитенциарный фонд, из которого уже оказана материальная помощь Вятской губернии, Нижнему Новгороду, Орловской, Пермской и другим. Коснулся он также вопроса кадровой политики и материального обеспечения работников мест заключения.

Им были подготовлены тезисы доклада, которые было предложено принять за основу и передать в секции для разработки и представления резолюции съезду. На съезде было указано, что применение мер социальной защиты на всей территории РСФСР должно быть единообразным, с тем, что режим в отдельных местах заключения изменялся исключительно в зависимости от характера исправительно-трудового учреждения и его задач, а не от каких-либо других местных условий. На вечернем заседании 10 октября 1923 г. были сформированы секции, после чего Е.Г. Ширвиндт выступил с докладом «Реформа исправительно-трудового дела и проект Исправительно-трудового кодекса».

В процессе дискуссии по вопросу исправительно-трудовой политики государства однозначно сложилось мнение о необходимости перехода от тюрем к воспитательным учреждениям, способным решать общегосударственную задачу исправления и перевоспитания правонарушителей. Этой стратегической линии должны

соответствовать основные принципы исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы, а именно:

- принцип гуманизма, предусматривающий гуманное обращение с заключенными;
- принцип законности, обеспечивающий исправительно-предупредительное воздействие на заключенных, в точном соответствии с законом;
- принцип классового подхода к заключенным, предусматривающий более жесткие условия лишения свободы для контрреволюционеров, выходцев из рабочих и крестьян;
- принцип дифференциации заключенных, определявший систему мест лишения свободы для содержания различных категорий заключенных;
- принцип самоокупаемости, выражающийся в содержании заключенных за счет использования их в трудовых процессах;
- принцип соединения наказания с исправительным воздействием;
- принцип участия представителей общественности в реализации процесса исправительно-трудового воздействия.

Съезд пенитенциарных работников ознаменовал важнейший этап становления основ исправительно-трудовой политики РСФСР. Прежде всего, ей был придан классовый характер, обеспечивающей реализацию репрессий против врагов советской власти. В качестве важнейшего условия при исполнении наказания являлась реализация принципа самоокупаемости, позволявшего не только занять заключенных работами, но и обучать их профессиональным навыкам. Важнейшее значение придавалось постановке культурно-воспитательной и культурно-просветительной работы. При этом в качестве первоочередных мер ставилась задача ликвидации неграмотности как общей, так и политической. Воспитателям и учителям вменялась обязанность заведовать театральной и библиотечной работой, руководить кружками различного типа, устраивать лекции и беседы, организовывать постановку концертов и спектаклей.

Таким образом, в качестве основных средств реализации исправительно-трудовой политики были определены труд, режим, культурно-воспитательная работа, общеобразовательное и профессиональное обучение, которые в настоящее время являются основной уголовно-исполнительной политики государства. Юридическое закрепление указанные средства получили в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР, принятом в 1924 г. [11].

Список источников

1. Астемиров З.А. История исправительно-трудового права. Рязань : РВШ МВД СССР, 1975. 63 с.
2. Зубарев С.М. и др. Уголовно-исполнительное право. М. : Юрайт, 2011. С. 52.
3. Курс Уголовно-исполнительного права. Общая часть. Ч. 1. М. : ФКУ НИИ ФСИН России, 2017. 511 с.
4. Смольков В.Г. Развитие советских исправительно-трудовых учреждений. М., 1979. 52 с.
5. Утевский Б.С. Советская исправительно-трудовая политика : учеб. для вузов и юрид. курсов. М., 1934. 253 с.
6. Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М. : Вердикт-ИМ, 1999. 448 с.
7. Еженедельник советской юстиции. 1923. № 42. С. 975–977.
8. Всероссийский съезд работников пенитенциарного дела в Москве 18–24 октября 1923 г. Стенографический отчет. М., 1923. 216 с.
9. Еженедельник советской юстиции. 1924. № 12–13. 405 с.
10. Архив МВД Республики Азербайджан. 1926 г. Ф. 27. Д. 127. Л. 230.

11. Постановление ВЦИК от 16 октября 1924 г. «Об утверждении Исправительно-Трудового Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 29.05.2023).

References

1. Astemirov, Z.A. (1975) *Istoriya ispravitel'no-trudovogo prava* [History of correctional labor law]. Ryazan: RVSh MVD SSSR.
2. Zubarev, S.M. et al. (2011) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* [Penal law]. Moscow: Yurayt.
3. FKU NII FSIN Rossii. (2017) *Kurs Ugolovno-ispolnitel'nogo prava. Obshchaya chast'* [Course of Penal Law. The General Part]. Part 1. Moscow: FKU NII FSIN Rossii.
4. Smol'kov, V.G. (1979) *Razvitie sovetskikh ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniy* [The development of Soviet correctional labor institutions]. Moscow: [s.n.].
5. Utevskiy, B.S. (1934) *Sovetskaya ispravitel'no-trudovaya politika* [Soviet correctional labor policy]. A textbook. Moscow: [s.n.].
6. Detkov, M.G. (1999) *Tyur'my, lagerya i kolonii Rossii* [Prisons, camps and colonies of Russia]. Moscow: Verdikt-IM.
7. *Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii*. (1923) 42. pp. 975–977.
8. All-Russian Congress of Penitentiary Workers. (1923) *Vserossiyskiy s"ezd rabotnikov penitentsiarnogo dela v Moskve 18–24 oktyabrya 1923 goda. Stenograficheskiy otchet* [All-Russian Congress of Penitentiary Workers in Moscow. 18–24 October 1923. Verbatim report]. Moscow.
9. *Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii*. (1924) 12–13.
10. Archive of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Azerbaijan. Fund 27. File 127. Page 230. Year 1926. (In Russian).
11. Consultant Plus. (2023) *Decree of the All-Russian Central Executive Committee of October 16, 1924, "On the Approval of the Correctional Labor Code of the R.S.F.S.R."*. (In Russian).

Информация об авторах:

Кузьмин С.И. – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России; профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД РФ имени В.Я. Кикотя (Москва, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Чуканова Е.С. – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (Москва, Россия). E-mail: Evgeniya.rybina@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.I. Kuzmin, Dr. Sci. (Law), professor, chief research fellow of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

E.S. Chukanova, Cand. Sci. (Law), associate professor, deputy head of the Department of Criminal Law and Criminology, Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: Evgeniya.rybina@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.*

*The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.*